Ю. В. Арсеньевъ.

Геральдика.

ЛЕКЦІИ,

читанныя въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ въ $190^{7}/_{8}$ году.

Печатня А.И.Снегиревой Москва. 9
1908.

Печатано по постановленію Совѣта Московскаго Археологическаго Института.
Директоръ Института *Александръ Успенскій*.

Содержаніе лекцій.

Чаеть общая.

Стр.

I. Предметъ геральдики, какъ научной дисциплины, ея связь съ сфрагистикой и различіе отъ послѣдней. Значеніе ея для исторіи культуры. Общее понятіе о символахъ и отличительныхъ знакахъ въ бытѣ народовъ. Тотемизмъ. Тамги у азіатскихъ народовъ. Символы у народовъ древности. Древніе отличительные знаки на оружіи и знаменахъ. Система отличительныхъ знаковъ въ Византіи. Символическіе знаки у народовъ Западной Европы въ Средніе вѣка. Существенное различіе отличительныхъ знаковъ древности отъ средневѣковыхъ гербовъ. Гербъ, какъ продуктъ средневѣковой христіанской культуры. Соотвѣтствіе герба съ художественнымъ стилемъ различныхъ эпохъ. . . . . 1—17

II. Начало геральдики въ Средніе вѣка и причины, вызвавшія ея появленіе у народовъ Западной Европы. Не научныя предположенія о существованіи геральдики въ древнѣйшія времена. Потребность въ гербахъ, вызванная характеромъ рыцарскаго вооруженія. Переходъ отличительныхъ знаковъ въ наслѣдственные гербы. Вліяніе крестовыхъ походовъ на распространеніе гербовъ. Появленіе гербовъ на средневѣковыхъ печатяхъ. Городскіе гербы. Вліяніе сношенія Западной Европы съ Востокомъ на развитіе геральдики. Венеція. 17—30

III. Развитіе геральдики, какъ спеціальнаго знанія. Происхожденіе названій: „геральдика“ и „блазонъ“. Геральдическій языкъ. Средневѣковые герольды. Ихъ прототипы въ классической древности.

Стр.

Обязанности средневѣковыхъ герольдовъ и ихъ организація въ Германіи, Англіи и Франціи. Спеціальныя сочиненія, написанныя герольдами. Позднѣйшія учрежденія по геральдіи въ западно-европейскихъ государствахъ. Геральдика, какъ спеціальная наука. Начало государственной геральдики въ Россіи и появленіе частныхъ гербовъ въ XVII вѣкѣ. . . . . 30—46

IV. Связь геральдики съ исторіей дворянства въ европейскихъ государствахъ. Главнѣйшія отличительныя черты развитія феодальнаго дворянства во Франціи, Германіи, Англіи, Италіи и Испаніи. . . 46—59

V. Рыцарство и причины, вызвавшія его появленіе. Рыцарская служба. Духовные рыцарскіе ордена въ Средніе вѣка и историческія свѣдѣнія о нихъ. Рыцарскіе ордена свѣтскаго характера. Внутренняя организація и бытъ рыцарства Западной Европы. 59—70

VI. Вліяніе рыцарскихъ обычаевъ и турнировъ на развитіе геральдики. Происхожденіе турнировъ и распространеніе ихъ въ Западной Европѣ. Турнирныя общества въ Германіи. Обычаи, соблюдавшіеся при турнирахъ. Причины, вызвавшія ихъ запрещеніе. . 70—85

VII. Эпоха расцвѣта рыцарской геральдики въ западной Европѣ и распространеніе геральдическаго вкуса въ искусствѣ и бытѣ. Вліяніе геральдики на костюмъ. Геральдическія эмблемы корпорацій, цѣховъ и пр. Распространеніе гербовыхъ печатей и окончательно выработавшійся типъ наслѣдственнаго герба. Домовые знаки [*Hausmarken*]. Гербы на монетахъ и жетонахъ. Усиленное распространеніе гербовъ во Франціи въ XVII вѣкѣ. Примѣненіе геральдики въ зодчествѣ и другихъ прикладныхъ искусствахъ. Геральдическія украшенія надгробныхъ памятниковъ. Обычай „погребенія герба“ на Западѣ.

Значеніе геральдики при изученіи исторіи и другихъ ея вспомогательныхъ дисциплинъ. Важность знанія геральдики для прикладнаго искусства. . . 85—100

Теоретическая геральдика.

Стр.

VIII. Опредѣленіе понятія о гербѣ и составныхъ частяхъ его. Подраздѣленіе гербовъ по ихъ принадлежности и по нѣкоторымъ особымъ признакамъ.

Научное подраздѣленіе геральдики. Понятіе о спеціальной литературѣ ея въ различныхъ странахъ Европы. Источники для изученія геральдики по ея памятникамъ. Раздѣленіе исторіи геральдики на періоды. 100—117

IX. Геральдическій щитъ. Формы щита у различныхъ народовъ древности. Средневѣковые щиты. Геральдическія формы щитовъ и сохранившіяся ихъ образцы . . . . . 118—127

X. Геральдическіе цвѣта (или финифти) и металлы. Символика ихъ. Различныя системы обозначенія геральдическихъ цвѣтовъ и металловъ посредствомъ штриховки. Геральдическіе мѣха и ихъ происхожденіе. . . . . 127—139

XI. Гербовыя фигуры, ихъ раздѣленіе на геральдическія и обыкновенныя. Различіе геральдическихъ фигуръ отъ дѣленій, или сѣченій. Дѣленіе геральдическаго щита. Геральдическое обозначеніе сторонъ, правой и лѣвой. Фигуры дѣленій и ихъ разновидности. 139—150

XII. Раздѣленіе геральдическихъ фигуръ на фигуры 1-го и 2-го порядка. Описаніе этихъ фигуръ. 151—164

XIII. Обыкновенныя (негеральдическія фигуры). Подраздѣленіе ихъ на естественныя и искусственныя. Описаніе главнѣйшихъ типовъ естественныхъ фигуръ. 164—186

XIV. Описаніе главнѣйшихъ типовъ искусственныхъ фигуръ. . . . . 186—205

XV. Геральдическій шлемъ. Различныя формы средневѣковыхъ шлемовъ. Геральдическія формы шлема. Различныя системы изображенія шлемовъ для обозначенія сана и достоинства. . . . . 205—213

XVI. Нашлемникъ, или шлемовый клейнодъ. Его происхожденіе. Главныя формы клейнода и способъ его изображенія. Шлемовый намётъ и его развитіе въ гербахъ. . . . . 213—226

Стр.

XVII. Геральдическіе знаки достоинствъ и званій: короны, головные уборы, отличительные знаки званій и орденскіе знаки. Описаніе главнѣйшихъ типовъ коронъ различныхъ государствъ и степеней и дворянства . . . . . 226—239

XVIII. Геральдическіе придаточные знаки роскоши. Щитодержатели. Мантія и сѣнь. Девизы. . 240—248

XIX. Различительные знаки особаго рода, или добавленія (brisures) . . . . . 249—253

XX. Составные гербы и способы соединенія гербовъ. Порядокъ описанія гербовъ, или блазонированіе. . . . . 253—260

XXI. Особенности геральдики въ различныхъ странахъ на Западѣ. Польская геральдика, ея особый характеръ и вліяніе на русскую. . . . . 260—279

XXII. Начала геральдики въ Россіи и ея составные элементы. Заключеніе . . . . . 279—295

I.

Со временъ такъ называемой эпохи умственнаго просвѣщенія, конца XVIII-го столѣтія и до нашихъ дней нерѣдко слышались и еще слышатся голоса, заявляющіе, что занятія геральдикой и сфрагистикой, а равно и генеалогіей не могутъ имѣть никакого научнаго значенія и являются лишь безполезною тратою времени. Причина подобныхъ ошибочныхъ сужденій заключается въ томъ, что въ область чистой науки переносятся личныя политическія воззрѣнія. При этомъ совершенно забываютъ, что для правильнаго разрѣшенія научныхъ вопросовъ необходимо строго остерегаться какой-либо тенденціи, или предвзятыхъ взглядовъ.

Еще весьма недавно научное понятіе объ „исторіи“ ограничивалось одною лишь „политическою“ ея частію, при чемъ совсѣмъ не обращалось вниманія на ея археологическое значеніе, на изученіе спеціально историческихъ вопросовъ и мѣстныхъ бытовыхъ условій. Понятіе о *культурной исторіи* долгое время совершенно отсутствовало въ наукѣ.

Между тѣмъ исторія, по словамъ Спенсера, имѣетъ право на свое значеніе именно какъ наука, непосредственно относящаяся къ жизни общества. Даже элементарные факты политической исторіи, говоритъ онъ, суть вопросы такого рода, которые требуется разрѣшить прежде, чѣмъ можно будетъ составить какія-нибудь правильныя заключенія о развитіи политическихъ учрежденій. По отношенію къ изслѣдованію о человѣческомъ обществѣ, замѣчаетъ Майръ, особенно оправдывается афоризмъ, что все существующее заслуживаетъ изученія. Вспомнимъ извѣстное изреченіе римскаго писателя Теренція: „Homo sum, humani nihil a me alienum puto“.

Такъ-какъ для человѣческаго ума не существуетъ болѣе важнаго объекта для познаванія, какъ изученіе самого себя, то и всякое явленіе человѣческой культуры безусловно представляетъ научный интересъ, ибо культура и выражаетъ собою развитіе человѣческаго духа въ предѣлахъ народности и другихъ историческихъ условій.

Итакъ, изученіе гербовъ и печатей, составляя часть культурной исторіи, не можетъ быть маловажнымъ, а тѣмъ болѣе безполезнымъ. Отсюда очевидно, что посвященныя этому изученію, геральдика—наука о гербахъ, и сфрагистика—наука о печатяхъ, получаютъ совершенно опредѣленное мѣсто въ ряду вспомогательныхъ историческихъ знаній, или дисциплинъ, и служа необходимыми вспомогательными средствами при изученіи историческихъ памятниковъ, даютъ весьма важное пособіе, какъ для исторіи, такъ и для археологіи.

Но между геральдикой и сфрагистикой, какъ ни тѣсно связаны между собою эти двѣ родственныя дисциплины, имѣется однако рѣзкое и существенное различіе, на которое слѣдуетъ обратить ваше вниманіе.

Въ то время, какъ сфрагистика, или ученіе о печатяхъ, тѣсно связанная по своему назначенію съ дипломатикой, составляетъ часть всеобщей международной культурной исторіи, геральдика, или ученіе о гербахъ, принадлежитъ къ болѣе ограниченной области христіанской культуры, исключительно европейскихъ народовъ.

Гербы являются продуктомъ христіанской эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ европейской средневѣковой культуры, хотя въ основаніе ихъ развитія и могли войти, какъ элементы, нѣкоторые пережитки быта и вѣрованій народовъ древняго міра, а впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, ими восприняты были и новые образы, занесенные въ Западную Европу преимущественно съ Востока.

Чтобы убѣдиться въ вѣрности этого положенія, намъ прежде всего необходимо остановиться на вопросѣ *о символахъ* или *отличительныхъ знакахъ*, какъ они примѣнялись въ бытовой жизни различныхъ народовъ въ разныя историческія времена.

Обычай, заключающійся въ томъ, что извѣстный символъ,

преимущественно изображеніе какого-либо животнаго, или растенія, принимается какъ отличительный знакъ отдѣльной личности, рода или цѣлаго племени, распространенъ по всему свѣту, преимущественно у первобытныхъ народовъ и можетъ быть признанъ общечеловѣческимъ. Основаніе этого обычая религіозное и онъ представляетъ въ этомъ отношеніи извѣстнаго рода натурализмъ, т. е. обоготвореніе силъ природы, но въ болѣе ограниченной формѣ, относящейся къ отдѣльнымъ ея явленіямъ. Но онъ является также и правовымъ, встрѣчающимся у весьма многихъ народовъ, и извѣстенъ въ этнографіи подъ названіемъ *тотемизма* (отъ слова—*totem* на языкѣ краснокожихъ индѣйцевъ Сѣверной Америки, означающаго—отличительный знакъ).

Тотемизмъ, который мы еще встрѣчаемъ въ полномъ развитіи и въ настоящее время у Индѣйскихъ племенъ и у Австралійскихъ дикарей, (у которыхъ онъ называется *Kobong*), состоитъ въ принятіи отдѣльнымъ семействомъ, или племенемъ извѣстнаго животнаго, или растенія своимъ символомъ. Изображеніе послѣдняго носится всѣми членами семьи, или племени на тѣлѣ, въ видѣ татуировки; украшенія также заимствуются отъ того-же животнаго, или растенія, причемъ первое иногда признается даже родоначальникомъ племени. Такой *тотемъ* имѣетъ важное значеніе при религіозномъ культѣ: отношеніе между извѣстнымъ родомъ и его тотемомъ не дозволяетъ убивать избраннаго животнаго и уничтожать извѣстнаго растенія. Имѣющіе общаго *тотема* не могутъ заключать между собою брачныхъ союзовъ.

Какъ другой примѣръ подобныхъ отличительныхъ знаковъ рода, или отдѣльной семьи мы укажемъ на такъ называемыя *тамги*, встрѣчающіяся у народовъ сѣверной Азіи, тюркскаго и монгольскаго происхожденія. Это обыкновенно изображеніе какого-нибудь звѣря, птицы или оружія. Каждое племя имѣетъ свою подобную тамгу, изображаетъ ее на своихъ знаменахъ и значкахъ и выжигаетъ на лошадяхъ, рогатомъ скотѣ, а иногда и на своемъ тѣлѣ. Таковы, напримѣръ, тамги у Киргизъ. Тамга, по мнѣнію Харузина, не есть знакъ собственности, а знакъ родовой. Каждый родъ у Киргизъ Букеевской орды, по словамъ этого

изслѣдователя, имѣетъ свою тамгу, хотя за послѣднее время появляются самостоятельныя тамги и у отдѣленій; рода: Султанскій, Ходеринскій и Теленгутовъ имѣютъ одну общую тамгу, родъ Ногаевъ имѣетъ 6 тамговъ. Тамга обыкновенно выжигается у Киргизъ на лѣвой ляжкѣ лошади; на рогатый скотъ, барановъ, верблюдовъ, на кибитку или на другое движимое имущество она не кладется. Киргизъ ставитъ также свою тамгу, вмѣсто подписи, на офиціальныхъ бумагахъ. Другой изслѣдователь этнографіи Киргизъ, М. Иванинъ дѣлаетъ слѣдующее интересное предположеніе о значеніи тамговъ. Онъ пишетъ: „судя по тамгамъ, или печатямъ, означающимъ до настоящаго времени родовое отличіе у многихъ кочевыхъ племенъ Средней Азіи, прикладываемымъ къ бумагамъ, вмѣсто подписи, и изображающимъ копье, мечъ, стрѣлу, лукъ и проч., можно полагать, что тамги эти выражали или родъ оружія, которымъ были вооружены полки или отряды хановъ потомства Чингисъ-хана, или выражали родъ службы и занятій разныхъ киргизскихъ племенъ“. Дѣйствительно, глядя на тамги, мы можемъ во многихъ изъ нихъ безъ труда усмотрѣть изображеніе, (хотя и грубое), того или другаго оружія. У Киргизъ существуетъ преданіе, что тамги отдѣльнымъ родамъ были даны самимъ Чингисъ-ханомъ вмѣстѣ съ назначеннымъ каждому роду *ураномъ*, т.-е. боевымъ крикомъ — (cri de guerre у западныхъ народовъ). Еще недавно, по словамъ Харузина, каждый родъ у Киргизъ, имѣлъ свой уранъ и примѣнялъ его въ бою. По словамъ Левшина и Гебеля, каждый родъ у нихъ въ прежнее время различался также отъ другихъ знаменами, значками и цвѣтомъ башлыковъ.

Мы остановились на этихъ родовыхъ отличительныхъ знакахъ азіатскихъ народовъ съ нѣкоторою подробностью, такъ-какъ, кромѣ ихъ общаго значенія при изученію геральдики, они представляютъ для насъ спеціальный интересъ, служа элементомъ нѣкоторыхъ нашихъ гербовъ, принадлежащихъ фамиліямъ инородческаго происхожденія.

Переходя къ всеобщей исторіи человѣчества, мы видимъ, что отличительные знаки въ видѣ извѣстныхъ символовъ, употреблялись съ незапамятныхъ временъ для различенія отдѣль-

ныхъ лицъ, или сообществъ и даже цѣлыхъ странъ, какъ на войнѣ, такъ и въ частной жизни. Такіе знаки встрѣчаются уже въ глубокой древности у народовъ Востока и Запада, въ особенности же у Египтянъ, Грековъ и Римлянъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленные памятники ихъ искусства, письменности и быта. Такими символами пользовались прежде всего лица, отличавшіяся отъ другихъ какими-либо особыми превосходными качествами или положеніемъ, какъ, напримѣръ, герои, цари, полководцы и т. под. Они служили еще и средствомъ къ увѣковѣченію какого-либо дѣянія, подвига или событія изъ жизни извѣстнаго лица. Иногда знаки эти представляли олицетвореніе нравственной эмблемы въ образѣ животныхъ, растеній и т. под. Уже Гомеръ, Виргилій и Плиній, говорятъ объ изображеніяхъ на щитахъ героевъ осады Трои. Эсхилъ въ „Походѣ семи противъ Ѳивъ“ также даетъ поэтическое описаніе эмблемъ на щитахъ сражающихся. Филостратъ упоминаетъ о золотомъ орлѣ, какъ о символѣ персидскихъ царей и въ томъ числѣ Кира, что подтверждаетъ и Ксенофонтъ въ своей Киропедіи. Греческіе историческіе писатели описываютъ отличительные боевые знаки также и другихъ персидскихъ царей: Камбиза, Дарія и Ксеркса. Напомнимъ, наконецъ, о символахъ нѣкоторыхъ народовъ древности, какъ напр. льва — колѣна Іудова, голубя — Ассиріи, сову — Аѳинской республики и о многочисленныхъ символахъ на памятникахъ Египта, *) которые достаточно извѣстны.

Изображенія на щитѣ, а затѣмъ и на шлемѣ, въ древности не составляли какого-либо исключенія, но были во всеобщемъ употребленіи: почти всѣ шлемы и щиты того времени имѣютъ ихъ. Такъ напр. мы встрѣчаемъ изображеніе морского коня — на шлемѣ Александра Македонскаго, льва — на шлемѣ Ахиллеса, пса — на шлемѣ Массиниссы, орла — на шлемѣ Каракаллы. Но подобныя изображенія не служили отличительнымъ признакомъ рода и были личными, передаваясь лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

*) Между послѣдними мы встрѣчаемъ напр. символическіе знаки отдѣльныхъ провинцій верхняго Египта, которые носились на длинныхъ древкахъ во время торжественныхъ церемоній (см. *Erman* Aegypten u. aegyptisches Leben im Alterthum. I 36).

Примѣръ такой передачи встрѣчаемъ у Овидія, который повѣствуетъ, что царь Эгей узналъ своего сына Тезея по родовымъ знакамъ на эфесѣ его меча. Другой единичный примѣръ *наслѣдственной* эмблемы можно указать изъ Римской исторіи: потомки римскаго полководца Валерія Корва носили на шлемахъ изображеніе ворона (corvus) въ память необычной побѣды, одержанной, по преданію, ихъ предкомъ при помощи этой птицы, хотя она и считалась предзнаменованіемъ несчастія. Вообще римскіе полководцы изображали нерѣдко на своихъ вооруженіяхъ эмблемы, свидѣтельствовавшія о совершенныхъ ими подвигахъ; но украшенія эти имѣли случайный и произвольный характеръ и не подчинялись никакимъ правиламъ, въ чемъ и заключается ихъ главнѣйшее отличіе отъ наслѣдственнаго герба Среднихъ вѣковъ.

По свидѣтельству Тацита, древніе Германцы окрашивали свои боевые щиты для различія въ разные цвѣта: „scuta lectissimis coloribus distinguunt“, пишетъ онъ въ своей „Германіи“. Также и римскіе легіоны имѣли на своихъ щитахъ изображенія, которыми когорты различались между собою и отъ каковыхъ получали иногда названія. Особыми изображеніями украшались также и римскія знамена, называвшіяся *vexilla*, кромѣ того, въ римскихъ войскахъ существовали особые значки (signa) для различенія легіоновъ и когортъ, состоявшіе изъ фигуръ различныхъ животныхъ, напр. орла, волчицы, льва, минотавра, коня, вепря и т. под., водруженныхъ на длинныхъ древкахъ: въ бою они носились впереди войска. Фигуры эти большею частью имѣли какое-либо отношеніе къ исторіи вѣчнаго города. На границѣ христіанской эпохи мы, наконецъ, встрѣчаемъ извѣстный „*labarum*“ Константина Великаго, увѣнчанный крестомъ, который замѣнилъ языческія символы и доставилъ ему побѣду надъ Максентіемъ.

Въ эпоху паденія Римской имперіи и въ послѣдующія времена система отличительныхъ знаковъ и символовъ, вошедшая въ обычай у Римлянъ, не могла развиваться въ прежнемъ направленіи, вслѣдствіе нарушенія всѣхъ установившихся общественныхъ отношеній при нашествіи варваровъ. Употребленіе такихъ

отличій, однако, стало развиваться на новыхъ началахъ при христіанскихъ императорахъ. При Аркадіи и Гоноріѣ, въ началѣ V-го вѣка по Р. Х., когда въ Западной Римской Имперіи уже утверждалось владычество Готовъ, Свевовъ, Вандаловъ и Алановъ и начиналось усиленіе Франковъ, система отличительныхъ знаковъ стала вновь примѣняться въ императорскихъ войскахъ, а также и при дворѣ греческихъ императоровъ, отличавшемся необыкновенною пышностью и великолѣпіемъ. Какъ о томъ свидѣтельствуетъ современное сочиненіе: „Notitia utraque digni. tatum et administrationum in partibus Orientis et Occidentis“, эти отличія присвоивались между прочимъ многочисленнымъ придворнымъ и государственнымъ сановникамъ Византіи, которые различались между собою въ чинахъ и должностяхъ внѣшними признаками. Они получали на свое званіе отъ императора особый дипломъ или грамату (codicilli dignitatis), въ которой находилось изображеніе присвоеннаго ихъ достоинству отличительнаго знака (insigne, signum), что представляетъ нѣкоторое сходство съ дворянскими граматами съ пожалованіемъ герба.

Обращаясь наконецъ къ другимъ народамъ Западной Европы, начинавшимъ въ эти времена свою историческую жизнь, мы встрѣчаемъ нѣкоторые символы и отличительные знаки, хотя впрочемъ въ весьма незначительномъ развитіи, у Готовъ (полумѣсяцъ, крестъ), Франковъ (крестъ надъ кругомъ), Лонгобардовъ (также крестъ), Англовъ (кресты различныхъ формъ, въ сопровожденіи птицъ, шаровъ и т. д.; также драконъ), Саксовъ (черный конь Виттекинда, который послѣдній, по принятіи христіанства, измѣнилъ на бѣлаго; также левъ и роза), Датчанъ (воронъ, различные кресты) и Норманновъ. Объ этихъ послѣднихъ монахъ Аббонъ, очевидецъ осады Парижа Норманнами въ 886 году, упоминаетъ въ своей поэмѣ, посвященной этому событію, говоря, что у нихъ имѣлись щиты, окрашенные въ самые яркіе отличительные цвѣта*) Подобную же отличительную окраску Норманны давали также и своимъ кораблямъ.

*) Въ одной поэмѣ Ермольда Чернаго (Nigellus), относящейся въ 815 году, Норманскій вождь даетъ слѣдующій отвѣтъ посланцу короля Людовика Добродушнаго: „я имѣю *раскрашенные* щиты, если ты имѣешь *бѣлые*.“.

Хотя, во всѣхъ приведенныхъ нами здѣсь примѣрахъ символовъ или отличительныхъ знаковъ у древнихъ и первобытныхъ народовъ мы и встрѣчаемъ нѣкоторыя черты сходства съ средневѣковымъ обычаемъ изображеній и отличительныхъ знаковъ на щитѣ и шлемѣ, но это не даетъ намъ права говорить о какой-либо геральдикѣ первобытныхъ или древнихъ народовъ до-христіанской эпохи.

Геральдику можно опредѣлить простѣйшимъ образомъ, какъ ученіе о гербахъ, а мы увидимъ, что существенную и необходимую часть всякаго герба составляетъ украшенный изображеніемъ или цвѣтомъ *щитъ* и дополняющій этотъ послѣдній *шлемъ* съ его аттрибутами. Слѣдовательно, вполнѣ ясно, что гербъ является произведеніемъ эпохи рыцарства, продуктомъ крестовыхъ походовъ и турнировъ, однимъ словомъ, Среднихъ вѣковъ.

Поэтому гербъ мыслимъ геральдически только въ опредѣленныхъ формахъ извѣстнаго стиля: гербъ въ древнеегипетскомъ, или дорійскомъ стилѣ являлся бы безсмыслицей.

Геральдикѣ свойственны только два стиля: *готическій* и стиль *эпохи Возрожденія*. Эпоха стиля *Рококо*, хотя таковой и встрѣчается въ гербахъ, совпадаетъ уже съ временемъ упадка геральдики. Впрочемъ, мы встрѣчаемъ характерныя особенности стиля не только въ геральдикѣ различныхъ эпохъ, но и въ предѣлахъ одной и той-же эпохи въ ней можно усмотрѣть существенныя различія, свойственныя той или другой странѣ, гдѣ она получила развитіе. Такъ, напримѣръ, мы можемъ замѣтить національныя особенности въ геральдической *готикѣ* Англіи, Франціи, Испаніи и Германіи. На этотъ интересный и важный для исторіи искусства вопросъ, къ сожалѣнію, еще слишкомъ мало обращено было вниманія при геральдическихъ изслѣдованіяхъ.

Стремленіе средневѣковыхъ ученыхъ придавать всему таинственное и отдаленнѣйшее происхожденіе вовлекло первыхъ изслѣдователей науки о гербахъ въ самыя невѣроятныя предположенія. Такъ французъ *Фавенъ* (1620 г.) относилъ начало геральдики къ первымъ временамъ человѣчества и баснословилъ,

будто потомки Сиѳа, желая отличаться отъ сыновъ Каина, изображали на своихъ щитахъ различные предметы животнаго и растительнаго царства, тогда какъ послѣдніе избирали себѣ для той же цѣли предметы искусственные. *Сегуэнъ* (1648 г.) приписывалъ изображеніе гербовъ сыновьямъ Ноя, ссылаясь на какіе-то сомнительныя апокрифическіе источники. Нашлись и такіе фантазеры, которые изобрѣтали гербы для Адама, пророковъ, ветхозавѣтныхъ патріарховъ и еврейскихъ царей. Другіе, читая въ книгѣ Числъ, что Евреи по выходѣ изъ Египта разбивали свой лагерь по племенамъ и семействамъ, различавшимся своими значками и знаменами, заключали отсюда, что 12 колѣнъ Израиля изображали на послѣднихъ знаки зодіака, каковые и сочли гербами ихъ; или же, основываясь на апокрифическомъ предсказаніи патріарха Іакова сыновьямъ, утверждали, что каждый изъ нихъ избралъ себѣ гербъ сообразно съ тѣмъ, что ожидало его въ будущемъ. Такъ Іуда принялъ изображеніе льва, Завулонъ—якоря, Иссахаръ—осла, Гадъ — воина, Данъ — змѣи, Симеонъ—меча, Веніаминъ—волка и т. д. — Любопытно, что это извѣстіе объ отличительныхъ знакахъ библейскихъ патріарховъ проникло съ Запада и къ намъ и встрѣчается въ одной рукописи XVII вѣка съ приложеніемъ соотвѣтственныхъ изображеній, (изд. А. И. Успенскимъ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. М. 1904, подъ заглавіемъ „Писаніе о зачинаніи знакъ и знаменъ, или прапоровъ“). Геральдистъ XVI-го вѣка *де-Бара* нашелъ возможнымъ дать описаніе гербовъ Немврода, Геркулеса, Семирамиды и т. под. Къ менѣе фантастичнымъ толкователямъ эмблемъ и отличій древности принадлежитъ аббатъ *Монэ* (1631 г.), доказывавшій, что истинное начало гербовъ и отличительной окраски щитовъ и оружія относится къ эпохѣ римскаго императора Октавія Августа, преемники котораго распространили этотъ обычай, перешедшій затѣмъ въ Галлію и другія страны, покоренныя Римомъ. Такое мнѣніе, какъ мы видѣли, вполнѣ пріемлемо по отношенію къ эмблемамъ и отличіямъ, существовавшимъ у древнихъ, но оно ошибочно въ стремленіи искать у Римлянъ какую-либо систематически выработанную геральдику.

Извѣстный французскій геральдистъ XVII вѣка *Менестріэ*,

который признается отцомъ геральдики, въ своей книгѣ о происхожденіи гербовъ (Origine des armoiries, изд. въ 1650 г.), начинаетъ ее съ перечисленія различныхъ авторовъ, писавшихъ до него по этому предмету. Онъ насчитываетъ таковыхъ 18 и безъ труда обнаруживаетъ, что ни одинъ изъ нихъ не стоялъ на почвѣ исторической правды. „Изъ столь разнообразныхъ мнѣній, говоритъ онъ, можно сдѣлать лишь одинъ выводъ: что съ незапамятныхъ временъ существовали эмблемы и девизы, чтобы различаться и узнавать другъ друга, но что таковые въ эти первобытныя времена никогда не являлись *наслѣдственными* знаками благороднаго происхожденія, установленными на основаніи точно опредѣленныхъ правилъ геральдики, какъ это существуетъ въ наше время“. Такое заключеніе является, какъ мы видѣли, вполнѣ справедливымъ, а также достовѣрно и то, что Египтяне, а позднѣе Евреи, заимствовавшіе нѣкоторые египетскіе обычаи, различали другъ друга во время своихъ кочеваній и походовъ посредствомъ знаковъ, изображенныхъ на шатрахъ, знаменахъ и щитахъ. Этотъ обычай, слѣдовательно, существовалъ на Востокѣ съ древнѣйшихъ временъ, прежде чѣмъ установленъ былъ какими-либо писанными узаконеніями.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вполнѣ достовѣрное начало геральдики у христіанскихъ народовъ Европы должно быть отнесено ко времени крестовыхъ походовъ и расцвѣта рыцарства, т. е. къ концу XI-го, или, вѣрнѣе, къ XII-му столѣтію. Только лишь съ этихъ поръ употребленіе гербовъ стало входить въ обычай почти во всей Европѣ, въ особенности благодаря крестовымъ походамъ, а также вслѣдствіе развитія феодальной системы съ присущими этой послѣдней разрядами владѣтелей крупныхъ и мелкихъ леновъ и ихъ вассаловъ. Въ это время явился обычай присоединять къ личнымъ именамъ еще фамильныя прозвища и названія земельныхъ владѣній, что не мало повліяло на распространеніе гербовъ, которые уже съ XII-го вѣка стали жаловаться королями и владѣтельными князьями также въ видѣ отличій. При этомъ у каждаго народа гербы получали своеобразный національный отпечатокъ.

Германскіе народы, вторгаясь въ чужую землю, прежде

всего заботились о захватѣ земельной собственности. Поэтому раздѣлъ пріобрѣтенный оружіемъ земли являлся первымъ слѣдствіемъ побѣды и завоеванія. Вождь избиралъ себѣ лучшій участокъ, а остальные дѣлились между его боевыми товарищами. Послѣдніе могли на полученной землѣ селить разныхъ лицъ, подчиненныхъ имъ и обязанныхъ, въ случаѣ похода или междоусобія, являться къ своему владѣльцу для его защиты. Когда же самимъ владѣльцамъ участковъ приходилось собираться по зову верховнаго вождя, то они вынуждены были употреблять отличительные знаки, называвшіеся у французскихъ феодаловъ *connaissances* или *entresains*. Эти отличительные знаки помѣщались на вооруженіи и знаменахъ и были необходимы не только для различенія благородныхъ отъ *roturiers*—подвластныхъ, но и для того, чтобы можно было распознавать отъ другихъ главнаго представителя вассальнаго участка.

Въ средневѣковыхъ хроникахъ встрѣчаются кое-гдѣ упоминанія о такихъ отличительныхъ знакахъ или *connaissances*. Но въ эпоху, когда мы ихъ впервые встрѣчаемъ, знаки эти, еще въ то время весьма несложные, не служили еще для образованія особаго рода сочетаній, сдѣлавшихся впослѣдствіи исключительною принадлежностью того или другаго семейства и легшихъ въ основаніе правилъ геральдической науки. Они были въ это время въ нѣкоторомъ смыслѣ общимъ достояніемъ, и каждый могъ присваивать ихъ себѣ по собственному желанію и вкусу. Іоаннъ де Гарландъ, написавшій любопытное описаніе города Парижа около 1280 года, сообщаетъ, что купцы, торговавшіе боевыми щитами и снабжавшіе своимъ товаромъ всѣ города Франціи, продавали ихъ рыцарямъ покрытыми сверху холстомъ, кожею или золотою мастикою, на которыхъ изображались въ краскахъ львы и лиліи.

Во всей Европѣ въ Средніе вѣка люди, достаточно богатые для того, чтобы не имѣть надобности работать, составляютъ привилегированный классъ, строго отдѣленный отъ остальной части общества. Въ этомъ высшемъ классѣ всѣ, исключая духовныхъ лицъ,—воины по профессіи.

Уже Карлъ Великій обязалъ всѣхъ свободныхъ людей своей

имперіи носить оружіе. Необходимость защищать себя, склонность къ приключеніямъ и предрасположеніе въ пользу воинской жизни привели во всей Европѣ къ образованію военной аристократіи. Такъ какъ свѣтскіе люди считали военную службу единственнымъ почетнымъ образомъ жизни, то каждый и стремился къ ней. Первымъ условіемъ для этого была возможность вооружиться на свой счетъ. Начиная съ IX-го вѣка, сражались исключительно на лошадяхъ: поэтому средневѣковой воинъ назывался во Франціи — *chevalier*, на югѣ — *caver*, въ Испаніи — *caballéro*, въ Германіи—*ritter*. Въ латинскихъ текстахъ названіе воина—*miles* сдѣлалось синонимомъ рыцаря.

Во всей Европѣ война велась однимъ и тѣмъ же способомъ и воины вооружены были почти одинаково. Впрочемъ, одежда и снаряженіе рыцаря существенно измѣнялись въ различныя эпохи.

Еще римская конница имѣла вооруженіемъ панцырь, состоявшій изъ металлической чешуи, нашитой на кожаную одежду; по примѣру Римлянъ, Готы, Алланы, Франки и другія варварскія племена стали носить такое же вооруженіе. Таковымъ же оно оставалось въ Европѣ почти до конца XI-го вѣка. Но позднѣе этотъ первобытный панцырь повсюду вытѣсняетъ кольчуга—рубашка изъ металлическихъ колецъ съ рукавицами и капюшономъ и съ прорѣзомъ сверху, такъ что ее можно было одѣвать, какъ рубаху. На Байёсскомъ коврѣ (tapisserie de Bayeux), сдѣланномъ чрезъ нѣсколько нѣсколько лѣтъ послѣ завоеванія Англіи Норманнами (1066 г.), большинство рыцарей изображены еще въ чешуйчатыхъ доспѣхахъ, но на нѣкоторыхъ мы видимъ уже кольчуги. Во время крестовыхъ походовъ первыя встрѣчи рыцарей Западной Европы съ сарацинскою конницей, носившей исключительно легкія кольчуги, еще болѣе повліяли на распространеніе этой послѣдней. Она называлась на Западѣ *haubert* и первоначально доходила до ступней; когда ее укоротили до колѣнъ, то ноги, для защиты, стали закрывать чулками изъ колецъ, къ которымъ прикрѣплялись шпоры. Во время битвы рыцарь одѣвалъ на голову, сверхъ капюшона, шлемъ — стальную шапку конической формы, кончавшуюся металлическимъ навершьемъ

(*cimier*). Шлемъ былъ снабженъ стальною пластинкою (*nasal*), защищавшею носъ, и привязывался къ кольчугѣ ремнями.

Съ теченіемъ времени кольчуга постепенно подкрѣплялась желѣзными пластинами на мѣстахъ наиболѣе подверженныхъ ударамъ противника. Съ конца XIV-го вѣка эти отдѣльныя пластины начинаютъ постепенно покрывать всю кольчугу и соединяются въ полный доспѣхъ. Что же касается шлема, то онъ превращается въ совершенно закрывающій лицо уже съ половины XII-го вѣка. Рукавицы изъ колецъ защищали руки, а заостренные башмаки изъ стали — ноги рыцаря. Тяжелая массивность этого вооруженія нѣсколько оживлялась яркою окраскою щита, висѣвшаго на шеѣ на широкомъ ремнѣ, и вышивкою на туникѣ (cotte d'armes, surcot), опушенной мѣхомъ, которая надѣвалась сверхъ кольчуги. Въ такомъ вооруженіи сражались герои крестовыхъ походовъ, Готфридъ Бульонскій и Танкредъ. Именно на щитахъ и туникахъ стали рыцари въ то время изображать свои наслѣдственныя эмблемы или гербы. Наступательнымъ оружіемъ ихъ былъ мечъ (brane, schwert), обыкновенно широкій и короткій, съ плоскою рукояткой, и копье съ длиннымъ и тонкимъ древкомъ изъ ясеня или граба, кончавшееся желѣзнымъ наконечникомъ; къ послѣднему прикрѣплялась узкая полоса матеріи (gonfanon—значекъ), которая развѣвалась по вѣтру.

Одѣтый и вооруженный такимъ образомъ, рыцарь былъ почти неуязвимъ, и съ теченіемъ времени вооруженіе все болѣе совершенствовалось, дѣлая воина похожимъ на живую крѣпость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ становится настолько тяжелымъ, что для битвы ему нужна особаго рода лошадь. Рыцарь имѣетъ при себѣ двухъ коней: обыкновеннаго (*palefroi*) — для ѣзды, и боеваго (destrier), котораго ведетъ подъ уздцы слуга. Кони рыцарей сначала были совершенно лишены броневой защиты, но послѣ того какъ въ битвѣ при Дорилеумѣ (1097 г.) и въ другихъ сраженіяхъ крестоносцевъ съ Сарацинами, стрѣлы послѣднихъ производили страшныя опустошенія въ ихъ рядахъ, поражая коней цѣлыми массами, стало входить въ обычай облекать и боевыхъ коней въ полныя латы. Самое вооруженіе рыцарей и ихъ коней дѣлало болѣе необходимымъ, чѣмъ прежде, тѣ от-

личительные знаки и символы, безъ которыхъ ихъ трудно стало распознавать. Закованные въ мало-отличающіеся желѣзные доспѣхи, рыцари какъ бы теряли индивидуальныя свои отличія, такъ-что выразителемъ отдѣльной личности являлся лишь его щитъ съ изображеннымъ на немъ гербомъ, который повторялся иногда на шлемѣ и туникѣ. Слѣдуетъ замѣтить, говоритъ *Böheim* въ своей „*Исторіи оружія*“, что въ періодъ, начинающійся съ 1170-го года, т. е. именно съ того времени, когда шлемы стали закрывать все лицо, сталъ особенно распространяться обычай помѣщать на щитахъ и шлемахъ, а впослѣдствіи и на знаменахъ, сѣдлахъ и конскихъ чалдарахъ извѣстныя изображенія, служившія для распознаванія отдѣльныхъ лицъ, и это именно дало сильный толчекъ развитію рыцарской геральдики.

Чтобы свои умѣли различать, кто именно есть закованный въ стальную броню рыцарь, необходимо было изучить, какое поле на его щитѣ, какіе на немъ цвѣта и фигуры, о чемъ гласитъ девизъ, какія перья или изображенія украшаютъ шлемъ, какъ спущено забрало и т. под.

Во время крестовыхъ походовъ, когда множество феодаловъ отправлялось въ походъ въ сопровожденіи своихъ вассаловъ и челяди, необходимость для лицъ одного военнаго сообщества узнавать другъ друга посредствомъ отличительныхъ изображеній на оружіи стала еще настоятельнѣе. Другимъ поводомъ къ распространенію гербовъ можно признать желаніе увѣковѣчить извѣстныя событія и подвиги въ своемъ потомствѣ. На это въ то время имѣло повидимому вліяніе распространявшееся въ Западной Европѣ знакомство съ обычаями Востока, ибо Арабы въ тѣ времена уже имѣли выработанную своеобразную систему гербовъ и нѣкоторые изъ ихъ отличительныхъ эмблемъ, какъ мы увидимъ, получили тогда доступъ въ геральдику Запада и были ею восприняты.

По мѣрѣ того, какъ обычай употребленія гербовъ получалъ все большее распространеніе въ Европѣ, произвольный выборъ эмблемъ тѣмъ или другимъ феодаломъ сталъ уступать мѣсто наслѣдственнымъ, и мы замѣчаемъ, что личные отличительные знаки или *connaissances* начинаютъ упрочиваться въ нѣкоторыхъ

фамиліяхъ и становятся постоянными. Такъ напр. своеобразный сквозной крестъ (croix vidée, cléchée et pommetée), который Реймондъ де Сенъ-Жиль имѣлъ на своей печати, приложенной къ акту, относящемуся къ 1088-му году, сохранился донынѣ, какъ постоянный гербъ графовъ Тулузскихъ. Точно также двѣ геральдическіе рыбы (bars) на печати Тіерри II-го, графа Монбельяръ и Баръ ле Дюкъ перешли въ гербъ его потомковъ. Наконецъ, молодые львы (lionceaux), которые фамилія Плантагенетовъ имѣла въ своемъ гербу въ 1127 году, сохраняются до нашихъ дней подъ именемъ *леопардовъ* въ королевскомъ гербѣ Великобританіи.

Еще болѣе древними являются гербовыя печати, сохранившіяся на брачномъ договорѣ Санхо, инфанта Кастильскаго съ Вильгельминой, дочерью Гастона II, виконта Беарнскаго и относящіяся къ 1000-му году. Къ этому послѣднему акту приложено было 7 печатей, изъ которыхъ 2 сохранились въ цѣлости. На одной изъ нихъ изображена борзая собака, а на второй щитъ, пересѣченный поясами; первая печать принадлежала, вѣроятно, Гарцію Арно, графу Оръ и Маньоакъ, потомки котораго всегда имѣли въ своемъ гербѣ изображеніе собаки.

Извѣстны также двѣ печати Адальберта, герцога Лотарингскаго, приложенныя къ двумъ актамъ 1030 и 1037 годовъ, на которыхъ изображенъ въ щитѣ орелъ съ опущенными крыльями. Гербовая печать Роберта Фризона, графа Фландрскаго, съ изображеніемъ льва Фландріи, относится къ 1072 году.

Итакъ, древнѣйшіе извѣстные намъ гербы принадлежатъ къ XI-му вѣку, но они настолько рѣдки, что, надо полагать, были еще весьма мало распространены въ то время. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ гербовыхъ печатей изъ этой ранней эпохи. Въ Германіи уже въ половинѣ XI-го вѣка встрѣчается на рыцарской печати маркграфа Австрійскаго — орелъ. Въ Италіи встрѣчаемъ въ томъ же вѣкѣ на родовыхъ печатяхъ гербы фамилій Каносса (собаку съ костью во рту), Капуа (пересѣченный справа щитъ) и Салерно (щитъ съ рукою, выходящею слѣва). Гораздо чаще гербы на оружіи и печатяхъ начинаютъ встрѣчаться съ XII-го вѣка и здѣсь нельзя не видѣть вліянія перваго крестоваго похода и распространившагося тогда повсемѣстно обычая рыцар-

скихъ турнировъ и такъ-называемыхъ состязательныхъ боевъ (joutes, wettkämpfe). Къ этому времени относится печать французскаго короля Людовика VII Юнаго, который первый изъ французскихъ королей принялъ въ свой королевскій гербъ лилію.

Первый римскій папа, имѣвшій гербъ, былъ Вонифатій VIII, занимавшій папскій престолъ съ 1294—1303 годъ.

Здѣсь слѣдуетъ сказать также нѣсколько словъ о происхожденіи *городскихъ гербовъ* на Западѣ. Печати и знамена городовъ въ Западной Европѣ, откуда произошли и гербы ихъ, относятся къ разнымъ эпохамъ. Древнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ городамъ южной Европы, которые, не смотря на нашествіе варваровъ, не утратили окончательно своихъ правъ и вольностей временъ римскаго владычества и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранили и свои эмблемы той эпохи. Что же касается городовъ сѣвера, во Франціи и Германіи, которые получили права и самостоятельность гораздо позже, то ихъ гербы по большей части не восходятъ ранѣе XI-го, XII-го и XIII-го столѣтій.

Менестріэ упоминаетъ въ своемъ изслѣдованіи о гербахъ исторію Жоффруа, графа Анжуйскаго, зятя короля Англіи Генриха I, написанную монахомъ изъ Мармустье, какъ древнѣйшее сочиненіе, въ которомъ упоминается о гербахъ. «Этотъ принцъ, говорится въ этой хроникѣ, въ 1130 году по случаю своего брака, появился на одномъ турнирѣ со щитомъ, на которомъ изображены были въ краскахъ леопарды, служившіе ему гербомъ».

Вліяніе крестовыхъ походовъ и турнировъ на развитіе геральдики, какъ науки съ опредѣленными, точно установленными правилами, не подлежитъ сомнѣнію. Таковою мы встрѣчаемъ ее прежде всего въ Венеціи. Въ этой аристократической республикѣ знаменитыя фамиліи, изъ которыхъ со времени ея основанія избирались верховные вожди, или дожи, учредили у себя такъ называемую *Золотую книгу* (Livre d'or) для точной записи родословій венеціанскаго дворянства. Этотъ древнѣйшій извѣстный намъ сборникъ такого рода, заключающій въ себѣ безъ перерыва до новѣйшаго времени имена венеціанскихъ патриціевъ съ ихъ гербами, брачными связями и датами рожденія и смерти, состоитъ изъ цѣлой серіи томовъ, переплетенныхъ въ красный бархатъ и

писанныхъ на пергаментѣ, изъ которыхъ первый имѣетъ датою 1315 годъ. Сборникъ этотъ донынѣ сохраняется въ Венеціи, въ монастырѣ Фрари, служащемъ хранилищемъ древняго венеціанскаго государственнаго архива.

Ученый изслѣдователь французской геральдики Adalbert de Beaumont дѣлаетъ весьма интересное и вѣроятное предположеніе, что Венеція развила свою геральдику подъ непосредственнымъ вліяніемъ Востока, съ которымъ она находилась издавна въ торговыхъ сношеніяхъ, служа главнымъ соединительнымъ звѣномъ между двумя цивилизаціями, западно-европейскою и восточною. Дѣйствительно мы видимъ, что съ начала Среднихъ вѣковъ вся европейская торговля находилась исключительно въ рукахъ Венеціанцевъ, и флотъ ихъ былъ тогда единственнымъ въ Европѣ. Торговыя сношенія Венеціи простирались въ то время не только до Константинополя, но достигали далѣе, сухимъ караваннымъ путемъ, до нѣкоторыхъ странъ Средней Азіи и Африки. Впослѣдствіи, а именно съ половины XIII вѣка, соперницею Венеціи въ международной торговлѣ является Генуя.

Въ эпоху крестовыхъ походовъ и особенно оживившихся въ тѣ времена торговыхъ сношеній названныхъ итальянскихъ республикъ съ Востокомъ вліяніе восточной цивилизаціи на Европу начинаетъ сказываться во многомъ, и это вліяніе находитъ себѣ весьма характерное выраженіе именно въ геральдикѣ.

II.

Крестовые походы, по мнѣнію извѣстнаго историка *Гервинуса*, суть высшія, даже поворотныя точки отъ древняго міра къ новому, великій переходъ отъ античной жизни къ ново-европейской.

Три вѣка ранѣе Каролинги противустали магометанамъ на Западѣ; теперь Европа поднялась не на однихъ только мавровъ въ Испаніи, но и на восточныхъ нехристей, какъ будто бы хлынула обратно бурная волна великаго переселенія народовъ. Но вмѣстѣ съ крестовыми походами и черезъ нихъ совершился

поворотъ во всей внутренней и внѣшней жизни къ новому періоду исторіи.

Крестовые походы, говоритъ *Каррьеръ*, начинаютъ открывать міръ для постоянныхъ и неудержимыхъ впредь международныхъ сношеній и доводятъ вмѣстѣ съ тѣмъ духовную жизнь Европы до полнаго расцвѣта. Свѣжіе историческіе народы переходятъ изъ ребячества въ юношескій возрастъ. Отъ всего этого времени вѣетъ внѣшнимъ молодечествомъ и восторженной теплотою чувства, что придаетъ ему какую-то прелесть, какой-то особый ароматъ, подъ которыми мѣстами таится еще много нескладнаго, дикаго, незрѣлаго, мѣстами — много преувеличеннаго, чрезмѣрнаго.

Съ кликомъ: „такъ Богу угодно!“ (*Dieu le volt*), прикрѣпляли себѣ къ плечу крестъ не только цѣлыя тысячи рыцарей, но и простой, бѣдный народъ толпами валилъ къ престарѣлому отшельнику, объѣзжавшему весь край верхомъ на ослѣ; даже дѣти собрались въ походъ къ Іерусалиму. Въ такомъ всеобщемъ подъемѣ душъ силою одной идеи, видимъ мы руку міровластительнаго Промысла: не внутренній ли, въ самомъ дѣлѣ, переживъ высказывался въ кликѣ: „такъ угодно Богу“.

Приведемъ здѣсь также слова другаго изслѣдователя европейской культурной исторіи, *Гизо*. Двѣ великія причины, говоритъ онъ, вызвали въ средневѣковой Европѣ крестовые походы: первая была нравственная, а вторая — соціальная. Нравственною причиною являлись религіозныя побужденія и вѣрованія. Съ конца VII-го вѣка христіанство вступило въ борьбу съ исламомъ. Оно побѣдило его въ Европѣ, испытавъ большую опасность со стороны этого грознаго тогда противника, и ограничивъ область его господства Испаніей, и въ этой послѣдней стремилось еще все время окончательно его вытѣснить.

Крестовые походы иногда представляли событіемъ какъ бы совершенно случайнаго характера, возникшимъ вдругъ и вполнѣ неожиданно, подъ вліяніемъ проповѣди Петра пустынника. Но это не вѣрно: крестовые походы являлись продолженіемъ, высшимъ кульминаціоннымъ пунктомъ великой борьбы, длившейся впродолженіи четырехъ столѣтій между христіанствомъ и ислa-

момъ. До тѣхъ поръ театромъ этой борьбы была Европа; теперь онъ перенесенъ былъ въ Азію. Великій смыслъ этой борьбы заключался въ столкновеніи двухъ религіозныхъ и соціальныхъ міровоззрѣній, и крестовые походы были главнымъ ея кризисомъ.

Второю причиною, вызвавшею крестовые походы, былъ соціальный строй Европы въ XI-мъ вѣкѣ, сложившійся въ узкихъ формахъ феодализма. Съ теченіемъ времени общественная мысль не могла болѣе удовлетворяться этими формами, ей нуженъ былъ просторъ, движеніе впередъ. Народы Европы устремились въ крестовые походы, ища въ нихъ выхода къ болѣе живому и полному существованію, открывавшему имъ широкія перспективы будущаго.

Эпоха крестовыхъ походовъ представляетъ особенно интересный предметъ изученія, не только въ политическомъ ихъ значеніи, но и во всѣхъ связанныхъ съ ними подробностяхъ общественной жизни и быта. Вотъ почему мы должны особенно внимательно остановиться на этой эпохѣ при изученіи геральдики.

Гербы стали особенно распространяться въ Западной Европѣ въ теченіе XII и XIII вѣка и, какъ мы уже замѣтили, въ этомъ ясно сказывалось вліяніе крестовыхъ походовъ.

Достойно вниманія, что весьма многія характерныя учрежденія средневѣковой эпохи возникали подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ. Такъ это было и съ родовыми отличіями, состоявшими изъ фамильныхъ прозвищъ и гербовъ. Если нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы видѣли, и существовали до крестовыхъ походовъ, то они являлись еще довольно рѣдкими, тогда какъ общая потребность въ нихъ сказалась именно съ этой эпохи. При огромномъ стеченіи рыцарей всѣхъ странъ въ войскѣ крестоносцевъ стало необходимымъ различаться, какъ по національностямъ, такъ и по личнымъ владѣніямъ, и это достигалось именно чрезъ прозвища и гербы, помѣщавшіеся на знаменахъ, шлемахъ и щитахъ. Въ этомъ крестоносцы брали примѣръ съ мусульманъ, уже имѣвшихъ для военнаго времени отличительные цвѣта и личные символы. Большая часть сарацинскихъ эмировъ, подражая самому Саладину, отличались строгою простотою своего боевого снаряже-

нія. Вся роскошь послѣдняго заключалась въ красотѣ ихъ коней и блескѣ оружія и знаменъ, на которыхъ они имѣли написанныя золотомъ и красками изображенія различныхъ эмблемъ, преимущественно растеній, цвѣтовъ и плодовъ.

Нѣкоторые намеки на такіе своеобразные гербы у нехристіанскихъ народовъ встрѣчаются въ средневѣковой поэзіи. Такъ *Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ*, повѣствуя о подвигахъ Карла Великаго противъ мавровъ Испаніи, упоминаетъ объ изображеніяхъ языческихъ боговъ на щитахъ послѣднихъ.

Въ другой героической поэмѣ, начала XIII вѣка, воспѣвающей крестовый походъ ландграфа Людвига Благочестиваго, описываются боевыя отличительные знаки Саладина и его сподвижниковъ и также упоминаются изображенія языческихъ боговъ на ихъ щитахъ. Но эти поэтическія описанія болѣе, чѣмъ сомнительны, ибо мусульмане, во 1-хъ, не допускаютъ никакого многобожія и, во 2-хъ, даже запрещаютъ употреблять изображенія какихъ-либо оживленныхъ существъ. Болѣе достовѣрнымъ является описаніе вооруженія сарацинскаго витязя у *Конрада Вюрцбурскаго*, причемъ упоминаются *языческія письмена* на его щитѣ. Такія надписи дѣйствительно встрѣчались въ видѣ отличительныхъ знаковъ на щитахъ мавровъ и сарацинъ, какъ встрѣчаются на нихъ также изображенія растеній и плодовъ.

„Все побуждаетъ насъ думать, говоритъ историкъ крестовыхъ походовъ Michaud, что происхожденіе прозвищъ и въ особенности гербовъ обязано своимъ началомъ крестовымъ походамъ. Феодальный сеньёръ не нуждался въ отличительномъ знакѣ, пока не покидалъ своего наслѣдственнаго замка, но для него явилось необходимымъ различаться отъ другихъ, когда онъ оказывался вдали отъ своей родины и терялся въ массѣ крестоносцевъ различныхъ странъ.

Большое число фамилій угасло во время этихъ религіозныхъ войнъ, не меньшее число раззорилось, и эти послѣднія особенно дорожили осязательными доказательствами своего благороднаго происхожденія, остававшагося ихъ единственнымъ преимуществомъ. Послѣ того, какъ многія благородныя фамиліи угасли, явилось необходимымъ замѣнить ихъ другими: съ этихъ поръ, а именно

при Филиппѣ Смѣломъ вошелъ въ силу обычай во Франціи жаловать дворянское достоинство, а какъ только появились новые дворяне, стали болѣе цѣнить дворянство старинное. Одно лишь владѣніе землею не признавалось уже достаточнымъ для сохраненія и передачи потомству имени, которое уже само по себѣ становилось также собственностью, освященною исторіей и признанною обществомъ. Съ этихъ поръ дворянство стало болѣе дорожить отличительными знаками, каковыми являлись гербы.

Въ первомъ крестовомъ походѣ, начавшемся въ 1096 году, находилось множество герцоговъ, графовъ и рыцарей изъ Италіи, Германіи, Фландріи, Франціи и Англіи, и, несомнѣнно, каждый отдѣльный отрядъ имѣлъ свои отличительные знаки. Общимъ же знакомъ для всѣхъ крестоносцевъ, какъ показываетъ самое ихъ названіе, являлся крестъ. Онъ дѣлался изъ краснаго сукна, или шелка и нашивался на правомъ плечѣ одежды, или же укрѣплялся на шлемѣ; изображался онъ также на значкѣ копья и на латахъ, какъ это видно на древнихъ расписныхъ стеклахъ аббатства С. Дени въ Парижѣ и другихъ современныхъ рисункахъ. Князья и рыцари имѣли на своихъ стягахъ изображенія и знаки, служившіе для сбора ихъ воиновъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ виднѣлись леопарды и львы, на другихъ — птицы, звѣзды, башни, кресты и изображенія различныхъ деревьевъ востока и запада. Иногда они различались только по цвѣтамъ: такъ знамя Боэмунда было кроваво-красное, а короля Балдуина — бѣлое. На стягѣ герцога Танкреда было изображеніе такъ-называемаго креста св. Антонія — въ видѣ буквы Т, съ шаровидными украшеніями на концахъ. Жители покоренныхъ крестоносцами городовъ Малой Азіи нерѣдко выставляли на своихъ стѣнахъ такіе отличительные знаки своихъ завоевателей, чтобы оградить свою безопасность отъ другихъ военныхъ отрядовъ.

Появлялись тогда также гербовыя эмблемы и на щитахъ. Братъ перваго короля Іерусалимскаго, Готфрида Бульонскаго, герцогъ Эдесскій имѣлъ золотой щитъ съ изображеніемъ орла, который онъ приказалъ носить предъ собою въ походѣ, о чемъ повѣствуетъ современная хроника Гиберта. Можно полагать, что

такія гербовыя фигуры имѣлись также на щитахъ менѣе знатныхъ рыцарей [1]).

Въ хроникѣ Матѳея Парижскаго говорится, что при взятіи Іерусалима крестоносцами каждый рыцарь, занимая домъ, вывѣшивалъ надъ его входомъ, какъ признакъ занятія его — свой щитъ. Многіе рыцари въ эти героическія времена не имѣли другихъ обозначеній въ современныхъ хроникахъ, кромѣ признаковъ ихъ гербовыхъ щитовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1150 году одинъ испанскій рыцарь, прославившійся въ Палестинѣ выдающимися подвигами, обозначался не иначе, какъ рыцарь *съ зеленымъ полемъ въ щитѣ*.

Дю-Канжъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ византійской хроникѣ Анны Комниной говоритъ, что въ третьемъ крестовомъ походѣ (въ 1188 году), въ которомъ приняли участіе короли: Филиппъ Французскій, Генрихъ Англійскій и графъ Филиппъ Фландрскій, по взаимному соглашенію этихъ вождей, приняты были для различія крестоносцевъ разныхъ національностей: красные кресты — для французовъ, бѣлые — для англичанъ и зеленые — для фламандцевъ.

Къ этой же эпохѣ относятся первыя пожалованія гербовъ и дополненія ихъ новыми геральдическими эмблемами, въ видѣ особой награды за участіе въ крестовыхъ походахъ. Такъ мы читаемъ въ хроникѣ города Бремена, что когда въ 1110 году въ Германіи повсемѣстно производился сборъ добровольцевъ для участія въ предстоявшемъ крестовомъ походѣ, нѣсколько гражданъ Бремена, слѣдуя призыву своего архіепископа и подъ предводительствомъ двухъ городскихъ консуловъ, отправились на востокъ и отличились тамъ при взятіи Берита и Сидона. Гербъ, дарованный послѣ того городу Бремену императоромъ, засвидѣтельствовалъ услуги, которыя его граждане оказали святому дѣлу освобожденія гроба Господня отъ невѣрныхъ. Гербъ этотъ изображалъ серебряный ключъ въ красномъ полѣ.

---

[1]) Въ Туринскомъ музеѣ оружія (Armeria Reale) сохраняется весьма тяжелый щитъ овальной формы, эпохи крестовыхъ походовъ, на которомъ имѣется рельефное изображеніе изъ серебра лежащаго *льва*, надъ которымъ большой четырехъконечный *крестъ*. Это символизировало силу и мужество рыцарей въ защитѣ христіанства.

Подобное же отличіе за участіе въ крестовомъ походѣ было даровано городу Гарлему въ Голландіи императоромъ Фридрихомъ II въ 1122 году: гербъ этого города, состоявшій изъ 3-хъ звѣздъ, дополненъ былъ тогда, въ видѣ особой награды, изображеніемъ серебрянаго меча.

Наконецъ, крестовые походы вызвали учрежденіе рыцарскихъ орденовъ, между которыми главнѣйшими были орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго (впослѣдствіи Мальтійскій), Храмовниковъ, или Темпліеровъ и Тевтонскій, или Меченосцевъ. Ордена эти имѣли немалое вліяніе на развитіе дворянства и даже на политику послѣдующихъ временъ. Мы остановимся на нихъ болѣе подробно, когда будемъ говорить о рыцарствѣ, теперь же замѣтимъ лишь, что эти ордена требовали отъ вступающихъ доказательствъ наслѣдственнаго дворянства въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ и этимъ не мало способствовали развитію генеалогіи и учрежденію фамильныхъ гербовъ.

Крестовые походы содѣйствовали сближенію Западной Европы съ Востокомъ, о чемъ мы уже имѣли случай говорить. Тогда проложенъ былъ путь международнымъ связямъ, открылись торговыя сношенія съ Востокомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стало развиваться сознаніе народности. Извѣстно, что сближеніе съ Востокомъ началось еще гораздо раньше въ южной Европѣ.

Восточная культура господствовала по всему африканскому побережью и въ южной Испаніи: христіане находились въ правильныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ египетскими, тунисскими и испанскими мусульманами и съ византійскими греками. Въ Испаніи и Италіи, подъ вліяніемъ мавровъ и арабовъ, восточная пышность давно уже вошла въ моду. При Карлѣ Великомъ восточное вліяніе начало сказываться и въ Германіи. Для пилигримовъ, направлявшихся на Востокъ сухимъ путемъ, Германія еще въ то время являлась главною дорогою и поэтому она должна была воспринять раньше Франціи не мало обычаевъ великой византійской цивилизаціи. Рейнъ и Дунай были во времена Карла Великаго большими дорогами, ведшими въ Константинополь. Въ общемъ намъ хорошо извѣстно, что̀ заимствовали христіане у Востока; но относительно отдѣльныхъ предметовъ или обычаевъ

мы рѣдко знаемъ, перешли ли они въ Европу чрезъ Испанію, Сицилію, Византійскую имперію, или крестоносцевъ. Приписывать вліянію крестовыхъ походовъ всѣ восточные обычаи, господствовавшіе въ Европѣ въ Средніе вѣка, говоритъ *Сеньобосъ*, значитъ преувеличивать ихъ вліяніе или подводить подъ ихъ имя всѣ сношенія христіанъ съ мусульманами. Несомнѣнно, что средневѣковая Европа многое усвоила отъ мусульманскихъ народовъ, но невозможно съ точностью опредѣлить роль крестовыхъ походовъ въ этомъ воспитательномъ вліяніи Востока на Европу. Единственное, что можно приписать имъ съ увѣренностью, это—перенесеніе на Западъ тѣхъ обычаевъ, которые возникли въ самой Сиріи; таковы были, въ области военнаго искусства, арбалетъ, барабанъ, копье съ перевязью, таковымъ былъ также распространившійся во время крестовыхъ походовъ обычай украшать свои щиты отличительными знаками, которые становятся фамильными и уже не мѣняются.

Такъ возникла система гербовъ. Она сложилась на Востокѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самый выборъ и названіе первоначальныхъ геральдическихъ цвѣтовъ, или финифтей. Голубой цвѣтъ или лазурь — *azur* на геральдическомъ языкѣ, также называвшійся *lapis lazuli*, только что въ то время былъ вывезенъ въ Европу съ Востока и современное его названіе ультра-марина (bleu d'outre-mer) еще служитъ живымъ воспоминаніемъ объ этихъ дальнихъ военныхъ экспедиціяхъ въ Палестину. Замѣтимъ, что названіе *azur* происходитъ отъ персидскаго azurk—синій, производнаго отъ арабскаго глагола—синѣть; отсюда же происходитъ *lapis azurk*, или *lazulite*—названіе драгоцѣннаго мрамора, получившаго свою окраску отъ мѣди, подобно бирюзѣ: его находятъ преимущественно въ Персіи и изъ него производится краска, называемая ультрамариномъ.

Красный цвѣтъ, геральдическое названіе котораго *gueules*, получилъ таковое отъ украшеній изъ мѣховъ, которыми рыцари-крестоносцы обшивали свои походныя одежды вокругъ шеи и рукавовъ, окрашивая ихъ въ красный цвѣтъ пурпуровою краскою. „Rubicatas pelliculas, quas *gulas* vocant“, говоритъ св. Бернардъ, апостолъ втораго крестоваго похода. Названіе *gueules* также

происходитъ отъ персидскаго *gul*—красный (по турецки—*ghiul*). Это слово на персидскомъ языкѣ обозначаетъ также названіе розы, которая на Востокѣ преимущественно бываетъ красною. По латыни для обозначенія краснаго цвѣта говорили тоже: *roscus color*—розовый цвѣтъ.

Слово *sinople* обозначаетъ въ геральдикѣ зеленый цвѣтъ, довольно рѣдко встрѣчающійся въ гербахъ Западной Европы, такъ какъ одежды рѣже бывали этого цвѣта. Геральдистъ de Beaumont, на основаніи своихъ изслѣдованій, утверждаетъ, что корень слова *sinople*—греческое и происходитъ, чрезъ искаженіе, отъ словъ *prasina hopla*—зеленыя вооруженія, выраженіе, употреблявшееся въ Византіи на играхъ гипподрома партіею *зеленыхъ*. Опуская первый слогъ—*pra*, остается *sina hopla*, подобно тому, какъ въ словѣ Ѳессалоника, изъ котораго вышло Салоника; такое отпаденіе слога весьма часто въ различныхъ языкахъ и во многихъ словахъ. Нѣкоторые авторы указываютъ другое словопроизводство, менѣе объоснованное. *Sinople*, по ихъ мнѣнію, произошло отъ Синопа, города въ Каппадокіи, на берегу Чернаго моря. По Плинію, названіе этого города происходитъ отъ *sinopis*, особаго рода почвы темно-краснаго цвѣта, которая употреблялась въ живописи и которая первоначально добывалась въ этой мѣстности, близъ Чернаго моря. Но, спрашивается, какимъ образомъ темно-красный цвѣтъ могъ соотвѣтствовать зеленой тинктурѣ геральдики? Впрочемъ подобныя смѣшенія словъ, переходящія изъ одного языка въ другой, довольно обычны; смежное расположеніе двухъ цвѣтовъ въ гербу могло послужить достаточною причиною отнести къ одному, а не къ другому цвѣту иностранное названіе, смыслъ котораго былъ непонятенъ. Къ тому же Исидоръ Севильскій, авторъ словаря корней, говоритъ, что *sinople* есть особый сортъ зеленаго мѣла изъ Ливіи. Напротивъ того, *Sicile*, знаменитый герольдъ XV вѣка, былъ того мнѣнія, что sinople есть названіе краснаго цвѣта. Наконецъ, въ одной рукописи 1400 года встрѣчаемъ толкованіе, примиряющее эти разногласія, а именно въ трактатѣ „De distemparandis coloribus“ говорится: „Synoplum utrumque venit de urbe Sinopli, et est bonum; aliud *viride*, aliud *rubicundum*“. Итакъ, во всякомъ случаѣ, восточное происхожденіе этого слова несомнѣнно.

Оранжевый цвѣтъ, мало употребительный въ гербахъ континента, но довольно обычный въ Англіи, на геральдическомъ языкѣ носитъ названіе *tenné*. Слово это происходитъ отъ арабскаго *henné* — это названіе кустарнаго растенія — *lausania inermis*, листья котораго служатъ жителямъ Востока для окрашиванія ногтей въ оранжевый цвѣтъ. По всей Азіи и у арабовъ вожди еще въ древности имѣли обычай, который сохраняютъ и донынѣ, окрашивать въ этотъ цвѣтъ гриву, хвостъ и брюхо своихъ боевыхъ коней. Въ изображеніяхъ, встрѣчающихся въ персидскихъ рукописяхъ, мы часто находимъ на это указанія. Иногда даже вожди опускаютъ правую руку, которою держатъ мечъ, въ эту краску, чтобы имѣть, по ихъ мнѣнію, болѣе воинственный видъ, ибо подобная окраска производитъ впечатлѣніе, какъ будто всадникъ и его конь только-что вышли изъ кровавой сѣчи. Фамилія *Оранскаго* владѣтельнаго дома (d'Orange) имѣетъ гербовый щитъ цвѣта *tenné*, объясняющій его фамильное прозвище—это примѣръ такъ-называемыхъ *armes parlantes* (гласныхъ гербовъ), о которыхъ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи.

Кромѣ цвѣтовъ, существуютъ въ геральдикѣ и другіе признаки, указывающіе на ея восточное происхожденіе. Слово *targe* (тарчъ), которое употребляется въ геральдикѣ для обозначенія щита, происходитъ отъ сходнаго арабскаго слова, означающаго щитъ съ ущербомъ съ правой стороны, чтобы пропускать копье. Существуетъ монета герцоговъ Бургундскихъ, которая носитъ это же названіе—*targe*; на оборотной ея сторонѣ имѣется изображеніе подобнаго щита съ выемкою. Отсюда произошла древняя французская пословица: „il n'a ni escu, ni targe“—(онъ не имѣетъ ни гроша).

Любопытно также происхожденіе другаго геральдическаго термина: *lambrequin* (отъ латинскаго *lambellum* — клочекъ, кусокъ матеріи). Онъ обозначалъ вырѣзки матерій, которыя свѣшивались со шлемовъ рыцарей и развѣвались по вѣтру. Геральдисты долго считали, что такой *lambrequin*, или шлемный наметъ былъ простымъ украшеніемъ герба, тогда какъ происхожденіе его совершенно иное. Чтобы оградить себя отъ палящихъ лучей солнца, арабы пустыни всегда имѣли и имѣютъ еще обычай покрывать голову

кускомъ матеріи: послѣдній носитъ названіе—*keffiéh* и укрѣпляется вокругъ головы веревкою изъ верблюжьяго волоса, обвитою шелковыми нитями. Подъ лучами африканскаго солнца безъ этой необходимой предосторожности шлемы сильно накаливались бы и становились невыносимыми. И дѣйствительно, мы видимъ, что персидскіе и арабскіе воины всегда употребляютъ такіе наметы.

Въ бояхъ сабельные удары по шлему должны были неизбѣжно разсѣкать этотъ *keffiéh* и превращать его въ клочья. Вслѣдствіе этого, чѣмъ болѣе наметъ становился клочковатымъ (*lambrequiné*), тѣмъ яснѣе сражавшійся доказывалъ этимъ, что онъ проявилъ храбрость и находился въ самомъ жаркомъ мѣстѣ боя.

Во время крестовыхъ походовъ христіанскіе рыцари переняли этотъ восточный обычай носить *keffiéh*, чтобы защищать себя отъ палящаго солнца Египта и Сиріи, и отсюда произошли эти наметы—lambrequins — имѣвшіе видъ клочьевъ, почему древніе геральдисты называли ихъ рубцами—hachements, не подозрѣвая истиннаго ихъ значенія.

Отсюда же произошла и геральдическая повязка, или *tortil*. Это ничто иное, какъ веревка изъ верблюжьяго волоса, которая обвязывается у арабовъ вокругъ головного намета. Подобныя повязки на шлемахъ, поразительно схожія съ восточными, встрѣчаются особенно часто въ англійской геральдикѣ. Когда повязка изображается въ щитѣ, какъ фигура герба, то называется на геральдическомъ языкѣ *тюрбаномъ*, обыкновенно украшающимъ головы мавровъ (têtes de Maures).

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ геральдическихъ фигуръ, которыя особенно выразительно говорятъ объ эпохѣ крестовыхъ походовъ. Таковы, напр., золотые кружки, такъ называемые *безанты*, обозначающіе въ гербахъ золотыя монеты. Названіе ихъ происходитъ отъ золотой монеты византійскихъ владѣтелей — *nummus byzantius*, французы перевели его словомъ *besant*. Эту монету, подражая византійской, чеканили также нѣкоторые владѣтели Западной Европы, подобно тому, какъ чеканились также въ Европѣ *маработины*, золотыя монеты, происходившія отъ Испанскихъ мавровъ, и *секины* (sequins), названіе которыхъ происходитъ отъ арабскаго *sekkè*—монета. На венеціанскомъ нарѣчіи

до сихъ поръ употребляется слово *zekka*, означающее монетный дворъ. Нѣкоторые объясняли происхожденіе этой геральдической фигуры тѣмъ, что крестоносцы, возвращаясь на родину изъ Палестины, прибивали къ своимъ щитамъ подобныя византійскія монеты, откуда онѣ и перешли въ ихъ гербы. Характерны также встрѣчающіяся въ западныхъ гербахъ, въ особенности во французскихъ и англійскихъ, небольшія птицы (изображенныя въ профиль, безъ клюва и лапъ) и извѣстныя подъ названіемъ *merlettes* — похожія на ласточекъ. Крестоносцы, отправляясь на Востокъ, помѣщали изображеніе этихъ перелетныхъ птицъ на своихъ щитахъ, показывая тѣмъ, что и они странствуютъ и бездомны. Лишеніе же птичекъ клюва и ногъ означало тѣ раны и лишенія, которымъ подвергались рыцари въ дальнемъ и трудномъ походѣ. Символъ этотъ получилъ въ тѣ времена большое распространеніе и если онъ встрѣчается въ гербѣ какой-нибудь благородной фамиліи Западной Европы, можно почти навѣрное сказать, что кто-нибудь изъ членовъ этой фамиліи былъ въ крестовыхъ походахъ и вынесъ этотъ знакъ съ собою.

Такое же значеніе имѣютъ *кресты*, появляющіеся въ древнихъ гербахъ весьма часто и во всевозможныхъ очертаніяхъ, указывая на участіе въ крестовыхъ походахъ. О томъ же свидѣтельствуютъ, наконецъ, изображенія *полумѣсяца* (croissant) и *раковины*, составлявшія принадлежность одежды пилигримовъ. Послѣднія встрѣчаются въ гербахъ крестоносцевъ съ начала XIII вѣка также очень часто, подъ названіями раковины св. Іакова, или св. Михаила.

Спеціальный терминъ — *эмаль* (*émail*, переводимый у насъ словомъ *финифть*), который въ геральдическихъ руководствахъ издавна примѣняется ко всѣмъ цвѣтамъ въ гербахъ, получилъ такое значеніе потому, что цвѣта эти накладывались дѣйствительно посредствомъ эмали. Это родъ живописи, который умѣли примѣнять, и донынѣ еще примѣняютъ въ Персіи, а также въ Византіи и Аравіи, на золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ сосудахъ, на оружіи, мебели и другихъ предметахъ. Италія издавна подражала Персіи и Византіи въ искусствѣ эмали: этимъ именно способомъ расписывались гербы на латахъ, щитахъ и металли-

ческихъ доскахъ (plaques), которые герольды и сами владѣльцы гербовъ выставляли предъ собою на турнирахъ. Это слово *эмаль* происходитъ отъ персидскаго *mina*, что означаетъ синій цвѣтъ неба, такъ какъ первыя издѣлія изъ эмали были синими. Дѣйствительно, древніе авторы всегда упоминаютъ *сине-эмалевый цвѣтъ* (bleu d'émail). Затѣмъ терминъ эмаль сдѣлался общимъ для обозначенія всѣхъ геральдическихъ цвѣтовъ. Въ старинныхъ словаряхъ слово *mina* переводится и объясняется чрезъ *vitreus globulus* или *gemma adulterina coerulea* (стекловидный составъ, фальшивый синій камень).

Всего сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы показать, во-первыхъ, какое несомнѣнное вліяніе имѣли крестовые походы на развитіе и распространеніе гербовъ въ Западной Европѣ, а во-вторыхъ, установить связь между европейскою геральдикой и Востокомъ. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, восточное вліяніе рельефно отразилось въ древнѣйшей геральдикѣ Западной Европы и первые гербы, особенно въ эпоху крестовыхъ походовъ, часто были подражаніемъ гербовъ арабовъ и сарацинъ, народовъ по природѣ своей рыцарскихъ. Рыцари-крестоносцы съ увлеченіемъ заимствовали на Востокѣ, открывавшемся тогда предъ ними во всей своей неизвѣданной привлекательности, множество обычаевъ, какъ военнаго, такъ и мирнаго характера, носившихъ отпечатокъ восточнаго изящества и роскоши. Почти всѣ названія цвѣтовъ, дорогихъ тканей и драгоцѣнныхъ камней перешли тогда въ европейскія нарѣчія съ Востока. Когда видишь вблизи всѣ эти чудеса блестящей эпохи арабской культуры, то становится понятнымъ, какое неотразимое впечатлѣніе она должна была производить на цвѣтъ рыцарства Западной Европы, являвшійся изъ своихъ малокультурныхъ странъ въ эти чудныя края съ богатѣйшею древнею цивилизаціей.

Эмблемы старинной геральдики, каковы *стоящіе* и *шествующіе* (rampants, passants) львы и леопарды, *крылатые* кони, быки и т. под., изображаемые во всевозможныхъ изысканныхъ положеніяхъ; далѣе вся эта серія *аллегорическихъ* животныхъ: пеликанъ, саламандра, грифонъ, гарпія, ибисъ и множество другихъ, изъ которыхъ ни одно не свойственно европейскимъ странамъ и кото-

рыя, напротивъ, всецѣло принадлежатъ Востоку—всѣ эти образы были издревле излюбленными въ восточной поэзіи, столь богатой символизмомъ и таинственностью, начиная съ древнѣйшаго гіератическаго языка Египта и до позднѣйшихъ временъ.

Итакъ, этотъ богатый символическими образами языкъ Востока былъ тогда отчасти воспринятъ Европою и нашелъ себѣ новое выраженіе въ средневѣковой геральдикѣ.

III.

Въ чемъ именно крестовые походы могли дѣйствительнымъ образомъ содѣйствовать развитію геральдики, какъ спеціальной науки, распространенію ея особыхъ знаковъ, такъ сказать, геральдической азбуки, и выработкѣ ея техническаго языка? На эти вопросы трудно дать опредѣленный отвѣтъ. Несомнѣнно лишь то, что геральдика или *блазонъ*, какъ его въ тѣ времена называли, появилась въ видѣ такого спеціальнаго знанія именно въ эпоху крестовыхъ походовъ, и такъ-какъ по существу своему гербы имѣютъ тѣсную связь съ предметами вооруженія, то это и дало главное основаніе видѣть въ этихъ дальнихъ заморскихъ походахъ причину возникновенія геральдики. Слѣдуетъ замѣтить, что приблизительно въ ту же эпоху началъ распространяться въ Западной Европѣ обычай *турниров*, и особыя правила и церемоніи, соблюдавшіяся при этихъ военныхъ состязаніяхъ рыцарства, немало способствовали выработкѣ болѣе точныхъ выраженій въ геральдикѣ и такъ-называемаго геральдическаго языка, или жаргона (*jargon du blason*). Весь этотъ своеобразный языкъ появляется именно въ эпоху крестовыхъ походовъ: онъ безпрестанно встрѣчается въ хроникахъ, въ рыцарскихъ романахъ и другихъ поэтическихъ произведеніяхъ того времени, тогда какъ столѣтіемъ раньше мы его вовсе не находимъ.

Окончательное распространеніе геральдическихъ формулъ въ теченіи XI-го вѣка и появленіе въ языкѣ того времени главнѣйшихъ терминовъ, которые съ тѣхъ поръ стали употребляться въ геральдикѣ, представляетъ столь установленный и опредѣлен-

ный историческій фактъ, что вполнѣ оправдываетъ ученыхъ геральдистовъ, относящихъ начало геральдики именно къ этой эпохѣ. Вполнѣ соглашаясь съ ихъ мнѣніемъ, что наука гербовъ первоначально вырабатываетъ свою теорію въ XI вѣкѣ, мы однако усматриваемъ въ этой послѣдней лишь развитіе болѣе раннихъ началъ, которыя до тѣхъ поръ были весьма измѣнчивы и мало объединены, а не созданіе чего-то новаго и до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстнаго.

Такъ, съ XI-го вѣка получаютъ всеобщее распространеніе новыя формулы геральдики; но латинскія хроники и рыцарскіе романы начинаютъ примѣнять этотъ новый геральдическій языкъ нѣсколько позднѣе, а именно съ XII-го вѣка. Въ извѣстномъ рыцарскомъ романѣ: „*Li romans de Berthe aus grans piés*“ — *Аденеза*, который написанъ около 1260 года, встрѣчается вполнѣ правильно выраженная геральдическая формула въ слѣдующемъ стихѣ:

„Elle estait du lignage au preus conte Glausur,
Qui l'escu *portait d'or à un lyon d'azur*“ (verset XLI).

Вполнѣ понятно, что геральдика, сдѣлавшаяся съ этого времени весьма сложною и головоломною наукою, получила свои своеобразные знаки и фигуры и ихъ безконечныя сочетанія, а также дѣленія гербоваго щита и различныя ключи къ своему алфавиту не случайно: для этихъ познаній, очевидно, уже должны были существовать свои ученые, и таковыми являлись именно такъ называемые *герольды*.

Самое названіе нашей науки *геральдическою*, или *геральдикой* показываетъ, что она была создана именно герольдами, имѣвшими обязанность при турнирахъ *блазонировать*, т. е. описывать гербъ, провѣрять и записывать дворянскія права рыцарей. Здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ для насъ словомъ *блазонъ*, отъ котораго производное блазонировать; необходимо его объяснить.

Слово *blazon*, обозначающее гербы вообще, по наиболѣе принятому толкованію, происходитъ отъ нѣмецкаго глагола *blasen* — трубить въ рогъ, потому что являвшіеся на турниры рыцари трубили въ рогъ, а герольды, убѣдившись, что они дѣйстви-

тельно принадлежатъ къ рыцарству, *блазонировали* ихъ гербы, т. е. во всеуслышаніе ихъ описывали. Это *блазонированіе* передъ турниромъ имѣетъ характеръ заимствованія съ Востока, напоминая весьма распространенный тамъ обычай восхваленія и благороднаго вызова, предшествующихъ у восточныхъ народовъ вступленію въ бой. «Герольды, говоритъ древній французскій ученый *Nicot*, блазонируя гербъ феодальнаго владѣтеля или рыцаря, объявляли во всеуслышаніе о высокомъ значеніи его гербовыхъ эмблемъ, присоединяя къ этому похвалы его доблести, и т. под.» [1]). Такое блазонированіе гербовъ герольдами, прежде чѣмъ оно стало записываться и подтверждаться на основаніи геральдическихъ правилъ, долгое время состояло лишь въ устной передачѣ и объясненіи на память гербовыхъ фигуръ и эмблемъ.

Но остановимся теперь подробнѣе на томъ, что такое собственно были *герольды* въ Средніе вѣка и въ послѣдующія времена.

Званіе, соотвѣтствующее во многихъ отношеніяхъ средневѣковымъ герольдамъ, существовало еще въ классической древности. Это были лица, облеченныя извѣстными правами и состоявшія при главѣ государства. На нихъ возлагались особыя обязанности по международнымъ сношеніямъ и они являлись въ нихъ судьями и посредниками, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. У Грековъ это были такъ называемые κήρυκες, о которыхъ упоминаетъ Гомеръ въ Иліадѣ. При единоборствѣ между Гекторомъ и Аяксомъ со стороны Троянцевъ и Грековъ выступаютъ такіе посредники, которые, простирая свои жезлы между сражающимися, прекращаютъ этимъ условнымъ знакомъ поединокъ.

У Римлянъ мы встрѣчаемъ такъ называемыхъ *feciales* съ подобными же обязанностями: они разбирали международныя распри, объявляли войну и сопровождая посольства, отправлявшіяся для мирныхъ переговоровъ, гарантировали имъ своимъ присут-

---

*) Отсюда произошло названіе—*blason*, присвоенное гербамъ. Существуетъ, впрочемъ, и нѣсколько другихъ объясненій этого слова. Его производятъ также отъ англійскаго слова *blaze*—свѣтъ, блескъ. Наконецъ, на древне-французскомъ *blason* означаетъ щитъ, а также—похвалу, восхваленіе.

ствіемъ безопасность. По словамъ Аппіана, въ такихъ случаяхъ у пословъ обыкновенно спрашивали, находится ли при нихъ *мирный феціалъ*. При объявленіи войны феціалы имѣли при себѣ метательное копье, которое они, по произнесеніи извѣстной установленной формулы, бросали чрезъ границу непріятельской земли. Чрезъ этихъ же должностныхъ лицъ обнародывались различныя распоряженія высшихъ властей, при чемъ они предварительно водворяли въ общественныхъ собраніяхъ тишину и затѣмъ уже, во всеуслышаніе, объявляли то, что имъ было поручено. Феціалы у Римлянъ составляли особую священную корпорацію, состоявшую изъ пожизненно избранныхъ патриціевъ, во главѣ которой стоялъ верховный феціалъ, или *pater patratus*. Они пользовались правомъ неприкосновенности и имъ присвоена была особая бѣлая одежда, или *stola* и жезлъ, которымъ они подавали знакъ къ прекращенію поединковъ.

Хотя средневѣковые герольды и имѣли нѣкоторое сходство съ этими священными герольдами древности въ исполненіи ими также нѣкоторыхъ обязанностей по международному праву, но къ таковымъ у нихъ присоединялись еще и другія, вытекавшія изъ условій средневѣковаго быта.

Средневѣковые герольды, въ общепринятомъ значеніи этого слова, были лица изъ военнаго званія, состоявшія при дворахъ владѣтельныхъ особъ, или при главахъ рыцарскихъ орденовъ. Кромѣ обязанностей дипломатическаго характера, они должны были распоряжаться при различныхъ придворныхъ торжествахъ и церемоніяхъ, руководить рыцарскими состязаніями и турнирами, а также являться посредниками и судьями въ различныхъ спорахъ между дворянами, разрѣшавшихся оружіемъ. При поединкахъ они обязаны были наблюдать, чтобы не нарушались установленныя для таковыхъ правила. Такъ какъ гербы въ Средніе вѣка сдѣлались признакомъ благороднаго происхожденія, а иногда и особымъ отличіемъ, даровавшимся государями рыцарямъ за славныя дѣянія и особыя заслуги, то на правильность и законность пользованія ими вскорѣ обращено было вниманіе властей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при дворахъ владѣтельныхъ особъ стала ощущаться потребность въ такихъ лицахъ, которыя, обладая

извѣстною эрудиціей, могли бы разбираться въ многочисленныхъ уже существовавшихъ гербахъ и вырабатывать точныя правила для ихъ составленія и пользованія ими.

Эти же лица должны были имѣть знакомство и съ генеалогіей знатныхъ и рыцарскихъ домовъ и вести родословныя записи, подтверждавшія права лицъ благороднаго происхожденія на участіе въ турнирахъ, и другія привилегіи. Такими лицами и были такъ называемые герольды, которые являлись, какъ мы сказали, главными распорядителями при турнирахъ и другихъ торжественныхъ случаяхъ, какъ радостныхъ, такъ и печальныхъ.

Если вѣрить свидѣтельству одного англійскаго историка, епископа Вилльяма (*Irish histor. library.* 1724), то въ Ирландіи уже издавна существовали такія свѣдущія въ гербахъ лица, руководившіяся при ихъ составленіи опредѣленными правилами. Одинъ изъ ирландскихъ королей X-го вѣка, Олламъ издалъ даже особый законъ, обязывавшій лицъ благороднаго происхожденія избирать себѣ фамильные гербы, или исправлять уже существовавшіе, при содѣйствіи этихъ свѣдущихъ лицъ. О подобномъ же, вполнѣ достовѣрномъ фактѣ сообщаетъ историкъ Шотландіи *Букэнанъ* (*Rer. Scoticor. hist.*). Замѣчательно, что при шотландскомъ королѣ Кеннетѣ III, въ концѣ X-го вѣка, здѣсь уже встрѣчается установленный порядокъ пожалованія дворянства и герба—древнѣйшій въ Средніе вѣка; такъ нѣкто Гойюсъ съ сыновьями его былъ возведенъ названнымъ королемъ въ дворянское достоинство, награжденъ помѣстьями и гербомъ, представлявшимъ три красныхъ щита въ серебряномъ полѣ.

Весьма интересно прослѣдить процессъ развитія института герольдовъ въ Германіи. Заслуживаетъ вниманія, что самое слово *herold*—несомнѣнно нѣмецкаго происхожденія. Нѣкоторые изслѣдователи, какъ напр. *Bernd*, производили его отъ нѣмецкаго возраженія: «*dem Heere Holde*», т. е. обязанные, служащіе при войскѣ; другіе—отъ *Heer* (войско) и *alt* (старый), т. е. ветеранъ; но самое правильное объясненіе далъ *Seyler* въ своей *Исторіи геральдики*: онъ производитъ это слово отъ древне-германскаго *her*—отъ *harên*—звать, выкликать и *alt*—отъ *walten*—управлять, распоряжаться. Такимъ образомъ наименованіе *herold* обо-

значало издревле лицо, имѣвшее обязанности вѣстника или глашатая. Первоначально оно извѣстно было въ германскомъ средневѣковьѣ, до половины XIV вѣка лишь какъ прозвище. Ни въ древнѣйшихъ историческихъ актахъ, ни въ рыцарскихъ поэмахъ этого времени мы еще не встрѣчаемъ никакихъ указаній на какое-либо особое званіе *герольда* въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ. Отсюда можно вывести два предположенія: или герольды въ этотъ ранній періодъ играли еще очень незначительную, едва замѣтную роль, или же соотвѣтствовавшія ихъ званію лица носили въ то время какое-либо другое наименованіе. Это послѣднее предположеніе оказывается вѣрнымъ и находитъ себѣ подтвержденіе въ историческихъ памятникахъ, начиная съ XII-го вѣка. Приблизительно съ 1180 года древніе тексты рыцарскихъ поэмъ свидѣтельствуютъ о томъ, что при состязательныхъ бояхъ и турнирахъ того времени, а также при церемоніяхъ, сопровождавшихъ посвященіе въ рыцарство и брачныя торжества знатныхъ лицъ, появляется новый классъ людей, которыхъ эти памятники называютъ общимъ наименованіемъ „странствующаго, или переѣзжаго люда“ (*fahrendes Volk*). Эти люди, появляясь при дворахъ государей и другихъ владѣтельныхъ особъ, разносятъ повсюду славу ихъ щедрости и другихъ высшихъ качествъ, восхваляя ихъ въ особыхъ, слагаемыхъ ими, пѣсняхъ. Но ихъ необходимо за это щедро вознаграждать, чтобы не заслужить ихъ неудовольствія. Отсюда произошелъ обычай, чтобы побѣдитель на войнѣ, или при поединкѣ предоставлялъ въ пользу этого странствующаго люда часть своей военной добычи. Такъ, напримѣръ, въ одной рыцарской поэмѣ XIV-го вѣка повѣствуется, что когда легендарный рыцарь Орендель убилъ въ Іерусалимѣ, на поединкѣ сарацина-великана, то отдалъ его тѣло со всѣми доспѣхами убитаго странствующему люду, находившемуся при этомъ.

Тѣ же памятники средневѣковой поэзіи говорятъ намъ, что этотъ странствующій классъ составляли въ то время *гарцуны* (*garzûne*), *крогиреры* (*crogiraere*) и, наконецъ, то, что у насъ называлось скоморохами (*spielleute*). Первые изъ нихъ, т. е. гарцуны, стояли въ близкихъ отношеніяхъ къ классу рыцарей. Названіе ихъ, несомнѣнно, происходитъ отъ французскаго слова *gar-*

çon и переводится ученымъ *Wackernagel*'омъ чрезъ выраженіе: благородный отрокъ въ должности вѣстника, (Edelknabe als Bote); но гораздо ближе передаетъ его современное ему въ древнихъ нѣмецкихъ актахъ названіе — *varender knappe* или *bot*, т. е. посыльный оруженосецъ, гонецъ.

Итакъ, можно отсюда заключить, что эти *гарцуны* у феодаловъ несли службу гонцовъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Имъ присвоивался особый костюмъ и жезлъ изъ слоновой кости, который впослѣдствіи, у герольдовъ сталъ называться скипетромъ. Сходство это съ герольдами послѣдующихъ временъ заключалось и въ обязанностяхъ, исполнявшихся гарцунами: они объявляли войну, вызывали противника въ бой, касаясь своимъ жезломъ его щита и т. д. Различіе между гарцуномъ и крогирером трудно уловимо; кажется, что первый имѣлъ предъ послѣднимъ старшинство. И тѣ, и другіе въ рыцарскихъ поэмахъ XIII-го вѣка характеризуются какъ люди «военнаго клича» (*Leute vom waffenschrei*), которые испытываютъ и описываютъ (blasnieren—блазонируютъ) щиты и шлемы рыцарей, восхваляютъ ихъ подвиги, и при появленіи ихъ на турнирахъ, привлекаютъ къ нимъ общее вниманіе. По окончаніи турнира тѣ же гарцуны и крогиреры превозносятъ побѣдителей въ самыхъ цвѣтистыхъ и высокопарныхъ выраженіяхъ. Замѣтимъ, что до половины XIII-го вѣка упомянутые представители этого странствующаго люда встрѣчаются лишь въ одиночку, безъ какой-либо правильной корпоративной организаціи. На послѣднемъ разрядѣ—скомороховъ, (*spielleute*), мы здѣсь останавливаться не будемъ.

Со временъ императора Рудольфа Габсбургскаго, т. е. съ конца XIII вѣка наименованія гарцуна и крогирера постепенно исчезаютъ въ памятникахъ словесности и вмѣсто нихъ начинаютъ упоминаться такъ называемые *гербовые оруженосцы* (*Knappen von den Wappen*) или гербовые пажи (*Wappenknaben*), появляющіеся при рыцарскихъ турнирахъ. Съ этого же времени обязанности ихъ становятся болѣе опредѣленными, а именно, они находятся на вѣстяхъ у своихъ рыцарскихъ господъ и исполняютъ извѣстныя установленныя дѣйствія при турнирахъ и поединкахъ, о которыхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить по-

дробнѣе. Они же оповѣщаютъ государей и рыцарей Германіи и другихъ странъ о предстоящемъ турнирѣ, приглашая ихъ прибыть къ таковому. При этомъ эти Wappenkнappen пользуются вездѣ правомъ свободнаго проѣзда.

Названіе *герольдъ* (*eralden*) въ общепринятомъ значеніи мы встрѣчаемъ въ Германіи лишь съ XIV вѣка. Оно появляется впервые у автора рыцарской поэмы *Петра Зухенвирта*, писавшаго между 1356 и 1395 годами. Онъ самъ исполнялъ обязанность герольда, и стихи его являются особенно цѣнными по богатству заключающагося въ нихъ геральдическаго матеріала.

Съ XIV-го вѣка институтъ герольдовъ въ Германіи вполнѣ устанавливается, и постепенно развиваясь, достигаетъ до позднѣйшаго времени. Герольды съ этихъ поръ образуютъ особый, весьма многочисленный цѣхъ, во главѣ котораго стоитъ такъ называемый *гербовый король — Wappenkönig*. Сохранился до нашего времени дипломъ, выданный на это званіе (rex heraldorum) императоромъ германскимъ Фридрихомъ III въ 1442 г. герольду Рудольфу Ромриху, въ которомъ перечисляются всѣ обязанности, относящіяся къ этой должности. Отдѣльныя государства и провинціи Германіи имѣли своихъ особыхъ гербовыхъ королей, обслуживавшихъ по своей спеціальности рыцарства извѣстной мѣстности. Такъ напр., особый гербовый король учрежденъ былъ въ Майнцскомъ архіепископствѣ и въ при-Рейнскомъ Пфальцѣ. Вслѣдствіе этого герольды получали иногда названія тѣхъ государствъ и провинцій, къ которымъ принадлежали. Такъ напр., герольдъ императора германскаго (свящ. Римской имперіи) назывался *Romreich;* другимъ присвоивались наименованія отдѣльныхъ германскихъ государствъ: *Sachsenland, Bairland, Kravatland* (Кроація) и т. под. Иногда впрочемъ герольдамъ давались и болѣе произвольныя названія, намекавшія на ихъ обязанности; таковы напр. имена: *Suchenwirt* (ищетъ хозяина), *Suchensinn* (ищетъ значенія), *Lob den Frumen* (восхваленіе доблести) и т. д. — Слѣдуетъ замѣтить, что въ Средніе вѣка право учреждать герольдовъ вовсе не составляло исключительной привилегіи императоровъ и другихъ владѣтельныхъ князей, какъ это было впослѣдствіи. Въ тѣ времена каждый графъ, или другой феодалъ

имѣлъ право имѣть своего герольда. При дворѣ германскихъ императоровъ было 5 герольдовъ: 2—для Римско-Германской имперіи, 1 для Австрійскихъ наслѣдственныхъ земель, 1 для Богеміи и 1 для Венгріи.

Но въ Германіи, всегда раздѣлявшейся на множество малыхъ государствъ, учрежденіе герольдовъ никогда не достигало той пышности и блеска, которые мы видимъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ Западной Европы, гдѣ королевская власть являлась болѣе развитою и могущественною. Въ Англіи, напримѣръ, уже съ XII-го вѣка герольды примѣняли свои знанія и искусство при дворѣ королей, и званіе ихъ пользовалось особымъ почетомъ. Король Эдуардъ III (1327—1376) далъ имъ правильную организацію. Раздѣливъ свое королевство на двѣ провинціи, къ сѣверу и югу отъ рѣки Трентъ, онъ учредилъ въ каждой изъ нихъ особую корпорацію герольдовъ, съ гербовымъ королемъ во главѣ. Сѣверный назывался *Northroy* или *Norroy*, а южный—*Southroy* или *Surroy;* этотъ послѣдній, впрочемъ, впослѣдствіи получилъ названіе *Clarencieux*, по имени герцога Кларенса, брата короля Генриха V-го. При учрежденіи извѣстнаго англійскаго ордена Подвязки королемъ Эдуардомъ III въ 1344 году, герольдъ этого ордена, имѣвшій отсюда наименованіе *Garter* (подвязка), получилъ старшинство надъ двумя первыми герольдами и поставленъ былъ во главѣ учрежденной королемъ почти одновременно геральдической коллегіи (Collegium Heraldorum). Герольды отдѣльныхъ графствъ Англіи различались цвѣтами своего костюма, который, кромѣ того, украшался соотвѣтствующимъ гербомъ. Названія ихъ также указывали на гербовую эмблему или имя того или другаго владѣтельнаго лица. Таковы напр. названія герольдовъ: *Carlisle, York*, *Rose Blanche* (эмблема дома Іоркъ), *Blanch Sanglier* (бѣлый вепрь—гербовая эмблема короля Ричарда III); *Eagle* (орелъ—шлемное украшеніе Эдуарда III) и т. под.

Во Франціи самая ранняя организація службы герольдовъ приписывается королю Людовику VII-му, который установилъ ихъ обязанности при короноваціи своего сына, Филиппа-Августа и повелѣлъ украсить изображеніями лилій всѣ предметы королев-

скихъ регалій, служившіе при этой церемоніи. Но учрежденіе герольдовъ во Франціи получило полное развитіе при Карлѣ VI въ началѣ XV-го вѣка. Здѣсь они также имѣли особо присвоенный имъ пышный костюмъ и носили названія отдѣльныхъ большихъ феодальныхъ владѣній королевства, причемъ число ихъ достигало 30-ти. Такъ напр. герольдъ герцоговъ Бретанскихъ назывался *Bretagne*, Нормандскихъ — *Normandie*, Бургундскихъ — *Bourgogne* и т. д. Только одинъ изъ нихъ, герольдъ самого короля Франціи составлялъ въ этомъ отношеніи исключеніе и назывался *Montjoie*, (напоминая этимъ военный кличъ Франціи — *Montjoie St. Denis)*. Вспомнимъ здѣсь извѣстную сцену Шекспира, изъ его Генриха V-го (дѣйств. IV, сц. 7-я). На полѣ битвы при Азенкурѣ этотъ король Англіи обращается къ герольду Франціи, Montjoie. Между ними происходитъ слѣдующій діалогъ:

Король Генрихъ. Герольдъ, сказать по правдѣ, я не знаю,
Кто одержалъ побѣду: мы, иль вы?
Вѣдь по полю не мало разъѣзжаетъ
Французовъ и до сей поры.
Montjoie. Побѣда
Осталася за вами.
К. Генрихъ. Не себя,
А Господа мы за нее прославимъ!
Какъ замокъ тотъ зовется?
Montjoie. Азенкуръ.
К. Генрихъ. Такъ назовемъ мы Азенкурской битвой
Сраженіе, что было здѣсь дано
Въ день двухъ святыхъ, Криспина съ
Криспіаномъ.

Здѣсь интересно указаніе на одну изъ обязанностей герольдовъ въ военное время, а именно имъ поручалось рѣшать, за кѣмъ въ сраженіи осталась побѣда. Любопытно замѣтить, что въ приведенномъ отрывкѣ Шекспиръ совершенно согласуется съ современною этой битвѣ французскою хроникою *Monstrelet*.

Кромѣ отдѣльныхъ странъ, имѣли своихъ герольдовъ также различные рыцарскіе ордена. Мы уже упоминали про герольда ордена Подвязки въ Англіи. Герольдъ Бургундіи, котораго императоръ Карлъ V въ 1521 году послалъ къ французскому ко-

ролю Франциску I, носилъ названіе *Toison d'Or* (Золотое руно), будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и герольдомъ этого знаменитаго ордена. Въ статутѣ французскаго ордена св. Михаила, учрежденнаго королемъ Людовикомъ XI въ 1469 году, говорится: «учреждается должность, именуемая *герольдъ—король герба*, названіе его будетъ—*Mont St. Michel*, въ каковую долженъ быть избираемъ человѣкъ испытанный, съ хорошею репутаціей и имѣющій достаточныя познанія по своей части».

Итакъ вездѣ, гдѣ учреждались герольды, въ это званіе избирались люди опытные въ спеціальности, касавшейся гербовъ. Они утверждали правила для изготовленія таковыхъ и выработали изъ этого съ теченіемъ времени весьма сложную науку. Познанія свои герольды пріобрѣтали не сразу, а путемъ извѣстной подготовки. То, что сохранилось въ этомъ отношеніи отъ римской эпохи и Среднихъ вѣковъ безъ сомнѣнія легло въ основаніе этихъ спеціальныхъ знаній. Герольды дополняли и обогащали таковыя чрезъ изученіе существовавшихъ еще въ ихъ время древнихъ монетъ, оружія и другихъ памятниковъ древности, и собранное такимъ образомъ изъ собственныхъ наблюденій приводили въ связь съ тѣмъ, что уже ранѣе вошло въ употребленіе въ гербахъ. Замѣтимъ, что при выработкѣ правилъ для составленія новыхъ гербовъ герольды нерѣдко переходили цѣлесообразную мѣру въ своей наукѣ, искажая первоначальный характеръ „добраго стараго искусства герольдовъ“, своихъ предшественниковъ, излишними осложненіями. Это замѣчается особенно въ геральдикѣ XVII-го вѣка.

Съ XIV-го столѣтія герольды, какъ мы видѣли, образовали изъ своей среды особые цѣхи, въ которыхъ существовали степени, а именно мастеровъ, или герольдовъ, ихъ товарищей, или замѣняющихъ, такъ называемыхъ *свѣдущихъ въ гербахъ* (*wappenkundige*) или *persevanten* (poursuivants) и наконецъ учениковъ, называвшихся также вѣстниками (*boten*) или гонцами (*läufer*), пѣшихъ и конныхъ. Эти послѣдніе исполняли маловажныя должности, подготовляясь къ высшимъ степенямъ. Какъ было уже сказано, во главѣ корпораціи герольдовъ стоялъ *гербовый король* (*wappenkönig*, *roi d'armes*), торжественно возводив-

шійся въ это званіе и получавшій при этомъ корону, скипетръ и золотую цѣпь, означавшіе его достоинство.

Герольдамъ мы обязаны первыми сочиненіями геральдическаго характера, дошедшими до насъ. Съ XIV-го вѣка нѣкоторая часть науки герольдовъ стала распространяться, сначала посредствомъ рукописей, а съ открытія книгопечатанія она становится уже общимъ достояніемъ. Во Франціи однимъ изъ древнѣйшихъ рукописныхъ произведеній геральдическаго содержанія было сочиненіе *Якова Бретекса*, относящееся къ 1285 году, въ которомъ онъ описываетъ въ стихахъ турниры, происходившіе въ г. Шонансй, при чемъ блазонируетъ гербы участвовавшихъ рыцарей. Существуетъ также и другая французская рукопись 1253 года подъ заглавіемъ: «объ обязанностяхъ герольдовъ и о цвѣтахъ, употребляемыхъ въ гербахъ»—она представляетъ извлеченіе изъ болѣе древняго трактата. Наконецъ, дошелъ до насъ французскій гербовникъ (armorial) 1312 года, содержащій: «имена и гербы рыцарей, находившихся въ Римѣ при коронованіи Генриха VII го». Впрочемъ геральдическое содержаніе этихъ произведеній еще довольно скудно. Гораздо замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи сочиненія двухъ французскихъ герольдовъ XV-го вѣка, *Berry* и *Sicile*.

Berry былъ главнымъ герольдомъ Франціи (premier hérault) при королѣ Карлѣ VII († 1461), который возвелъ его въ званіе гербоваго короля. Онъ объѣхалъ всю Францію, собирая гербы существующихъ и отчасти угасшихъ фамилій, для чего изслѣдовалъ замки, а также надгробные памятники въ церквахъ и аббатствахъ. Результатомъ его изслѣдованій было сочиненіе подъ заглавіемъ «*Le régistre de noblesse*», заключавшее въ 13-ти главахъ описанія гербовъ короля, принцевъ, высшаго и низшаго дворянства Франціи, а также и другихъ сосѣднихъ странъ. Изъ этого сочиненія *Berry*, оставшагося въ рукописи, мы узнаемъ также, что герольды вели особыя родословныя записи, въ которыя заносились благородныя фамиліи съ ихъ гербами. Такой порядокъ велся во Франціи и въ послѣдующія времена, до самой революціи.

Сочиненіе другого герольда, *Sicile* не есть, подобно книгѣ

Berry, простой списокъ гербовъ, или арморіалъ; это, напротивъ, трактатъ о геральдическомъ искусствѣ. *Sicile* жилъ и писалъ приблизительно въ ту же эпоху, т. е. въ первой половинѣ XV-го вѣка и посвятилъ свой трактатъ королю Арагонскому Альфонсу V (1416—1458). Въ своемъ введеніи *Sicile* говоритъ, что будетъ излагать новый способъ блазонированія и этимъ устанавливаетъ существованіе двухъ различныхъ блазоновъ, а именно древняго и новаго, каковому полагаетъ начало и который, развиваясь въ послѣдующія времена, дошелъ и до насъ.

Въ Германіи древнѣйшимъ извѣстнымъ намъ поэтомъ-геральдомъ является *Конрадъ Вюрцбургскій* († 1287 г.). Его стихотворенія, преимущественно легендарнаго содержанія, свидѣтельствуютъ объ его эрудиціи и обширныхъ познаніяхъ въ области гербовѣдѣнія. Въ его стихахъ встрѣчается значительная примѣсь геральдическихъ подробностей (при описаніи гербовъ). Изъ другихъ подобныхъ же писателей этого періода, имѣющихъ отношеніе къ геральдикѣ, можно назвать *Hierselein* (начала XIV в.), *Оденвальскаго короля* (1340 г.) и *Виганда Марбургскаго* (XIV в.), воспѣвавшаго подвиги Тевтонскаго ордена Меченосцевъ. Но особенно плодовитымъ является австрійскій *персевантъ* (wappenkundige) *Петръ Зухенвиртъ*: его стихотворенія (Ehrenlieder), восхваляющія славныя дѣянія австрійскихъ рыцарей, представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для изученія древней геральдики и дошли до насъ почти всѣ. Наконецъ баварскій герольдъ *Holland* составилъ въ 1420 году перечень въ стихахъ всѣхъ баварскихъ рыцарскихъ родовъ, имѣвшихъ право участвовать въ турнирахъ.

Закончимъ нашъ обзоръ этихъ древнѣйшихъ геральдистовъ ученымъ правовѣдомъ *Bartolus a Saxoferrato*, который жилъ между 1313 и 1355 г. и былъ тайнымъ совѣтникомъ при дворѣ императора Карла IV. Онъ собралъ основныя правила науки герольдовъ въ своемъ трактатѣ „De insignis et armis“, который въ первый разъ былъ напечатанъ въ Венеціи въ 1472 году.

Герольды по самому характеру своей должности часто имѣли знакомство съ иностранными языками, преимущественно съ французскимъ, которому принадлежала вся геральдическая терминологія, перешедшая въ Англію, Испанію и Италію, а также и съ

латынью. Упоминавшійся нами баварскій герольдъ *Holland* въ своемъ сочиненіи хвалится знаніемъ 6-ти европейскихъ языковъ, въ томъ числѣ польскаго и венгерскаго. Но, несомнѣнно, самымъ необходимымъ и существеннымъ знаніемъ для герольдовъ было гербовѣдѣніе, ибо въ тѣ времена знаніе гербовъ было тождественно съ знаніемъ лицъ.

Конечно, къ этимъ познаніямъ герольдовъ примѣшивалось не мало недостовѣрнаго и баснословнаго, но тѣмъ не менѣе они часто являлись людьми весьма учеными по тогдашнему времени.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о позднѣйшей судьбѣ института герольдовъ въ Европѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что по мѣрѣ того, какъ обязанность герольдовъ становилась государственною, прежній ея средневѣковой характеръ сталъ постепенно исчезать. Герольды XVIII-го столѣтія уже не имѣютъ корпоративной организаціи и превращаются въ почетную должность. Это по большей части придворныя лица, которыя облекаются въ пышную одежду герольдовъ лишь при различныхъ торжественныхъ случаяхъ. Во Франціи при Людовикѣ XIII должность королевскаго герольда преобразована была въ новую, носившую названіе совѣтника и генеральнаго судьи гербовъ (conseiller-juge général d'armes). Слѣдуетъ замѣтить, что когда королевская власть во Франціи замѣнила всѣхъ феодальныхъ князей, то и герольдъ короля замѣнилъ всѣхъ прочихъ. Должность судьи гербовъ снова замѣнена была при Людовикѣ XIV въ 1696 году генеральнымъ гросмейстеромъ гербовъ (grand maître général des armoiries) и хранителемъ арміріала. Извѣстный геральдистъ Карлъ д'Озье (d'Hozier), дворянинъ изъ Прованса, занималъ эту послѣднюю должность. Въ это время верховная власть во Франціи предоставила себѣ исключительное право пожалованія и утвержденія герба и установила штрафы за употребленіе неутвержденныхъ гербовъ, вслѣдствіе чего явилась необходимость подтверждать свои права на употребляемый гербъ. Тогда же установлена была такса за такое утвержденіе и подъ именемъ *„разыскиванія правъ на гербъ“*, (droit de recherche), явился значительный фискальный доходъ; онъ установленъ былъ въ 1696 г. въ размѣрѣ 20-ти ливровъ за каждый гербъ, и число послѣднихъ возросло

тогда во Франціи до 30-ти тысячъ. Въ 1701 году, еще при Людовикѣ XIV возстановлена была должность судьи гербовъ, которая и просуществовала до самой французской революціи, когда была окончательно упразднена, вмѣстѣ съ другими учрежденіями древней Франціи, въ знаменитую ночь на 4-е августа 1789 года.

Въ Англіи учрежденіе герольдовъ оказалось наиболѣе прочнымъ и существуетъ почти безъ измѣненій до настоящаго времени. Коллегія герольдовъ (College of heralds), преобразованная въ XV-мъ вѣкѣ изъ древнѣйшаго учрежденія королемъ Ричардомъ III и состоявшая тогда изъ 3-хъ гербовыхъ королей и извѣстнаго числа герольдовъ и персевантовъ, впослѣдствіи дополнена была гербовымъ королемъ Шотландіи — съ наименованіемъ *Lyon* и Ирландіи—съ именемъ *Ulster*. Эта палата, или коллегія герольдовъ, члены которой всѣ должны быть природные англичане дворянскаго происхожденія, завѣдуютъ донынѣ всею гербовою частью соединеннаго королевства Великобританіи. Они имѣютъ наблюденіе за гербами, а также сохраняютъ въ своемъ архивѣ родословные списки знатныхъ и благородныхъ фамилій, чтобы имѣть возможность давать справки о происхожденіи и брачныхъ связяхъ рода.

Въ другихъ государствахъ Европы подобныя учрежденія возникали и въ позднѣйшее время. Такъ въ Бельгіи палата герольдіи въ Брюсселѣ учреждена была въ 1628 году, а въ Пруссіи — при королѣ Фридрихѣ I въ 1706 г.; тогда же учреждена была въ Берлинѣ при дворянской академіи (Ritteracademie) первая въ Европѣ каѳедра геральдики, въ лицѣ сына извѣстнаго геральдиста *Spener*'а.—У насъ, въ Россіи герольдмейстерская часть учреждена была, по примѣру Пруссіи, Петромъ Великимъ въ 1722 году. Замѣтимъ здѣсь, что гербы въ Россіи начинаютъ появляться со второй половины XVII-го вѣка подъ вліяніемъ постоянныхъ сношеній, установившихся съ Польшею и Западной Европой. Русская геральдика обязана своимъ происхожденіемъ царю Алексѣю Михайловичу. Если до него и существовали нѣкоторыя эмблемы, какъ напр. двуглавый орелъ государственной печати, печати нѣкоторыхъ городовъ и т. под., то онѣ не имѣли полноты и законченности, не усвоили себѣ еще постоянныхъ

геральдическихъ формъ. По просьбѣ царя, императоръ Леопольдъ I прислалъ въ Москву своего герольдмейстера *Лаврентія Курелича* (или *Хурелевича*), который въ 1673 году написалъ сочиненіе, (оставшееся въ рукописи): «О родословіи Россійскихъ великихъ князей и государей, поднесенное царю Алексѣю Михайловичу отъ цесарскаго совѣтника и герольдмейстера Лаврентія Курелича, съ показаніемъ имѣющагося посредствомъ браковъ сродства между Россіею и восмью Европейскими державами, т. е. цесаремъ римскимъ и королями: англинскимъ, дацкимъ, французскимъ, гишпанскимъ, польскимъ, португальскимъ и шведскимъ, и съ изображеніемъ оныхъ королевскихъ гербовъ, а въ срединѣ ихъ — великаго князя св. Владиміра, на концѣ же — портрета царя Алексѣя Михайловича». Сочиненіе это служило важнымъ пособіемъ для Посольскаго приказа; (подлинникъ его, на латинскомъ и русскій переводъ, хранятся въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. дѣлъ). Не меньшее значеніе имѣлъ трудъ государева печатника, боярина *Артамона Сергѣевича Матвѣева*: «Всѣхъ великихъ князей Московскихъ и всея Россіи самодержцевъ персоны, и титла, и печати». Труды эти, безъ сомнѣнія, имѣли вліяніе на созданіе первыхъ русскихъ гербовъ. Однако во времена царя Алексѣя Михайловича, какъ говоритъ Котошихинъ, въ Россіи еще не были введены гербы для частныхъ лицъ. Подъ вліяніемъ Польши въ это время появляются впрочемъ у нѣкоторыхъ бояръ и у патріарха Никона—такъ наз. *клейноты*, (замѣнявшіе гербы). Такъ и у архіепископа Аѳанасія холмогорскаго, по словамъ Двинской лѣтописи, былъ «рисунокъ, съ примѣра клейнота патріарха, а подъ гербомъ на клейнотѣ надпись латинскими литерами имени архіепископа». Впервые упоминается у насъ опредѣленно о гербахъ въ Петровской табели о рангахъ (1722 г.), но говорится какъ объ учрежденіи, уже существующемъ. Слѣдовательно, нужно полагать, что гербы введены въ Россіи при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, царевнѣ Софьѣ и Петрѣ Великомъ. Многіе дворяне въ то время уже составляли себѣ гербы и употребляли таковые. Необходимо было привести это учрежденіе, перешедшее само собою съ Запада въ русское дворянство, въ порядокъ, дать ему опредѣленность и законность.

Для разборки и доказательствъ дворянства, для составленія и утвержденія гербовъ 12-го января 1722 г. была учреждена Петромъ Великимъ должность *геролдмейстера* и герольдмейстерская контора при немъ, и дана ему инструкція, что онъ долженъ составлять и утверждать гербы дворянскимъ родамъ, а «такъ-какъ это дѣло *новое*, т. е. какимъ порядкомъ знатныя и прочія фамиліи въ родословныхъ и прежнихъ гербахъ и вновь данныхъ содержаны быть имѣютъ, то пріискивать и переводить пристойныя книги другихъ государствъ и что по тому изобрѣтено будетъ, о томъ доносить Сенату, а въ Сенатѣ разсмотря, докладывать Намъ».

Выходцы, иностранные дворяне, перешедшіе въ Россію, могли просить правительство объ утвержденіи ихъ иностраннаго герба. При этомъ правительство наше справлялось въ иностранныхъ государствахъ, дѣйствительно ли такой-то дворянскій родъ имѣетъ такой гербъ, и послѣ этого уже утверждало таковой за извѣстнымъ родомъ.

Впослѣдствіи, для такихъ справокъ была переведена въ Посольскомъ приказѣ латинская книга, называемая «Гербовникъ шляхетскій Польскаго и Литовскаго народа»— *Окольскаго* и „Orbis Polonus“, изданный въ Краковѣ въ 1641 году.

Преобразованіе герольдіи произошло затѣмъ при Екатеринѣ II, внесшей въ дворянскіе гербы нѣкоторыя усовершенствованія.

Самое слово—*гербъ* заимствовано было у насъ съ польскаго *herb* и встрѣчается во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (herb, erb, irb) въ значеніи: наслѣдникъ, или наслѣдство. Такимъ образомъ самое названіе этой эмблемы указываетъ на ея наслѣдственность и неизмѣняемость.

IV.

Исторія геральдики имѣетъ тѣсную связь съ *исторіей дворянства* въ европейскихъ государствахъ и нерѣдко первая восполняетъ и объясняетъ собою послѣднюю. Поэтому не излишнимъ будетъ ознакомиться хотя въ общихъ чертахъ съ историческимъ

характеромъ дворянскаго сословія главнѣйшихъ странъ Западной Европы, въ которыхъ получила свое начало и геральдика.

Всѣ историки Среднихъ вѣковъ согласны между собою въ томъ, что въ франко-германскихъ государствахъ Европы дворянское сословіе развилось на почвѣ феодализма. Однако ранѣе эпохи крестовыхъ походовъ въ Западной Европѣ не существовало еще ничего похожаго на то, что впослѣдствіи стало называться дворянствомъ, т. е. рѣзко обособленнаго класса, различавшагося отъ другихъ наслѣдственными титулами, родословіями, прозвищами и фамильными гербами. Что же касается дворянства, основаннаго на владѣніи леномъ, или на исполненіи военной службы, какъ особой почетной обязанности, то таковое встрѣчается и ранѣе указанной эпохи. Еще Карлъ Великій призвалъ классъ всадниковъ къ службѣ въ войскахъ. Со временъ германскаго императора Генриха Птицелова, т. е. съ X-го вѣка, военная служба почти исключительно исправлялась этими всадниками и мало по малу перешла совершенно къ дворянству, которое несло его со своими подвластными.

Зарожденіе дворянскаго сословія во Франціи относится еще къ эпохѣ Меровинговъ. У Франковъ не существовало наслѣдственнаго дворянства, но въ это время образовался особый классъ дворянства личнаго, основаннаго на службѣ и придворныхъ отношеніяхъ къ королю. Весьма вѣроятно, что фамиліи, отличавшіяся древностью, пользовались у Франковъ особымъ уваженіемъ и что члены ихъ входили въ составъ королевскихъ приближенныхъ, или такъ называемыхъ *антрустіоновъ*. Но извѣстно, что въ число этихъ послѣднихъ допускались также и другіе свободные люди изъ Франковъ и Германцевъ и что высшаго положенія при королякъ достигали нерѣдко лица, принадлежавшія къ простому классу и даже изъ несвободныхъ людей. Эти антрустіоны пользовались извѣстными привилегіями, и за убійство одного изъ нихъ полагалась тройная плата противъ цѣны простыхъ гражданъ, по Салическимъ законамъ. Но высокое положеніе и преимущества этихъ королевскихъ приближенныхъ оставались только личными, пока пожалованія этимъ придворнымъ королевскихъ *бенефицій*, состоявшихъ изъ земельныхъ владѣній, не превратили ихъ мало

по малу въ наслѣдственныя. Въ этихъ пожалованіяхъ коренились начала послѣдующихъ феодальныхъ отношеній, на почвѣ которыхъ и развилось дворянское сословіе франко-германскихъ государствъ.

Владѣльцы бенефицій въ періодъ Каролинговъ являются уже самыми богатыми и знатными лицами въ государствѣ. Они стоятъ близко къ королю и раздѣляютъ съ нимъ высшій судъ и веденіе государственныхъ дѣлъ, причемъ ихъ высокое положеніе постепенно становится наслѣдственнымъ. Герцоги и графы, управлявшіе ввѣренными имъ провинціями почти на правахъ самостоятельныхъ государей, стали во главѣ зарождавшагося благороднаго класса. Въ подражаніе имъ, ихъ собственные вассалы, а равно и вассалы короны, и даже богатые владѣльцы еще не исчезнувшихъ аллодовъ, (наслѣдственныхъ имѣній), принимали титулы отъ владѣемыхъ ими городовъ, замковъ и земель и образовали цѣлый классъ мелкихъ графовъ, бароновъ и виконтовъ. Этотъ разрядъ дворянства сталъ распространяться въ непосредственной связи съ развитіемъ феодальной системы. Такимъ образомъ съ XI-го вѣка, при Капетингахъ дворянство во Франціи является уже организованнымъ сословіемъ, т. е. обладающимъ извѣстными привилегіями и притомъ наслѣдственнымъ. Оно естественно подраздѣлялось на высшее, среднее и низшее.

Каждый держатель леннаго участка былъ дворяниномъ, хотя бы онъ владѣлъ лишь нѣсколькими акрами земли и могъ выставить лишь одного воина, снаряженнаго къ бою. Съ этого времени стала сказываться необходимость въ какомъ-либо особомъ признакѣ благороднаго происхожденія, помимо владѣнія леномъ. Такая потребность вызвала два нововведенія, которыя входятъ въ обычай въ XI-мъ и особенно въ XII и XIII столѣтіяхъ, а именно принятіе *фамильныхъ прозвищъ* и *гербовъ*. Первыя появляются нѣсколько ранѣе, а именно съ того времени, какъ сеньёры стали прибавлять къ личнымъ своимъ именамъ названія территоріальныхъ владѣній, или же, нося какое-либо личное прозвище, стали передавать его своему потомству. Такіе примѣры восходятъ еще къ X-му вѣку. Что же касается гербовъ, то мы уже говорили о глубокой древности отличительныхъ эмблемъ во-

обще, а также и о томъ, что въ видѣ спеціально-геральдическихъ символовъ таковые встрѣчаются не ранѣе XI вѣка, во всеобщее же употребленіе входятъ лишь съ XII-го и XIII столѣтій.

Во Франціи держатели крупныхъ феодовъ, непосредственно зависѣвшихъ отъ короля, какіе бы титулы они при этомъ не носили, составляли классъ *высокихъ барановъ* (hauts barons). Они были первоначально *пэрами* (pairs) королевскаго двора, имѣли высшую территоріальную юрисдикцію и право вести вассаловъ на войну подъ своимъ знаменемъ (bannière). Подчиненнымъ классомъ являлись вассалы этого высшаго дворянства, которымъ присвоивалось общее названіе *вавассоровъ*. Владѣльцы замковъ (châtelains) принадлежали къ этому классу вавассоровъ: они стояли выше прочихъ мелкихъ ленныхъ владѣльцевъ и заимствовали свои фамильныя прозвища отъ своихъ замковъ, что имѣло по тому времени особое значеніе.

Такимъ образомъ мы видимъ, что во Франціи первоначальное дворянство возникло изъ условій феодальной системы и не происходило чрезъ какое-либо пожалованіе со стороны государей, какъ мы это замѣчаемъ впослѣдствіи. Но уже съ конца XIII-го столѣтія французскіе короли начали присвоивать себѣ исключительное право жаловать дворянство собственною властію и безо всякаго отношенія къ ленному владѣнію. Филиппъ Смѣлый въ 1271 г. былъ первымъ французскимъ королемъ, который началъ давать жалованныя грамоты на дворянство, а при Филиппѣ Красивомъ и его преемникахъ таковыя сдѣлались весьма обычными.

Это произвело перемѣну въ характерѣ французскаго дворянства и сильно повліяло на уменьшеніе его политическаго могущества и независимости феодальной аристократіи. Привилегіи, которыя до тѣхъ поръ соединялись лишь съ древностью рода и сбширностью земельныхъ владѣній, стали даваться лицамъ случайнаго и незнатнаго происхожденія, вслѣдствіе чего утратили свою цѣну и право на особое уваженіе. Съ этихъ поръ законы о дворянствѣ были истолкованы въ такомъ смыслѣ, что оно не можетъ существовать безъ королевскаго пожалованія. Отсюда явилось слѣдствіемъ, что и гражданскія должности административнаго и судебнаго характера стали давать право на такое по-

жалованіе (такъ наз. *noblesse de robe*) Учрежденіе рыцарства также значительно увеличило количество благородныхъ, такъ-какъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ давало и дворянство.

Замѣтимъ здѣсь, что̀ дворянство въ Западной Европѣ вообще различалось отъ рыцарства. Можно было быть дворяниномъ, не будучи рыцаремъ, рыцарство же давало дворянство *ipso facto*. Одинъ средневѣковой писатель выражается такъ: „Nemo eques nascitur, sed fit per habentem potestatem solita sub formula“. Рыцарское достоинство всегда оставалось личнымъ и не передавалось по наслѣдству. Даже сыновья королей не родились рыцарями, по крайней мѣрѣ въ Средніе вѣка.

Ménéstrier приводитъ въ примѣръ письмо германскаго императора Конрада, сына Фридриха II, въ которомъ онъ извѣщалъ гражданъ г. Палермо, что желаетъ среди нихъ принять достоинство и поясъ рыцаря. Извѣстно также, что французскій король Францискъ I пожелалъ получить рыцарское посвященіе отъ знаменитаго Байярда на полѣ битвы при Мариньяно. Впрочемъ, по свидѣтельству Monstrelet, дѣти государей въ XIV и XV вѣкѣ иногда получали рыцарское достоинство и отъ самой купели: такъ напр. второй сынъ императора Карла V при крещеніи имѣлъ воспріемникомъ по рыцарству знаменитаго Дю-Геклэна. Въ феодальную эпоху всѣ владѣтельные сеньёры считали себя въ правѣ передавать другимъ рыцарское достоинство чрезъ посвященіе, но впослѣдствіи государи оставили это право за собою.

Рыцари во Франціи подраздѣлялись на рыцарей-баннеретовъ (chevaliers bannerets), имѣвшихъ свое знамя, и рыцарей низшаго достоинства (bacheliers). Отличіемъ послѣднихъ служилъ значекъ съ длинною косицею (pennon à queue). Право на рыцарское достоинство давало благородное происхожденіе, которое доказывалось *„по имени и гербу“* (gentilesse de nom et d'armes) т. е., по объясненію Дю-Канжа, требовалось удостовѣрить свое дворянство̀ не только по отцу и дѣду, (что считалось достаточнымъ для утвержденія въ простомъ дворянствѣ), но еще и по женскимъ линіямъ, въ двухъ поколѣніяхъ. Впрочемъ, съ XIV-го столѣтія короли имѣли право возводить въ рыцарство, въ награду

за особо выдающіяся заслуги, и лицъ изъ низшихъ классовъ, которые такимъ образомъ и получали дворянство.

Итакъ, рыцарство являлось достоинствомъ, которое прибавлялось къ благородному происхожденію. Но, независимо отъ этого, права рожденія и наслѣдственность установили въ рядахъ дворянства Франціи особую сословную іерархію, степени которой различались обычаями узаконеннаго старшинства. Мы уже упоминали о *пэрахъ* Франціи: первоначально ихъ было 12, по числу, освященному поэзіей Среднихъ вѣковъ (chansons de gestes), воспѣвавшей легендарные подвиги Александра Македонскаго, Карла Великаго и англійскаго короля Альфреда. Изъ нихъ 6-ти *свѣтскимъ* пэрамъ присвоивались титулы главныхъ феодовъ французской короны: Бургундіи, Нормандіи, Гюйенна, Фландріи, Тулузы и Шампаньи; 6-ю же духовными пэрами были старшіе архіепископы и епископы королевства. Исторія пэріи во Франціи представляетъ четыре періода. Первый кончается съ исчезновеніемъ упомянутыхъ большихъ феодовъ чрезъ присоединеніе ихъ къ коронѣ, кромѣ Фландріи, которая отдѣлилась отъ королевства. Съ этихъ поръ, во второмъ періодѣ, французскіе короли стали давать пэрію и герцогство (ducat), какъ почетные титулы, не соединявшіеся уже, какъ было до тѣхъ поръ, съ феодальнымъ владѣніемъ. Іоаннъ Бретанскій былъ первымъ изъ такихъ пожалованныхъ пэровъ, въ 1297 году. Третій періодъ пэріи отмѣчается возведеніемъ въ это почетное достоинство иностранныхъ принцевъ съ 1505 года и, наконецъ, четвертый—возведеніемъ въ герцогства, соединенныя съ пэріею, важнѣйшихъ дворянскихъ владѣній въ королевствѣ.

Непосредственно за пэрами слѣдовали по достоинству: герцоги (ducs), маркизы и графы (comtes). Первые подраздѣлялись на герцоговъ-пэровъ и простыхъ герцоговъ, наслѣдственныхъ и пожизненныхъ. При торжественныхъ случаяхъ и церемоніяхъ эти титулованныя лица различались внѣшними знаками своего достоинства. „Инвеститура герцога, по словамъ писателя XV-го столѣтія *La Sale*, состояла въ возложеніи на голову золотой герцогской шапки, украшенной жемчужинами; маркиза—чрезъ перстень съ рубиномъ; графа—чрезъ перстень съ алмазомъ. Корона

герцоговъ имѣетъ украшенія въ видѣ цвѣтковъ (fleuronnée) изъ драгоцѣнныхъ камней, графская — украшена жемчужинами; маркиза—украшена на половину цвѣтками, на половину—жемчужинами". Затѣмъ шли по порядку старшинства: *виконты*, *видамы* (vidames), и *бароны*. Этотъ послѣдній титулъ имѣлъ первоначально болѣе общее значеніе и обозначалъ вообще вассаловъ короны, не имѣвшихъ другихъ титуловъ. Низшую степень дворянства составляли владѣльцы замковъ (châtelains), оруженосцы (écuyers) и простые дворяне (gentilshommes).

Исторія *нѣмецкаго* дворянства (Adel) отличается нѣсколькими существенными особенностями отъ французскаго.

Въ Германіи до конца XIII-го столѣтія почитался за настоящее государственное дворянство (Reichsadel) лишь одинъ древній классъ *князей* (Fürsten) и *господъ* (Herren), нѣсколько увеличившійся съ теченіемъ времени чрезъ воспринятіе новыхъ фамилій.

Къ этому классу принадлежали *свѣтскіе князья* (герцоги, маркъ—и пфальцграфы, ландграфы, бургграфы) съ наслѣдственнымъ достоинствомъ, *высшее духовенство* (geistliche Fürsten), не по рожденію, а лишь по занимаемымъ должностямъ и, наконецъ, *свободные господа* (Freie Herren). Эти послѣдніе, хотя наслѣдственно владѣли не княжествами, а дворянскими имѣніями (Herrschaften) съ правами высшей юрисдикціи, но имѣли право также являться на государственныя собранія наравнѣ съ князьями. Этотъ разрядъ свободныхъ господъ, носившій также по швабскому закону (Schwabenspiegel) названіе *вполнѣ свободныхъ* (semper freie, sendbar freie, также hochfreie), имѣлъ особенную характеристичную для Германіи черту: вполнѣ самостоятельное господство въ своихъ владѣніяхъ (Landeshoheit) и образовалъ съ теченіемъ времени нѣчто вродѣ мѣстныхъ владѣтельныхъ династій. Они относились непосредственно къ государству, завися только отъ императора.

Между этимъ высшимъ дворянствомъ и простымъ классомъ стояли такъ называемые *полу-свободные* (Mittelfreie). Этотъ классъ составляли, во первыхъ, тѣ изъ свободныхъ, которые первоначально за свои помѣстья обязаны были нести конную службу и впослѣдствіи не пріобрѣли полной независимости отъ

мѣстныхъ властей, и, во вторыхъ, находившіеся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ высшему государственному дворянству и обязанные подъ его начальствомъ нести конную службу въ качествѣ мéньшихъ воиновъ (milites minores). Они также предъявляли права свои на титулъ благородныхъ и получили большое значеніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Конрадъ II узаконилъ наслѣдственность и въ низшихъ ленныхъ владѣніяхъ. Такимъ образомъ возникло въ Германіи мало по малу высшее и низшее дворянство. Эти-то свободные и полу-свободные со своими вассалами несли совмѣстно государственную военную службу и образовали то, что впослѣдствіи разумѣлось подъ названіемъ дворянства, тогда какъ другіе свободные классы въ Германіи (такъ наз. gemeinfreie) были совершенно исключены изъ этой почетной обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли также и правъ на пріобрѣтеніе рыцарскаго достоинства. Въ нѣкоторыхъ имперскихъ городахъ Германіи къ этому послѣднему разряду принадлежали именитые граждане (geschlechter, Patricier), отличившіеся заслугами по городскому управленію и происходившіе нерѣдко изъ фамилій рыцарскаго достоинства.

Образовавшіяся такимъ образомъ общественныя группы высшаго и низшаго дворянства дѣлились на особые разряды, которые носили въ Германіи въ Средніе вѣка названіе *войсковыхъ щитовъ* (Heerschilde). Первоначально таковыхъ существовало только шесть, и лишь въ XIII вѣкѣ къ нимъ присоединился седьмой щитъ. Относительно внутренней организаціи этихъ разрядовъ дошедшія до насъ свѣдѣнія довольно скудны. Изъ феодальнаго права Швабіи мы узнаёмъ, что они пополнялись только лицами, имѣвшими право достигать рыцарскаго достоинства (Rittermässige). Но уже около 1300 года, вскорѣ послѣ паденія Гогенштауфеновъ, это дѣленіе исчезаетъ совершенно и его замѣняетъ болѣе опредѣленное раздѣленіе дворянскаго сословія въ Германіи на князей, графовъ (Grafen, Freie), служащихъ господъ (Dienstmannen, Dienstherren) и правоспособныхъ къ рыцарству, называвшихся также просто благородными (Edelleute, Einschildritter), къ которымъ примыкали также оруженосцы (Edelknechte, Dienstleute) и другіе представители низшаго дворянства.

Въ Германіи не образовалось столь многочисленнаго класса пожалованнаго дворянства, происшедшаго изъ военныхъ и гражданскихъ должностей, какое мы видимъ во Франціи. Здѣсь мы встрѣчаемъ такое пожалованіе въ дворяне только изъ среды ученыхъ; но зато Германія изобилуетъ пожалованными дворянскими титулами, въ чемъ выразилось подражаніе французамъ.

Въ *Англіи* дворянство въ Средніе вѣка составилось изъ двухъ различныхъ національностей, а именно изъ Англо-Саксонской и Норманской. Норманны въ первые вѣка послѣ покоренія Англіи Вильгельмомъ Завоевателемъ (1066 г.) имѣли фактическій перевѣсъ надъ Саксами, но въ то же время между этими національностями оказалось много общаго въ образѣ жизни, обычаяхъ и воспитаніи. Національное дворянство Саксовъ составлялъ классъ *эорловъ* (Eorls), различавшійся своимъ привилегированнымъ положеніемъ отъ простонародья (Ceorls).

Ленная система проникла и въ Англію, но здѣсь она получила своеобразное развитіе. Раньше существовало мнѣніе, что она введена была въ Англію Норманнами, но новѣйшія изслѣдованія доказали, что она существовала здѣсь и ранѣе и что саксонскіе *таны* были тѣ же ленные владѣльцы, обязанные вѣрностью и военною службою королю. Норманское же господство дѣйствительно закрѣпило этотъ строй и дало Англіи болѣе выработанный характеръ феодальнаго государства. Но Вильгельмъ завоеватель ввелъ въ покоренной имъ странѣ военную организацію феодализма лишь настолько, насколько это было нужно для безопасности его завоеваній. Поощряя введеніе въ Англіи той ленной системы землевладѣнія, какая была въ употребленіи въ Нормандіи, онъ въ то же время принималъ мѣры противъ усиленія могущества норманскихъ феодальныхъ владѣтелей. Лены и помѣстья, которые онъ раздавалъ, не составляли большихъ феодальныхъ владѣній.

Въ началѣ норманскаго періода коронные вассалы считали себя правящимъ классомъ, на подъ-вассаловъ смотрѣли какъ на среднее сословіе, а на остальное населеніе, какъ на податной классъ.

Ленная система имѣла повсюду стремленіе создать наслѣд-

ственный классъ подвластныхъ людей посредствомъ сліянія должности съ владѣніемъ и превращеніе всякихъ отношеній зависимости въ матеріальное подчиненіе. Въ Англіи королевская власть остановила развитіе подобнаго порядка вещей. „Государство было здѣсь достаточно сильно, говоритъ *Гнейстъ*, чтобы ставить всякое увеличеніе правъ въ зависимость отъ высшихъ услугъ государству и помѣшать такимъ образомъ обращенію дворянства и рыцарства въ наслѣдственныя сословія, а напротивъ того, придать имъ характеръ общественнаго класса“.

Такимъ образомъ, благодаря вліянію королевской власти, въ Англіи образовались три слѣдующія общественныя группы.

Первою изъ нихъ былъ классъ *крупныхъ вассаловъ*, подвергавшійся наибольшимъ перемѣнамъ: онъ обнималъ, при первоначальномъ распредѣленіи послѣ завоеванія, тѣхъ лицъ, которые уже на континентѣ были графами, или доставляли цѣлые отряды въ составъ войска. Это такъ называемые *barones majores*.

Второй классъ образуютъ менѣе значительные коронные вассалы въ ихъ постепенномъ сліяніи съ подвассалами. Мелкіе коронные вассалы ничѣмъ не отличаются въ ихъ правѣ владѣнія (tenure) отъ крупныхъ владѣльцевъ. Многіе изъ нихъ посредствомъ вліятельныхъ должностей пріобрѣтали и внѣшнее положеніе въ государствѣ, равное крупнымъ вассаламъ. Въ первоначальномъ числѣ четырехсотъ этихъ такъ наз. *barones minores* большая часть состояла изъ лицъ, уже владѣвшихъ рыцарскими ленами въ Нормандіи, или изъ ихъ младшихъ братьевъ и сыновей.

Наконецъ, третьимъ классомъ были свободные и несвободные земледѣльцы, жившіе на чужихъ земляхъ.

Вслѣдствіе отчужденія и раздѣленія рыцарскихъ помѣстій, особенно усилившихся въ эпоху крестовыхъ походовъ, и дробленія леновъ, число мелкихъ ленныхъ владѣльцевъ въ Англіи съ теченіемъ времени значительно увеличилось. Всѣ указанныя причины помѣшали англійскому рыцарству въ Средніе вѣка превратиться въ замкнутое наслѣдственное сословіе. Не владѣніе само по себѣ, а достоинство, достигнутое военною службой, которая составляла повинность коронныхъ вассаловъ, давало право на титулъ *господина* (dominus, sir), какъ выраженіе личнаго по-

чета. Въ Средніе вѣка онъ давался также и лицамъ высшаго духовенства и получившимъ ученую степень въ университетѣ. Болѣе спеціально обозначаетъ рыцарское достоинство слово *knight*. Владѣльцы рыцарскихъ помѣстій, не достигшіе рыцарскаго званія, назывались *scutarii*, *esquires*. Усвоеніе фамильныхъ гербовъ становится съ крестовыхъ походовъ и въ Англіи все болѣе распространеннымъ обычаемъ, который вызванъ былъ въ то время, какъ мы показали это раньше, необходимостью, вслѣдствіе характера тогдашняго вооруженія.

Процессъ правоваго развитія сословій въ Англіи продолжался довольно долго и лишь къ концу XV-го вѣка выработалъ законченныя формы, стоявшія въ тѣсной связи съ парламентскимъ строемъ.

Къ тому времени высшее сословіе Англіи составляютъ духовные и свѣтскіе *пэры*, между которыми первые пользуются въ силу стародавняго обычая, старшинствомъ. Свѣтскіе пэры раздѣляются на пять разрядовъ, а именно: *герцоговъ* (dukes), *маркизовъ* (marquises), *графовъ* (earls), *виконтовъ* (viscounts) и *барономъ* (barons), которые имѣютъ право наслѣдственнаго представительства въ парламентѣ. Слѣдующее мѣсто въ ряду сословій занимаютъ рыцари, или вѣрнѣе *владѣльцы рыцарскихъ помѣстій*. Этотъ классъ образовался изъ сліянія коронныхъ вассаловъ съ подвассалами и наиболѣе крупными изъ вольныхъ землевладѣльцевъ.

Рыцарское землевладѣніе въ Англіи никогда не имѣло характера прирожденнаго званія, но владѣльцы этихъ помѣстій имѣли однако одну сословную привилегію, быть избираемыми представителями графства, при чемъ преимущество отдавалось наиболѣе именитымъ фамиліямъ. Среднее землевладѣльческое дворянство (gentry) очень дорожило этою привилегіей и гордилось древностію рода и герба.

Заслуживаетъ вниманія, что война съ Франціей въ XV столѣтіи имѣла большое вліяніе на распространеніе въ Англіи французскихъ обычаевъ. Частыя соприкосновенія съ французскимъ дворянствомъ и съ его сословными взглядами способствовало усиленію сословнаго духа и въ англійскомъ рыцарствѣ. Турниры,

которые раньше подвергались въ Англіи строгому запрещенію, вошли тогда въ обычай. Употребленіе гербовъ, какъ фамильныхъ эмблемъ, со времени войны съ Франціей сдѣлался всеобщимъ и даже считался наслѣдственнымъ правомъ. Вообще въ эту эпоху геральдика со своими правилами для турниров, гербовыми щитами и родословными играетъ въ Англіи видную роль. При Эдуардѣ III и Генрихѣ IV учреждаются почетные рыцарскіе ордена Бани и Подвязки. Обрядъ посвященія въ рыцарское достоинство также воскрешается въ то время во всей своей торжественности.

Дворянство Англіи имѣетъ въ государственномъ строѣ этой страны самыя крѣпкія національныя основы и является до настоящаго времени замѣчательнымъ живымъ образцомъ древнѣйшаго сословнаго учрежденія въ Европѣ.

Въ *Италіи* феодальныя учрежденія не имѣли ни тѣхъ выработанныхъ формъ, ни той прочности, какія мы видѣли въ упомянутыхъ нами государствахъ Западной Европы. Первоначально феодализмъ введенъ былъ въ Ломбардскомъ королевствѣ, гдѣ существовало 30 герцогствъ или маркизатовъ. При Карлѣ Великомъ и его преемникахъ число ихъ уменьшилось, но въ то же время здѣсь возникъ многочисленный классъ графовъ и низшихъ вассаловъ, между которыми каждый герцогъ раздѣлилъ предоставленную ему провинцію, подъ условіемъ исполненія ленныхъ обязанностей его подвластными. Графы въ свою очередь раздѣлили свои лены между рыцарями, становившимися подъ ихъ знамена. Частыя войны и вторженія, которымъ подвергалась Италія въ Средніе вѣка, вызвали появленіе множества укрѣпленныхъ замковъ, служившихъ резиденціею этихъ феодаловъ. Укрѣплявшіеся въ эту эпоху города начали проявлять свою независимость, и вслѣдствіе этого феодалы, простиравшіе на нихъ до тѣхъ поръ свое владычество, теперь окончательно удалились въ свои замки, стараясь сохранить свое могущество привлеченіемъ различными льготами сельскаго населенія на свои земли. Съ начала XII вѣка, съ развитіемъ феодальнаго дворянства въ Италіи, здѣсь появляются и дворянскіе гербы. Но въ Италіи развитіе этого сословія встрѣтило препятствія въ послѣдующія времена въ политическихъ обстоятельствахъ этой страны. Главнѣйшимъ изъ нихъ

было возникновеніе республикъ въ сѣверной Италіи въ XII вѣкѣ. Феодальное дворянство въ Италіи было гораздо менѣе могущественнымъ, чѣмъ въ другихъ странахъ Западной Европы, являясь здѣсь лишь союзникомъ городовъ. Нерѣдко на службу этихъ городскихъ республикъ поступали отряды наемныхъ всадниковъ, отчасти изъ дворянъ, обладавшихъ незначительнымъ состояніемъ, но большимъ честолюбіемъ. Военная сила нерѣдко попадала въ руки ихъ предводителей, что имѣло послѣдствіемъ превращеніе республикъ въ военныя деспотіи. Этимъ путемъ возвысились многія знаменитыя въ исторіи Италіи фамиліи, каковы Висконти, Сфорцы, Медичи и другія.

Заканчивая нашъ краткій обзоръ исторіи дворянства въ Западной Европѣ, скажемъ нѣсколько словъ о дворянствѣ въ *Испаніи*.

Испанія Среднихъ вѣковъ представляла особенно выгодныя условія для развитія аристократіи, и здѣсь феодализмъ имѣлъ совершенно своеобразный, отличный отъ другихъ странъ Западной Европы, характеръ. Короли Испаніи, вмѣстѣ съ воинственнымъ дворянствомъ страны, шагъ за шагомъ отвоевывали страну у Мавровъ, при чемъ раздавали своимъ вассаламъ въ награду обширныя помѣстья, территоріи и подданныхъ. Это способствовало возникновенію могущественной и часто грозной аристократіи. Она обладала громадными богатствами и землями; такъ напр. владѣнія Іоанна Бискайскаго въ XIV столѣтіи заключали въ себѣ болѣе 80-ти городовъ и укрѣпленныхъ замковъ, а Альваро ди Луна имѣлъ двадцать тысячъ вассаловъ.

Высшее дворянство Испаніи захватило въ свои руки всѣ важнѣйшія должности въ королевствахъ, пользовалось большими привилегіями и имѣло даже право освобождать себя отъ зависимости королю и переходить къ его противнику, объявляя о томъ чрезъ своего герольда.

Феодальный строй получилъ наибольшее развитіе въ Арагоніи, тогда какъ въ Кастиліи онъ почти не существовалъ. Въ первой существовало нѣчто вродѣ феода, подъ названіемъ *honor*, который давался королями лицамъ высшаго дворянства, называвшагося *ricos hombres*. Они въ свою очередь распредѣляли свои

феоды между вассалами (mesnadarios): дворянами (hidalgos, infanzones) и рыцарями (caballéros). Послѣднія два разряда составляли среднее и низшее дворянство.

Королевская власть въ Испаніи не теряла высшаго господства надъ всѣми своими подданными, каково бы ни было званіе послѣднихъ; отъ имени короля созывались *кортесы* и производился судъ; въ случаяхъ крайней необходимости и государственной опасности король имѣлъ право занимать земли и крѣпости сеньёровъ, и все населеніе обязано было помогать ему на войнѣ.

Испанія особенно славилась своимъ рыцарствомъ и справедливо почиталась рыцарскою страною по преимуществу. Здѣсь это учрежденіе Среднихъ вѣковъ находило чрезвычайно благопріятную почву для своего развитія и достигло особеннаго блеска, закаляясь въ долго не прекращавшейся борьбѣ съ Маврами и прославляя себя почти легендарными подвигами. Особенно прославился въ этой борьбѣ знаменитый Сидъ, воспѣтый испанскою поэзіей. Рыцарство пользовалось особеннымъ покровительствомъ законовъ въ Кастиліи и его широкія права и обязанности были здѣсь особенно точно опредѣлены. По вопросу о рыцарствѣ, имѣвшемъ столь значительное вліяніе на развитіе средневѣковой геральдики, мы посвятимъ наше слѣдующее чтеніе.

V.

Бытовая исторія Среднихъ вѣковъ особенно оживляется блестящимъ учрежденіемъ *рыцарства*. Дѣйствительно, рыцарство составляетъ одно изъ самыхъ замѣтныхъ явленій этой исторической эпохи. Здѣсь рыцарь является центральною фигурою картины — образцомъ для средневѣкового искусства, героемъ средневѣковой литературы: мы встрѣчаемъ его на первомъ мѣстѣ при каждомъ феодальномъ празднествѣ, на охотѣ, на блестящемъ турнирѣ и на оживленномъ полѣ битвы.

Происхожденіе рыцарства не можетъ быть установлено никакою точною датою. Въ то время, когда въ Римѣ правили Цезари, зачатки этого учрежденія уже существовали среди герман-

скихъ лѣсовъ. Объ этомъ мы находимъ намекъ у Тацита, который говоритъ, что у Германцевъ „юноши самаго благороднаго происхожденія не считали для себя униженіемъ находиться въ числѣ вѣрныхъ соратниковъ какого-либо знаменитаго вождя, которому они посвящали свое оружіе и свою службу“.

Другое мнѣніе высказываетъ *Дю-Канжъ*, усматривающій начало рыцарства еще въ римскую эпоху. Въ подтвержденіе своего взгляда онъ приводитъ нѣсколько цитатъ изъ Кассіодора, изъ которыхъ можно замѣтить нѣкоторую аналогію между обычаемъ посвященія въ воинское званіе у Римлянъ и рыцарскимъ посвященіемъ Среднихъ вѣковъ. Наконецъ, нѣкоторые изслѣдователи старались доказать, что рыцарство создалось подъ сильнымъ вліяніемъ Востока, проникавшаго въ Западную Европу сначала чрезъ испанскихъ мавровъ, а впослѣдствіи, въ эпоху крестовыхъ походовъ, и непосредственно. Но несомнѣнно, самымъ вѣрнымъ и обоснованнымъ является мнѣніе, что рыцарство создалось на почвѣ германскихъ нравовъ и общественныхъ отношеній феодальной эпохи въ Европѣ. Сначала незамѣтно, но пріобрѣтая твердое основаніе въ средневѣковомъ бытѣ, рыцарство росло и развивалось среди бурныхъ волнъ, которыя пронеслись надъ Европой послѣ паденія Западной Римской имперіи. Въ эпоху Карла Великаго оно получило могучій толчекъ къ дальнѣйшему своему развитію. Въ это время *caballarii*, или всадники получали отъ высшей власти особый призывъ служить въ войскѣ.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ рыцарство было тѣсно связано съ военною повинностью феодаловъ. *Caballarii* въ капитуляріяхъ IX-го вѣка и *milites*—XI-го и XII-го вв. были держателями феодальной земли, которые слѣдовали за своимъ феодаломъ, или государемъ на войну. Извѣстное количество земли, соединенное съ такою повинностью, называлось въ Англіи рыцарскимъ феодомъ, или въ Нормандіи—*feudum loricae*, *fief de haubert*—отъ кольчуги (*haubert*), которую обязанъ былъ носить въ бою держатель такого земельнаго участка.

Такимъ образомъ подобное военное земленользованіе связано было со службою рыцаря. Эта служба заключалась въ обязанности вассаловъ являться вооруженными и на конѣ. Будучи об-

щею повинностью таковыхъ, она не давала никакихъ правъ на какія-либо сословныя преимущества.

Но рыцарскую службу, основанную на феодальной повинности, слѣдуетъ тщательно различать отъ того особаго рода рыцарства, которое, будучи независимымъ и добровольнымъ, являлось высшимъ военнымъ достоинствомъ. Этотъ родъ рыцарства сталъ развиваться лишь съ того времени, когда феодальная система леновъ начала уже клониться къ упадку, а именно въ XIII вѣкѣ. Основаніемъ такого личнаго рыцарства было свободное поступленіе на службу къ какому-либо феодалу, или владѣтельному князю, обыкновенно съ цѣлію матеріальнаго вознагражденія, но иногда и съ безкорыстнымъ стремленіемъ пріобрѣсти славу и отличіе въ частыхъ междоусобіяхъ этихъ вождей. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда рыцари служили за жалованье, то становились въ буквальномъ смыслѣ наемнымъ войскомъ того или другого феодала. Чрезвычайное обѣднѣніе низшаго дворянства, вслѣдствіе дробленія леновъ, а также щедрость богатыхъ феодаловъ дѣлала эту вновь установившуюся связь по найму столь же прочною, какъ и прежняя, основанная на ленной системѣ. Младшій сынъ, покидая отцовскій ленъ, въ которомъ имѣлъ ничтожное участіе, могъ пріобрѣсти славу и достигнуть высшаго достоинства на службѣ у могущественнаго феодала. Достигнуть рыцарства, не составлявшаго прирожденнаго права, становилось для него цѣлью его честолюбивыхъ стремленій. Оно возвышало его общественное положеніе, сравнивая его по одеждѣ, вооруженію и титулу съ богатыми и знатными феодалами.

Этотъ классъ благородныхъ и доблестныхъ рыцарей, служившихъ, хотя и за жалованье, но на самыхъ почетныхъ условіяхъ, сдѣлался весьма многочисленнымъ въ Европѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Во время дальнихъ войнъ, на которыя обязательная феодальная служба не распространялась, богатые феодалы были вынуждены принимать на свою службу столько рыцарей, сколько имъ дозволяли средства, предоставляя послѣднимъ и долю участія въ военной добычѣ. Въ періодъ крестовыхъ походовъ институтъ рыцарства достигаетъ полнаго своего развитія, какъ особый родъ личнаго дворянства, и хотя его пер-

воначальное отношеніе къ феодальному владѣнію и не вполнѣ исчезаетъ въ это время, но становится едва замѣтнымъ, при томъ блескѣ и почетѣ, которые съ этихъ поръ отличаютъ его.

Духовные рыцарскіе ордена, образовавшіеся въ эпоху крестовыхъ походовъ, особенно содѣйствовали къ возвышенію рыцарскаго званія. Сочетаніе церкви и рыцарства и войны съ религіей, говоритъ современный историкъ *Cantu*, выразилось въ учрежденіяхъ, которыя были не знакомы народамъ прежнихъ временъ и находились въ тѣсной связи съ крестовыми походами, а именно въ рыцарскихъ орденахъ. Нигдѣ рыцарство не являлось столь достойнымъ удивленія, какъ въ этихъ военно-религіозныхъ учрежденіяхъ: здѣсь оно принимало на себя отреченіе отъ всѣхъ земныхъ привязанностей, отъ славы воина и отъ спокойной жизни монаха и возлагало бремя этихъ двухъ призваній на одного человѣка, обрекая его на опасности битвъ и на служеніе страждущему человѣчеству.

Еще съ половины XI столѣтія итальянскіе купцы изъ гор. Амальфи исходатайствовали у Египетскаго халифа разрѣшеніе построить въ Іерусалимѣ больницу, во имя св. Іоанна Предтечи, въ которой призрѣвались бѣдные пилигримы, совершавшіе паломничество въ Святую Землю. Готфридъ Бульонскій и его преемники оказали щедрое покровительство этому учрежденію, которое вскорѣ получило большое развитіе. Петръ Жераръ, уроженецъ Прованса, предложилъ братьямъ, посвятившимъ себя служенію при этой больницѣ, отречься отъ міра и принять монашеское одѣяніе съ названіемъ *больничниковъ св. Іоанна* (hospitaliers). Папа Паскаль II въ 1113 году утвердилъ уставъ новаго ордена, который принялъ подъ свое покровительство, поставивъ во главѣ его Жерара. Правила ордена, кромѣ трехъ монашескихъ обѣтовъ: послушанія, цѣломудрія и нищеты, возлагали на братьевъ обязанности страннопріимства и военнаго ремесла, для защиты Іерусалимскаго королевства отъ невѣрныхъ. Когда Саладинъ въ 1191 г. снова овладѣлъ Іерусалимомъ, рыцари св. Іоанна были изгнаны отсюда, но удержались въ предѣлахъ Святой Земли, гдѣ имъ удалось овладѣть Акрой и снова основаться здѣсь. Вытѣсненные и отсюда въ 1291 году, они перешли на островъ Кипръ, а въ XIV-мъ

вѣкѣ—на Родосъ. Здѣсь они особенно прославились своею геройскою борьбою съ сарацынами и турками, продолжавшеюся болѣе двухъ столѣтій, и стали извѣстны подъ названіемъ *Родосскихъ рыцарей*. Наконецъ, въ началѣ XVI-го столѣтія, послѣ славной защиты Родоса отъ турокъ при Солиманѣ Великолѣпномъ, въ 1522 г., они принуждены были уступить превосходившимъ ихъ силамъ турокъ и удалиться на самыхъ почетныхъ для ордена условіяхъ на островъ Мальту, который былъ предоставленъ имъ императоромъ Карломъ I. Дальнѣйшее существованіе ордена связано съ этимъ островомъ, отъ котораго онъ получилъ новое названіе—*Мальтійскаго*. Орденъ и здѣсь пріобрѣлъ большую славу своею защитою Мальты отъ турокъ въ 1565 г., которые были отбиты знаменитымъ гросмейстеромъ Іоанномъ *La Valette*. Рыцарство всей Западной Европы стекалось на Мальту для поступленія въ орденъ, который сталъ въ это время особенно могущественнымъ. Онъ раздѣлялся на 8 пріоратовъ, по отдѣльнымъ національностямъ рыцарей. Пріораты, въ свою очередь, подраздѣлялись на многочисленныя командорства. Къ концу XVIII-го столѣтія Мальтійскій орденъ сталъ оскудѣвать и клониться къ упадку. Въ 1798 г. французскій флотъ въ эпоху директоріи, подъ начальствомъ Бонапарта овладѣлъ Мальтою. Изгнанные отсюда рыцари нашли убѣжище въ Россіи, гдѣ императоръ Павелъ I принялъ на себя званіе гросмейстера Мальтійскаго ордена.

Орденскій костюмъ Мальтійскихъ рыцарей всѣхъ національностей съ древнѣйшаго времени состоялъ изъ черной мантіи съ бѣлымъ осьмиконечнымъ крестомъ на лѣвой сторонѣ. Впослѣдствіи они стали носить такой-же крестъ изъ золота съ бѣлою эмалью на черной лентѣ. Знамя ордена было красное съ серебрянымъ (бѣлымъ) крестомъ.

Въ ту-же эпоху крестовыхъ походовъ, приблизительно чрезъ 20 лѣтъ послѣ учрежденія ордена больничниковъ св. Іоанна Іерусалимскаго, возникъ другой могущественный рыцарскій орденъ. Девять французскихъ рыцарей, имена которыхъ сохранила намъ исторія, прибывъ въ Палестину, получили отъ короля Балдуина II-го разрѣшеніе основать здѣсь новое рыцарское братство, имѣвшее цѣлью дѣйствовать въ союзѣ съ Іоаннитами противъ невѣр-

ныхъ, покровительствовать пилигримамъ, охраняя ихъ путь, и блюсти храмъ Соломона.

Послѣдняя обязанность имѣла основаніемъ то, что Балдуинъ отвелъ новому братству помѣщеніе въ оградѣ Соломонова храма, откуда и произошло ихъ названіе — *Темпліеровъ* или *рыцарей Храма*. Первоначально они отличались строгимъ исполненіемъ монашескихъ обѣтовъ и называли себя не иначе, какъ *нищими воинами Христа*. Ихъ самоотверженное служеніе низшей братіи пріобрѣло имъ расположеніе королей Іерусалимскихъ и христіанъ Востока. Утвержденный въ 1128 г. папою, орденъ Темпліеровъ вскорѣ сдѣлался весьма многочисленнымъ и сильнымъ, наводя трепетъ на враговъ Креста. Храмовники имѣли знамя на половину бѣлое, на половину черное, называвшееся *Baucéant*; на немъ была надпись: „не намъ, Господи, не намъ, а имени Твоему даждь славу“. Рыцари носили сверхъ латъ мантію изъ бѣлой льняной ткани, украшенную краснымъ такъ наз. *патріаршимъ* крестомъ (съ оконечностями въ видѣ буквы т); по другимъ описаніямъ этотъ крестъ былъ осьмиконечный, также красный, шитый золотомъ. Въ XIII столѣтіи орденъ Темпліеровъ достигъ высшей степени своего могущества и къ нему стеклись несмѣтныя богатства и всевозможныя привилегіи; но съ этого же времени стали появляться и признаки его духовнаго упадка. Чрезмѣрныя богатства ордена внесли въ него обычаи роскоши и нравственной распущенности. Къ тому же онъ стремился къ полной независимости отъ мѣстныхъ государей.

Въ началѣ XIV столѣтія французскій король Филиппъ Красивый, желая воспользоваться несмѣтными богатствами Темпліеровъ во Франціи, потребовалъ отъ папы Климента V назначить слѣдствіе надъ злоупотребленіями ордена. Подъ этимъ предлогомъ онъ велѣлъ схватить гросмейстера Темпліеровъ, Якова Молэ и безо всякаго суда подвергъ его и рыцарей ордена жестокой казни, чрезъ сожженіе. Въ другихъ странахъ Западной Европы Темпліеры также подверглись суду и гоненіямъ, и всѣ имущества ихъ отобраны были въ пользу церкви. Таковъ былъ печальный конецъ этого ордена.

Въ Средніе вѣка и въ эпоху возрожденія учреждались также

и другіе рыцарскіе ордена съ такимъ-же смѣшаннымъ военно-религіознымъ характеромъ. Главнѣйшія изъ нихъ были: въ Испаніи— ордена Калатравы, Алькантары и Монтезы и въ Германіи— орденъ Тевтонскихъ рыцарей.

Рыцарскій орденъ *Калатравы* основанъ былъ картезіанскимъ монахомъ Раймондомъ де Фитéро, который далъ ему монашескій уставъ (въ 1158 г.) Онъ проявилъ себя блестящими подвигами въ войнахъ съ маврами Испаніи и сѣверной Африки и получилъ за это большія богатства и привиллегіи отъ королей Испаніи, которые, со временъ Фердинанда и Изабеллы, всегда носили званіе гросмейстеровъ этого ордена. Онъ сохранилъ въ Испаніи большое значеніе, хотя впослѣдствіи и служилъ лишь знакомъ знатности рода. Орденъ *Алькантары*, основанный въ Испаніи въ 1156 г., имѣлъ тѣ же цѣли и судьбы, какъ и предъидущій. Наконецъ, орденъ *Монтезы*, основанный въ 1317 г. королемъ Арагонскимъ Яковомъ II, замѣнилъ въ Испаніи упраздненный въ это время орденъ Темпліеровъ, имущества котораго перешли къ нему здѣсь.

Нѣмецкій рыцарскій орденъ *Меченосцевъ*, или *Тевтонскій* учрежденъ былъ въ 1128 г. въ Іерусалимѣ нѣмецкими крестоносцами. Онъ былъ также монашескимъ. Рыцари его носили на бѣлой мантіи черный крестъ съ нѣсколько уширенными концами (patté) и съ серебряною каймою на лѣвой сторонѣ. Первый ихъ гросмейстеръ, Генрихъ фонъ Вальпотъ имѣлъ пребываніе въ окрестностяхъ Акры, въ Палестинѣ; но особенную славу орденъ пріобрѣлъ при гросмейстерѣ Германѣ Зальца (1210 г.), который примирилъ императора Фридриха II съ папой Гоноріемъ III, за что получилъ отъ обоихъ большія имѣнія и почетныя привиллегіи для ордена. Тевтонскіе рыцари послѣ того завоевали Пруссію, Лявонію и Курляндію и съ 1283 года сдѣлались обладателями всей страны между Вислою и Нѣманемъ. Своею столицею они избрали Маріенбургъ. Орденъ въ это время достигъ высшаго своего процвѣтанія, и его господствующее положеніе въ Германіи имѣло для Пруссіи самыя выгодныя послѣдствія. Но роскошь, проникшая въ среду рыцарей, стала вредно вліять на религіозный характеръ ордена и начавшіяся внутреннія неурядицы явились главною причиною начавшагося его упадка. Орденъ былъ

вовлеченъ въ безконечныя войны съ Литвой и Польшей и въ борьбѣ съ послѣднею потерпѣлъ тяжкое пораженіе въ Грюнвальденской битвѣ (въ 1410 году), гдѣ потерялъ свое знамя, сокровища и лучшихъ своихъ вождей. Хотя послѣ того гросмейстеръ Генрихъ фонъ Плауенъ и вернулъ ордену на нѣкоторое время утраченныя имъ владѣнія, но не на долго. Польскій король Казиміръ IV изгналъ Тевтонскихъ рыцарей изъ Маріенбурга и они сохранили за собою лишь Восточную Пруссію съ Кенигсбергомъ, причемъ должны были признать свою зависимость отъ Польши.

Послѣднимъ гросмейстеромъ ордена былъ Альбертъ Бранденбургскій, принявшій протестантство и этимъ освободившій себя отъ монашескихъ обѣтовъ и другихъ обязательствъ. Онъ раздѣлилъ владѣнія ордена съ дядею, королемъ Сигизмундомъ Польскимъ, который при этомъ призналъ его наслѣдственнымъ герцогомъ Прусскимъ (1525 г.). Таково было происхожденіе дворянства и правящей власти въ Пруссіи. Альбертъ женился на дочери короля Датскаго. Существованіе Тевтонскаго ордена въ это же время окончательно прекратилось.

Кромѣ упомянутыхъ рыцарскихъ орденовъ съ религіознымъ характеромъ, возникало не мало другихъ, имѣвшихъ свѣтскій характеръ. Мы остановимся здѣсь лишь на главнѣйшихъ изъ нихъ.

Извѣстный рыцарскій орденъ *Золотаго руна* учрежденъ былъ въ 1429 г. Филиппомъ Добрымъ, герцогомъ Бургундскимъ, графомъ Фландріи, съ цѣлью привлечь своихъ приближенныхъ къ участію въ предполагавшемся тогда крестовомъ походѣ противъ Турокъ. Хотя этотъ походъ и не состоялся въ то время, но орденъ продолжалъ существовать и существуетъ и донынѣ, какъ геральдическое отличіе. Со времени брака Филиппа Краснаго съ Іоанной Арагонской (1496 г.), король Испанскій и императоръ Австрійскій, каждый въ своемъ государствѣ, считаются главами ордена Золотаго руна.

Въ древней Франціи существовали рыцарскіе ордена *св. Михаила*, учрежденный въ 1469 г. Людовикомъ XI, и *Св. Духа*, который былъ основанъ Генрихомъ III въ 1578 году, по примѣру болѣе древняго ордена того-же названія, существовавшаго во Франціи въ XIV вѣкѣ, въ эпоху крестовыхъ походовъ.

Изъ другихъ рыцарскихъ орденовъ, имѣвшихъ характеръ военныхъ братствъ, назовемъ еще орденъ *Христа* въ Португаліи (XIV в.), *св. Маврикія и Лазаря* въ Савойѣ (XIV в.) и *св. Стефана* въ Тосканѣ (1561 г.). Вообще мы видимъ, что во времена процвѣтанія рыцарства, въ особенности въ эпоху крестовыхъ походовъ, люди военнаго сословія тѣсно соединялись между собою, имѣя одни и тѣ-же идеалы и интересы.

Уже съ начала XII-го столѣтія все рыцарство Западной Европы является замкнутою общиною съ религіознымъ характеромъ, хотя и безъ строго монашескихъ обѣтовъ, произносившихся, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ рыцарскихъ орденахъ. Доступъ въ эту общину открывался извѣстнаго рода служеніемъ. Съ этихъ поръ рыцарство сдѣлалось главною цѣлью въ воспитаніи благороднаго сословія. Въ Средніе вѣка уже вошло въ обычай, что сыновья вассаловъ, при переходѣ изъ дѣтскаго возраста въ отрочество, отвозились ко двору сюзерена, или въ замокъ какого-либо уважаемаго рыцаря, гдѣ они поступали на службу, сначала въ пажи, а затѣмъ переходили въ оруженосцы. Здѣсь они находили лучшую школу рыцарской учтивости (courtoisie) и доблести.

Въ то же время обычай этотъ являлся самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для укрѣпленія феодальныхъ отношеній, связывавшихъ сюзерена съ его вассалами. Поступавшіе такимъ образомъ на службу въ рыцарскій домъ для обученія военному дѣлу, прежде всего обязаны были нести домовыя должности: служить при трапезѣ сюзерена (*dapiferi*, *senescalci*), имѣть попеченіе о лошадяхъ (*marescalci*) и т. под. Всѣ они обозначались въ Германіи общимъ названіемъ *knappen* (отроковъ).

Такое военное обученіе начиналось съ 7-ми или 8-ми лѣтняго возраста. Служба пажа или варлета (varlet) была преимущественно при дамахъ, хозяйкахъ замка, которыхъ онъ сопровождалъ на прогулкахъ и на охотѣ. Въ отплату за эти услуги онъ получалъ обученіе въ пользованіи легкимъ оружіемъ, въ первоначальныхъ познаніяхъ по религіи, а также въ музыкѣ, пѣніи и игрѣ въ шахматы. Въ возрастѣ отъ 13—14-ти лѣтъ пажъ обыкновенно достигалъ производства въ оруженосцы. Роди-

тели его, имѣя въ рукахъ зажженныя свѣчи, приводили его къ алтарю, гдѣ священникъ съ молитвою и благословеніемъ передавалъ ему мечъ и поясъ. Введеніе такой религіозной санкціи въ рыцарскія церемоніи, что мы встрѣчаемъ впрочемъ не ранѣе временъ Карла Великаго, дало этому учрежденію его главнѣйшую силу и значеніе. И дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ, и притомъ въ самомъ точномъ, рыцарство можетъ быть по справедливости названо *религіей Среднихъ вѣковъ*, ибо его вліяніе сказывалось въ смягчающемъ его дѣйствіи на грубые варварскіе обычаи: оно, несомнѣнно, дало болѣе мягкости и выработанности общественнымъ отношеніямъ этой эпохи.

Главною обязанностью оруженосца (*famulus*, *armiger*) было сопровождать своего господина на войну или на турниръ, носить въ этихъ случаяхъ его щитъ (*scutum*, *ëcu*, *schild*), откуда произошло названіе *ëcuyer*, *schildknappe*, и вообще служить ему личнымъ тѣлохранителемъ. Передъ сраженіемъ оруженосецъ велъ за рыцаремъ боеваго коня. На высокое сѣдло этого послѣдняго складывалось при этомъ боевое вооруженіе рыцаря, который самъ ѣхалъ впереди на другомъ конѣ, одѣтый въ болѣе легкую походную одежду. Когда же наступалъ часъ битвы, то оруженосецъ облекалъ своего господина въ латы, соединяя отдѣльныя ихъ части съ особою сноровкою, требовавшею продолжительнаго навыка. Во время самаго боя онъ находился все время при своемъ господинѣ, подавалъ ему новое копье, подводилъ коня, если рыцарь терялъ своего, устремлялся ему на выручку, если видѣлъ его въ опасности, и часто выносилъ изъ битвы раненымъ и истекающимъ кровью въ безопасное мѣсто. Таковы были обязанности оруженосца, пока онъ не достигалъ 21 года. Прослуживъ съ честью въ этомъ званіи и доказавъ свою вѣрность, храбрость и способность къ военному дѣлу, онъ въ этомъ возрастѣ, наконецъ, самъ поступалъ въ военное братство рыцарей.

Переходъ отъ степени оруженосца къ рыцарству сопровождался всегда большою торжественностью. Для посвященія въ рыцари, обыкновенно избирались праздничные дни, Пасха, Рождество, Троицынъ день, также дни коронованій и т. под. Нерѣдко посвящалось одновременно по нѣскольку человѣкъ. Церковная

инвеститура въ этой церемоніи присоединялась къ инвеститурѣ феодальной, вслѣдствіе чего рыцарство могло быть принимаемо почти за религіозный орденъ. Рыцарскій ритуалъ, *l'Ordène*, есть несомнѣнно, копія съ римскаго Понтификала: онъ содержитъ степени, соотвѣтствующія священству, новиціату и ординаціи. Обряды посвященія въ рыцарство также представляютъ аналогію съ церковными таинствами. Этимъ торжественнымъ обрядамъ предшествовалъ строгій постъ, всенародная исповѣдь и ночное бдѣніе въ вооруженіи (*veillée d'armes*), которое посвящаемый проводилъ въ церкви, въ молитвѣ. На слѣдующее утро, послѣ омовенія, его облекали въ новыя одежды, сверхъ которыхъ надѣвалась епанча съ изображеніемъ герба. Слѣдуя затѣмъ въ церковь, онъ приносилъ свой мечъ къ алтарю, гдѣ священникъ благословлялъ послѣдній. При этомъ произносилась особая молитва и давался обѣтъ защищать церковь, вдовъ и сиротъ и сражаться за христіанъ противъ невѣрныхъ. Послѣ того произносилась другая молитва и пѣлась часть 44-го псалма. Затѣмъ посвященному предлагались его воспріемниками—рыцарями установленные вопросы о цѣляхъ, побуждавшихъ его искать рыцарства, и отбиралось отъ него окончательно клятвенное обѣщаніе. Тогда онъ получалъ отъ своихъ воспріемниковъ, а иногда и отъ присутствовавшихъ дамъ, свое рыцарское вооруженіе: поясъ, шпоры, кольчугу, латы, наручи, перчатки и мечъ.

Вооруженный такимъ образомъ, (что выражалось французскимъ словомъ *adoubé*), онъ, наконецъ, получалъ рыцарское посвященіе посредствомъ удара мечемъ плашмя по плечу, или шеѣ (*accolade*), причемъ воспріемникъ, обращаясь къ посвящаемому, произносилъ: «во имя Божіе, святаго Михаила и св. Георгія дѣлаю тебя рыцаремъ. Будь благочестивъ, смѣлъ и благороденъ». Это торжественное посвященіе считалось столь важнымъ, что владѣтельныя лица, какъ мы уже говорили ранѣе, нерѣдко признавали необходимымъ поступать въ число рыцарей, прежде чѣмъ принять королевскій санъ.

Преимущество рыцарей заключалось въ томъ, что они принадлежали къ избранному, недоступному для непосвященныхъ, кругу людей; затѣмъ, каждый рыцарь имѣлъ право посвящать

другихъ въ рыцарство ударомъ меча, и принимать участіе въ рыцарскихъ играхъ, или *турнирахъ* (*torneamenta*, *tournois*, *turney*, *turnier*). Эти игры, по всей справедливости, можно назвать воспитательными учрежденіями дворянскаго сословія въ Западной Европѣ. Турниры являлись звѣномъ, соединявшимъ мирную и боевую жизнь рыцаря.

Съ точки зрѣнія геральдики, рыцарскіе турниры предетавляютъ особенный интересъ, такъ-какъ они, по мнѣнію *Ménétrier* и другихъ ученыхъ, не менѣе крестовыхъ походовъ способствовали обычаю употреблять гербы. Они же ввели въ эти послѣдніе нѣкоторые свои атрибуты, какъ напр. турнирный шлемъ съ его разнообразными и причудливыми нашлемными украшеніями (*Helmkleinod*, *cimier*, *crest*), турнирный воротникъ (*lambel*), а также нѣкоторыя геральдическія фигуры, каковы напр. *шевронъ*, *столбъ*, *поясъ* и т. под., въ которыхъ геральдисты видятъ намёки на составныя части турнирнаго барьера. Отъ турнировъ же произошли во многихъ случаяхъ изображенія звѣздъ и животныхъ въ гербахъ: на этихъ рыцарскихъ состязаніяхъ партіи, оборонявшаяся (*tenants*) и нападавшая (*assaillants*) часто избирали себѣ отличительныя названія и соотвѣтствующія гербовыя эмблемы. Такъ мы встрѣчаемъ на турнирахъ — рыцарей солнца, звѣзды, полумѣсяца, льва, дракона, орла, лебедя и т. под. Не забудемъ, что въ то время свободный выборъ герба еще предоставлялся каждому рыцарю. О тѣхъ же турнирахъ говорятъ намъ копья, шпоры, шлемы, мечи, булавы, и т. под. предметы вооруженія, часто встрѣчающіеся въ рыцарскихъ гербахъ.

Въ виду такого значенія турнировъ для геральдики, мы остановимся на этомъ интересномъ явленіи рыцарскаго быта Среднихъ вѣковъ болѣе подробно.

VI.

То, что мы теперь разумѣемъ подъ словомъ «*турниръ*», не вполнѣ исчерпываетъ понятія, которое соединялось съ этимъ словомъ въ прежнія времена; притомъ, въ теченіи столѣтій подъ

названіемъ турнира не всегда подразумѣвался одинъ и тотъ же обычай.

Подъ названіемъ турниръ (*turney*) мы вообще разумѣемъ воинственное состязаніе въ мирное время, военную игру.

Но если принимать этотъ терминъ въ буквальномъ его значеніи, то онъ заключаетъ въ себѣ также понятіе о дѣйствительномъ боѣ между отдѣльными лицами, единоборствѣ или такъ наз. «Божьемъ судѣ», а равно и о рыцарскомъ состязаніи между двумя противниками по извѣстнымъ установленнымъ правиламъ, при которомъ имѣлась цѣль не столько нанести вредъ другъ другу, сколько—выказать собственное искусство въ умѣніи пользоваться оружіемъ. Однако, въ цѣляхъ ясности, удобнѣе удержать для всѣхъ подобныхъ воинственныхъ состязаній названіе турнира, хотя таковое на техническомъ языкѣ относилось лишь къ извѣстнаго рода военнымъ упражненіямъ.

Тацитова „Germania“, пѣснь о Бсовульфѣ и обѣ Эдды содержатъ древнѣйшія указанія на пристрастіе Германцевъ къ примѣрнымъ боямъ. Изъ замѣчаній Тацита, (глава 24-я), даже какъ будто вытекаетъ, что римскіе императоры ввели бои гладіаторовъ подъ вліяніемъ этой страсти Германцевъ.

Въ этой же древне-германской любви къ военному дѣлу слѣдуетъ искать начала военныхъ игръ въ Средніе вѣка. Нитгартъ, племянникъ Карла Великаго, разсказываетъ въ своей хроникѣ, (кн. III), какъ въ 844 году свиты Людовика Нѣмецкаго и его брата Карла, во время ихъ свиданія въ Страсбургѣ раздѣлились на равныя по числу стороны и устроили примѣрный бой, при чемъ и оба эти короля стали сами во главѣ юныхъ воиновъ и приняли участіе въ этомъ состязаніи. Готфридъ де Прёльи (*Prenilly*), французскій рыцарь изъ Турэна, умершій въ 1066 г., первый, кажется, установилъ для подобной военной игры извѣстныя правила. До тѣхъ поръ они обыкновенно обозначались словомъ *buhurt*, тогда какъ названіе *turnier* происшедшее отъ *tourner*, *tornare*, появляется лишь съ XII-го вѣка и притомъ у французовъ, для обозначенія военныхъ состязаній многочисленными партіями, отъ которыхъ оно переходитъ и къ другимъ націямъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему съ этого

времени исчезаютъ первоначальные нѣмецкіе технические термины, примѣнявшіеся въ этихъ военныхъ играхъ, и ихъ совершенно замѣняютъ французскіе, а впослѣдствіи итальянскіе, которые и становятся обычными.

Впрочемъ вопросъ о томъ, гдѣ первоначально возникли турниры, является нѣсколько спорнымъ: какъ Франція, такъ и Германія приписывали ихъ учрежденіе себѣ. Въ пользу послѣдней говоритъ историческое извѣстіе, что первый турниръ происходилъ при дворѣ германскаго императора Генриха I Птицелова въ 938 году. Если вѣрить *Турнирной книгѣ* Рикснера, послѣ того турниры имѣли уже мѣсто въ различныхъ городахъ Германіи въ X-мъ и XI-мъ столѣтіяхъ.

Но несомнѣнно, что настоящіе турниры появляются лишь въ XII-мъ вѣкѣ, при чемъ древнія военныя состязанія Германцевъ были усовершенствованы извѣстными обычаями такихъ боевъ, которые соблюдались во Франціи, почему ихъ и называли въ то время *ludi gallici*.

Нѣсколько позднѣе обычай турнировъ переходитъ въ Англію, а именно изъ Франціи, по свидѣтельству Матѳея Парижскаго („a Francis torneamentorum usus accepere Angli"...) Здѣсь они встрѣтили сначала противодѣйствіе со стороны королей Стефана и Генриха II, но за то при Ричардѣ Львиномъ сердцѣ, который самъ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, весьма распространились: онъ разрѣшилъ устройство турнировъ въ пяти мѣстностяхъ своего королевства. Въ Италіи турниры также появляются съ XII-го вѣка. Хроники сообщаютъ извѣстія о такихъ состязаніяхъ, устраивавшихся между итальянскими городами, напр. въ Пизѣ въ 1115 г. и въ Кремонѣ въ 1158 г. Но особенное распространеніе получили турниры въ Италіи при Карлѣ Анжуйскомъ въ 1265 г., когда онъ завладѣлъ Неаполемъ и Сициліей. Дантъ въ своей Божественной комедіи упоминаетъ о блестящихъ турнирахъ и поединкахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ (Адъ п. XXII). Для лучшаго уясненія турнирнаго боя необходимо ознакомиться въ общихъ чертахъ съ его пріемами и оружіемъ, которое употреблялось въ этихъ состязаніяхъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что у различныхъ націй и въ разныя эпохи внѣшнія

формы этихъ военныхъ игръ измѣнялись и разнообразились до невѣроятія.

Такъ напримѣръ, въ концѣ XI вѣка еще не было въ обычаѣ при турнирѣ нападать на противника съ разбѣгу, на конѣ, съ направленнымъ впередъ, подъ рукою, деревяннымъ копьемъ. На извѣстномъ коврѣ изъ *Bayeux* мы видимъ всадниковъ, держащихъ свои длинныя копья съ деревянными древками съ поднятою вверхъ рукою, подобно тому, какъ древніе управляли метательнымъ копьемъ, такъ называемымъ *pilum*.

До XIV-го вѣка турнирное вооруженіе ничѣмъ не отличалось отъ боеваго. Въ Нибелунгахъ при описаніи поединка изъ за Брунгильды упоминается боевая рубашка (*Waffenhemd*) изъ шелка и сверхъ нея крѣпкая кожаная *Brünne*, покрытая стальными пластинами. Шлемы въ то время привязывались. Щитъ, окаймленный золотомъ, былъ крѣпкій и широкій, съ щитовымъ ремнемъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями. Очень часто упоминается въ Нибелунгахъ о проткнутыхъ щитахъ и ломавшихся о нихъ древкахъ копій и пикъ.

Съ XIII-го вѣка цѣль военныхъ игръ измѣняется и получаетъ бо́льшую опредѣленность. Обѣ состязавшіяся стороны задавались цѣлью или ударить копьемъ въ щитъ противника, при чемъ древко копья разбивалось въ щепы, или же—высадить его изъ сѣдла. Такой общій характеръ турниры сохраняли до конца XIV-го столѣтія, и вооруженіе, употреблявшееся при нихъ, вполнѣ слѣдовало тѣмъ измѣненіямъ, которыя замѣчались въ соотвѣтствующее время и на войнѣ. Только около 1350 года, или немного ранѣе турнирныя вооруженія начинаютъ различаться отъ употреблявшихся на войнѣ. Это вызывалось желаніемъ на турнирѣ увеличить эффектъ и впечатлѣніе на зрителей, проявляя бо́льшую смѣлость въ пріемахъ борьбы.

Уже въ продолженіе XIV-го столѣтія прежній „бугуртъ“, переименованный въ „турниръ“, получилъ измѣненіе въ южной Франціи и Италіи, вызванное тѣмъ, что противники по правилу обыкновенно ограничивались ломаніемъ одного копья и затѣмъ брались за тупые мечи, на которыхъ и происходила борьба ме-

жду двумя партіями рыцарей, пока одна изъ нихъ не признавала себя побѣжденною стороною.

Въ Германіи же съ начала XV-го вѣка вошелъ въ обычай такъ называемый *турниръ на палицахъ* — *Kolbenturnier*, происходившій на коняхъ и всегда между двумя противниками. Оружіе на этихъ турнирахъ заключалось въ тяжелыхъ мечахъ и палицахъ. Эти послѣднія изготовлялись изъ твердаго дерева и имѣли среднюю длину въ 80 см.; рукоять состояла обыкновенно изъ шарообразнаго конца, а вмѣсто эфеса она имѣла шайбу изъ листоваго желѣза. Самая палица имѣла въ разрѣзѣ форму многоугольника и утолщеніе къ концу. Такое сильное по дѣйствію своему оружіе и явилось ближайшимъ поводомъ къ измѣненію *формы шлема* при конномъ турнирѣ, такъ-какъ ударъ, нанесенный такимъ оружіемъ по старому шлему, имѣвшему форму горшка (*Topfhelm*), каковой или вполнѣ надѣвался на темя, или по крайней мѣрѣ касался головы, могъ быть опаснымъ для жизни, даже смертельнымъ. Новый шлемъ поэтому строился въ формѣ шара и былъ такъ просторенъ, что нигдѣ не соприкасался съ головою и при этомъ сидѣлъ только на плечахъ и груди; тѣмъ не менѣе голова рыцаря сверхъ того еще защищалась шапкою, плотно подбитою паклею или хлопкомъ (werg). Съ этихъ поръ мы впервые встрѣчаемъ шлемъ, очертанія котораго близко слѣдуютъ формѣ шеи и затылка. Подобнаго рода *шарообразные* шлемы (*Kugelhelme*) встрѣчаются въ нѣсколькихъ разновидностяхъ, которыя различаются между собою лишь въ подробностяхъ; весьма употребительными были шлемы, состоявшіе изъ крѣпкихъ стальныхъ реберъ, сверхъ которыхъ натянута была твердая кожа. Со стороны лица шлемъ былъ открытъ и имѣлъ защитою прочную рѣшетку изъ желѣзныхъ полосъ и проволоки. Верхняя (теменная) часть этого шлема была покрыта натянутою парусиною, которая закрашивалась мѣловою краскою: на ней изображалась, также въ краскахъ, гербовая эмблема владѣльца. Шейная, подбородочная и затылочная части состояли изъ желѣзныхъ пластинъ. Точно также, какъ горшковидные шлемы 12-го и 13 го вѣка, такой шарообразный шлемъ имѣлъ сверху такъ наз. шлемное украшеніе (*Helmzier*) или навершье (*Cimier*). Формы этихъ

украшеній бывали всевозможныя, соотвѣтствуя вкусу и охотѣ владѣльца. Иногда встрѣчались воспроизведенныя пластически гербовыя фигуры его, но нерѣдко и другія фантастическія эмблемы, намекавшія на возлюбленную даму; часто даже полученныя отъ таковой на память платки, перчатки, вуали и т. под. прикрѣплялись къ навершью шлема. Изготовленіе подобныхъ фигуръ для шлемовъ, а равно конскихъ налобниковъ, чепраковъ изъ кожи и щитовъ, которые всѣ украшались живописью, принадлежало въ тѣ времена къ ремеслу шорниковъ. Во всѣхъ этихъ украшеніяхъ выражалось стремленіе увеличить эффектность состязанія, которое при турнирѣ на палицахъ заключалось главнымъ образомъ въ томъ, чтобы сбить противнику со шлема навершье. Мы уже упоминали о томъ, какое значеніе эти шлемныя украшенія, вошедшія въ обычай на турнирахъ, пріобрѣли въ геральдикѣ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что форма турнирныхъ шлемовъ также были ею восприняты.

Съ XII-го вѣка мы встрѣчаемъ турниры двухъ родовъ: такъ называемые *странствующіе турниры* (Wanderturniere) — случайныя или намѣренныя встрѣчи двухъ рыцарей на пути съ цѣлію ломанія копій—и *турниры по приглашенію* (ausgeschriebene Turniere), которые устраивались по предварительному созыву рыцарства и на опредѣленныхъ мѣстахъ.

Этотъ послѣдній родъ турнировъ обыкновенно сопровождался особенною торжественностью и блескомъ. О нихъ разсылались заблаговременно извѣщенія, и рыцари успѣвали изготовлять себѣ къ этимъ состязаніямъ блестящія и богатыя вооруженія. По словамъ хроники Фруассара, къ различнымъ владѣтельнымъ дворамъ разсылались герольды, объявлявшіе о томъ, что ихъ государь: «назначивъ турниръ, приглашаетъ всѣхъ тѣхъ, кто гордится своимъ рыцарствомъ, а также достопочтенныхъ дамъ и дѣвицъ благороднаго происхожденія, прибыть въ избранный для турнира городъ съ доказательствами своихъ рыцарскихъ правъ».

Въ Германіи дѣло происходило нѣсколько иначе. За исключеніемъ Саксоніи, имѣвшей свои особые турниры, нѣмецкіе рыцари, которые имѣли право быть включенными въ турнирные списки, раздѣлялись на четыре большихъ турнирныхъ общества,

а именно: *при-Рейнское*, *Баварское*, *Швабское* и *Франконское*. Соединенныя вмѣстѣ, они носили названіе: *рыцарства четырехъ странъ* (Ritterschaft der vier Lande). Каждый округъ, соотвѣтствовавшій такому обществу, устраивалъ по-очередно свой турниръ и избиралъ своего старшину, или турнирнаго короля, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и судьею турнира. Въ свою очередь этотъ старшина избиралъ трехъ дамъ, чтобы выдавать оружіе рыцарямъ, и трехъ другихъ—для раздачи наградъ. Обыкновенно одна изъ этихъ дамъ избиралась изъ замужнихъ, другая—изъ вдовъ, а третья—изъ дѣвицъ.

Первоначально для участія въ турнирѣ требовалось доказательство рыцарскаго происхожденія въ двухъ поколѣніяхъ съ каждой стороны, а доказывалось это лучше всего наслѣдственнымъ гербомъ на щитѣ и отличительнымъ украшеніемъ (Helmzier) на шлемѣ.

Впрочемъ, столь строгая разборчивость, воспрещавшая доступъ къ турнирамъ лицамъ не родословнымъ, впослѣдствіи стала ослабляться почти повсемѣстно въ пользу лицъ, хотя и принадлежавшихъ къ низшему дворянству, но извѣстныхъ своею храбростью и умѣніемъ владѣть оружіемъ. Болѣе щепетильными были въ этомъ отношеніи нѣмцы, особенно дорожившіе природными правами для участія въ турнирахъ. Всякій прибывавшій допускался къ турниру не иначе, какъ послѣ разсмотрѣнія его правъ на совѣтѣ избранныхъ турнирныхъ судей (*juges-diseurs* или *maréchaux de camp*—во Франціи; *turniervögte*—въ Германіи), предъ которымъ онъ долженъ былъ явиться. Если кто-либо оказывался виновнымъ въ недостойномъ рыцаря поступкѣ и это могло быть доказано въ присутствіи судей турнира и дамъ, то это лишало его такого права. Никто, изобличенный въ хулѣ противъ Бога, въ оскорбленіи дамы и нарушеніи даннаго слова, а равно покинувшій собрата по оружію въ сраженіи не могъ быть допущенъ на турниръ.

Высокое значеніе рыцарскаго достоинства поддерживалось также закономъ, лишавшимъ участія въ турнирѣ виновнаго въ вѣроломномъ нападеніи на противника.

Рыцарь, признанный безупречнымъ на этомъ судѣ, переда-

валъ свой стягъ (bannière) и гербовый щитъ герольдамъ. Эти послѣдніе вывѣшивали гербы и банніеры прибывшихъ изъ оконъ главной гостиницы на площади турнира и другихъ городскихъ домовъ, или же въ ближайшемъ монастырѣ, располагая ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, по знатности рыцарей: выше всѣхъ—гербы знатнѣйшихъ лицъ и крупныхъ феодаловъ, ниже — гербы рыцарей-баннеретовъ и, наконецъ, внизу—простыхъ рыцарей. Такая выставка гербовъ называлась во Франціи — *faire fenêtre*, а въ Германіи— *Wappenschau*. Своимъ разнообразіемъ и красивою яркостью гербовыхъ цвѣтовъ она привлекала всеобщее вниманіе и любопытство и являлась какъ бы программой предстоявшаго празднества. Но она имѣла и другое значеніе: герольды высказывали при этомъ свои сужденія относительно подлинности выставленныхъ гербовъ. Лицамъ не рыцарскаго происхожденія, выставленіе герба было строго воспрещено, и виновные въ томъ подвергались штрафу и отобранію коня и вооруженія въ пользу герольдовъ. Иногда пажи и варлеты, находившіеся при гербовыхъ щитахъ своихъ рыцарей, бывали одѣты въ различные фантастическіе костюмы, напр. дикихъ людей, львовъ, медвѣдей и другихъ воинственныхъ животныхъ. Этотъ странный обычай, появившійся впервые на турнирахъ, далъ поводъ, по словамъ *Ménéstrier*, ввести въ геральдикѣ такъ наз. *щитодержателей* (*tenants*) при многихъ гербахъ. На такую выставку, для которой отводились часто и особыя помѣщенія, собирались толпами, чтобы разсматривать гербы, банніеры и шлемы, узнавать по нимъ того или другаго рыцаря, и получать отъ персевантовъ и герольдовъ объясненія такихъ гербовъ и девизовъ, о которыхъ ранѣе не имѣлось свѣдѣній. Доказательство наслѣдственной принадлежности гербоваго щита и шлемнаго украшенія служило въ то же время и доказательствомъ рыцарскаго происхожденія, дававшаго доступъ къ турниру.

Не всегда впрочемъ имена рыцарей, участвовавшихъ въ турнирѣ, объявлялись во всеобщее свѣдѣніе. Иногда дозволялось скрывать свои имена лицамъ, получившимъ незадолго предъ тѣмъ рыцарское достоинство, которыя, являясь на турниръ для доказательства своей храбрости, не имѣли полной увѣренности въ

своемъ успѣхѣ. Бывали также случаи, что какія-либо непріязненныя отношенія къ хозяину турнира заставляли прибывшаго до времени скрывать свое имя. Наконецъ, на нѣкоторыхъ турнирахъ рыцари появлялись въ фантастическихъ вооруженіяхъ, заимствованныхъ отъ какихъ-либо историческихъ или легендарныхъ личностей прошлаго. Такъ напр, въ Англіи нерѣдко цѣлая группа рыцарей олицетворяла на турнирѣ короля Альфреда съ его легендарными рыцарями Круглаго стола, а другая, противная сторона — Карла Великаго съ его палладинами. Это являлось блестящимъ способомъ воскрешать рыцарскія легенды въ дѣйствительности. Можно привести также примѣръ весьма неумѣстнаго заимствованія подобнаго рода, когда король Кастильскій дозволилъ себѣ кощунство явиться на турниръ въ Валладолидѣ въ 1428 году въ сопровожденіи 12-ти рыцарей, олицетворявшихъ 12 апостоловъ.

Мѣстомъ турнира было такъ называемое турнирное поле (*turnierhof*, франц. *lices*, англ. *lists*) широкое пространство, которое было обнесено оградою въ одинъ или два ряда, или же веревкою. Иногда поле раздѣлалось деревяннымъ барьеромъ, препятствовавшимъ конямъ противниковъ устремляться другъ на друга. Первоначально поле бывало круглымъ, а впослѣдствіи получило продолговатое, овальное очертаніе; оно украшалось съ пышностью, присущею феодальному быту. Барьеры расписывались обыкновенно золотомъ и красками, съ геральдическими эмблемами и девизами. Вокругъ турниpнаго поля устраивались ложи для присутствовавшихъ знатныхъ гостей, судей турнира и представительницъ прекраснаго пола; ложи эти также украшались богатыми тканями и коврами, на которыхъ были различныя изображенія (*histories*).

Дамы являлись высшими судьями на турнирахъ и если заявлялась жалоба противъ рыцаря, то онѣ безъ-апелляціонно рѣшали споръ. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, дамы передовѣряли свое рѣшающее право одному изъ рыцарей, по своему избранію, который въ знакъ такого отличія назывался почетнымъ рыцаремъ (*chevalier d'honneur*, *knight of honour*). При этомъ онъ украшалъ конецъ своего копья лентою или другимъ, полу-

ченнымъ отъ дамъ, знакомъ ихъ благоволенія (*merci des dames*). Этимъ символомъ власти онъ приводилъ самыхъ пылкихъ борцовъ изъ рыцарей турнира къ порядку и повиновенію.

Герольды прочитывали рыцарямъ правила турнира и объявляли, въ чемъ будетъ заключаться призъ предстоящаго состязанія. Дамы и дѣвицы часто жертвовали отъ себя различныя драгоцѣнности въ видѣ награды за проявленную на турнирѣ доблесть. Но иногда такая почетная награда имѣла болѣе военный характеръ: такъ, на извѣстномъ турнирѣ, происходившемъ во Флоренціи въ 1468 году, Лаврентій де Медичи получилъ призъ, состоявшій изъ серебрянаго шлема, украшеннаго сверху фигурою Марса. На турнирахъ принятъ былъ также обычай, что побѣжденный рыцарь предоставлялъ свое вооруженіе и коня побѣдителю.

Отличительною чертою рыцарскихъ временъ являлась особенная, изысканная учтивость (*courtoisie*, *gallantry*). На одномъ турнирѣ, происходившемъ въ Смитфильдѣ, въ Англіи, при Ричардѣ II, королевою назначена была въ награду лучшему борцу золотая корона, если онъ будетъ изъ числа иноземныхъ гостей, и богатый браслетъ, если онъ окажется англичаниномъ. Подобное же учтивое предпочтеніе иностраннымъ гостямъ, являвшимся на турниры, оказывалось и со стороны англійскаго рыцарства.

Канунъ дня, назначеннаго для турнира, въ такъ называемое навечеріе (*vigiliae*, *turnierabend*) юные оруженосцы обыкновенно производили между собою пробныя состязанія на турнирномъ полѣ съ болѣе легкимъ и безопаснымъ оружіемъ, нежели то, которымъ боролись рыцари. Такія предварительныя состязанія, на которыхъ также присутствовали иногда дамы, назывались у французовъ *épreuves, vêpres du tournoi, escrémies*. Случалось, что нѣкоторые изъ особенно отличившихся при этомъ оруженосцевъ тутъ же удостоивались возведенія въ рыцарство и получали позволеніе принять участіе въ предстоящемъ турнирѣ.

Въ самый день турнира, съ утра рыцари выѣзжали блестящею кавалькадою къ турнирному полю: во главѣ ихъ находились владѣтельныя особы, благородныя дамы и дѣвицы, однимъ словомъ весь цвѣтъ рыцарства и женской красоты, на коняхъ, богато изукрашенныхъ свѣшивающимися почти до земли попонами.

Иные дамы при этомъ вели за собою коней своихъ избранныхъ рыцарей на серебряныхъ цѣпяхъ. Самый костюмъ дамъ соотвѣтствовалъ случаю и украшался золотыми или серебряными поясами, на которыхъ висѣли небольшіе легкіе мечи.

По прибытіи рыцарей на турнирное поле, вооруженіе ихъ здѣсь осматривалось особо назначеннымъ приставомъ (*constable*) и при этомъ оружіе, не соотвѣтствовавшее по своей формѣ и издѣлію правильному турнирному образцу, отвергалось. Копья были безопасны, такъ-какъ имѣли тупые концы, или же съ надѣтыми на нихъ широкими наконечниками изъ дерева (*rockets*). По учтивому выраженію того времени, такія копья назывались *glaives courtois*. Турнирные мечи, какъ мы уже говорили, были тупые и укороченные; иногда они дѣлались изъ китовой кости, обтянутой кожею.

Впрочемъ, нерѣдко замѣчалось стремленіе превращать турниры въ настоящія битвы. Національное соперничество иногда прорывалось, вопреки стѣсненіямъ, налагавшимся рыцарскою обходительностью. Соревнованіе въ военной доблести, или изъ-за любви женщины находило здѣсь случай выказать весь свой пылъ и поэтому, не смотря на авторитетъ короля герольдовъ, строго преслѣдовавшаго употребленіе боеваго оружія, бывали примѣры, что таковое все же проникало на турниры путемъ подкупа, или чрезъ открытое насиліе.

Извѣстенъ случай, что на турнирѣ въ Нейссѣ, близъ Кёльна, происходившемъ въ 1240 году, пало болѣе 60-ти рыцарей, хотя на немъ было разрѣшено только турнирное оружіе. Подобные случаи превращенія краснваго турнирнаго состязанія въ смертоносное столкновеніе вызвало требованіе отъ рыцарей клятвеннаго обѣщанія, что они будутъ являться на турниры съ одною лишь цѣлью усовершенствоваться въ военномъ искусствѣ, а отнюдь не для кровопролитія. Въ Англіи закономъ, изданнымъ къ концу XIII-го столѣтія, единственнымъ оружіемъ, разрѣшеннымъ при турнирѣ для рыцаря и сквайра былъ упиренный мечъ, употребленіе же отпущеннаго меча, остраго кинжала, боевой булавы или пернача, строго воспрещалось. Этимъ же закономъ изъ оборонительнаго оружія при турнирѣ дозволялось только надѣвать

шлемъ съ забраломъ, наножники (cuishes) и наплечники (shoulder-plates). Зрителямъ вовсе запрещалось всякое вооруженіе, а герольды и министрели могли имѣть при себѣ лишь неотпущенные мечи.

Послѣ того какъ оружіе рыцарей было подробно осмотрѣно, герольды громко провозглашали призывъ: „*à l'ostelle, à l'ostelle*!“, по каковому рыцари удалялись въ свои шатры, чтобы вооружиться къ бою. По второму клику герольдовъ: „*issez hors, chevaliers, issez hors*!“, они садились на коней и выѣзжали на турнирное поле, гдѣ становились у своихъ значковъ. Вооруженіе рыцарей при этомъ обыкновенно украшалось подарками дамъ, ожерельями, шарфами, или цвѣтными лентами, называвшимися *faveurs*. Предъ началомъ турнира особо назначенныя лица — *officiers d'armes*—осматривали правильность сѣдланія коней.

Послѣ того, какъ дамы и почетные гости успѣвали занять свои мѣста въ ложахъ, а простонародье также размѣщалось, гдѣ было назначено, по распоряженію герольдовъ все замолкало. Тогда почетный рыцарь подавалъ знакъ для турнира и герольды возглашали: „*laissez aller*!“. По этому сигналу веревки, раздѣлявшія обѣ партіи рыцарей, тотчасъ опускались и они устремлялись другъ другу на встрѣчу при звукѣ трубъ, игравшихъ рыцарскій призывъ: «каждому исполнить свой долгъ». За каждымъ рыцаремъ слѣдовали его оруженосцы, число которыхъ въ Англіи, по древнему турнирному статуту, ограничивалось тремя. Они подавали своему рыцарю оружіе, поправляли на немъ вооруженіе и поднимали его съ земли, если противникъ выбивалъ его изъ сѣдла.

Одна первая встрѣча противниковъ рѣдко рѣшала судьбу турнира, такъ-какъ рыцари были весьма основательно снаряжены къ состязанію. Ломались копья, рыцари и кони опрокидывались и побѣда переходила то на одну, то на другую сторону турнирнаго поля. Воздухъ оглашался именами дамъ и боевые кличи замѣнялись болѣе мирными призывами. При всякомъ удачномъ оборотѣ боя персеванты возглашали: „честь сынамъ храбрыхъ!“ Министрели громко играли свою воинственную музыку, а рыцари зрители отвѣчали, возглашая: „Loyauté aux dames!“

Зоркіе и привычные въ наблюденіи глаза герольдовъ замѣчали всѣ обстоятельства происходившаго военнаго состязанія. Переломить копье между сѣдломъ и шлемомъ противника признавалось первою степенью успѣха. Чѣмъ выше оно бывало при этомъ направлено, тѣмъ больше было въ этомъ отличія, и высшею степенью успѣха считалось сломать копье, ударивъ имъ въ шлемъ, (что оцѣнивалось 10-ю пунктами). Выбить противника изъ сѣдла и лишить его возможности участвовать въ слѣдующемъ натискѣ оцѣнивалось 3-мя пунктами. По этому поводу возникъ однажды любопытный вопросъ на одномъ турнирѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Неаполѣ. Рыцарь ударилъ своего противника съ такою силою, что лишилъ его щита, шлема и лать, но самъ при этомъ упалъ съ коня. Судьи турнира затруднялись опредѣлить, кто изъ обоихъ заслуживалъ меньшаго порицанія; наконецъ было рѣшено, сообразуясь съ рыцарскими правилами, что упавшій съ коня былъ болѣе обезчещенъ, ибо хорошее управленіе конемъ считалось первымъ боевымъ качествомъ рыцаря.

Поэтому на турнирѣ почиталось менѣе постыднымъ упасть вмѣстѣ съ своимъ конемъ, нежели вылетѣть изъ сѣдла. Тотъ, кто несъ свое копье твердо и красиво, заслуживалъ бо́льшей похвалы, хотя и не ломалъ его, чѣмъ тотъ, который, ломая копье, плохо управлялъ конемъ. Вообще мѣтить высоко свой ударъ и сидѣть твердо въ сѣдлѣ, давая коню выдержанный и мѣрный ходъ, заслуживало высшей похвалы.

Когда всѣ рыцари успѣвали въ полной мѣрѣ проявить свою храбрость и военное искусство, то хозяинъ турнира опускалъ свой жезлъ (*bâton de tournoi*, англ. *warder*), или подавалъ какой-либо знакъ герольдамъ. Послѣдніе возглашали тогда: «*ployez vos bannières*», и по этому сигналу банніэры свивались и военное состязаніе кончалось.

Почетные гости и зрители спускались тогда съ своихъ мѣстъ и направлялись къ мѣсту пиршества, слѣдовавшаго за турниромъ.

Здѣсь рыцари, участники турнира, вступали въ палату пира при громкомъ звукѣ трубъ, облеченные въ яркія одежды, и занимали мѣста подъ шелковыми стягами съ ихъ гербами, свидѣтельствовавшими о древней славѣ ихъ рода. Наиболѣе храбрымъ

и отличившимся на турнирѣ рыцарямъ отводились самыя почетныя мѣста. Въ самый разгаръ пиршества герольды представляли дамамъ отличившихся. При этомъ та изъ дамъ, которая съ общаго согласія признавалась *царицею красоты и любви — la Royne de la Beaulté et des Amours*—раздавала призы колѣнопреклоненнымъ рыцарямъ, обращаясь къ каждому изъ нихъ съ похвальною рѣчью. За пиршествомъ слѣдовали различныя увеселенія.

Турниръ не всегда ограничивался однимъ днемъ. Часто на слѣдующій день рыцари предоставляли турнирное поле своимъ оруженосцамъ, которые состязались на коняхъ и въ вооруженіи своихъ господъ. На утро третьяго дня происходилъ общій бой—*mêleé*—рыцарей и оруженосцевъ, и снова дамы рѣшали окончательно вопросъ о побѣдителяхъ.

Таковы были въ общихъ чертахъ обычаи и законы турнировъ въ дни процвѣтанія рыцарства. Изъ всего сказаннаго становится яснымъ, до какой степени эти рыцарскія игры должны были вліять на развитіе и распространеніе геральдическаго искусства и науки. Можно по справедливости сказать, что турниры были *геральдикою въ дѣйствіи*.

Подробностями о турнирахъ мы наиболѣе обязаны замѣчательному сочиненію по этому вопросу, которое написано было въ XV-мъ столѣтіи королемъ Ренатомъ Анжуйскимъ (1408—1480 г.), извѣстнымъ подъ именемъ «добраго короля Ренэ». Онъ лишь номинально считался нѣкоторое время королемъ Неаполя, который былъ отнятъ у него Альфонсомъ Арагонскимъ, и провелъ большую часть своей жизни въ своемъ наслѣдственномъ владѣніи, Провансѣ въ южной Франціи. Будучи поклонникомъ поэзіи и искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ страстнымъ любителемъ турнировъ и другихъ рыцарскихъ развлеченій, король Ренатъ написалъ между прочимъ весьма обстоятельное сочиненіе о рыцарствѣ, которое собственноручно украсилъ изящными миніатюрами, изображающими различныя сцены изъ жизни рыцарей съ необыкновенною живостью. Эта интересная рукопись XV-го столѣтія дошла до насъ, составляя одно изъ лучшихъ украшеній Національной библіотеки въ Парижѣ; (она извѣстна подъ названіемъ „Tour-

nois du roi René"). Въ этомъ сочиненіи Ренатъ описываетъ блестящій турниръ, на которомъ онъ самъ имѣлъ предсѣдательство. Въ живомъ разсказѣ турнирнаго состязанія между герцогами Бретанскимъ и Бурбонскимъ авторъ знакомитъ насъ до мельчайшихъ подробностей съ ходомъ большаго придворнаго турнира, съ обычнымъ при этомъ церемоніаломъ и вооруженіемъ рыцарей. Описаніе турнировъ короля Рената тѣмъ интереснѣе для насъ, что вскорѣ послѣ него этотъ рыцарскій обычай, достигшій тогда своего полнаго блеска, началъ приходить въ упадокъ.

Турниры неоднократно вызывали противъ себя противодѣйствіе со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей, что имѣло причиною частые, бывавшіе при нихъ, смертные случаи. Папа Иннокентій III въ 1140 году и Евгеній III на Латеранскомъ соборѣ въ 1313 году возставали противъ турнировъ и даже произносили отлученія противъ принимавшихъ въ нихъ участіе. Но это не могло остановить этого глубоко укоренившагося обычая. Турниры надолго пережили свою первоначальную цѣль и сохранялись, какъ національныя развлеченія, и въ послѣдующія времена, когда употребленіе огнестрѣльнаго оружія и артиллеріи на войнѣ начинало уже вытѣснять прежнюю рыцарскую доблесть съ полей сраженія. Во Франціи турниры еще продолжались при Карлѣ VI-мъ и Францискѣ I, старавшемся воскресить старое рыцарство, и только въ 1559 году, когда на турнирѣ въ Парижѣ король Генрихъ II былъ смертельно раненъ рыцаремъ де Лоржемъ, (графомъ Монгомери) ударомъ копья въ глазъ, (отъ чего король этотъ умеръ чрезъ 11 дней), турниры подверглись окончательному запрещенію. Ихъ замѣнили впослѣдствіи болѣе безопасныя каруселли.

Въ заключеніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ о другаго рода военныхъ играхъ рыцарской эпохи, о такъ называемыхъ *joutes* (англ., *joust*, нѣмецк. *gestech*), или поединкахъ между двумя противниками. Но эти поединки не могли, конечно, замѣнять турнировъ, такъ-какъ при нихъ не бывало ни пышной обстановки послѣднихъ, ни раздачи наградъ дамами.

Существовало два рода *joutes: joute à l'outrance*, т. е. боевая, и *joute à plaisance*, т. е. мирная. Первая представляла поединокъ между двумя рыцарями, которые обыкновенно бывали

разныхъ національностей. Къ этому же роду joutes можно причислить въ строгомъ смыслѣ и *судебный поединокъ* и всякую дуэль, какъ законную, такъ и незаконную. Но къ такимъ поединкамъ рыцарство прямаго отношенія не имѣло.

VII.

Съ половины XIII-го столѣтія вліяніе турнировъ на распространеніе рыцарскихъ гербовъ становится особенно замѣтнымъ. Какъ мы сказали раньше, чрезъ турниры вошелъ въ употребленіе новый типъ рыцарскаго шлема, такъ-наз. турнирный или рѣшетчатый шлемъ (*Turnier*—oder *Spangenhelm*), который украшался гербовыми эмблемами и вмѣстѣ съ гербовымъ щитомъ служилъ признакомъ «*турнироспособности*» (Turnierfähigkeit), т. е. рыцарскаго происхожденія носившаго ихъ. Можно сказать, что въ тѣ времена рыцарь и его гербъ, турнироспособность и дворянство являлись почти однозначущими понятіями, особенно если вспомнимъ, что гербовые щиты и шлемы были тогда тѣмъ *дѣйствительнымъ* оружіемъ, которое носилось ихъ владѣльцами въ бою и на турнирѣ, а не только лишь символическимъ, какъ это было впослѣдствіи.

Конецъ XIII-го и весь XIV-й вѣкъ представляютъ самую интересную и блестящую эпоху развитія рыцарской геральдики. Книжная образованность была въ то время еще мало распространена и поэтому общепонятный языкъ памятниковъ искусства имѣлъ особое значеніе, а здѣсь мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу геральдическія эмблемы и украшенія, которыя вполнѣ соотвѣтствовали вкусу и потребностямъ той эпохи. Этотъ же геральдическій вкусъ отразился и въ письменности. Французскій король Іоаннъ II Храбрый (1350—1364) много содѣйствовалъ его распространенію чрезъ турниры и другіе рыцарскіе обычаи, которые самъ весьма любилъ. При вступленіи на престолъ онъ учредилъ первый во Франціи рыцарскій орденъ Звѣзды. Современныя хроники Фруассара, Монстрелэ и Оливье де ла Маршъ изобилуютъ въ своихъ описаніяхъ событій геральдическими подробностями.

Геральдика постепенно становится *образнымъ языкомъ* той эпохи, на которомъ всѣ умѣютъ говорить, понимая значеніе ея знаковъ. Поэтому не удивительно, что она наложила свой отпечатокъ на весь бытъ Среднихъ вѣковъ, во всѣхъ его своеобразныхъ проявленіяхъ.

Во первыхъ, геральдика отразилась на *костюмѣ* того времени. Въ эпоху крестовыхъ походовъ рыцарство Западной Европы, подражая роскошнымъ восточнымъ одеждамъ, стало тоже носить, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, при всевозможныхъ церемоніяхъ и торжественныхъ случаяхъ длинныя туники съ узкими рукавами (*cotte*), сверхъ которыхъ надѣвался такъ называемый *surcot* или *cotte-hardie* (нѣчто вродѣ супервеста). Знатныя лица носили таковыя тѣхъ цвѣтовъ, которые соотвѣтствовали ихъ гербу, украшая ихъ вышитыми гербовыми фигурами и девизами. Обыкновенные дворяне получали такія геральдическія одежды (*livrées*) отъ королей, или отъ своихъ сеньёровъ, при чемъ также носили ихъ гербовые цвѣта. Жуенвиль въ жизнеописаніи Людовика IX Святаго разсказываетъ, что на одномъ празднествѣ, данномъ въ честь короля, множество оруженосцевъ и почетной стражи имѣло одежды съ гербомъ хозяина праздника, герцога Пуатье. Въ описаніи другаго празднества, устроеннаго графомъ де Намюръ въ 1187 г., упоминается, что представители Фландріи и Брабанта были въ красныхъ одеждахъ, усѣянныхъ золотыми леопардами, а прибывшіе изъ Вермандуа—въ зеленыхъ, съ золотыми орлами.

Съ конца царствованія Людовика IX женщины благороднаго происхожденія во Франціи начали носить платья съ изображеніемъ гербовъ: справа — герба мужа, а слѣва — своего. Обычай этотъ распространился и на другія страны. При этомъ гербы, или отдѣльныя гербовыя фигуры вышивались ими на удлиненномъ супервестѣ, или на самомъ платьѣ. Такъ напр., на одномъ старинномъ изображеніи XIV вѣка мы видимъ даму въ такомъ супервестѣ, состоящемъ изъ двухъ частей: верхняя — изъ горностая, съ пересѣкающимъ ее золотымъ геральдическимъ поясомъ, а нижняя — изъ серебряной парчи съ вышитыми на ней изображеніями льва и трехъ звѣздъ, краснаго цвѣта.

При Карлѣ V во Франціи вошли въ моду костюмы на половину одного, на половину другаго цвѣта (*mi-parti*), которые сначала носились дворянствомъ и его оруженосцами, но вскорѣ распространились и на лицъ городскихъ сословій. При торжественномъ въѣздѣ въ Парижъ Карла VI въ 1377 г. 500 горожанъ встрѣчали короля въ праздничныхъ одеждахъ, по-поламъ бѣлаго и лиловаго цвѣта. Самъ король облеченъ былъ въ тунику краснаго цвѣта, а поверхъ ея — въ синюю королевскую мантію, усѣянную золотыми лиліями Франціи.

Впослѣдствіи двухцвѣтныя одежды были замѣнены гербовыми (habits armoriés), которыя носились во Франціи до временъ Людовика XIII. Позднѣе у дворянства вошло въ обычай одѣвать своихъ слугъ въ гербовыя ливреи и помѣщать гербы на экипажахъ, а именно на дверцахъ каретъ. Конскіе уборы, ошейники собакъ и шапочки охотничьихъ соколовъ издавна украшались также гербами. Наконецъ, дворянства различныхъ провинцій Франціи носили при торжественныхъ случаяхъ шарфы присвоенныхъ имъ цвѣтовъ.

Но нетолько лица благороднаго происхожденія, но также и различныя общины, аббатства, городскія гильдіи и ремесленные цѣхи съ теченіемъ времени пожелали имѣть свои отличительныя эмблемы, которымъ и придавали, слѣдуя общей модѣ, форму гербовъ. Ремесленные цѣхи во Франціи (communautés de métiers) еще въ XIV столѣтіи получили правильную организацію и различныя привилегіи отъ королей; въ томъ числѣ имъ дано было право на особые костюмы, или ливреи, и на гербы, которые при торжественныхъ случаяхъ носились ими на цѣховыхъ значкахъ, или банніерахъ. Такъ напр. цѣхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ г. Парижа получилъ отъ короля Филиппа Валуа гербъ, заключавшій въ себѣ королевскія лиліи въ соединеніи съ золотымъ крестомъ и эмблемами ихъ ремесла: золотыми священными сосудами и коронами, съ девизомъ: «*in sacra inque coronas*», (т. е. священные сосуды и короны—наше издѣліе). Подобные же гербы, такъ называемые *armes parlantes*, переводящіе на геральдическій языкъ названіе ремесла или занятія, имѣли и другіе цѣхи: напр. аптекаря—вѣсы и ланцетъ, гвоздари—молотокъ и гвозди,

колесники—колёса, фабриканты игральныхъ картъ—фигуры 4-хъ мастей, и т. под. Нерѣдко въ гербахъ ремесленныхъ цѣховъ изображались также святые, почитавшіеся покровителями извѣстнаго ремесла. Иногда нѣсколько цѣховъ одного города, при ихъ немногочисленности, соединялись вмѣстѣ и имѣли тогда одинъ общій гербъ и значекъ, заключавшіе ихъ отдѣльные эмблемы.

Купеческое сословіе во Франціи также впослѣдствіи получило гербы. Людовикъ XIII, желая поднять значеніе купечества, въ 1629 г. пожаловалъ 6-ти купеческимъ гильдіямъ г. Парижа гербы, въ которыхъ преобладающею эмблемою былъ корабль Парижскаго городскаго герба въ соединеніи съ знаками ремеслъ и съ соотвѣтствующими девизами. Между богатыми горожанами, въ подражаніе дворянству, давно уже распространился тогда обычай употреблять фамильные знаки на подобіе гербовъ, хотя они и не были узаконены до временъ Людовика XIV. Въ это время французское правительство, сильно нуждавшееся въ деньгахъ, воспользовалось общимъ пристрастіемъ къ гербамъ и за право имѣть таковой стало взимать налогъ, который введенъ былъ въ 1696 г. и далъ тогда правительству громадный доходъ. Но это значительно уронило во Франціи значеніе гербовъ и составлявшійся въ то время гербовымъ судьею *d'Hozier* офиціальный гербовникъ (Armorial de France) переполнился гербами самаго сомнительнаго происхожденія, число которыхъ достигло тогда неимовѣрной цифры.

Такое всеобщее стремленіе употреблять гербы помимо ихъ первоначальнаго, чисто-военнаго значенія, начавшееся въ Западной Европѣ съ весьма давнихъ поръ, имѣло основаніемъ практическія потребности мирнаго времени. Во первыхъ, гербы служили украшеніемъ, которое вполнѣ соотвѣтствовало вкусу той эпохи; а во вторыхъ, являлись общепонятнымъ признакомъ владѣнія, принадлежности извѣстному лицу, сообществу или учрежденію. Отсюда и произошло то характерное явленіе, которое одинъ нѣмецкій писатель весьма остроумно назвалъ: «*вездѣсущіемъ герба*».

Въ этой мирной области самымъ распространеннымъ и важнымъ примѣненіемъ гербовъ было *сфрагистическое*, т. е. на

печатяхъ. Мы уже упоминали раньше, что первые печати геральдическаго характера появляются въ Западной Европѣ, начиная съ XI-го вѣка. Заслуживаетъ вниманія, что на этихъ раннихъ печатяхъ мы уже встрѣчаемъ изображенія гербоваго щита, иногда въ рукахъ какой-либо рыцарской фигуры, а иногда и въ отдѣльности. При этомъ самая форма печати, начиная съ XII-го вѣка, нерѣдко принимаетъ очертаніе современнаго ей боеваго щита. Такъ древнѣйшія печати такого рода, (т. е. щитовидныя), имѣютъ форму *норманскаго* щита. Когда же въ началѣ XIII-го вѣка вошли въ моду трехъугольные щиты, то и печати приняли эту форму. Впослѣдствіи послѣднія снова возвращаются къ круглой формѣ, но съ изображеніемъ на нихъ того же гербоваго щита. Изъ сказаннаго явствуетъ, что въ Западной Европѣ первоначальнымъ носителемъ герба былъ рыцарскій щитъ, а уже впослѣдствіи гербы переходятъ и на печати, тогда какъ у насъ, въ Россіи, наблюдается обратное явленіе. Многіе эмблемы нашихъ древнѣйшихъ княжескихъ и городскихъ печатей впослѣдствіи перешли въ гербы княжескихъ и дворянскихъ фамилій, а также и городовъ.

На Западѣ гербовыя печати сначала употреблялись лишь владѣтельными особами и представителями знатнѣйшихъ фамилій; во всеобщее же употребленіе онѣ вошли лишь со времени введенія наслѣдственности гербовъ и это имѣло большое вліяніе на развитіе гербоваго дѣла вообще. Употребленіе гербовыхъ печатей положило прочное основаніе выработавшемуся тогда, въ особенности въ Германіи, понятію о значеніи наслѣдственнаго родоваго герба, а также установило *геральдическую связь щита и шлема* въ гербѣ и орнаментальное развитіе шлемнаго намёта.

Другимъ примѣненіемъ гербовъ въ той же мирной области было *нумизматическое*, т. е. на монетахъ. Первые французскія монеты съ изображеніемъ на нихъ королевскаго герба, геральдическихъ лилій, восходятъ къ XII-му вѣку. Нѣкоторые авторы предполагали, что король Людовикъ VII избралъ эту гербовую эмблему, какъ «armes parlantes», по созвучію названія лиліи — *lis* съ своимъ именемъ (Loys). Но какъ бы то ни было, всѣ преемники этого короля стали помѣщать лиліи на своихъ монетахъ, иногда въ

видѣ отдѣльной фигуры, или украшеній, а иногда на гербовомъ щитѣ, при чемъ различіе замѣчается лишь въ количествѣ лилій. Такъ на золотомъ флоринѣ Людовика IX-го Святаго ихъ шесть, на такъ наз. *écu* Филиппа VI Валуа все поле щита усѣяно лиліями и, наконецъ, съ Карла V число ихъ окончательно устанавливается на трехъ.

Феодальная эпоха въ Западной Европѣ вообще изобилуетъ монетами съ изображеніемъ гербовъ. Какъ извѣстно, многіе феодальные владѣтели получали отъ императоровъ и королей право чеканить свою монету, на которой и помѣщали свои гербы, которые нерѣдко вмѣстѣ съ тѣмъ становились и гербами владѣемыхъ ими провинцій, городовъ и другихъ населенныхъ мѣстъ. Отсюда понятно, какое значеніе пріобрѣтаютъ гербы при изученіи исторіи различныхъ государствъ Западной Европы, территоріальный составъ которыхъ часто измѣнялся.

Упомянемъ здѣсь также о многочисленныхъ *жетонахъ* ремесленныхъ цѣховъ и различныхъ корпорацій, раздававшихся ихъ членамъ, а также въ награду за извѣстныя заслуги (méréaux), которыя появляются во Франціи со временъ Филиппа Валуа: они также украшались изображеніями гербовъ.

Перейдемъ теперь къ примѣненіямъ геральдическихъ украшеній въ болѣе обширной области *архитектурныхъ* памятниковъ и различныхъ предметовъ домашняго быта. Изображенія гербовъ стали весьма обычными въ средневѣковомъ зодчествѣ, появляясь въ видѣ скульптурныхъ или живописныхъ украшеній на зданіяхъ, какъ въ замкахъ богатыхъ и знатныхъ лицъ, такъ и въ болѣе скромныхъ жилищахъ низшаго дворянства и горожанъ. Мы уже упоминали о томъ, что города имѣли свои гербы, которыми они пользовались на своихъ печатяхъ и знаменахъ, а также помѣщали таковые на общественныхъ зданіяхъ и городскихъ воротахъ. Но помимо этого, и дома частныхъ лицъ въ городахъ нерѣдко украшались гербами ихъ владѣльцевъ и при томъ не только дома именитыхъ горожанъ или патриціевъ, но и простыхъ купцовъ и ремесленниковъ. Этотъ обычай особенно распространенъ былъ въ Германіи. Такія изображенія гербовъ на щитахъ, помѣщавшіяся обыкновенно надъ входами домовъ, служили по-

слѣднимъ отличительными признаками и назывались домовыми щитами (*Hausschilde*); отъ нихъ часто получала свое названіе и улица стариннаго нѣмецкаго города. Этотъ обычай различать дома по гербамъ весьма долго удерживался въ нѣкоторыхъ древнихъ городахъ и имѣетъ близкое отношеніе къ весьма распространеннымъ въ средневѣковой Германіи и нѣкоторыхъ сосѣднихъ странахъ такъ называемымъ *домовымъ знакамъ* или *маркамъ* (*Hausmarken*). Эти домовыя марки, заключавшіяся обыкновенно въ какомъ-нибудь не замысловатомъ знакѣ, (нѣчто въ родѣ тамги), или буквы, рѣже въ изображеніи предмета изъ домашняго обихода или ремесла, въ древнѣйшія времена были во всеобщемъ употребленіи и всегда были связаны съ какимъ-нибудь владѣніемъ, имѣя преимущественно личный характеръ. Такія марки имѣли и многія рыцарскія фамиліи Германіи, которыя сохранили ихъ и въ позднѣйшее время въ своихъ наслѣдственныхъ гербахъ; здѣсь эти знаки, смыслъ которыхъ часто оставался загадочнымъ, получили значеніе геральдическихъ фигуръ. Но у высшаго сословія эти домовыя марки совершенно вытѣснены были наслѣдственными гербами и они удержались въ своемъ прежнемъ значеніи только у городскихъ сословій и у поселянъ, владѣвшихъ недвижимою собственностью. У горожанъ эти знаки нерѣдко геральдизировались и помѣщались ими на домовыхъ щитахъ. Отсюда произошли въ большинствѣ случаевъ въ городахъ Германіи гербы бюргеровъ (*bürgerliche Wappen*), которые впослѣдствіи санкціонировались высшею властью особыми грамотами, подобно дворянскимъ (съ XVI-го вѣка). Въ Средніе вѣка потребность въ гербахъ для городовъ вызывалась ихъ торговыми сношеніями и войнами, въ которыя они нерѣдко вовлекались.

Кромѣ упомянутыхъ домовыхъ марокъ, мы встрѣчаемъ въ Германіи еще особые знаки отличія, которые давались въ видѣ награды горнозаводскимъ цѣхамъ (*Steinmetzzeichen*), также имѣвшіе характеръ гербовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе появляются на печатяхъ, начиная съ XIV-го столѣтія.

Но возвратимся къ примѣненію гербовъ въ древнемъ зодчествѣ.

Общественныя зданія, церкви, замки и дома владѣтельныхъ

и знатныхъ лицъ въ Средніе вѣка вообще изобиловали геральдическими украшеніями. Въ то время существовалъ обычай помѣщать таковыя на росписныхъ стеклахъ оконъ, ставняхъ, дверяхъ, карнизахъ и другихъ архитектурныхъ украшеніяхъ. Не мало подобныхъ памятниковъ средневѣковой геральдики сохранилось до нашего времени. Такъ напр. въ замкѣ Амбрасъ, наслѣдственномъ владѣніи Австрійскаго царствующаго дома, мы видимъ донынѣ ярко-красный щитъ съ бѣлымъ поясомъ Габсбургскаго фамильнаго герба; на древнемъ зданіи рыцарскаго капитула нѣмецкаго ордена близь Ботцена (въ Тиролѣ)—черный крестъ Тевтонцевъ въ бѣломъ полѣ; на общественномъ зданіи въ Альтдорфѣ, въ кантонѣ Ури (въ Швейцаріи) виднѣются на далекое разстояніе ворота желтаго цвѣта, на которыхъ изображенъ гербъ кантона — громадная бычачья голова. Въ Богеміи, въ древнемъ замкѣ Карлштейнъ сохранилась старинная входная дверь, которая прибитыми къ ней желѣзными полосами раздѣляется на ромбы: въ каждомъ изъ нихъ, попеременно на золотомъ и красномъ полѣ, изображены черные орлы и бѣлые львы гербовъ Германской имперіи и Богемскаго королевства.

Нерѣдко въ замкахъ владѣтельныхъ лицъ, на стѣнахъ главнаго зала изображались гербы родственныхъ имъ фамилій, а также вассаловъ и союзниковъ. Обычай этотъ въ Германіи восходитъ къ XIII вѣку. Такъ напр. ландграфъ Вильгельмъ Гессенскій украсилъ залъ своего Ротенбургскаго замка гербами вассаловъ и подвластныхъ ему городовъ. Въ городской ратушѣ г. Вимпфена въ XVI вѣкѣ написаны были стѣнною живописью гербы городскихъ судей и именитыхъ гражданъ.

Въ концѣ XVI-го столѣтія построенъ былъ въ Тиролѣ кардиналомъ—епископомъ Тріентскимъ роскошный замокъ Вельтурнъ, въ отдѣлкѣ котораго приняли участіе всѣ извѣстные въ то время мастера Германіи. Гербъ строителя, епископа виднѣется здѣсь всюду: на воротахъ, дверяхъ, окнахъ, печахъ, потолкахъ, мебели и даже на флюгерахъ башенъ и дымовыхъ трубъ. Особенно замѣчательна своими изящными геральдическими украшеніями маіоликовая печь, работы *Пичдорфера*, въ пріемномъ залѣ епископа. Но подобныхъ примѣровъ примѣненій геральдики въ ар-

хитектурѣ можно было бы привести еще множество: вся Западная Европа изобилуетъ ими.

Гербами украшались также дверныя ручки и затворы. Еще многочисленнѣе, конечно, геральдическія украшенія на предметахъ домашняго обихода: на мебели, коврахъ, ларцахъ, кубкахъ, цѣнной посудѣ и переплетахъ книгъ. Нельзя также не упомянуть здѣсь объ одномъ спеціальномъ примѣненіи гербовъ, на такъ-называемыхъ библіотечныхъ знакахъ, или *ex-libris*, которые вклеивались въ книги, какъ знакъ принадлежности извѣстному лицу, или учрежденію. Древнѣйшіе изъ такихъ *ex-libris* въ Германіи относятся къ XV-му вѣку и заключаютъ въ себѣ изображенія гербовъ, воспроизведенныхъ гравюрою на деревѣ. Такъ напр. библіотечный знакъ картезіанскаго монаха Бранденбурга изъ Вюртемберга (1470 г.) изображаетъ ангела, держащаго гербовый щитъ, (на которомъ серебряный быкъ въ голубомъ полѣ); часто также встрѣчаются говорящія эмблемы (armes parlantes) и отдѣльныя геральдическія фигуры и девизы. Вообще гербы на библіотечныхъ знакахъ встрѣчаются чаще всего. Говоря о книгахъ, будетъ кстати упомянуть также о водяныхъ знакахъ на старинной бумагѣ, которые часто изображали геральдическія эмблемы: короны, кресты, звѣзды, змѣи, львы, голову быка и т. под. Они встрѣчаются на бумагѣ съ конца XIV вѣка и служили для различенія ея сортовъ и назначенія. Въ рукописныхъ памятникахъ: хроникахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ, дипломахъ на дворянство и другихъ актахъ государственнаго и частнаго быта гербы встрѣчаются во множествѣ, иногда въ изящной миніатюрѣ, а иногда въ художественномъ соединеніи съ заглавными буквами рукописи.

Любопытное примѣненіе художественной геральдики въ Средніе вѣка и послѣдующее время представляютъ игральныя карты. Онѣ проникли, какъ извѣстно, въ Европу съ Востока въ эпоху крестовыхъ походовъ подъ названіемъ *naibi* и первое время, до XV-го вѣка, еще сохраняли свой восточный отпечатокъ, (такъ напр. полумѣсяцъ замѣнялъ на нихъ бубенъ, а трефъ имѣлъ арабскую четырехъконечную форму). Съ XV-го вѣка карты, (первоначально называвшіяся — *tarots*) получили всеобщее рас-

пространеніе въ Западной Европѣ, особенно послѣ того, какъ онѣ вошли въ моду при дворѣ французскаго короля Карла VI, впавшаго въ слабоуміе.

Въ эту эпоху на игральныхъ картахъ появляются художественныя изображенія фигуръ игры въ видѣ историческихъ личностей съ ихъ дѣйствительными, или фантастическими гербами, каковы Готфридъ Бульонскій, рыцарь Дюнуа, король Альфредъ, Карлъ Великій, Александръ Македонскій, Юлій Цезарь и т. под. Самые знаки мастей превращались иногда въ геральдическія фигуры: такъ напримѣръ, трефы изображали листья на геральдическомъ деревѣ герба извѣстной Агнесы Сорель, представлявшейся въ видѣ трефовой дамы на картахъ времени Карла VII. На картахъ изображались также отдѣльно гербы изобрѣтателей той или другой игры, и чаще всего съ гербовыми щитами въ рукахъ изображались валеты. Вообще карты разныхъ эпохъ и странъ вездѣ воспроизводятъ характеръ костюмовъ и стиля соотвѣтствующаго времени. Такъ напр. въ Германіи на картахъ XVI вѣка мы видимъ ландскнехтовъ въ ихъ характерномъ костюмѣ, а во Франціи XVII-го в.—костюмы эпохи Людовика XIV-го.

Намъ остается упомянуть о примѣненіяхъ гербовъ въ церквахъ и на надгробныхъ памятникахъ. На Западѣ иногда гербы умершихъ вѣшались въ церквахъ съ обозначеніемъ датъ смерти и титуловъ ихъ владѣльцевъ, что служило для генеалогическихъ цѣлей, сохраняя свѣдѣнія о родѣ. Гербы помѣщались также на различныхъ предметахъ церковной утвари для увѣковѣченія памяти церковныхъ строителей и жертвователей. Съ XV-го вѣка гербы начинаютъ встрѣчаться и на церковныхъ колоколахъ. Но особенно большое примѣненіе гербы имѣли на надгробныхъ памятникахъ.

Въ Средніе вѣка гробницы очень часто украшались скульптурными изображеніями умершихъ. Такіе памятники встрѣчаются съ XIV-го столѣтія и весьма многочисленны во Франціи, Германіи, Италіи и въ особенности въ Англіи, гдѣ мы встрѣчаемъ ихъ даже въ простыхъ сельскихъ церквахъ. Они воздвигались не только лицамъ рыцарскаго сословія, но также и духовнымъ, богатымъ горожанамъ и купцамъ. Иногда они имѣли форму над-

гробныхъ плитъ, украшавшихся скульптурными изображеніями фигуръ и гербовъ, которые расписывались красками; но для лицъ болѣе знатныхъ изъ духовенства и высшаго дворянства сооружались обыкновенно въ церквахъ болѣе пышные памятники, на подобіе саркофага, надъ которымъ возвышался балдахинъ. На подобныхъ памятникахъ мы видимъ высѣченныя изъ камня рыцарскія фигуры въ вооруженіи и въ различныхъ положеніяхъ, то лежащими, то колѣнопреклоненными; иногда по двѣ фигуры вмѣстѣ: отца съ сыномъ, мужа съ женою.

Памятники эти представляютъ особенный интересъ для изученія костюма и вооруженія тѣхъ временъ, а съ нашей точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія украшающіе ихъ гербы и геральдическія эмблемы. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ такихъ памятниковъ въ Англіи представляетъ гробница знаменитаго Чернаго Принца, сына короля Эдуарда III, находящаяся въ Кантерберійскомъ соборѣ. На саркофагѣ, украшенномъ по бокамъ исключительно гербовыми щитами, покоится воинственная фигура этого героя рыцарскихъ временъ въ полномъ позолоченномъ вооруженіи; строгое лицо его тѣсно обрамлено кольчужною бармицей, а голова, съ надѣтымъ боевымъ шлемомъ съ небольшою короною, покоится на турнирномъ шлемѣ, который служитъ ей какъ-бы изголовьемъ. Шлемное украшеніе послѣдняго составляетъ фигура коронованнаго леопарда, стоящаго на четырехъ лапахъ, съ открытымъ зѣвомъ. Наконецъ, гербовая туника, покрывающая широкую грудь и спускающаяся до бедръ, показываетъ гербы Англіи и Франціи: леопардовъ въ красномъ полѣ и лиліи въ голубомъ, расположенные на-крестъ. Только эти гербы и драгоцѣнные камни на коронѣ были раскрашены, все же остальное вызолочено. Памятникъ этотъ замѣчателенъ по своей художественности и тщательности отдѣлки во всѣхъ его подробностяхъ.

Два древнихъ геральдиста: *Favyn* въ сочиненіи: „*Théatre d'honneur*“ и *La Colombière* въ своей „*Science héroique*“ даютъ любопытное толкованіе тѣхъ различныхъ типовъ, которые представляютъ рыцарскія изображенія на такихъ гробницахъ. По ихъ объясненію, различныя положенія фигуръ и подробности вооруженія на надгробіяхъ соотвѣтствовали роду смер-

ти изображеннаго на нихъ лица. Такъ, если рыцарь умиралъ въ бою, то изображался въ полномъ вооруженіи, со шлемомъ на головѣ и колѣнопреклоненнымъ; умершій во время войны отъ раны или болѣзни, изображался лежащимъ въ боевомъ вооруженіи, но только безъ шлема и боевыхъ рукавицъ, которые помѣщались возлѣ него. Наконецъ, умиравшій мирною смертью въ своемъ замкѣ, изображался лежащимъ въ своей гербовой туникѣ и парадномъ доспѣхѣ, имѣя шлемъ и шпоры въ ногахъ и опираясь послѣдними на изображенія домовыхъ собакъ. Иногда подъ ногами рыцарскихъ фигуръ помѣщались символическія животныя: львы, собаки, драконы, грифы и т. под., означавшія его побѣду надъ врагами, или олицетворявшія его качества. Эти символическія животныя встрѣчаются на гробницахъ, начиная съ XIII-го вѣка и назывались во Франціи — *cagnets*. Гербы помѣщались обыкновенно на особыхъ щиткахъ надъ головою рыцаря, покоившейся на турнирномъ шлемѣ, по бокамъ этого послѣдняго [1]). Прибавимъ, что средневѣковыя гробницы не всегда слѣдуютъ этимъ обычнымъ типамъ, представляя не мало варіантовъ. Памятники зодчества и скульптуры надгробій достигаютъ апогея своего совершенства въ XV вѣкѣ; къ этому времени относятся великолѣпныя гробницы герцоговъ Бургундскихъ и Берійскихъ въ г. Буржѣ, во Франціи.

Въ Средніе вѣка мы встрѣчаемъ замѣчательный обычай, который показываетъ, насколько гербъ тѣсно связанъ былъ съ живою личностью. Когда какой-либо рыцарскій родъ угасалъ въ лицѣ послѣдняго своего представителя, то, при погребеніи, гербовый щитъ и шлемъ его сокрушали и вмѣстѣ съ тѣломъ умершаго опускали въ могилу. Обычай этотъ весьма напоминаетъ подобный же, существовавшій у Римлянъ и отъ нихъ перешедшій къ Франкамъ — погребать вмѣстѣ съ умершимъ его печать и перстень.

---

[1]) Въ началѣ средневѣковой эпохи на гробницахъ помѣщался обыкновенно на плитѣ только одинъ гербъ; впослѣдствіи стали помѣщать также материнскій и, наконецъ, вошло въ обычай помѣщать по четыре и болѣе гербовъ предковъ умершаго, которые располагались въ извѣстномъ порядкѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи обычай погребенія герба угасшаго рода удержался еще до нашихъ дней.

Въ прежнее время геральдикѣ отводилось почетное мѣсто среди наукъ, преподававшихся дворянству Западной Европы. Но въ то время также и лица другихъ сословій, какъ мы видѣли, встрѣчали въ ней надобность. Въ эпоху процвѣтанія геральдики гербы изображались вездѣ и на всемъ; отсюда ясно, что для художниковъ, граверовъ, ваятелей, зодчихъ, ткачей и другихъ многочисленныхъ представителей прикладныхъ искусствъ знакомство съ главнѣйшими геральдическими правилами являлось совершенно необходимымъ.

Въ 1789 году французская революція, казалось, навсегда упразднила геральдику въ этой странѣ; но уже очень скоро затѣмъ она снова возродилась во Франціи, хотя и на нѣсколько иныхъ началахъ, созданныхъ Наполеономъ I.

Послѣ всего сказаннаго уже не будетъ затруднительнымъ опредѣлить то мѣсто, которое принадлежитъ *геральдикѣ* въ общей системѣ наукъ и искусствъ.

Мы уже говорили въ началѣ нашихъ чтеній о значеніи ея въ области культурной исторіи, и все сказанное нами послѣ того служитъ подтвержденіемъ этого взгляда.

Являясь затѣмъ вспомогательною дисциплиною для генеалогіи, геральдика пріобрѣтаетъ значеніе таковой и для исторіи вообще.

Гербы, какъ мы видѣли, встрѣчаются на печатяхъ, монетахъ, гробницахъ и множествѣ другихъ памятниковъ исторіи и искусства: безъ знанія геральдики таковые остаются мало понятными, а иногда и совершенно необъяснимыми. Отсюда очевидно, какъ важна геральдика при изученіи сфрагистики, нумизматики и археологіи. Дипломатика и палеографія также не могутъ быть съ успѣхомъ изучаемы безъ геральдики: гербы безпрестанно встрѣчаются на актахъ, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ.

Но геральдика является не только научною дисциплиною, но также и *искусствомъ*, ибо имѣетъ, кромѣ того, предметомъ

своимъ дѣйствительное изображеніе герба на основаніи извѣстныхъ правилъ. Всякое изображеніе стремится достигнуть извѣстной красоты: красивымъ же признается то, что удовлетворяетъ чувству изящнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ является цѣлесообразнымъ. Соотвѣтственно съ этими требованіями, и въ геральдикѣ были издавна установлены опредѣленныя правила. Поэтому въ геральдикѣ красивымъ признается то, что *геральдически правильно*, а некрасивымъ—геральдически неправильное.

Что геральдика есть дѣйствительно искусство, видно уже изъ того, что для воспроизведенія гербовъ ей необходимо прибѣгать къ посредству одного изъ прикладныхъ искусствъ: живописи, ваянію, или зодчеству. Первоклассные художники прежнихъ временъ, каковы Альбертъ Дюреръ, Гансъ Бальдунгъ, оба Фишеры и другіе не пренебрегали въ своемъ искусствѣ геральдикою, о чемъ свидѣтельствуютъ изящныя изображенія гербовъ, которые мы видимъ на ихъ рисункахъ и гравюрахъ. Въ новѣйшее же время незнакомство художниковъ съ геральдикой приводило ихъ нерѣдко къ прискорбнымъ промахамъ, чему можно было бы привести немало примѣровъ. Такъ, на одной исторической скульптурѣ новѣйшаго времени, изображающей эпизодъ изъ эпохи реформаціи, извѣстный Тетцель, продававшій папскія индульгенціи въ Германіи, представленъ съ церковнымъ знаменемъ, на которомъ, вмѣсто герба папы Льва X-го изъ фамиліи Медичисовъ, художникъ помѣстилъ гербъ папы Пія IX-го [1]). На исторической картинѣ фонъ-Вернера: «Лютеръ на сеймѣ въ Вормсѣ» сѣнь надъ тономъ императора Карла V украшена нынѣшнимъ гербомъ Австрійской имперіи.

Что же касается до подобныхъ анахронизмовъ при театральной постановкѣ историческихъ піесъ, то ихъ и не перечтешь.

Извѣстный геральдистъ XVII вѣка *Ménéstrier*, котораго мы уже не разъ упоминали, въ своемъ сочиненіи: «*L'art du blason*» старается опредѣлить ту обширную область разнообразныхъ знаній, которую, по его мнѣнію, геральдика должна включать въ

[1]) Эта скульптура, работы *Calandrelli* украшаетъ фасадъ зданія ратуши въ Берлинѣ.

себѣ. Геральдика, по его словамъ, есть нѣчто сходное съ энциклопедіей. Она имѣетъ свою особую теологію, объясняющую ея таинственные символы, свою философію — разсматривающую свойства ея фигуръ; свою юриспруденцію — опредѣляющую права на пользованіе гербомъ, особыми отличительными знаками и титулами. Ея геометрія разсматриваетъ геральдическія фигуры и ихъ расположеніе на гербовомъ щитѣ, ея ариѳметика — ихъ число, исторія — ихъ происхожденіе и причины; географія — тѣ страны и мѣстности, откуда извѣстныя фамиліи ведутъ свое начало, гдѣ живутъ и куда распространились отдѣльныя ихъ отрасли. Наконецъ, ея грамматика даетъ объясненіе всѣхъ принятыхъ въ ней спеціальныхъ терминовъ и раскрываетъ ихъ начала.

Конечно, съ того времени, когда писалъ Ménéstrier, взглядъ на геральдику и научная ея постановка нѣсколько измѣнились. Сдѣлавшее въ наше время значительные успѣхи научное изученіе историческихъ актовъ, печатей, монетъ, родословій и археологическихъ памятниковъ требуетъ отъ геральдики болѣе строгаго и критическаго отношенія къ ея матеріалу. «Вся совокупность геральдическихъ познаній, собиравшаяся герольдами, говоритъ *Bernd*, оставалась почти до нашего времени сухимъ перечнемъ однихъ только внѣшнихъ особенностей гербовъ, имѣвшимъ цѣлью служить лишь прикладному искусству. Хотя при этомъ въ старинныхъ геральдикахъ и шла рѣчь о толкованіяхъ гербовъ, основанныхъ на ихъ символизмѣ и часто совершенно произвольныхъ, а равно излагались и правила, принятыя въ гербовомъ дѣлѣ, однако всѣ эти свѣдѣнія приводились безо всякой внутренней связи и безъ указаній на важнѣйшее и наиболѣе существенное. Въ нихъ недоставало также исторической обоснованности и цѣльности, которая придавала бы этому знанію строго научный характеръ».

Только въ послѣднее время спеціальные труды по геральдикѣ *Бернда*, *Гефнера*, *Зейлера*, *Сакена* и другихъ поставили ее на правильный путь и подняли на должную научную высоту.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ во Франціи, геральдика пережила дворянство, которое ее создало и вызывало ея необходимость. Тѣмъ не менѣе она продолжаетъ существовать

и здѣсь, утративъ свое прежнее значеніе, но представляя художественный и изящный памятникъ прошлаго и интересный пережитокъ Среднихъ вѣковъ.

Геральдика, по выраженію одного современнаго французскаго писателя, (*Gérard de Nerval*), предстазляетъ ключъ къ исторіи Франціи, и это весьма вѣрное замѣчаніе можетъ быть приложено въ большей или меньшей мѣрѣ и къ другимъ европейскимъ странамъ, въ которыхъ она получила историческое развитіе.

Геральдика есть также своего рода символическій международный языкъ, такъ-какъ во всѣхъ странахъ, гдѣ она существуетъ, мы встрѣчаемъ въ ней одни и тѣ же фигуры и эмблемы, передающія изъ рода въ родъ высокія понятія религіи, рыцарской чести и любви къ родинѣ.

VIII.

Окончивъ нашъ обзоръ геральдики въ ея историческомъ развитіи, перейдемъ теперь къ изученію ея *теоріи*. Прежде всего мы остановимся на опредѣленіи понятія о гербѣ и покажемъ, какихъ родовъ таковые бываютъ. Затѣмъ перейдемъ къ опредѣленію предмета геральдики, какъ науки, и къ ознакомленію съ ея источниками.

Гербами называются особыя фигуры или символическія изображенія, представленныя на основаніи извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ правилъ и служащія постоянными отличительными знаками отдѣльному лицу, роду, сообществу или учрежденію, а также городу, области, или цѣлому государству.

Подобныя гербовыя изображенія, какъ мы уже видѣли, первоначально помѣщались на оружіи, преимущественно на щитѣ и шлемѣ. Отсюда и названіе герба почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ произошло отъ слова, обозначающаго *оружіе*, а именно, по нѣмецки — *wappen* отъ *waffen*, по французски — *armoiries*, *armes*, на англійскомъ — *arms*, на итальянскомъ — *arma*, на шведскомъ — *vapen*; (по латыни гербъ пере-

водится чрезъ: *arma* и *armorum insignia*, т. е. отличительные знаки оружія [1]).

Понятіе о гербѣ, заключающемъ въ себѣ *щитъ* и *шлемъ*, какъ нѣчто объединенное, цѣлое, встрѣчается не ранѣе конца XIII-го вѣка. До тѣхъ поръ отличительныя фигуры и украшенія шлема и щита разсматривались, какъ двѣ совершенно самостоятельныя эмблемы.

Такія изображенія, даже въ томъ случаѣ, когда они служатъ отличительными знаками, (напр. для военачальниковъ), еще не соотвѣтствуютъ отсюда тому, что мы разумѣемъ подъ словомъ *гербъ*; таковымъ отличительный признакъ становится лишь въ томъ случаѣ, если онъ утвержденъ за извѣстнымъ лицомъ, фамиліею, сообществомъ и т. д. высшею государственною властью, какъ постоянный и неизмѣнный, т. е. когда пользованіе таковымъ является извѣстнымъ исключительнымъ правомъ. Въ такомъ смыслѣ гербы вошли въ обычай приблизительно съ 1400 г.

По общепринятому правилу, гербъ утверждается и жалуется главою государства, какъ исключительное право того, который получаетъ его, и поэтому находился и донынѣ находится подъ особымъ государственнымъ контролемъ.

Гербы всегда имѣли значеніе особаго отличительнаго знака и давались именно, какъ таковые. Гербомъ, пожалованнымъ опредѣленному лицу (фамиліи и т. д.) никто иной не могъ пользоваться, если не получалъ на это дозволенія владѣльца герба, и лишь не иначе, какъ на извѣстныхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ основаніяхъ, или же только съ разрѣшенія высшей государственной власти и въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда на этомъ основывалось извѣстное законное притязаніе. Такія основанія для пользованія гербомъ имѣютъ силу и въ настоящее время. Если случалось, что гербы, принятые двумя различными фамиліями, оказывались совершенно сходными, то имѣли примѣненіе извѣстные различительные способы, состоявшіе въ измѣненіи гербовыхъ цвѣтовъ, или въ добавленіи извѣстнаго *дополнительнаго знака* (*Beizeichen*, *brisure*). Такимъ образомъ образовалось то безчи-

---

[1]) Объясненія слова *гербъ* дано было нами выше, въ лекціи III.

сленное количество *различающихся* между собою гербовъ, каковыхъ извѣстно по меньшей мѣрѣ до 200 тысячъ.

На пользованіе гербомъ имѣютъ право, какъ *отдѣльныя* лица, такъ и корпораціи, общины, города и страны. Поэтому можно подраздѣлить гербы на слѣдующіе роды:

1. Гербы *государственные* (*Herrschaftswappen, armes de domaine*), представляющіе геральдическія эмблемы земель, вошедшихъ въ составъ государства. Гербы эти часто служатъ вмѣстѣ и гербами коронованныхъ особъ, стоящихъ во главѣ государства.

2. Гербы *мѣстные* (*Länderwappen*), присвоенные городамъ, областямъ, губерніямъ, епископствамъ и т. д.

3. Гербы *сообществъ* (*Gesellschaftswappen, armes de communauté*), принадлежащіе различнымъ корпораціямъ, духовнымъ и свѣтскимъ, цѣхамъ, ученымъ учрежденіямъ и т. п.

4. Гербы *фамильные* или родовые (*Geschlechtswappen, armes de famille*), переходящіе по наслѣдству лицамъ одного рода. Въ Западной Европѣ различаются, кромѣ того, *личные* гербы (*Personalwappen, armes personelles*), къ каковымъ относятся гербы епископовъ и другихъ духовныхъ сановниковъ.

На основаніи нѣкоторыхъ особыхъ признаковъ, относящихся къ происхожденію и назначенію гербовъ, въ западной геральдикѣ принято еще различать между ними слѣдующіе:

Союзные или брачные гербы (*Allianz oder Heiratswappen*), состоящіе изъ соединенныхъ гербовъ лицъ, вступившихъ въ брачный союзъ. Такого рода гербы въ старину увѣковѣчивали въ извѣстной фамиліи бракъ съ какою-либо знатною особою и встрѣчаются особенно часто въ Италіи и Австріи. Такъ напр., въ гербѣ князей *Piccolomini* включенъ, какъ брачный, гербъ королевства Арагонскаго, по случаю брака одного изъ представителей названнаго рода съ арагонскою принцессою. Въ Англіи и въ настоящее время наслѣдница извѣстнаго знатнаго дома (heiress) присоединяетъ свой гербъ къ гербу мужа, въ качествѣ брачнаго.

Наслѣдственно-владѣльческіе гербы (*Erbschaftswappen, armes de succession*), которые принимаются вмѣстѣ съ унаслѣдо-

ваніемъ извѣстнаго родового владѣнія. Такъ напр. въ гербу князей *Lamberg* въ Австріи, состоящей изъ трехъ отдѣльныхъ щитовъ, одинъ изъ нихъ заключаетъ присоединенный чрезъ наслѣдство гербъ фамиліи *Scala*. Иногда присоединяется весь гербъ наслѣдодателя, а иногда только нѣкоторыя эмблемы изъ него.

Гербы притязанія (*Anspruchswappen*, *armes de prétention*), показывающіе притязаніе на какое-либо спорное, или прежде существовавшее владѣніе. Напр., когда король датскій Христіанъ II въ 1520 г. сдѣлался одновременно и королемъ шведскимъ, то принялъ въ свой гербъ дополнительно и гербъ Швеціи: 3 золотыя короны въ голубомъ полѣ; когда же Швеція вскорѣ опять отдѣлилась отъ Даніи, послѣдняя сохранила однако въ своемъ гербу шведскія эмблемы, какъ гербъ притязанія. Подобнымъ же образомъ короли Англіи до 1800 года присоединяли къ своему гербу французскій королевскій гербъ, (3 золотыя лиліи въ голубомъ полѣ), хотя издавна утратили свои прежнія владѣнія во Франціи. Точно также испанскіе короли присоединяли къ своему—гербъ Португаліи и Іерусалимскаго королевства; короли Сардиніи—гербъ Кипра и т. д. Когда такіе гербы не выражаютъ болѣе дѣйствительнаго притязанія, то называются иногда гербами *воспоминанія* (*Gedächtnisswappen*, *armes de souvenir*).

Гербы покровительства, *или пожалованія* (*Schutz—u. gnadenw.*, *armes de patronage et de concession*), которые жаловались какимъ-либо государемъ, какъ знакъ покровительства, или особаго отличія и заключались по большей части въ соизволеніи помѣщать въ гербу рода, извѣстнаго города, или корпораціи—гербъ самого государя. Въ Западной Европѣ подобные гербы весьма многочисленны и связаны обыкновенно съ историческими воспоминаніями. Такъ напр. фамилія *d'Estaing* во Франціи имѣетъ въ верхней части (главѣ) своего герба пожалованныя ей королевскія лиліи, въ память того, что одинъ изъ рыцарскихъ предковъ этой фамиліи спасъ жизнь королю Филиппу-Августу въ битвѣ при Бувинѣ (1214 г.). Первоначальный гербъ королевства Арагоніи состоялъ изъ золотаго щита безо всякой фигуры на немъ, но императоръ Карлъ Лысый, будучи свидѣтелемъ ге-

ройскихъ подвиговъ Готфрида Арагонскаго въ битвѣ съ Норманнами, омочилъ четыре пальца въ крови, истекавшей изъ ранъ этого принца, и провелъ ими сверху внизъ по его щиту: съ того времени короли Арагоніи стали употреблять гербъ: въ золотомъ полѣ четыре червленые столба (pals); отъ нихъ онъ перешелъ и въ гербы графовъ Барселоны и Прованса.

Интересенъ также весьма выразительный гербъ, пожалованный королемъ Фердинандомъ и кор. Изабеллою испанскими знаменитому *Христофору Колумбу* въ воздаяніе его заслугъ, вмѣстѣ съ титуломъ вице-короля ново-открытыхъ имъ странъ. Гербъ этотъ заключалъ въ верхней половинѣ 4-хъ частнаго щита королевскія эмблемы Кастиліи (замокъ) и Леона (льва), а въ нижней, въ правой части, въ зеленомъ полѣ, изображающемъ море, 5 серебряныхъ острововъ, а въ лѣвой—въ голубомъ—5 золотыхъ якорей. Гербъ увѣнчивался шлемомъ, украшеніе котораго изображало земной шаръ и надъ нимъ крестъ; девизъ съ лаконическою простотою гласилъ: «*Por Castilla, y por Leon. nuevo mundo hallo Colon*», т. е. для королевствъ Кастиліи и Леона Колумбъ открылъ новый свѣтъ.

Приведемъ еще одинъ примѣръ интереснаго историческаго герба, дарованнаго въ XIV вѣкѣ шотландской фамиліи *Douglas*. Король Шотландіи Робертъ Брюсъ въ 1329 г. на своемъ смертномъ одрѣ поручилъ храброму рыцарю Дугласу Черному, въ исполненіе даннаго имъ обѣта, перенести въ Святую землю часть его останковъ, а именно, его сердце. Послѣ кончины короля, Дугласу было ввѣрено королевское сердце, и онъ отправился въ Палестину, неся его на своей груди въ серебряномъ ковчежцѣ. Но ему не суждено было достигнуть Святой земли. Въ Андалузіи, гдѣ онъ присоединился съ своимъ отрядомъ къ Испанцамъ, ихъ встрѣтило сильное войско Мавровъ, и онъ погибъ въ жестокой сѣчѣ, держа въ рукахъ до послѣдней минуты сердце своего короля. Съ этихъ поръ родъ Дугласовъ имѣетъ въ своемъ гербѣ червленое сердце, увѣнчанное королевскою короною, и девизъ: «*исполнить, или умереть*» («*do, or die*»).

У насъ, въ Россіи гербы пожалованія встрѣчаются, какъ при возведеніи въ дворянство и утвержденіи въ таковомъ, (когда

раньше у фамиліи не имѣлось герба), такъ и при дарованіи титула, при чемъ, или составляется новый гербъ, или же къ существующему гербу придаются нѣкоторыя эмблемы, (двуглавый орелъ, вензель государя, императорская корона и т. п.). Въ русской геральдикѣ существуетъ особый разрядъ такихъ пожалованныхъ гербовъ, подъ названіемъ *лейбъ-кампанскихъ*. Они дарованы были императрицей Елисаветой Петровной всѣмъ, служившимъ при восшествіи ея на престолъ въ лейбъ-кампанцахъ, оказавшихъ тогда особенную вѣрность государынѣ. Эти гербы отличаются помѣщенною на нихъ лейбъ-кампанскою (гренадерскою) шапкою со страусовыми перьями, по сторонамъ которой видны два черныхъ орлиныхъ крыла, и на каждомъ изъ нихъ по 3 серебряныхъ звѣзды. Въ самомъ же гербѣ помѣщено золотое стропило, на коемъ 3 горящихъ гранаты, сопровождаемое 3-мя серебряными звѣздами. Эти эмблемы у лейбъ-кампанцевъ, имѣвшихъ уже ранѣе гербы, присоединялись къ прежнимъ.

Гербы покровительства на Западѣ существуютъ и донынѣ. Римскіе кардиналы нерѣдко помѣщаютъ, въ качествѣ таковыхъ, въ свои гербы геральдическія эмблемы папы, возведшаго ихъ въ этотъ санъ. Въ Средніе вѣка различались еще такъ наз. *armes de dévotion* (гербы благочестія), которые давались за особыя заслуги на пользу церкви и религіи. Одинъ изъ французскихъ рыцарей, сопровождавшихъ Людовика Святаго въ крестовомъ походѣ, изъ фамиліи *Maupoix-Baudran*, получилъ отъ короля порученіе доставить въ Парижскій соборъ Богоматери терновый вѣнецъ Спасителя. Въ награду за этотъ религіозный подвигъ названной фамиліи пожалованъ былъ тогда гербъ, изображающій въ серебряномъ полѣ пять терновыхъ вѣнцовъ чернаго цвѣта.

Въ Англіи *гербы покровительства* (*arms of patronage*) имѣютъ нѣсколько иное значеніе. Здѣсь знатныя лица, управлявшія областями, пожалованными имѣніями и замками, прибавляли къ фамильнымъ своимъ гербамъ различныя эмблемы, какъ знаки своихъ преимуществъ, правъ и достоинствъ.

Гербы должностные (*Amts-od. Standeswappen*, *armes de dignité*), составляющіе особый видъ предъидущаго рода гербовъ на Западѣ. Таковые присвоивались извѣстной почетной должности,

или званію и переходили иногда, какъ наслѣдственные, къ знатнымъ фамиліямъ. Въ Германіи наслѣдственныя почетныя должности священной Римской Имперіи увѣковѣчены такимъ образомъ въ гербахъ отдѣльныхъ государствъ: пфальцграфство Баварское имѣетъ въ гербѣ своемъ державное яблоко, какъ знакъ имперскаго стольника (*Erztruchsess*); Вюртембергъ — государственный стягъ — отъ должности наслѣдственнаго имперскаго знаменосца (*Erbpannerherr*); Саксонія—перекрещенные мечи—отъ наслѣдственнаго имперскаго маршальства (*Erbmarshall*).

Въ древней Франціи, до революціи всѣмъ государственнымъ должностямъ присвоивались особыя геральдическія отличія, помѣщавшіяся или въ самомъ гербѣ, или же, чаще всего, въ видѣ внѣшнихъ аттрибутовъ гербоваго щита, каковы напр. два обнаженныхъ меча у *коннетабля* Франціи, два жезла — у маршала, два якоря—у адмирала и т. д. Такъ какъ въ тѣ времена государственныя должности были по большей части наслѣдственными, то и такіе должностные гербы часто сохранялись наслѣдственно въ извѣстной фамиліи. При Наполеонѣ I, была сдѣлана попытка возобновить ихъ во Франціи въ нѣсколько измѣненномъ видѣ [1]).

По своему происхожденію гербы могутъ быть раздѣлены на *исконные* (*Urwappen*), появившіеся въ древнее время, съ самаго возникновенія обычая употреблять гербы, а впослѣдствіи узаконенные чрезъ молчаливое признаніе ихъ дѣйствительности; и на гербы *пожалованные по грамотѣ* (*Briefwappen*), начиная съ 14-го вѣка, которые были даваемы главою государства или, въ Германіи особо уполномоченнымъ отъ государя лицомъ, (обыкновенно такъ наз. *comes Palatinus*), посредствомъ установленнаго на то документа. Эти уполномоченныя лица въ Германіи принадлежали къ высшему дворянству, но встрѣчались между ними часто и ученые правовѣды. Они образовали въ то время два такъ наз. *комитива*, большой и малый. Первый имѣлъ полномочіе ежегодно возводить въ потомственное дворянство по нѣсколько лицъ и утверждать за ними гербы; второму же предоставлено было лишь

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь, что многіе гербы, въ особенности сложные, могутъ соединять въ себѣ признаки различныхъ родовъ, указанныхъ здѣсь, и поэтому принадлежать одновременно къ нѣсколькимъ.

право причислять въ *наслѣдственные общники герба* (*erbliche Wappengenossen*) нѣкоторыхъ лицъ, но однако безъ возведенія таковыхъ въ дворянское достоинство. Такими общниками герба, или гербовыми гражданами (*Wappenbürger*) признаются въ Германіи такія лица, или фамиліи, которыя, не принадлежа къ дворянству, пользуются однако правомъ употреблять наслѣдственные гербы. Иногда, впрочемъ, подъ этимъ названіемъ разумѣлись и тѣ фамиліи, которыя пользовались общимъ гербомъ, или имѣли вообще право на гербъ.

Если эмблема герба прямо указываетъ на фамилію владѣльца, названіе города, мѣстности и т. д., которымъ принадлежитъ гербъ, то таковой называется *гласнымъ* или *именнымъ* [1] (*redende wappen, nameiv., armes parlantes*). Въ подобныхъ гербахъ, произнося названіе гербовой эмблемы, вмѣстѣ съ тѣмъ называютъ и фамилію, или извѣстное имя, и часто такое соотвѣтствіе основывается на одномъ лишь созвучіи и является поэтому совершенно случайнымъ. Поэтому такіе гербы справедливо сравнивали съ ребусами. Замѣтимъ, что въ подобныхъ именныхъ гербахъ иногда гласитъ щитъ, (эмблема, или же цвѣтъ его) иногда шлемъ, а иногда и щитодержатели. Притомъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ смыслъ ихъ совершенно понятенъ, напр. въ гербѣ *князей Орловыхъ*—орелъ, *князей Долгорукихъ*—рука со стрѣлою, выходящая изъ облаковъ, *Топорскихъ*—топоръ, испанской фамиліи *Torres* — башня, нѣмецкой — *Eichmann* — человѣкъ, держащій дубъ и т. п.; въ другихъ же значеніи герба болѣе прикровенное и это встрѣчается чаще въ древнихъ гербахъ, любившихъ примѣнять въ такихъ изображеніяхъ правило: «*pars pro toto*». Таковъ напр. гербъ старинной фамиліи *фонъ-Дахенгаузенъ*, представляющій шахматное поле (черное съ серебромъ), имѣющее верхнюю часть (такъ наз. *главу* щита) красную. Въ немъ гласятъ фигуры щита: красная верхняя часть его означаетъ крышу (*dach*), а остальная, шахматная — домъ (*haus*). Въ гербѣ княжества *Монако* гласятъ щитодержатели, фигуры Августинскихъ монаховъ, стоящія по обѣимъ сторонамъ княжескаго герба. Не-

[1]) Ихъ называютъ также *выразительными*.

рѣдко гласные гербы совершенно ошибочно указываютъ на то, или другое происхожденіе названія, основывая таковое, какъ мы сказали, на одномъ лишь случайномъ созвучіи. Такъ напр. извѣстный гласный гербъ королевства Леонъ въ Испаніи изображалъ льва, хотя названіе *Leon* произошло вовсе не отъ льва, а отъ латинскаго слова *legio*. Городъ *Landshut* въ Германіи получилъ гласнымъ гербомъ шляпу (*Hut*), хотя названіе его произошло отъ однозвучнаго слова, имѣющаго совершенно другое значеніе (*Hut* — сторóжа).

Во всѣхъ европейскихъ странахъ встрѣчается множество такихъ гласныхъ гербовъ, какъ фамильныхъ, такъ и мѣстныхъ. Они не составляютъ какого-либо особаго рода гербовъ, но заслуживаютъ вниманія въ особенности потому, что для ихъ распознаванія и пониманія необходимо бываетъ знакомство съ языкомъ той страны, которой принадлежитъ такой гласный гербъ [1]).

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ изъ древней французской геральдики, которая нерѣдко не гнушалась самыми обыденными и простыми предметами изъ природы и домашняго быта и вводила ихъ въ гербы, когда они по своему значенію или созвучію подходили къ извѣстному фамильному названію. Такимъ образомъ появились три хлѣбныя кадки (*boisseaux*) въ гербѣ фамиліи *Bouesseau*, три рыбы (рѣчные бычки — *chabots*) у *Chabot;* вишневое дерево (*créquier*) — фамиліи *Créqui*; испуганная кошка (*chat effrayé*) — въ гербѣ *Auchat*; три ёжика (*hérissons*) — у *Hérícé*; три головы бекасовъ — у *Begassoux* и т. под. Заимствовались предметы также изъ военнаго и морского быта: напр. гербъ *Mailly* — три зеленыхъ палицы (*maillets*), гербъ *Dumas* — золотая мачта и т. д.

---

[1]) Иногда требуется знакомство и съ древними, *исчезнувшими* средневѣковыми словами и выраженіями для объясненія именнаго или гласнаго герба. Напр. нѣмецкая фамилія *v. Olvenstedt* въ Магдебургѣ имѣетъ съ XIII вѣка въ гербѣ *верблюда*, который въ Средніе вѣка назывался *„olbent“*; отсюда гербъ этотъ является гласнымъ, о чёмъ по современному нѣмецкому названію верблюда (*kamel*) догадаться нельзя. Подобныя же исчезнувшія названія *совы* — *„auf“* и *коршуна* — *„sprinz“* объясняютъ именные гербы древнихъ фамилій *v. Aufenstein* и *v. Sprinzenstein* въ Германіи.

Кромѣ того, существуютъ и такъ наз. *полугласные гербы* (*halbredende w.*), т. е. дающіе лишь отдаленное указаніе, или намёкъ на фамильное имя, напр. въ Германіи гербъ фамиліи *Taxis* — барсукъ (*Dachs*); шахматная доска — гербъ фамиліи *Spiller* (*Spiel*—игра) и т. д.

Нѣкоторые геральдисты считали гласные гербы самыми древними изъ существующихъ. Такого взгляда держался напр. англійскій герольдъ *Byssaeus*, однако, по изслѣдованіямъ *Зейлера*, гласные гербы въ Германіи ранѣе XIV-го вѣка почти не встрѣчаются. Весьма изобилуетъ также гласными гербами польская геральдика, откуда они перешли и къ намъ, въ Россію. Намъ остается упомянуть еще одинъ особый родъ гербовъ, который также можетъ быть отнесенъ къ гласнымъ и носитъ въ геральдикѣ названіе *загадочныхъ гербовъ* (*Rätzelwappen*, *armes à enquerre*). Это такіе гербы, въ которыхъ допущено бросающееся въ глаза нарушеніе какого-либо геральдическаго правила, напр. запрещающаго помѣщать финифть на финифть, или металлъ на металлъ, и т. под. Подобное нарушеніе дѣлалось намѣренно, съ цѣлью вызывать вопросъ, по какой именно причинѣ таковое было допущено въ гербѣ, (что и называлось въ старину—*enquérir*). Этимъ способомъ увѣковѣчивалось какое-либо достопамятное событіе, подвигъ, или особое отличіе въ исторіи рода, или города и страны. Во многихъ случаяхъ, впрочемъ, такія преданія съ теченіемъ времени были забыты и смыслъ такихъ гербовъ тогда затерянъ [1]). Въ гербахъ новѣйшаго времени, въ которыхъ старинныя геральдическія правила безпрестанно нарушаются, подобныя отступленія, конечно, не могутъ уже имѣть такого особаго значенія, какъ это было въ старину. Приведемъ нѣсколько примѣровъ загадочныхъ гербовъ. Готфридъ Бульёнскій, послѣ взятія Іерусалима крестоносцами, получилъ отъ нихъ, въ

---

[1]) Новѣйшіе нѣмецкіе геральдисты, *Seyler*, *Gritzner* и др. совершенно отрицаютъ такъ наз. *загадочные гербы*, объясняя ихъ происхожденіе простою случайностью, а именно измѣненіемъ, подъ вліяніемъ времени, металла, или финифти щита. напр. серебра—на синій цвѣтъ, золота—на красный и т. д. Но подобное объясненіе, весьма допустимое во многихъ случаяхъ, едва ли однако приложимо ко всѣмъ, безъ исключенія, загадочнымъ гербамъ.

знакъ благодарности, подобный гербъ, а именно золотой, такъ наз. *выступной крестъ* (*croix potencée*), сопровождаемый четырьмя табими же крестиками, въ серебряномъ полѣ; онъ долженъ былъ всегда напоминать потомству о его доблести. Крестъ этотъ донынѣ носитъ названіе *Іерусалимскаго*. Другимъ подобнымъ примѣромъ можетъ служить первоначальный гербъ древняго французскаго рода герцоговъ *Montmorency*; родоначальникъ его былъ, по преданію, первымъ знатнымъ лицомъ въ языческой Галліи, принявшимъ христіанство. Объ этомъ напоминаетъ гербъ этой знаменитой фамиліи [1]): серебряный крестъ въ золотомъ полѣ, (металлъ на металлѣ, какъ и въ предъидущемъ примѣрѣ), и о томъ же гласитъ ея девизъ: «*Dieu ayde au premier baron chrétien*».

Къ какому бы изъ вышеозначенныхъ разрядовъ гербъ ни принадлежалъ, онъ можетъ быть или *полный* (*armoirie pleine*) или *видоизмѣненный* (*brisée*). Вполнѣ, безъ прибавки и убавки, гербъ переходилъ къ старшему въ родѣ и въ этомъ видѣ сохранялся всегда въ старшемъ поколѣніи, а видоизмѣненія въ фигурахъ, или краскахъ означаютъ гербы младшихъ членовъ рода, равно какъ незаконнорожденныхъ, наконецъ лицъ, обезславившихъ себя поступками неблагородными (*armes diffamées*). Какъ честь рыцаря отражалась на его щитѣ—вѣрномъ спутникѣ его подвиговъ, такъ щитъ же свидѣтельствовалъ объ утратѣ чести. За важнѣйшіе проступки рыцарь лишался этого званія, а за менѣе важные его щитъ и фигуры лишались только своей полноты и красоты; такъ у рыцаря, проявившаго трусость, срѣзывали правый уголъ щита, а у того, кто бы убилъ военноплѣннаго, укорачивали нижнюю часть щита. Примѣты эти были въ тѣ времена общеизвѣстны, а потому являлись выразительными и позорными. Точно также и фигуры, будучи помѣщены въ щитѣ такъ или иначе, могли имѣть совсѣмъ иной смыслъ, другое значеніе. Ме-

[1]) Впослѣдствіи нѣсколько измѣненный: серебряный крестъ, въ память боеваго подвига Матѳея Монморанси въ битвѣ при Бувинѣ королемъ Филиппомъ-Августомъ измѣненъ на червленый и сопровождается съ каждой стороны 4-мя такъ наз. *alérions*, небольшими орлами, синяго цвѣта, въ память взятыхъ имъ непріятельскихъ знаменъ.

жду убавкою въ гербѣ и проступкомъ того, чей гербъ подвергался видоизмѣненію, существовало соотвѣтствіе. Такъ напр. Людовикъ Святой повелѣлъ, чтобы *Жанъ д'Авенъ*, оскорбившій свою мать, сохраняя въ гербѣ изображеніе льва, впредь носилъ его, въ видѣ наказанія за свой проступокъ, безъ высунутаго языка и когтей.

Геральдика есть познаніе правилъ изображенія гербовъ и пользованія ими. Та часть ея, которая разсматриваетъ составленіе и описаніе герба, называется *гербовѣдѣніемъ* (*Wappenkunde*) или *теоретическою геральдикой*; другая же, занимающаяся примѣненіемъ этихъ правилъ къ дѣйствительному изображенію гербовъ, носитъ названіе *геральдическаго искусства* (*Wappenkunst*) или *практической геральдики*.

Въ Средніе вѣка, какъ мы видѣли, герольды примѣняли свое искусство лишь практически, на основаніи устныхъ преданій, которыя сохранялись ими въ тайнѣ. Но мало по малу изъ этого сложилась своя особая наука, правила которой собирались и излагались письменно. Самыя раннія и наиболѣе многочисленныя учебныя руководства по геральдикѣ появлялись въ Англіи и во Франціи. Въ первой изъ нихъ, начиная съ древнѣйшаго геральдическаго сочиненія монахини *Juliana Barnes* (1468 г.), извѣстнаго подъ названіемъ *book of S-t Albans* и составляющаго величайшую библіографическую рѣдкость, появлялись одно за другимъ сочиненія *Leigh* (1568), *Guillim* (1610), *Byssaeus* (1654), *Nisbet* (1722), *Porny* (1765), *Clark* (1775), *Edmondson* (1780) и другихъ, изъ которыхъ руководство Кларка было самымъ распространеннымъ, а сочиненіе Эдмондсона самымъ обширнымъ и подробнымъ.

Во Франціи древнѣйшими писателями по геральдикѣ считаются — *Clément Prinsault* (1416) и упоминавшійся нами герольдъ *Sicile* (1495). За ними слѣдовали: *de Bara* (1579), *Scohier* (1597), *Favyn* (1620), *Monet* (1631), *Gélyot* (1635), *de Varennes* (1640), *Ségoing* (1648) и, наконецъ, іезуитъ *Ménéstrier* (1650), создавшій своими геральдическими изслѣдовані-

ами эпоху въ этой наукѣ. Изъ его сочиненій особенно извѣстны: «*Discours sur l'origine des armoiries* (1659), *Origine des ornements des arm.* (1680), и другія, которыя заключаютъ весьма подробныя изысканія по различнымъ геральдическимъ вопросамъ, а потому болѣе цѣнны въ научномъ отношеніи, нежели учебныя руководства того же автора, изложенныя въ краткой катехетической формѣ, («*Le véritable art du blason*», «*L'art du blason justifié*»). Послѣ него можно указать въ французской геральдикѣ труды *Le Cellyer* (1669), *Le Labourcur* (1684), *La Roque* (1673), *Foncemagne*, *Durey de Noinville* (1757) и въ новѣйшее время: *Pautet* (*Nouveau manuel du blason*. 1894), *de Magny* (*Science des armoiries* 2 v. 1856), *Ad. de Beaumont* (*Recherches sur l'origine du blason* 1853). *Gourdon de Genouillac* (*L'art héraldique*), *Maigne* (*Abrégé méthodique de la science des arm.* 1885), *Bachelin Déflorenne* (1880) и немало другихъ. Замѣтимъ, что большая часть новѣйшихъ сочиненій по геральдикѣ во Франціи довольно поверхностны.

Болѣе серьезно разрабатывается геральдика, особенно за послѣднее время, въ Германіи. Здѣсь она имѣла также свой древнѣйшій, такъ сказать, героическій періодъ, къ которому принадлежатъ: *Bartholomaeus Cassanens*, авторъ сочиненія «*Catalogus gloriae mundi*», изд. на латинскомъ языкѣ въ Венеціи въ 1571 г., *Cyriacus Spangenberg*, написавшій въ 1591 г. свое сочиненіе «*Adelspiegel*»; позднѣе *Harsdörfer* (1641) и *Höpingk* (1642). Основателемъ научной геральдики въ Германіи былъ знаменитый богословъ и вмѣстѣ геральдистъ *Philipp Jakob Spener*, современникъ *Ménestrier*, съ которымъ онъ имѣлъ ученыя сношенія. Ему принадлежитъ полнѣйшій и ученѣйшій трудъ подъ заглавіемъ: „*Insignium theoria, seu operis heraldici pars generalis*“, *in-folio* съ 23 гравир. таблицами. Это капитальное сочиненіе легло въ основаніе цѣлой ученой школы геральдистовъ въ Германіи, между которыми могутъ быть указаны: *Schumacher* (1694), *Weber* (1696), *Rudolphi* (1698), *Trier* (1714), *Schmeizel* (1723) и, наконецъ, болѣе извѣстный у насъ *Gatterer*, профессоръ геральдики въ Гёттингенскомъ университетѣ (1763). Его учебное руководство: „*Abriss der Heraldik*“ переведено и

издано было на русскомъ языкѣ *Гльбомъ Малышнымъ* въ 1805 г. Къ этой же научной школѣ принадлежалъ въ новѣйшее время профессоръ геральдики и сфрагистики Боннскаго университета *Christian Berud* († 1854), оставившій нѣсколько капитальныхъ сочиненій (*Hauptstücke der Wappenwissenschaft. Bonn.* 1849 2 v.; *Handbuch der Wappenw. Leipzig 1856.* Онъ же издалъ общую библіографію по геральдикѣ въ 4-хъ ч. Боннъ. 1830—41). Въ Германіи геральдика разрабатывалась вообще гораздо подробнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, чему не мало способствовало то, что она введена была, какъ учебный предметъ, въ курсъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Мы уже упоминали о томъ, что сынъ извѣстнаго Шпенера былъ первымъ преподавателемъ геральдики въ берлинской *Ritteracademie*; впослѣдствіи она имѣла каѳедры въ университетахъ Лейпцига, Іены, Эрлангена, Геттингена, Вѣны и Бонна. Въ новѣйшее время въ Германіи на смѣну стараго направленія въ геральдикѣ, представителями котораго являлись Гаттереръ и Берндъ, выступило новое; оно отличается отъ прежняго тѣмъ, что обращаетъ больше вниманія на значеніе геральдики въ исторіи культуры и искусства, а также успѣшнѣе разрабатываетъ ее въ археологическомъ отношеніи, въ тѣсной связи съ сфрагистикой. Во главѣ этой новой школы стоятъ *Mayer v. Mayerfels* (*Heraldisches ABC — Buch* 1857) и *v. Hefner*; послѣдній въ 1861 г. издалъ свой *Handbuch der Heraldik, München.* Имъ же предпринято было новое и совершенно переработанное изданіе извѣстнаго нѣмецкаго гербовника *Siebmacher*'а (1-е изданіе 1657 г., 2-е — 1772—76), въ которомъ приняли участіе выдающіеся ученые геральдисты Германіи. Изъ нихъ *Gustav Seyler* издалъ въ качествѣ историческаго введенія къ этому гербовнику свою „*Geschichte der Heraldik.*“ *Nürnberg*, 1885—89, а *M. Gritzner*—геральдическую терминологію, содержащую вмѣстѣ съ тѣмъ основанія геральдическаго искусства, съ многочисленными таблицами (1890). Къ этой же новѣйшей геральдической школѣ принадлежатъ: *Warnecke* (*Heralaisches Handbuch* 1880), *Sacken* (*Grundzüge der Wappenkunde* 1899), *Hildebrandt*, авторъ многочисленныхъ изданій по художественной геральдикѣ, между

которыми можно указать его *Heraldisches Musterbuch*, *Berlin*, 1897, съ 48 таблицами рисунковъ; *Ströhl* и другіе. Такъ называемые гербовники, которые содержатъ собраніе гербовъ въ изображеніяхъ, кромѣ названнаго Зибмахера, издавали въ Германіи: *Schrot* (1551), *Solis* (1551), *Tyroff*, *Dorst* и другіе.

Между весьма немногочисленными учебными руководствами и сочиненіями геральдическаго характера въ другихъ странахъ Западной Европы заслуживаютъ упоминанія: въ Голландіи — *Christyn* (1668), *de Rouk* (1673); въ Италіи — *Petrasancta* (1628), *Ginanni* (1756); въ Испаніи — *Lopez de Haro* (1622) и *Aviles* (1725); въ Швеціи — *Uggla* (1748).

Польская геральдика, представлявшая въ старину много своеобразнаго, довольно богата спеціальною литературою. Древнѣйшимъ источникомъ для польской геральдики считается историкъ конца XV вѣка *Іоаннъ Длугошъ* († 1480), сочиненіе котораго „*Historia Polonica*“ издано было лишь въ XVII столѣтіи. Затѣмъ слѣдуетъ по времени важнѣйшій геральдическій трудъ *Папроцкаго*: „*Herby rycerstwa Polskiego*“, изд. въ Краковѣ въ 1584 г. и въ новомъ изданіи 1845 г. У насъ, въ Россіи было болѣе распространено сочиненіе *Окольскаго* „*Orbis Polonus*“ (Краковъ, 1641. 3 т.), написанное на латинскомъ языкѣ. Назовемъ далѣе: *Potocki*, *Poczet herbów* (1696), *Niesiecki*, *Korona Polska* 4 t. (1728—43), новое изданіе дано было Бобровичемъ въ 1839—48 (Лейпцигъ, въ 10 томахъ); *Kuropatnicki*, *Wiadomosc o herbach domów szlacheckich* (Варшава, 1789), *Dunczewski*, *Herbarz kor. Polskiej* (Львовъ 1757, fol. 2 т.); *Wieladka*, *Heraldyka* 5 t. (1794); *Jablonowsky Heraldika* (1742); *Malachowski*, *Zbior naswisk szlachty z opisem herbow* (1805), *Stupnicki*, *Herbarz Polski 3 t.* (Львовъ, 1855—61); *Malinowsky*, *Heraldyka* (1841) и новѣйшія геральдическія изслѣдованія *Кояловича*, *Шайнохи* и *Пекосинскаго* и др. Укажемъ также официальный *Гербовникъ дворянскихъ родовъ царства Польскаго*, изд. въ 1853 г. въ Варшавѣ, 2 т., на русскомъ и польскомъ языкахъ.

Заканчивая нашъ обзоръ русскою геральдическою литерату-

рою, мы къ сожалѣнію встрѣчаемъ здѣсь большую скудость. Если не считать вышеупомянутаго русскаго перевода *Гаттерера*, изданнаго *Малыгинымъ*, и другаго, переводнаго же сборника символическихъ изображеній *Максимовича-Амбодика* (1811): «*Избранныя эмблемы и символы*», то единственнымъ законченнымъ и серьезнымъ сочиненіемъ по русской геральдикѣ можетъ быть названъ трудъ *Лакіера*: „*Русская геральдика*“, изд. въ 1853 г., (сдѣлавшійся библіографическою рѣдкостью). Здѣсь мы встрѣчаемъ талантливую попытку изложить исторію русскихъ гербовъ въ связи съ русскою сфрагистикой. Начавшая издаваться въ 1894 г. „*Русская Геральдика*“ *фонъ-Винклера* уже на 3-мъ выпускѣ прекратилась и даетъ только общія основныя понятія по этой наукѣ и притомъ въ довольно поверхностномъ изложеніи. Точно также не повезло русской геральдикѣ и въ отношеніи гербовника русскаго дворянства. У насъ имѣется, какъ извѣстно, «*Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссійской Имперіи*», первая часть котораго Высочайше утверждена 1 января 1798 г., а послѣдняя, 10-я, поступившая въ продажу, утверждена въ 1836 г. Кромѣ того, 6 частей находятся еще въ рукописи; было, правда, приступлено къ печатанію 11-й части, но затѣмъ изданіе прекращено, за неимѣніемъ средствъ. Но еще менѣе утѣшительно то, что представляетъ это изданіе въ научномъ отношеніи, по отзыву нашего ученаго генеалога *Л. М. Савелова*. «Казалось бы, говоритъ онъ, что *Общій гербовникъ*, какъ изданіе офиціальное, долженъ былъ бы быть вполнѣ достовѣрнымъ историческимъ источникомъ, на дѣлѣ же мы видимъ совершенно другое. Къ сожалѣнію онъ наполненъ, отъ начала до конца, за рѣдкимъ исключеніемъ, вымыслами и легендами, особенно если дѣло касается до родовъ, выдвинувшихся въ теченіе 18-го вѣка. Вслѣдствіе этого онъ по внутреннему своему содержанію почти не имѣетъ никакой цѣны и долженъ быть отнесенъ къ балласту въ нашей небогатой генеалогической литературѣ». Въ геральдическомъ отношеніи онъ также оставляетъ желать весьма многаго. Болѣе счастливыми оказались наши окраины: Прибалтійскія губерніи, имѣющія свои прекрасно изданные гербовники, какъ наприм. *Klingspor*, *Baltisches Wappenbuch*

(1882) и другіе, и Финляндія (*Wappen for de adelige Finlands*) [1]).

Какъ на источники при изученіи геральдики слѣдуетъ указать:

1) Печати и монеты. Онѣ представляютъ, какъ таковыя, то важное преимущество, что заключаютъ по большей части имена владѣльцевъ, что̀ даетъ возможность съ точностью опредѣлить время ихъ происхожденія.

2) Памятники, могильныя плиты, надгробные щиты (которые вѣшаются въ церквахъ, усыпальницахъ) и т. под.

3) Дворянскія граматы (дипломы), ленныя записи (*Lehnbriefe*) и описанія турниpовъ, (всегда заключающія описанія гербовъ).

4) Изображенія, гербовые столбцы (*Wappenrollen*), какъ напр. извѣстный *Цюрихскій гербовый столбецъ*, относящійся къ XIV вѣку. Этотъ драгоцѣнный памятникъ средневѣковой геральдики сталъ извѣстенъ только съ 18-го вѣка и представляетъ длинную полосу изъ пергамента (длиною 400 см. и шир. 12 см.), сшитую изъ нѣсколькихъ частей, на которой въ краскахъ изображены въ два ряда гербы, всего около 600. Точное воспроизведеніе этого геральдическаго памятника дано было Цюрихскимъ обществомъ антикваріевъ въ 25 таблицахъ (1860). Къ этой же эпохѣ (14 в.) относятся важные для геральдики рукописные памятники: такъ-наз. *Вейнгартскій сборникъ пѣсенъ* (*Weingartner Lieder-Handschrift*), заключающій гербы авторовъ-рыцарей, слагавшихъ эти пѣсни; такъ-наз. *Balduineum*, который содержитъ описаніе похода императора Генриха VII въ Римъ, съ многочисленными лицевыми изображеніями сраженій, турниpовъ и т. под. Здѣсь гербы встрѣчаются во множествѣ. Подобнымъ же памятникомъ являются также *гербовыя книги* (*Wappenbücher, armoriaux*), каковы напр. *S. Christophorus-Arlberg-Bruderschaftsbuch* и

[1]) Вопросу геральдическаго изученія Русскаго государственнаго герба посвящено нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій. Кромѣ Лакіера, можно указать: *ф. Винклера Государственный орелъ* въ т. IX Энциклопед. Словаря Брокгауза, изд. 1893 г.; *Е. Воронца, Четырехсотлѣтіе Росс. Госуд. герба*, Харьковъ, 1895; *A. Grenser Das Russische Reichswappen, historisch-heraldische Skizze* (*Slavische Blätter*, 1865, вып. 17 и 18).

Грюнебергскій гербовникъ 1483 г., содержащій 1980 гербовъ. Далѣе упомянемъ древнія родословныя книги (*Stammbücher*).

5) Подлинное древнее оружіе и древніе щиты съ изображеніями гербовъ.

6) Историческихъ писателей и поэтовъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ даютъ описанія гербовъ и указанія, имѣющія историческую цѣнность, какъ напр. поэтическое сочиненіе *Ульриха фонъ Лихтенштейна*: «*Frauendienst*», богатое геральдическими данными; хроники *Фруассара*, *Жуенвиля* и др., исторія Польши *Длугоша* и т. под.

Исторію геральдики, на основаніи сказаннаго нами ранѣе, можно раздѣлить на *три періода:*

1. Время, когда исключительно лишь *одинъ щитъ* съ находившимся на немъ изображеніемъ представлялъ собою гербъ — съ XI-го до XIII-го вѣка — это геральдика щита и эпоха ея первоначальнаго развитія.

2. Періодъ, когда къ щиту, какъ носителю герба, присоединился *шлемъ* съ своимъ украшеніемъ, и гербовое искусство достигло своего высшаго, живаго (практическаго) развитія. Это время процвѣтанія геральдики, продолжавшееся съ XIII-го до конца XV-го вѣка. Въ этомъ періодѣ дѣйствительно употреблявшійся въ бою щитъ совпадаетъ, (т. е. тождественъ), съ геральдическимъ щитомъ, т. е. расписанный красками гербовый щитъ и шлемъ съ его украшеніемъ дѣйствительно носятся владѣльцемъ герба.

3. Время, когда геральдическій щитъ превращается въ нѣчто совершенно отвлеченное и въ дѣйствительности уже болѣе не носится. Съ этихъ поръ начинаютъ появляться въ гербахъ множество несущественныхъ *привѣсокъ* и *добавленій*, которыя не имѣютъ основанія въ существѣ дѣла. Старинныя геральдическія правила начинаютъ постепенно забываться и исчезать и, при недостаткѣ правильнаго пониманія, въ геральдику вторгается произвольность. Это время упадка живой геральдики — начиная съ XVI вѣка и до нынѣшняго времени. Въ этой послѣдовательности мы и будемъ разсматривать отдѣльные геральдическіе элементы герба.

IX.

Носителемъ всякаго герба является *щитъ*. Вмѣстѣ съ шлемомъ онъ составляетъ существенную часть полнаго герба; но при этомъ щитъ есть важнѣйшая и необходимая часть послѣдняго, тогда-какъ шлемъ не безусловно необходимъ въ гербѣ, какъ мы это уже видѣли.

Не всякій щитъ, хотя бы на немъ и находилось изображеніе, можетъ быть названъ *геральдическимъ*. Таковымъ считается лишь такой, который имѣетъ очертаніе, болѣе или менѣе близкое (нарисованное, вырѣзанное, скульптурное и т. под.) къ дѣйствительному щиту, и притомъ является удобнымъ для помѣщенія на немъ гербоваго изображенія.

Формы щита въ разныя времена и у различныхъ народовъ представляютъ большое разнообразіе. Въ классической древности преобладающими формами были: круглый и четырехъугольный, изъ которыхъ произошли и всѣ остальныя. У грековъ мы встрѣчаемъ нѣсколько видовъ щита: круглый, овальный, удлиненно-круглый, съ выемками по сторонамъ, (такъ наз. *Віотійскій*), и *Азіатскій*, въ видѣ полумѣсяца, приписываемый обыкновенно на памятникахъ древности Амазонкамъ. Этруски употребляли круглый греческій щитъ, который впослѣдствіи заимствованъ былъ у нихъ Римлянами. Но вскорѣ онъ предоставленъ былъ лишь нѣкоторымъ родамъ войска, а во всеобщее употребленіе вошелъ у Римлянъ такъ наз. *Сабинскій* щитъ, или *scutum* [1]). Со временъ Сервія Туллія послѣдній введенъ былъ во всѣхъ легіонахъ, отличаясь внѣшнею стороною, окрашивавшеюся въ различные цвѣта и съ разнородными, по легіонамъ, эмблемами. Скутумъ былъ выпуклый, четырехъугольной формы (до 1,2 метра вышины и 0,8 м. ширины); онъ дѣлался изъ легкаго дерева, покрытаго кожею и скрѣпленнаго металлическимъ ободомъ. Легкая пѣхота, (*велиты*), имѣла щиты мѣньшей величины и круглой формы;

[1]) Это латинское названіе щита производятъ отъ греческаго — *σκύτος*, которое означаетъ *щитъ* и *кожу*, указывая такимъ образомъ на матеріалъ, изъ котораго изготовлялись такіе щиты. Отъ *scutum* произошло французское — *écu*, *écusson* и англійское—*escutcheon*.

они дѣлались ивовые и покрывались воловьей кожей, (такъ наз. *parma*). Кромѣ того, у Римлянъ употреблялся еще такъ наз. *Самнитскій* щитъ, имѣвшій форму прямоугольника, закругленнаго съ нижней стороны. Какъ неразлучный спутникъ воина, щитъ въ древности становился иногда даже предметомъ особаго почитанія. Таковыми были напр. священные щиты (*ancilia*) у Римлянъ, не употреблявшіеся на войнѣ, но сохранявшіеся въ храмѣ Марса.

Между сарматскими и гуннскими племенами, которые въ 4-мъ вѣкѣ наводнили Западную Европу, употребленіе щитовъ не было въ обычаѣ: эти варварскія племена на войнѣ сражались исключительно конными, и быстрыми движеніями замѣняли то, чего не доставало имъ въ смыслѣ боеваго вооруженія. Впослѣдствіи тѣ племена, которыя сдѣлались осѣдлыми въ Германіи, постепенно усвоили себѣ многое изъ военныхъ обычаевъ Римлянъ, но тѣмъ не менѣе вооруженіе ихъ оставалось еще самымъ элементарнымъ и они употребляли щиты изъ ивовыхъ прутьевъ, обтянутыхъ воловьими кожами. Щиты Германцевъ были такого же типа: они покрывались мѣхомъ, обыкновенно волчьимъ. Подобный обычай обтягивать щиты шкурами различныхъ животныхъ сохранялся въ Западной Европѣ до самаго XIII-го вѣка и отсюда выработался въ Средніе вѣка, какъ мы увидимъ, такъ называемой *геральдическій мѣхъ* (*Fèh*, *Pelzwerk*).

Во времена Карла Великаго щиты по большей части дѣлаютъ еще изъ дерева, обтянутаго кожею и скрѣпленнаго желѣзными полосами, на крѣпкихъ шипахъ, а не изъ металла. Всадникъ того времени употреблялъ легкій деревянный, круглый, или заостренный къ низу щитъ, который не мѣшалъ ему управлять конемъ, давая необходимую оборону. Круглые щиты (*rondache*) имѣли въ срединѣ выпуклое украшеніе или, вѣрнѣе, шипъ. Носился онъ на лѣвой рукѣ, на широкомъ ремнѣ, другой же, болѣе короткій ремень служилъ для того, чтобы брать его въ руку. Пѣшій воинъ носилъ въ бою большой миндалевидный щитъ, сильно выгнутый и также деревянный, съ такимъ же скрѣпленіемъ изъ полосъ и гвоздей, въ бою этотъ щитъ опирался своимъ нижнимъ концомъ въ землю. Повидимому уже съ IX-го вѣка появился обы-

чай ставить въ бою такіе высокіе щиты, (вышиной нѣсколько болѣе 1 метра), тѣсно въ рядъ, и за образовавшеюся такимъ образомъ стѣною помѣщать, подъ ихъ защитою, стрѣлковъ изъ лука. Въ эту эпоху мы встрѣчаемъ длинные, заостренные и приближающіеся къ трехъугольной формѣ щиты, преимущественно у германскихъ и славянскихъ племенъ, а круглые и овальные—у народностей юга и юго-востока Европы. Наши древніе русскіе щиты X-го и XI-го вѣковъ по формѣ своей приближались къ трехъугольнымъ удлиненнымъ, хотя и были нѣсколько укорочены снизу. Такими мы встрѣчаемъ ихъ изображенія въ древней харатейной рукописи «*Житія св. Бориса и Гльба*». Особеннымъ цвѣтомъ для окраски древне-русскихъ щитовъ былъ багряно-красный, о чемъ упоминаетъ и «*Слово о полку Игоревѣ*»: «Русичи великая поля чърлеными щиты прегородиша». Легендарный щитъ Олега, повѣшанный имъ на вратахъ Царьграда, могъ принадлежать къ типу норманскихъ удлиненныхъ щитовъ. Въ Византіи въ VIII-мъ вѣкѣ встрѣчаются круглые щиты столь малаго размѣра, что они могутъ быть причислены къ разряду такъ наз. *кулачныхъ* щитовъ (*Faustschilde*), употреблявшихся при боѣ на мечахъ.

Древнѣйшія изображенія различныхъ формъ средневѣковаго щита встрѣчаются въ одной рукописи твореній Виргилія въ Ватиканской библіотекѣ, относящейся къ V-му вѣку: щиты представлены здѣсь круглыми, съ тупыми кеглевидными шипами. Въ такъ наз. *Золотой Псалтири* (*Psalterium aureum*) въ С. Галленѣ (конца VIII-го вѣка) мы видимъ изображенія воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, вооруженныхъ однимъ только родомъ щита, а именно круглымъ, романской формы. Размѣръ его—въ половину человѣческаго роста; онъ сильно выгнутъ и имѣетъ по серединѣ заостренный шипъ (*Schildnabel*). Эти щиты были сдѣланы, какъ и подобные изъ эпохи Меровинговъ, изъ дерева, обтянутаго кожею, и скрѣплены на гвоздяхъ металлическими полосами, сходящимися въ видѣ радіусовъ. Совершенно сходной формы мы встрѣчаемъ ихъ также въ одной Библіи IX-го вѣка, сохраняющейся въ церкви «*S. Paolo fuori le mura*» въ Римѣ.

Постепенное измѣненіе римскаго вооруженія, усвоеннаго германскими племенами, происходило весьма медленно, въ связи съ

исчезновеніемъ античныхъ традицій: такъ мы продолжаемъ встрѣчать круглый римскій щитъ рядомъ съ германскимъ въ теченіе всего ранняго періода Среднихъ вѣковъ. Между знатными же лицами еще многіе вѣка позднѣе удерживался обычай слѣдовать римскимъ образцамъ, и еще первые нѣмецкіе короли изображаются на своихъ печатяхъ вооруженными круглымъ римскимъ щитомъ. Въ Италіи античныя формы щита сохраняются еще дольше, что вполнѣ объяснимо; на мозаикахъ собора св. Марка въ Венеціи (XII вѣка) венеціанскіе воины изображены съ круглыми же щитами. Также и въ одной рукописи, содержащей легенду папы Александра III, въ музеѣ *Correr*, относящейся къ XIV-му вѣку, щиты венеціанскихъ солдатъ еще сохраняютъ ту-же излюбленную форму.

На Байёсскомъ коврѣ мы, правда, встрѣчаемъ по большей части удлиненный романскій щитъ, но рядомъ съ нимъ еще и круглые. Въ изображеніи битвы при Гастингсѣ въ англійскихъ войскахъ представлены также и широкіе *бретонскіе* щиты, почти квадратной формы съ закругленіями: они дѣлались часто изъ бронзы.

Уже съ VI-го вѣка имѣются историческія извѣстія, что щиты служили у знатныхъ лицъ любимымъ предметомъ для драгоцѣнныхъ украшеній. *Григорій Турскій* упоминаетъ въ своей хроникѣ о богато изукрашенномъ щитѣ съ золотомъ и драгоцѣнными камнями, который присланъ былъ въ даръ королю испанскому Брунгильдой.

Заслуживаетъ вниманія, что въ XI-мъ вѣкѣ, во времена Гаральда III Норвежскаго появляются первые примѣры расписыванія щитовъ различными устрашающими и легендарными изображеніями. Эти грубые зачатки первобытной геральдики даютъ указанія на ихъ восточное происхожденіе. Норманскій щитъ изъ дерева съ мѣловою загрунтовкою, узкій, сверху закругленный и заостренный къ низу можетъ разсматриваться, какъ древнѣйшій прототипъ всѣхъ позднѣйшихъ формъ средневѣковаго щита. Для геральдики онъ пріобрѣтаетъ особое значеніе, такъ какъ на немъ впервые встрѣчаются гербовыя изображенія.

Размѣръ этого новаго по формѣ щита норманскихъ всадниковъ находился въ полномъ соотвѣтствіи съ первоначальнымъ

типомъ брони. Такъ какъ послѣдняя въ то время, при своемъ несовершенствѣ, не могла еще представлять достаточной защиты отъ ударнаго оружія, то являлся необходимымъ щитъ, закрывающій всадника отъ ногъ до плечъ. Щиты XI и XII вѣка имѣли поэтому также значительную длину и, какъ у всадниковъ, такъ и у пѣшихъ воиновъ, были одной мѣры. Съ этого времени, какъ мы уже говорили, броня получила существенное усовершенствованіе, что явилось прямымъ послѣдствіемъ боеваго опыта крестовыхъ походовъ. Этотъ важный успѣхъ не замедлилъ отразиться и на формѣ рыцарскаго щита, который въ теченіе XIII-го вѣка сталъ дѣлаться постепенно короче, такъ-что теперь онъ доходилъ отъ луки сѣдла лишь до подбородка всадника. Боковые края его, сильно загнутые, сходятся къ низу остріемъ, но за то верхній край дѣлается болѣе прямымъ, ибо лицо рыцаря уже достаточно защищено теперь, при новой формѣ шлема.

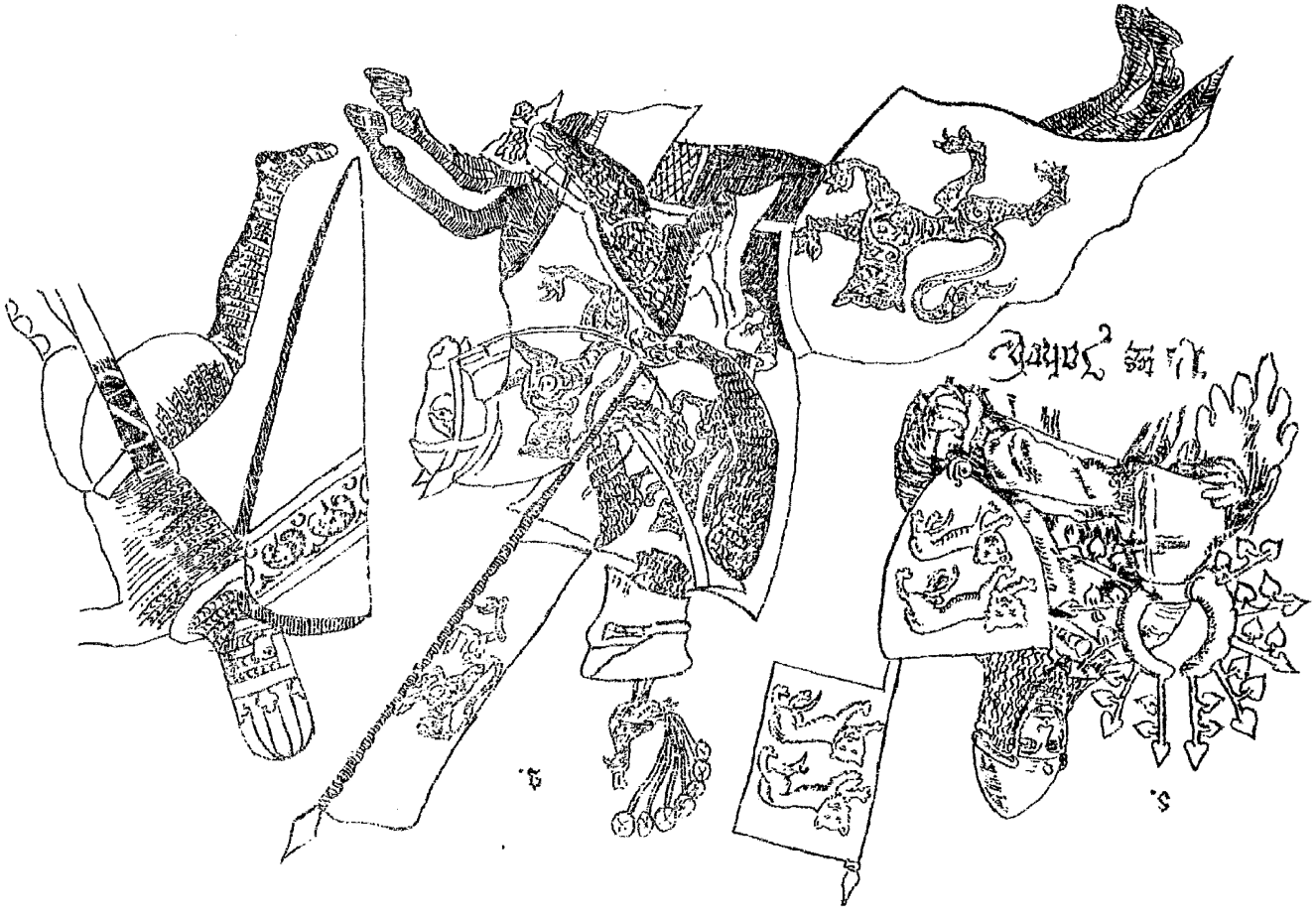
Около 1300 г. устройство брони получаетъ дальнѣйшее, уже замѣтное усовершенствованіе, и чрезъ это рыцарскій щитъ еще разъ подвергается измѣненію: теперь онъ превращается въ небольшой *трехъугольный тарчъ* (*Tartsche*, *petit écu*), формою почти равнобедреннаго треугольника, по бокамъ нѣсколько выгнутый и покрывающій немного болѣе половины груди и лѣвое плечо [1]). Названіе *tartsche*, впервые появляющееся въ Европѣ въ это время, происходитъ отъ арабскаго *dàrake*, откуда произошло итальянское *targa*; этимъ названіемъ первоначально обозначался малый круглый щитъ [2]).

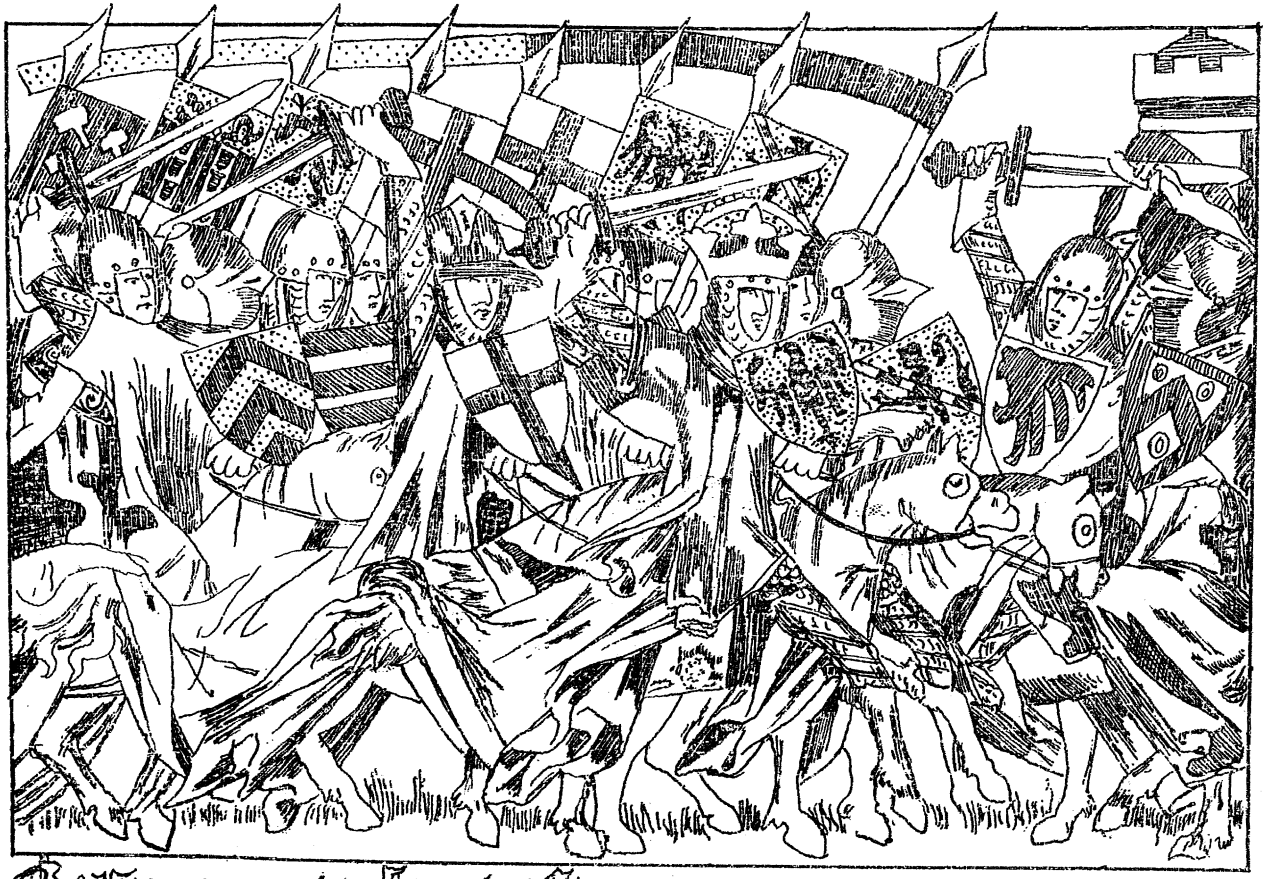
Съ конца XIII-го вѣка въ боевомъ вооруженіи французскихъ и бургундскихъ всадниковъ примѣнялись также нѣкоторое время, кромѣ ручныхъ щитовъ, еще особаго рода *плечевые щиты* (*Achselschilde*, *ailettes*). Они представляли небольшія прямоугольныя доски изъ желѣза, носились на самомъ плечѣ, въ наклонномъ положеніи и защищали отъ ударовъ шею рыцаря. Эти плечевые щиты, примѣненіе которыхъ кончается уже около 1348 года, также, какъ

---

[1]) Онъ имѣлъ приблизительно 75 см. въ вышину и 60 см.—въ ширину.

[2]) Приложенныя нами на табл. 9 изображенія, заимствованныя изъ лицевой рукописи 14 го в. *Balduineum*, воспроизводятъ формы этихъ трехъугольныхъ тарчей, представляющихъ первый типъ вполнѣ *геральдическаго* щита.





Bellum aute Iauuense.

и тарчи, украшались гербомъ владѣльца. Во французскомъ дворянствѣ, и тѣ, и другіе составляли въ то время отличительный признакъ рыцарскаго достоинства; къ кольчугѣ они прикрѣплялись посредствомъ ремня, надѣвавшагося на шею [1]).

Къ концу XIV-го вѣка и въ XV-мъ форма тарча испытываетъ измѣненія, которыя уже не имѣютъ исключительно военнаго, а болѣе стилистическое значеніе. Онъ дѣлается съ низу полукруглымъ, а иногда, какъ въ Англіи и сѣверной Франціи, четырехъугольнымъ, почти квадратнымъ. При турнирахъ употреблялись особаго рода тарчи, имѣвшіе вырѣзку съ правой стороны, чрезъ которую просовывалось копье (такъ наз. *Stechschilde*), и съ сильно выгнутыми краями.

Въ XVI мъ вѣкѣ броневой доспѣхъ достигаетъ полнаго своего развитія и рыцарскій щитъ, служившій въ теченіе пяти вѣковъ столь важнымъ оборонительнымъ оружіемъ, теряетъ теперь свое значеніе и съ этихъ поръ сохраняется лишь, какъ отвлеченный геральдическій символъ. Въ эпоху возрожденія классическаго искусства въ XVI-мъ вѣкѣ, когда гербовые щиты въ дѣйствительности уже болѣе не носились, имъ стали придавать произвольныя формы, овальную, или съ различными изгибами, вырѣзами и завитками по краямъ, каковыя въ XVII и XVIII вѣкѣ становились все болѣе изысканными и сложными. Получая совершенно неподходящія придѣлки и украшенія, подобные щиты все болѣе удалялись отъ дѣйствительно употребительныхъ.

Въ прежнее время въ геральдикѣ принято было называть овальные щиты—*итальянскими*, прямые, заостренные къ низу—*французскими*, тарчи (съ вырѣзкою)—*нѣмецкими* и прямолинейные, съ уширенною верхней частью и остріемъ внизу—*англійскими*. Но подобныя названія не имѣютъ за собой достаточнаго основанія,

---

[1]) Въ эту же эпоху (14 в.) стремленіе дать и пѣшему войску дѣйствительное средство для самозащиты вызвало появленіе въ Западной Европѣ большаго, такъ наз. *стоячаго щита* (*Setzschild*) или *большаго павеза*. Онъ имѣлъ форму параллелограмма съ закругленною вершиною, вырѣзы для зрѣнія и желѣзныя острія для утвержденія въ землю. На этомъ щитѣ, происхожденіе котораго, вѣроятно, итальянское (*pavois*, *pavese*—отъ г. Павіи), также рисовались обыкновенно разныя эмблемы съ надписями религіознаго, а иногда кабалистическаго характера.

такъ какъ въ одну и ту-же эпоху у всѣхъ названныхъ націй встрѣчается приблизительно одна и та же форма щита.

Итальянцы дѣйствительно имѣютъ своеобразную форму гербоваго щита, каковая сохранилась у нихъ почти неизмѣнною съ весьма раннихъ временъ и донынѣ; она произошла отъ стоячаго тарча (*Setztartsche*) и, оставаясь въ общемъ своемъ очертаніи всегда одинаковою, только незначительными придатками и украшеніями приспособлялась ко вкусу той, или другой эпохи. Форма этого щита такова: высокій, въ верхней своей половинѣ расширяющійся, внизу же — съуживающійся. Вершина и подошва его обыкновенно съ украшеніями. Хотя въ Италіи встрѣчаются и другія формы щитовъ, какъ напр. въ эпоху Возрожденія—овальная, обрамленная, наподобіе архитектурнаго картуша, (форма эта особенно употребительна для духовныхъ лицъ), но тѣмъ не менѣе вышеописанная форма представляетъ для Италіи характеристичную геральдическую ея особенность.

Самыми удобными и цѣлесообразными формами для помѣщенія гербовъ слѣдуетъ признать: для составныхъ, съ нѣсколькихъ гербовыми полями: 1) прямой щитъ, закругленный снизу (такъ-наз. *испанскій*) и 2) прямой съ небольшимъ заостреніемъ внизу, а иногда и съ закругленными нижними углами, (такъ наз. *французскій*). Первый весьма употребителенъ въ испанскихъ гербахъ; одинъ изъ лучшихъ испанскихъ геральдистовъ, *Авилецъ* поясняетъ, что форма эта была принята, какъ наименѣе поддающаяся вольностямъ, которыя позволяютъ себѣ граверы и художники, прибавляя къ гербамъ различныя произвольныя украшенія. Второй, такъ наз. французскій, въ настоящее время самый употребительный, между прочимъ и въ нашихъ русскихъ гербахъ. Онъ появился въ геральдикѣ лишь съ XVI-го вѣка и не можетъ быть признанъ ни изящнымъ, ни правдивымъ, такъ какъ щиты такой формы въ дѣйствительности никогда не употреблялись въ военномъ дѣлѣ.

Для гербовъ, заключающихъ простыя и, въ особенности, съужнвающіяся къ низу фигуры, удобными формами щита признаются также—трехъугольный щитъ и такъ наз. *нѣмецкій тарчъ*. Круглые щиты, а также съ различными украшеніями, въ видѣ завитковъ, вообще неудобны для помѣщенія герба и не всегда могутъ

быть примѣняемы, хотя имѣются примѣры и такихъ, которые могутъ служить образцами.

Для гербовъ лицъ женскаго пола примѣнялись съ давняго времени и встрѣчаются весьма часто на Западѣ щиты въ формѣ ромба (*rautenformiges Sch.*), хотя они представляютъ большія неудобства для помѣщенія въ нихъ гербовыхъ фигуръ [1]).

Общимъ правиломъ при выборѣ той, или другой формы щита можетъ быть признано соотвѣтствіе таковаго со стилемъ, въ которомъ гербъ долженъ быть изображенъ, примѣняясь къ мѣсту, гдѣ его хотятъ помѣстить. Такъ напр. на зданіи, сооружаемомъ въ стилѣ поздняго ренессанса, (такъ наз. стилѣ *барокко*), не слѣдуетъ помѣщать трехъугольнаго щита, соотвѣтствующаго готическому стилю; на зданіи же въ ранне-готическомъ стилѣ неумѣстенъ щитъ въ видѣ картуша, богато украшеннаго завитками, въ стилѣ *рококо*.

Въ эпоху такъ наз. живой геральдики дѣйствительно употреблявшіеся тогда щиты изготовлялись по большей части изъ дерева, обтянутаго кожей, или пергаментомъ, и расписывались красками. Гербовыя фигуры часто при этомъ дѣлались изъ выпуклой тисненой кожи (такъ наз. *кожаною пластикой*), или изъ холста, напитаннаго составомъ изъ мѣла и клея (такъ наз. *холщевая пластика*), или, наконецъ, фигуры на щитѣ дѣлались изъ составныхъ кусковъ различныхъ матерій и мѣховъ (*Stückung*).

Щиты въ старину часто бывали обиты металлическими скобами (*Spangen*) и, какъ мы видѣли, украшались даже драгоцѣнными камнями; отсюда произошли въ гербахъ нѣкоторыя особыя геральдическія фигуры, а также разноцвѣтныя, (состоящія изъ кусковъ), окаймленія щитовъ. Нѣсколько подлинныхъ средневѣковыхъ щитовъ, по счастливой случайности, сохранились до нашего времени, что позволяетъ намъ ближе ознакомиться съ техникою ихъ изготовленія. Самымъ древнимъ изъ таковыхъ является щитъ, найденный въ погребальномъ склепѣ *Зеедорфскаго* монастыря, въ кантонѣ Ури, въ Швейцаріи. Онъ представляетъ

---

[1]) Главнѣйшія формы щитовъ, употреблявшихся въ геральдикѣ, показаны на Т. I. ф. 4—10.

переходную форму отъ норманскаго щита къ трехъугольному и долженъ быть отнесенъ ко 2-й половинѣ XII-го вѣка. Щитъ этотъ сдѣланъ изъ еловаго дерева и покрытъ съ наружной стороны пергаментомъ, а съ внутренней—кожею. Мы видимъ на немъ изображеніе серебрянаго льва, нѣсколько выпуклое, въ полѣ, выкрашенномъ голубою мѣловою краскою.

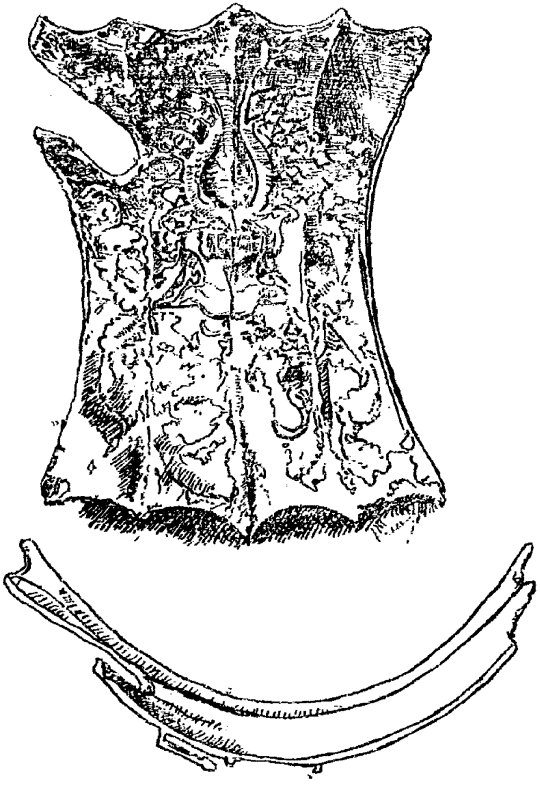
Весьма замѣчательны также оригиналы трехъугольныхъ щитовъ XIII-го вѣка, сохраняющіеся въ древней церкви св. Елисаветы въ Марбургѣ. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ ландграфу Конраду Тюрингенскому. Онъ сдѣланъ изъ липоваго дерева и обтянутъ съ обѣихъ сторонъ пергаментною кожею, которая покрыта голубою мѣловою краскою. На этомъ фонѣ укрѣплена на гвоздяхъ вырѣзанная изъ двойной толстой кожи фигура льва, который былъ раскрашенъ полосами, краснаго и бѣлаго цвѣта. Глазъ его былъ сдѣланъ изъ драгоцѣннаго камня, вставленнаго въ щитъ, а зубы также представлены были пластически, изъ кусочковъ дерева. Корона, по всему вѣроятію, была изъ золоченой жести. Между задними лапами льва мы видимъ гербъ небольшаго размѣра, очевидно позднѣйшаго происхожденія, на которомъ изображенъ черный крестъ Тевтонскаго ордена въ бѣломъ полѣ [1]). Другой щитъ, находящійся также въ Марбургѣ и принадлежавшій ландграфу Генриху Гессенскому — нѣсколько меньшаго размѣра (78 см. вышины и 60 — ширины). Онъ также обтянутъ пергаментомъ, который сохраняетъ слѣды тщательной позолоты. Фигуры льва, окружающія его мелкія изображенія баснословныхъ животныхъ и другія украшенія этого щита представляютъ интересный образецъ такъ наз. холщевой пластики, которая дополнялась яркою окраскою фигуръ въ различные цвѣта и вставленными въ корону льва, (изъ кожи), цвѣтными камнями. Третій Марбургскій щитъ, который мы воспроизводимъ, относится къ половинѣ XV-го вѣка и представляетъ образецъ боеваго тарча этой эпохи; техника его изготовленія сходствуетъ съ предъидущими [2]).

---

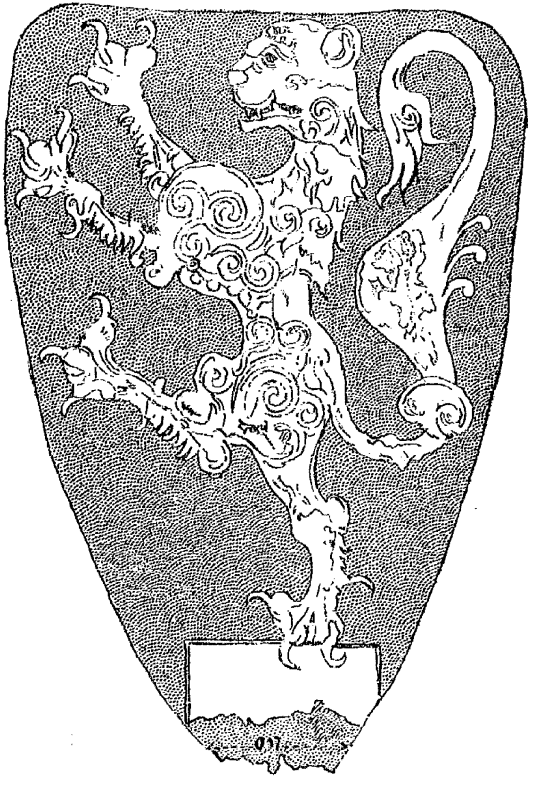
[1]) Размѣръ этого щита 90 см. вышины, 74 ширины и 10—12 см. толщины.

[2]) Изображенія этихъ щитовъ мы даемъ на таблицѣ 10.

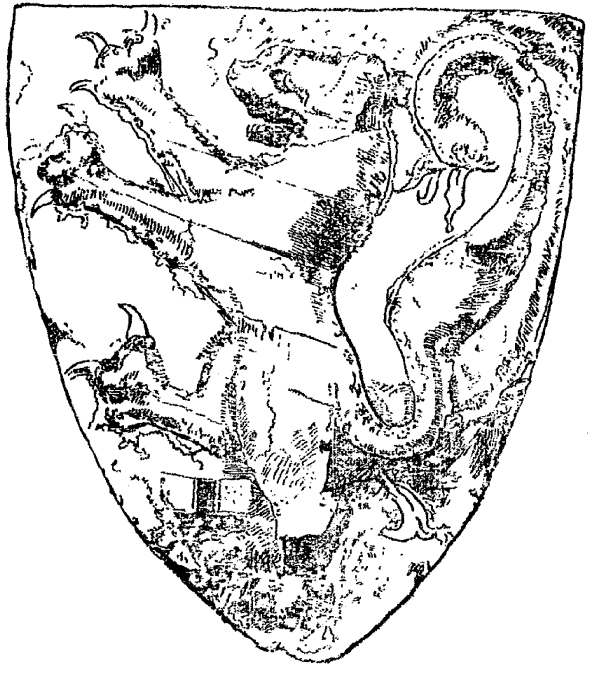
Marburg.



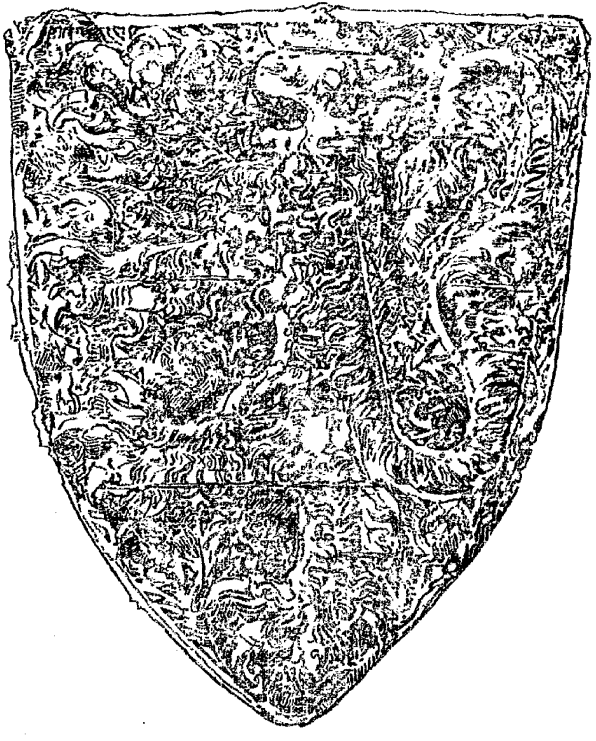
Sandorf.



Marburg.



Marburg.



Щиты въ Марбургской церкви представляютъ цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ геральдическихъ образцовъ изъ XIII-го, XIV-го и XV-го столѣтій и сохранились такъ хорошо, благодаря обычаю, о которомъ мы уже упоминали, вѣшать таковые внутри церквей для увѣковѣченія памяти ихъ владѣльцевъ.

X.

Съ понятіемъ о гербѣ неизбѣжно связано представленіе объ извѣстной окраскѣ щита, ибо послѣдній уже самъ по себѣ имѣетъ тотъ или другой естественный цвѣтъ, который свойственъ или матеріалу, изъ котораго сдѣланъ щитъ, или же приданъ ему чрезъ окраску, позолоченіе, обивку и т. под. Поэтому щитъ уже самъ по себѣ, иногда безо всякой особой гербовой эмблемы, могъ служить отличительнымъ знакомъ, или гербомъ. Дѣйствительно, и въ древнія, и въ новѣйшія времена мы встрѣчаемъ такіе гербы, которые заключаютъ въ себѣ лишь одинъ какой-либо цвѣтъ, или металлъ, или мѣхъ. Такъ напр. гербъ нѣмецкой фамиліи *Боссенштейнъ* представляетъ золотой щитъ, польской фамиліи *Біельскихъ* — серебряный, испанской ф. *Прадо* — зеленый, французской ф. *Gounay*—черный, *de-Barge*—синій, и т. д., безо всякихъ фигуръ.

Геральдика первоначально знала только четыре цвѣта: *красный*, *синій*, *бѣлый* и *черный*. Эти цвѣта упоминаетъ, какъ геральдическіе, авторъ древняго трактата «*L'arbre des batailles*», временъ французскаго короля Карла V, и другіе писатели 14-го вѣка. При появившейся вскорѣ потребности въ бо́льшемъ количествѣ различительныхъ цвѣтовъ въ гербахъ, къ упомянутымъ четыремъ прибавились еще составные цвѣта: *зеленый*, *желтый* или золотой (*aureus*) и *пурпуровый*, а въ англійскихъ гербахъ появился, кромѣ того и *оранжевый* (*tenné*).

Обычай украшать щиты благородными металлами, *золотомъ* и *серебромъ*, присоединилъ къ вышеупомянутымъ геральдическимъ цвѣтамъ различествующіе отъ послѣднихъ, названные два металла; при этомъ соотвѣтствующій золоту—желтый, и се-

ребру — бѣлый цвѣтъ стали замѣнять эти металлы въ гербахъ, не употребляясь болѣе, какъ самостоятельные цвѣта. Такое различеніе геральдическихъ цвѣтовъ, или *тинктуръ*, отъ *металловъ* мы встрѣчаемъ въ первый разъ въ одной рукописи о составленіи красокъ, 1400 года, и оно съ этихъ поръ, становится общепринятымъ, хотя, впрочемъ, во французской и испанской геральдикѣ, какъ металлъ, такъ и цвѣта продолжаютъ обозначаться общимъ названіемъ геральдическихъ *эмалей* (*émaux*, *esmalds*).

Употребленіе основныхъ цвѣтовъ въ средневѣковой геральдикѣ, нѣкоторые ученые ставили въ связь съ примѣненіемъ таковыхъ же у Римлянъ, въ играхъ цирка, при которыхъ борющіеся раздѣлялись на партіи, различавшіяся цвѣтами одеждъ. Подобное же различеніе партій цирка по цвѣтамъ перешло, какъ извѣстно, и въ Византію и могло, конечно, распространиться и на римскія провинціи, Галлію, Германію и др., гдѣ такія игры также вошли въ обычай. Несомнѣнно, что то-же самое мы встрѣчаемъ впослѣдствіи и при рыцарскихъ турнирахъ Среднихъ вѣковъ.

Въ старинной геральдикѣ много говорилось о такъ называемой *символикѣ цвѣтовъ* и отсюда окраскѣ щита приписывалось символическое значеніе. Хотя новѣйшіе геральдисты и не раздѣляютъ подобнаго взгляда, но допускаютъ однако, что иногда цвѣтъ рыцарской одежды и щита получалъ то, или другое условное значеніе. Въ старину, какъ извѣстно, признавали особую таинственную связь между металлами, драгоцѣнными камнями и планетами, а отсюда и соотвѣтствующимъ имъ цвѣтамъ любили давать особое толкованіе. Объ этомъ писалъ знаменитый средневѣковой ученый *Cardanus* († 1576). Впослѣдствіи *Pierre d'Arles* посвятилъ особое сочиненіе тому же вопросу, подъ заглавіемъ: «*Sympathia septem metallorum et septem selectorum lapidum ad planetas*». Слѣды такихъ взглядовъ отразились и на геральдикѣ. Въ Англіи и донынѣ геральдическіе металлы и тинктуры носятъ по нѣсколько различныхъ наименованій, смотря по тому, къ какому разряду дворянства принадлежитъ гербъ извѣстнаго лица. Такъ, золото въ гербахъ принцевъ, называется — *Soleil* (солнце), въ гербахъ пэровъ—*topaze* (названіе драгоц. камня), а во всѣхъ другихъ — *or*; серебро, въ такомъ же соотвѣтствіи,

называется: то *lune*, то *perle*, (жемчугъ), то *argent*; красный цвѣтъ—*Mars* (планета), *rubis*, *gueules*, синій—*Jupiter*, *saphir*, *azur*, пурпуровый — *Mercure*, *améthiste*, *pourpre*; зеленый — *Venus*, *émeraude*, *sinople*; черный—*Saturne*, *diamant*, *sable*.

Существовало и другое, символическое объясненіе геральдическихъ цвѣтовъ, по которому они соотвѣтствовали различнымъ свойствамъ и нравственнымъ качествамъ. Подобнымъ толкованіямъ цвѣтовъ въ старинныхъ геральдическихъ сочиненіяхъ Коломбьера, Варенна, Ансельма и другихъ посвящены цѣлыя главы. Достаточно будетъ привести здѣсь слѣдующее толкованіе геральдиста Ансельма (*Le P. Anselme. Palais d'honneur. Paris. 1686*). «Золото, говоритъ онъ, означаетъ христіанскія добродѣтели: вѣру, справедливость, милосердіе и смиреніе, и мірскія качества: могущество, знатность, постоянство, а также—богатство. Серебро—изъ добродѣтелей означаетъ: чистоту, надежду, правдивость и невинность, а изъ мірскихъ свойствъ: благородство, откровенность, бѣлизну. Красный цвѣтъ соотвѣтствуетъ любви, мужеству, смѣлости и великодушію; черный—осторожности, мудрости и постоянству въ испытаніяхъ; синій—цѣломудрію, честности, вѣрности и безупречности. Зеленый—надеждѣ, изобилію, свободѣ и радости. Пурпуръ означаетъ благочестіе, умѣренность, щедрость и верховное господство. Наконецъ, горностай, (въ видѣ геральд. мѣха), издавна служитъ символомъ чистоты».

Кромѣ того, цвѣта въ гербахъ получали особое фигуральное значеніе: такъ напр. красное поле изображало кровь, пролитую за церковь, или государя, синее поле — небо, зеленое—луговую траву, черное—мракъ (печаль) [1]).

Во французской геральдикѣ, (которой слѣдуетъ и наша русская), употребляется два металла: золото и серебро и всего 5 цвѣтовъ, или финифтей (*émaux*), а именно: 1) красная, или червлень (*gueules*), изображаемая смѣсью сурика и киновари, 2) синяя, или лазурь (*azur*)—смѣсь кобальта и ультрамарина, 3) зе-

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о символикѣ цвѣтовъ можно найти въ сочиненіи *Fréderic Portal*, *Des couleurs symboliques*. Paris 1837, а также *Friedreich. Die Symbolik u. Mythologie der Natur*. 1859.

лень (*sinople*)—смѣсь хрома и растительной зелени, 4) чернь (*sable*)—сажа, или слоновая кость. Замѣтимъ, что французское названіе этой финифти—*sable* произошло не отъ чернаго цвѣта земли, какъ объясняли его нѣкоторые авторы, а отъ слова *zable* или *zible*, *zibeline*, означающаго по французски чернаго соболя (по нѣмецки—*zobel*). Корень этого слова арабскій, на которомъ слово *zibet* также означаетъ соболя; мѣхъ послѣдняго, какъ извѣстно, издавна весьма распространенъ былъ на Востокѣ и оттуда проникъ и въ западную Европу въ эпоху крестовыхъ походовъ. 5) Пурпуръ — весьма рѣдко употребляемый въ гербахъ; къ тому же цвѣтъ этотъ въ геральдикѣ не былъ точно опредѣленъ: онъ изображался то лиловымъ, то лилово-краснымъ, то темно-синимъ, и другихъ оттѣнковъ. Такое различіе происходило главнымъ образомъ отъ того, что настоящій, естественный цвѣтъ пурпура, добывавшагося въ древности изъ двухъ различнаго рода раковинъ, встрѣчающихся въ Средиземномъ морѣ, дѣйствительно былъ двоякій: такъ наз. *аметистъ* — болѣе тёмный, фіолетоваго оттѣнка, и *Тирскій пурпуръ* — огненно-краснаго цвѣта.

Древніе геральдисты, и въ томъ числѣ *Ménéstrier*, вовсе не допускали пурпура въ гербахъ, а другіе, какъ напр. *Colombière*, признавали его двойственнымъ (*emphibie*), т. е. принадлежащимъ одновременно и къ металламъ, и къ цвѣтамъ. Какъ цвѣтъ гербоваго поля, пурпуръ встрѣчается почти исключительно лишь въ испанской геральдикѣ.

Въ нѣмецкой геральдикѣ основными тинктурами считаются четыре: красная, синяя, черная и зеленая, (послѣдняя крайне рѣдко употребляемая въ нѣмецкихъ гербахъ); но кромѣ того, съ болѣе поздняго времени вошли въ употребленіе еще нѣсколько второстепенныхъ и составныхъ цвѣтовъ, а именно: *желѣзносѣрая* (*eisengrau*), *пепельная* (*aschfarb*), *земляная* (*erdumberfarb*), *коричневая* (*braun*), *водяно-голубая*, или *стальная* (*wasserfarb*, *stahlblau*) и, наконецъ, заимствованная изъ англійской геральдики *оранжевая* (*rothgelb*). Помимо всѣхъ названныхъ тинктуръ, которыя встрѣчаются въ гербахъ, какъ цвѣта щитоваго поля, для гербовыхъ фигуръ примѣняютъ еще

такъ наз. *натуральный*, или *тѣлесный* цвѣтъ (*natur* —, *fleisch-farb*; *couleur naturelle*).

Слѣдуетъ замѣтить, что вышеупомянутые второстепенные цвѣта, строго говоря, не геральдичны и къ тому же почти излишни. Названныхъ 4-хъ, или 5-ти основныхъ тинктуръ и 2-хъ металловъ для геральдиста вполнѣ достаточно, если онъ въ точности слѣдуетъ правиламъ геральдики; къ такъ наз. натуральнымъ цвѣтамъ онъ прибѣгаетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это вызывается дѣйствительною необходимостью, напр. когда, по особому указанію въ гербѣ, слѣдуетъ изобразить какое-либо животное, оленя, лисицу, быка, извѣстное растеніе, часть человѣческаго тѣла и т. под., тѣмъ цвѣтомъ, который имъ свойственъ въ природѣ: бураго, рыжаго, сѣраго, розоваго, тѣлеснаго и др.

Въ древнемъ геральдическомъ искусствѣ подобное примѣненіе натуральныхъ цвѣтовъ встрѣчается вообще крайне рѣдко и лишь въ новѣйшее время эти естественные цвѣта стали входить въ геральдикѣ во всеобщее употребленіе. Старые геральдисты примѣняли вмѣсто таковыхъ, по старинному правилу, ближайшія, подходящія къ нимъ по характеру цвѣта геральдическія тинктуры. Такъ напр. олени, собаки, быки изображались обыкновенно въ гербахъ черными, или красными, львы—золотыми, или красными, части человѣческаго тѣла — красными, или серебряными; впрочемъ, эти послѣднія нерѣдко изображались въ старину и натуральнаго (тѣлеснаго) цвѣта.

Относительно сочетанія цвѣтовъ и металловъ существуетъ въ геральдикѣ общее и основное правило, что цвѣтъ не можетъ быть положенъ на цвѣтъ, а также—металлъ на металлъ, но лишь цвѣтъ на металлъ, и обратно. Такъ напр., красный левъ не долженъ быть помѣщаемъ на синемъ, или зеленомъ полѣ, но только лишь на золотомъ, или серебряномъ; или обратно, золотой орелъ не долженъ помѣщаться на серебряномъ полѣ, но только на цвѣтномъ. Само собою разумѣется, что желтый и бѣлый цвѣта, замѣняющіе при упрощенномъ изображеніи металловъ золото и серебро, признаются здѣсь за таковые.

Впрочемъ, существуютъ многочисленные примѣры изъ лучшаго періода геральдики, въ которыхъ указанное здѣсь правило

не соблюдено; такіе примѣры, какъ мы видѣли, относятся или къ такъ наз. *загадочнымъ* гербамъ, или же произошли отъ простой ошибки, вслѣдствіе того, что золото отъ времени краснѣло, а серебро становилось синимъ, или чернымъ.

Въ настоящее время это практическое правило по большей части еще соблюдается, впрочемъ уклоненія, хотя таковыя въ художественномъ отношеніи и не особенно удачны, не признаются однако за геральдически недопустимую ошибку.

Въ нѣмецкой геральдикѣ при болѣе значительной пустующей поверхности герба, т. е. не занятой никакою фигурою, таковая иногда покрывается особаго рода рисункомъ, называемымъ *дамаскировкою* [1]). Онъ представляетъ узоръ въ видѣ арабески; въ старину примѣнялся также рисунокъ, состоящій изъ перекрещенныхъ черточекъ, точекъ, розетокъ и т. под.

При помощи вышеуказанныхъ цвѣтовъ могутъ быть изображены безъ всякаго затрудненія всевозможные гербы. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе нужно воспроизвести посредствомъ металла, дерева, камня, или чрезъ гравюру и литографію, безъ примѣненія дѣйствительныхъ красокъ, приходится прибѣгать къ инымъ способамъ для различенія геральдическихъ тинктуръ. Потребность въ этомъ впервые начала сказываться въ XVI-мъ столѣтіи, когда искусство гравюры на деревѣ и мѣди стало развиваться и достигло большаго совершенства. Съ этого времени стали появляться печатные гербовники, между которыми заслуживаютъ вниманія изданный въ Нюрнбергѣ *Виргиліемъ Солисомъ* (1555 г.), позднѣе—гербовникъ *Брентеля* (1584 г.) и *Зимбахера* (1605 г.), *Фюрста* (1655 г.) и др. Въ этихъ печатныхъ гербовникахъ впервые примѣнены были новые условные способы обозначенія геральдическихъ цвѣтовъ и металловъ. Сначала для этой цѣли употреблялись объяснительныя надписи, обозначавшія тинктуры и металлы, а затѣмъ, въ сокращеніи — буквы; этому способу слѣдовали упомянутые *Солисъ*, а за нимъ *Мартинъ Шротъ* (1576), *Христіанъ Урстисъ* (1580) и *Зибмахеръ*. Они обозначали цвѣта

---

[1]) Такой рисунокъ встрѣчается впрочемъ и во французской геральдикѣ, но чаще, какъ украшеніе геральдич. фигуры, и обозначается терминомъ *diapré*.

и металлы начальными буквами нѣмецкаго, (а иногда—латинскаго), алфавита, соотвѣтствовавшихъ имъ названій: такъ напр. *R* (*roth*)—красный, *B* (*blau*)—синій, *Sch.* (*schwarz*)—черный, *Pp*—пурпуръ *G* (*gold*)—золото, *S.* (*silber*)—серебро и т. д.

Въ 1654 г. *Генрихъ Спильманъ* примѣнилъ для изображенія финифтей и металловъ астрономическіе знаки планетъ: знакъ ☉ солнца изображалъ золото; ☾ луны—серебро; ♂ Марса—червлень, ♃ Юпитера—лазурь, ♁ Венеры—зелень, ♄ Сатурна—чернь и ☿ Меркурія—пурпуръ. Но упомянутыя способы представляли большія неудобства; они оказались совершенно непригодными при изображеніи гербовъ съ мелкими и многочисленными фигурами, въ особенности же при сложныхъ гербахъ и въ небольшомъ масштабѣ, и это вызвало введеніе болѣе цѣлесообразнаго способа обозначенія геральдическихъ тинктуръ и металловъ посредствомъ чертъ и точекъ, которыми покрывается поле щита, соотвѣтственно ихъ условному значенію. Первый опытъ примѣненія подобнаго способа былъ сдѣланъ *Яковомъ Франкартомъ*: онъ издалъ въ 1623 г. въ Брюсселѣ описаніе погребенія эрцгерцога Альберта Австрійскаго, украшенное гравюрами на мѣди, къ которому приложилъ объяснительную таблицу штриховъ для различенія на изображенныхъ гербахъ финифтей и металловъ. Золото онъ предложилъ изображать горизонтальными штрихами, серебро — оставляя чистое мѣсто, червлень — вертикальными, зелень—діагональными чертами слѣва, чернь—взаимно пересѣкающимися діагональными, лазурь—точками. Такой графическій способъ оказался самымъ цѣлесообразнымъ и удобнымъ и вскорѣ вошелъ во всеобщее употребленіе, хотя и подвергся впослѣдствіи нѣкоторымъ измѣненіямъ [1]). Въ настоящее время общепринятый методъ изображенія гербовъ, безъ дѣйствительнаго примѣненія красокъ и металловъ, посредствомъ штриховки, слѣдующій (см. таб. I, фиг. 16—21). Красный цвѣтъ (червлень) изображается чрезъ вертикальные штрихи; лазурь—чрезъ горизонтальные; зе-

[1]) Различные предлагавшіеся способы обозначенія геральдическихъ тинктуръ показаны на табличкѣ красокъ (I фиг. 2). Первый (верхній) рядъ даетъ систему *Франкарта*, второй—*Карамуэля Лобковица*, третій—*де Рука* и четвертый—*Геленіуса*.

леный—діагональными чертами, проведенными изъ геральдически-правой стороны щита къ лѣвой; черный—вертикальными и горизонтальными, пересѣкающимися чертами; золото—чрезъ пунктиръ, (усѣяніе поля, или фигуръ точками); серебро—остается бѣлымъ, т. е. безъ чертъ и точекъ; пурпуръ—діагональными чертами, проведенными отъ лѣвой стороны къ правой (противоположно зеленому). Натуральный цвѣтъ не получаетъ, обыкновенно, никакого особаго обозначенія: чтобы отличить предметы натуральнаго цвѣта отъ серебряныхъ, ихъ слегка оттѣняютъ, (художественною тѣнью или штриховкою). Этотъ послѣдній, указанный нами методъ обозначенія геральдическихъ тинктуръ, предложенъ былъ учёнымъ іезуитомъ *Petra Sancta* въ его сочиненіи «*Tesserae gentilitiae*» (изд. въ Римѣ 1638 г.), а затѣмъ былъ принятъ повсюду, благодаря французскому геральдисту *Vulson de la Colombière*, который изложилъ ее въ болѣе законченной формѣ въ сочиненіи «*Nouvelle méthode de cognoistre les métaux et les couleurs sur la taille douce*» (Paris. 1639). Другія системы штриховки, предлагавшіяся въ XVII-мъ вѣкѣ испанцемъ *Caramuel Lobkovitz*, нидерландцемъ *Ѳомою фонъ Рукъ* и въ Германіи—*Геленіусомъ*, оказались менѣе удобными и распространенія не получили. Прибавившіеся впослѣдствіи второстепенные геральдическіе цвѣта также обозначаются графическимъ способомъ (что видно на фигурахъ таблицы I) [1]).

---

[1]) *Пурпуръ* обозначается діагональными штрихами слѣва (I ф. 22); *кровяной* цвѣтъ (*blutroth*, *kirschroth*)—горизонтальными, пересѣченными косвенными справа (ф. 23); *оранжевый*—маленькими вертикальными черточками съ раздѣляющими ихъ точками (ф. 24); коричневый (*braun*)—вертикальными линіями, пересѣч. косвенными слѣва (ф. 25); *земляной* (*erdfarb*)—вертик. и горизонт. линіями, пересѣч. косв. справа (ф. 26) *желѣзный* (*eisenfarb*)—діагональными, пересѣч. линіями справа и слѣва (ф. 27); *пепельный* (*aschfarb*)—перемѣнными черточками, горизонт. и вертикальными (ф. 28); *водяной* (*wasserfarb*)—короткими, горизонт. черточками (ф. 29; *натуральный* (*naturfarb*)—тонкими черточками, на подобіе зигзаговъ (ф. 9).

Въ нѣмецкой геральдикѣ допускается еще условно такъ наз. *тѣневой цвѣтъ* (*Schattenfarb*), при которомъ цвѣтъ щитоваго поля, такъ сказать, *просвѣчиваетъ* чрезъ фигуру, какъ на ф. 15, гдѣ фигура льва имѣетъ подобный *тѣневой* цвѣтъ. Такое обозначеніе допускается для отличія отъ болѣе распространенныхъ такъ наз. *перемѣнныхъ* фигуръ, которыя при двухъ различно окрашенныхъ частяхъ поля, финифтяной и металлической, принимаютъ перемѣнную окраску, т. е. на металлѣ—финифти, а на финифти—металла.

Обозначеніе геральдическихъ цвѣтовъ чрезъ штриховку при пластическомъ (*en relief*) изображеніи гербовъ въ болѣе древнее время не примѣнялось вовсе, и при этомъ различіе цвѣтовъ узнавалось чрезъ выпуклость, или углубленіе; въ новѣйшее же время штриховку очень часто примѣняютъ на печатяхъ, монетахъ и на различныхъ рельефахъ, особенно для обозначенія фона, (т. е. щитоваго поля); гербовыя же фигуры при этомъ обыкновенно даются безъ штриховки. Впрочемъ этотъ практикующійся пріемъ нельзя особенно рекомендовать, и художникамъ слѣдовало бы соблюдать въ точности геральдическую штриховку также и на пластическихъ изображеніяхъ гербовъ.

Слѣдуетъ особенно замѣтить, что штриховка должна всегда согласоваться съ направленіемъ гербоваго щита, т. е. его діаметровъ, а именно перпендикулярные штрихи, (обозначающіе червлень), должны быть параллельными продольному діаметру щита (сверху внизъ), а горизонтальные штрихи, (обознач. лазурь), — параллельны поперечному діаметру (оси) щита. Итакъ, слѣдуетъ проводить штрихи не параллельно краямъ листа бумаги, на которомъ изображенъ гербъ, а параллельно краямъ этого послѣдняго [1]).

Какъ мы уже видѣли, въ древнѣйшія времена боевые щиты у Германцевъ покрывались мѣхами. Этотъ обычай мы встрѣчаемъ и въ Средніе вѣка, а также и въ непосредственно слѣдующую за ними эпоху, но уже по другой причинѣ, а именно подъ вліяніемъ постепенно развивавшагося въ рыцарской средѣ вкуса къ роскоши.

Рѣдкіе мѣха очень цѣнились въ то время, составляя излюбленное украшеніе знатныхъ лицъ. Мы видимъ, что чрезмѣрное ихъ распространеніе вызвало даже со стороны королей Филиппа II и Ричарда III запрещеніе сопровождавшимъ ихъ въ крестовомъ походѣ 1190 г. рыцарямъ носить мѣха соболя, горностая и другихъ цѣнныхъ животныхъ. Въ одной современной хроникѣ упоминается о богатыхъ одеждахъ, украшенныхъ драгоцѣнными мѣ-

---

[1]) Такъ напр. на Т. I ф. 10 красный цвѣтъ на щитѣ обозначенъ правильно, а на ф. 13 тотъ-же цвѣтъ—неправильно.

хами, въ которыхъ Готфридъ Бульонскій и другіе французскіе рыцари явились къ греческому императору Алексѣю Комнену.

Несомнѣнно, что примѣненіе мѣховъ къ украшенію рыцарскихъ щитовъ предшествовало употребленію гербовъ. На одномъ изображеніи, около 1100 года встрѣчается щитъ, покрытый узоромъ изъ мѣха, въ видѣ такъ наз. въ геральдикѣ *облачной* линіи; но значеніе гербовыхъ фигуръ такія примѣненія мѣховъ на щитахъ получаютъ лишь къ концу XII столѣтія. Они представляли дѣйствительно большое удобство въ этомъ отношеніи: изъ мѣха весьма легко вырѣзывалась та, или другая геральдическая фигура, каковая и прибивалась затѣмъ къ щиту гвоздями.

Въ Средніе вѣка изъ мѣховъ преимущественно употреблялись для украшенія щитовъ *горностай* (*Hermelin*, *hermine*) и *бѣличій мѣхъ* (*Grauwerk*, *Fehwammen*, *Kürsch*; франц. *vair*). Иногда въ тѣ времена, вмѣсто чернаго цвѣта, употреблялся соболій мѣхъ (*Zobel*, *zibeline*). Мы уже указали выше, что отсюда произошло и геральдическое названіе чернаго цвѣта—*sable*. Такъ напр. рыцарь Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ имѣлъ щитъ, обтянутый горностаевымъ мѣхомъ, который пересѣкался двумя поясами, вырѣзанными изъ чернаго соболя. Въ гербѣ царственнаго дома Гогенцоллерновъ черныя поля въ щитѣ также въ древнѣйшее время описываются, какъ сдѣланныя изъ собольяго мѣха. Въ XII и XIII столѣтіяхъ употреблялся еще на щитахъ мѣхъ, искусственно окрашенный въ красный цвѣтъ, такъ наз. *Kelen*; нѣкоторые считали его за мѣхъ красной бѣлки, или же куницы.

Въ настоящее время въ геральдикѣ имѣютъ примѣненіе въ гербахъ только два мѣха: *горностаевый* и *бѣличій*.

Горностай есть бѣлый мѣхъ, на которомъ нашиты черные оконечности хвостовъ того-же животнаго; сообразно съ этимъ, мѣхъ этотъ изображается геральдически чрезъ расположенныя рядами (обыкновенно 6 рядовъ, по 3 и 4 хвостика въ рядъ), черныя пятнышки, схожія съ крестиками и кончающіяся къ низу тремя острыми кончиками, на бѣломъ (серебряномъ) полѣ. Иногда, впрочемъ, горностаевый мѣхъ изображался въ геральдикѣ иначе, а именно черные концы хвостовъ рисовались выходящими изъ пятнышка, чаще всего желтаго цвѣта. Такое изображеніе, про-

исходя отъ дѣйствительно употреблявшагося мѣха, объясняется тѣмъ, что хвостъ горностая имѣетъ на самомъ дѣлѣ выше своего чернаго конца желтую окраску.

Когда хвостики горностая изображаются бѣлыми (серебряными) на черномъ полѣ, то это получаетъ названіе *противо-горностая* (*Gegenhermelin*, *contre-hermine*) I. ф. 31. Кромѣ того, въ западно-европейской геральдикѣ встрѣчается еще *горностай въ золотомъ полѣ*, вмѣсто серебрянаго (*Goldhermelin*), I ф. 32, также въ полѣ изъ чешуекъ, или кусочковъ мѣха (*Schuppenhermelin*) I. ф. 33, и, наконецъ, съ совершенно неестественнымъ изображеніемъ хвостиковъ I. ф. 34.

Горностаевый мѣхъ всегда служилъ отличительнымъ признакомъ власти, господства и кромѣ щитоваго украшенія, издавна употреблялся также для подбивки мантій государей, герцоговъ, князей и другихъ владѣтельныхъ лицъ.

Бѣличій мѣхъ, примѣняемый въ геральдикѣ, состоитъ изъ шкурокъ бѣлыхъ и голубо-сѣрыхъ, расположенныхъ попеременно, откуда произошло его французское названіе *vair*—образовавшееся изъ латинскаго *varius* (различный, мѣняющійся). Такое названіе соотвѣтствовало мѣху бѣлки, который имѣетъ различную окраску спины и брюшка, и кромѣ того, измѣняетъ свой цвѣтъ по временамъ года. Онъ изображается въ геральдикѣ иногда въ естественномъ видѣ, т. е. въ видѣ мѣха (II ф. 14, 15), но гораздо чаще посредствомъ волнообразныхъ линій, или въ видѣ такъ наз. *желѣзныхъ шапочекъ* (*Eisenhüt*), образующихъ своеобразный стильный узоръ въ гербовомъ щитѣ. Новѣйшія изслѣдованія о геральдическихъ мѣхахъ, въ особенности спеціальный трудъ *князя Гогенлоэ*, посвященный этому вопросу, доказали, что эти такъ наз. желѣзныя шапочки суть ничто иное, какъ составной мѣхъ, что, впрочемъ, не исключаетъ и того, что во многихъ случаяхъ мѣхъ, для дешевизны, замѣнялся вырѣзками изъ матеріи, на подобіе шашекъ, ромбовъ, фестоновъ и т. под.

Такъ наз. желѣзныя шапочки (*Eisenhütlein*) произошли въ XIV вѣкѣ изъ подобной каймы въ видѣ угловатой облачной линіи, которая, какъ было сказано, вырѣзывалась изъ мѣха,

а иногда изъ сукна [1]). Въ гербахъ эти желѣзныя шапочки по большей части бываютъ расположены рядами и, по правилу, должны быть синими въ серебряномъ полѣ (вѣрнѣе, синими и серебряными, чередуясь). Какъ это доказывается нѣкоторыми старинными гербами, которые въ XIII-мъ вѣкѣ содержали рисунокъ въ видѣ облачной линіи, а въ XIV-мъ — желѣзныя шапочки, эти послѣднія произошли несомнѣнно отъ облачной линіи чрезъ заостреніе ея очертанія подъ вліяніемъ готическаго стиля. Въ тѣ же времена онѣ прозваны были такъ герольдами, вѣроятно, по причинѣ своего сходства съ встрѣчавшимися тогда подобными боевыми шапками.

Желѣзныя шапочки въ гербахъ имѣютъ слѣдующія разновидности:

1) *Обыкновенный бѣличій мѣхъ* (правильнаго цвѣта) — синія жел. шапочки въ серебряномъ полѣ, расположенныя рядами, поперекъ щита (*Feh, vair*) II ф. 1. 2). *Опрокинутый* бѣл. м. (*Sturzfeh*) II ф. 2, причемъ синія шапочки опрокинутыя, а бѣлыя — стоячія. 3) *Поставленный въ столбъ* (*Pfahlfeh*) II ф. 5, причемъ шапочки расположены одна подъ другою, такъ что вершина нижней опирается въ основаніи верхней. 4) *Поставленный въ столбъ* и *опрокинутый* (*Sturzpfahlfeh*) II ф. 6. 5) *Противо бѣличій* (*Gegenfeh, contre vair*) II 3, при чемъ одинъ рядъ шапочекъ стоячій, а слѣдующій опрокинутый, такъ-что шапочки сходятся основаніями. 6) *Противо-бѣличій опрокинутый* (*Sturzgegenfeh*) II 4, когда опрокинутымъ является первый рядъ, а стоячимъ—второй и т. д. 7) *Бѣличій мѣхъ съ разноцвѣтными шапочками* (не прав. цвѣтовъ)—(*Buntfeh*) II. ф. 7, 8, 9). Бѣл. м. съ *горностаевыми шапочками* (*Hermelinfeh*) II 10. 9) Бѣл. м. съ *крюковидными шапочками* (*Krückenfeh, potent*) II. 11, встрѣчается лишь въ англійской геральдикѣ. 10) Бѣл. м. съ *перемѣнными крюковидными шапочками* (*Wechselkrückenfeh*) II. ф. 12.

---

[1]) Подобныя каймы, вырѣзанныя на подобіе облачнаго рисунка, или желѣзн. шапочекъ, мы встрѣчаемъ и на средневѣковыхъ одеждахъ, въ особенности на рыцарскихъ туникахъ (такъ наз. *Lendner*), при чемъ заслуживаетъ вниманія, что эти послѣднія особенно часто были *синими*, а находившіяся подъ ними латы рыцаря имѣли *металлическій* блескъ, что воспроизводило въ живой дѣйствительности геральдическій рисунокъ желѣзныхъ шапочекъ.

Наконецъ, единичныя, отдѣльно стоящія въ щитѣ желѣзныя шапочки считаются за обыкновенныя фигуры и описываются, какъ таковыя [1]).

XI.

Поверхность гербоваго щита, называемая *полемъ*, имѣетъ или одинъ только цвѣтъ (финифть), или же нѣсколько правильно разграниченныхъ линіями цвѣтовъ. Крайне рѣдко щитъ бываетъ пустымъ [2]), т. е. безъ какихъ-либо изображеній, обыкновенно-же въ немъ помѣщаются гербовыя фигуры.

Гербовою фигурою можетъ быть все, что возможно представить въ видѣ изображенія, или цвѣта, (финифти, металла, мѣха). Одни лишь цвѣта, какъ одинъ, такъ и нѣсколько, распредѣленные по различнымъ полямъ (мѣстамъ) правильно раздѣленнаго щита и образующіе такимъ образомъ фигуру изъ разныхъ цвѣтовъ, достаточны для образованія законченнаго герба.

Такія гербовыя фигуры изъ цвѣтовъ, представляющія полные гербы, называются *геральдическими фигурами* по той причинѣ, что онѣ свойственны исключительно только геральдикѣ и имѣютъ въ ней условное значеніе, будучи изобрѣтены или по крайней мѣрѣ опредѣлены герольдами. Ихъ называютъ также *почетными фигурами* (*Ehrenstücke*, *pièces honorables*), хотя послѣднее названіе въ настоящее время почти оставлено. Всѣ же

---

[1]) Число желѣзн. шапочекъ въ рядахъ бываетъ различно. Обыкновенно принятое число ихъ не болѣе 3-хъ съ половиною въ каждомъ ряду, какъ на II ф. 1; когда ихъ больше, то это наз. *уменьшеннымъ* бѣл. м. (*Kleinfeh*); въ обратномъ случаѣ, какъ на II ф. 9—*увеличеннымъ* (*Grossfeh*).

Во французской геральдикѣ дѣлается еще различіе по числу рядовъ: когда таковыхъ въ щитѣ больше 4-хъ, то это наз. *menu-vair*, когда же меньше, то наз. *beffroy*. Каждый рядъ шапочекъ называется *tire*.

[2]) Когда подобные незанятые щиты предназначались ихъ владѣльцами для помѣщенія въ нихъ впослѣдствіи какой-либо гербовой фигуры, то они получали наименованіе *выжидательныхъ* щитовъ (*Wartschilde*). Такіе щиты встрѣчаются рѣдко. Такъ напр. Пфальцская вѣтвь владѣтельнаго дома Виттельсбаховъ, утратившихъ курфюрстское достоинство свое въ 1623 г., сохраняло красный щитъ, въ которомъ до тѣхъ поръ имѣлось изображеніе государственной державы, *не занятымъ* до 1758 г. Встрѣчаются также гербовые щиты, имѣющіе въ своемъ полѣ лишь одинъ мѣхъ, безъ фигуръ.

прочія изображенія, употребляемыя въ гербахъ, представляющія какія-либо предметы изъ природы, искусства и даже изъ области фантазіи, называютъ, въ простое отличіе отъ предъидущихъ, а также потому, что они изображаютъ обыкновенно общеизвѣстные предметы изъ обыденной жизни, *обыкновенными*, или *простыми* гербовыми фигурами, (также *не-геральдическими*). Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что не существуетъ никакого преимущества геральдическихъ фигуръ передъ простыми по достоинству, а равно и между различными цвѣтами. Съ древнѣйшихъ временъ фигуры изъ обѣихъ этихъ категорій встрѣчаются совмѣстно, безо всякаго различія подобнаго рода. Но названныя геральдическія фигуры, (состоящія изъ цвѣтовъ), существенно различествуютъ между собою, смотря по тому, образованы-ли они линіями, проведенными чрезъ поле щита вдоль (отвѣсно), поперекъ (горизонтально), или вкось (діагонально) отъ одного бока къ другому, или изъ одного угла въ другой, противоположный, при чемъ получаются или 1) одинаковаго размѣра поля (мѣста), изъ которыхъ каждое имѣетъ свой собственный цвѣтъ, причемъ каждое поле занимаетъ половину всего щита, или 2) два мѣста неравной величины, а именно меньшее мѣсто опредѣленнаго (точно установленнаго) размѣра и большее, занимающее всю остальную часть щитоваго поля, причемъ послѣднее имѣетъ и другой цвѣтъ. Въ этомъ случаѣ меньшее мѣсто прилегаетъ къ большему, находясь, или у края щита, или по срединѣ его, или же простираясь чрезъ щитъ вдоль, поперекъ, или вкось. Такое меньшее мѣсто, заимствующее свое названіе отъ того, или другаго очертанія, которое оно получаетъ, и выступающее на большемъ полѣ (или мѣстѣ) въ видѣ отдѣльнаго изображенія, и есть такъ называемая *геральдическая фигура* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Ее слѣдуетъ отличать отъ тѣхъ фигуръ, которыя представляютъ собственно лишь *дѣленія* (*Theilung*) щита на два и болѣе одинаковыхъ по размѣру поля, того и другаго цвѣта и которыя поэтому называются *фигурами дѣленій* (*Theilungsbilder*, *partitions*), а иногда, менѣе удачно,—*тинктурами* или *сѣченіями* (*Sectionen*).

Въ одномъ гербовомъ щитѣ могутъ быть соединяемы фигуры обоего рода, т. е. геральдическія и обыкновенныя, причемъ каж-

дая геральдическая фигура можетъ *быть обременена* обыкновенною, (т. е. включать въ себѣ послѣднюю).

Въ геральдикѣ издавна принято за основное правило, что обозначеніе правой и лѣвой стороны относится къ носителю щита. Поэтому при описаніи герба слѣдуетъ вообразить себя на мѣстѣ щитоносца, какъ бы стоящимъ за щитомъ, держа его передъ грудью. Отсюда все, что зрителю щита представляется на правой его сторонѣ, для щитоносца, или геральдически, будетъ находиться на лѣвой и потому называться лѣвою, и обратно. Такъ напр. на табл. I фиг. 14 *AG* — правая, *CJ*—лѣвая сторона щита.

Представляя себѣ рыцаря держащимъ щитъ предъ собою, выводятся отсюда слѣдующія обозначенія частей послѣдняго (фигура 14):

AC есть верхній или головной край (*Oberrand*, *Hauptrand*).

GJ—нижній край или подножіе (*Fussrand*), оконечность.

Эти названія соотвѣтствуютъ до нѣкоторой степени частямъ тѣла, которыя прикрывались щитомъ.

AG—правый или передній боковой край (*rechter*, *oder vorderer Seitenrand*).

CJ—лѣвый или задній боковой край (*linker*, *od. hinterer Seitenrand*).

Мѣсто *A*—въ щитѣ наз. правымъ верхнимъ угломъ, или правою стороною главы (*rechtes Obereck*; франц. *canton dextre du chef*).

Мѣсто *C*—наз. лѣвымъ верхнимъ угломъ, или лѣвою стороною главы (*linkes Obereck*, *canton sénestre du chef*).

Мѣсто *G*—наз. правымъ нижнимъ угломъ (*r. Untereck*, *canton dextre de la pointe*).

Мѣсто *J*—наз. лѣвымъ нижнимъ угломъ (*l. Untereck*, *canton sénestre de la pointe*).

Мѣсто *E*—наз. сердцемъ щита (*Herz; coeur*, *abime*).

Мѣсто *D*—наз. правой—м. *F*—лѣвой сторонами сердца (*flanc dextre*, *fl. sénestre*).

Мѣста *A*, *D*, *G*—составляютъ правую, или переднюю сторону щита.

Мѣста *C,F,J*—лѣвую, или заднюю сторону щита.

Мѣста *B,E,H*—составляютъ такъ наз. мѣсто столба. (*Pfahlstelle, pal*).

Мѣста *D,E,F*—средину щита (*Mittelstelle, milieu*).

Малый щитокъ, помѣщенный въ сердцѣ гербоваго щита, наз. *срединомъ*, или *сердцевымъ щитомъ* (*Mittel-od. Herzschild, écu sur le tout, écusson en coeur*). Когда же сердцевой щитъ имѣетъ въ своей срединѣ еще другой, меньшій щитокъ, то первый изъ нихъ получаетъ названіе *средняго*, а второй — сердцеваго щита (*écu sur le tout du tout*).

Во французской геральдикѣ, (а также и въ другихъ, кромѣ нѣмецкой), всѣ геральдическія фигуры должны быть обращены переднею частью *въ правую сторону*, иначе онѣ будутъ *обращенныя*. Въ нѣмецкой же геральдикѣ всѣ фигуры безразлично обозначаются, смотря по ихъ направленію, обращенными вправо, или влѣво. Фигура, простирающаяся отъ оконечности щита къ главѣ, назыв. обращенною вверхъ, въ обратномъ же направленіи — къ низу обращенною, *опрокинутою* (*gestürzt, renversé*).

Верхняя и правая стороны щита суть болѣе *почетныя*. Главнымъ, почетнѣйшимъ мѣстомъ считается верхній, правый уголъ. Вообще, при описаніи, или блазонированіи герба прежде всего называютъ то, что стоитъ вправо и вверху. Точно также находящееся въ правой части щита называютъ стоящимъ *впереди*, а что въ лѣвой—*позади*.

Всѣ дѣленія сложнаго, (т. е. раздѣленнаго) щита приведены западною геральдикою къ извѣстнымъ нормамъ: имъ даны названія, освященныя долговременною практикою и теоріей, усвоенною всѣми государствами. У насъ, въ Россіи, хотя существуютъ тѣ-же дѣленія, но, вмѣсто техническихъ названій, употребляются описательныя выраженія: геральдическій языкъ у насъ еще не выработался вполнѣ. При разсмотрѣніи дѣленій щита и геральдическихъ фигуръ мы будемъ слѣдовать преимущественно нѣмецкой геральдикѣ, какъ наиболѣе разработанной, при чемъ будемъ приводить техническіе термины нѣмецкой и французской геральдики; переводя ихъ на русскій языкъ, (что иногда пред-

ставляетъ нѣкоторыя затрудненія, въ виду многочисленности и условнаго значенія иныхъ терминовъ).

Главныхъ дѣленій щита четыре: 1) по *вертикальной* линіи, опущенной изъ средины верхняго края на нижній (табл. II ф. 16), это такъ наз. *разсѣченіе* (*Längsschnitt*, *écu parti*) 2) по продольной, *горизонтальной* линіи, соединяющей средины боковыхъ сторонъ щита (II ф. 17)—такъ наз. *пересѣченіе* (*Querschnitt*; *écu coupé*), 3) по діагонали, проведенной изъ праваго верхняго угла щита къ лѣвому нижнему (II ф. 18)—такъ наз. *скошеніе справа* (*Schrägschnitt*, *écu tranché*) и 4) по діагонали изъ лѣваго верхняго угла къ правому нижнему (II ф. 19)—такъ наз. *скошеніе слѣва* (*Gehrschnitt*, *écu taillé*).

Въ сочетаніи перваго и втораго дѣленій получаемъ щитъ, раздѣленный на четыре равныя четверти (*gevierter Schild*, *écu écartelé*)—дѣленіе *четвероугольное* или *четверочастное* (III ф. 33). Дѣленія третье и четвертое въ соединеніи разбиваютъ щитъ на 4 треугольника, вершины которыхъ сходятся въ сердцѣ щита, а основаніями служатъ его края. Это дѣленіе (*Schragen*, *écartelé en sautoir*)—*въ видѣ Андреевскаго креста* (IV ф. 7). Если, наконецъ, всѣ эти четыре дѣленія соединяются, то щитъ распадается на восемь треугольниковъ, сходящихся вершиною въ сердцѣ щита—это такъ наз. *осьмиугольное* дѣленіе (*Ständerung*, *écu gironné*) (IV ф. 21).

Но означенныя сочетанія линій дѣленія, пересѣкающихъ щитъ вдоль, поперекъ и наискось, далеко не исчерпываютъ всевозможныхъ иныхъ, образующихъ безчисленное количество такъ наз. *фигуръ дѣленія*. Въ виду ихъ значенія въ геральдикѣ, какъ при изображеніи, такъ и при описаніи гербовъ, мы укажемъ здѣсь главнѣйшія ихъ разновидности.

Отдѣльная линія (изъ вышеуказанныхъ), раздѣляющая щитъ вдоль, поперекъ и т. д. и притомъ только *на двѣ равныя половины*, проходитъ чрезъ поле щита въ кратчайшемъ направленіи. Но для большаго разнообразія и для того, чтобы получить бо́льшее количество фигуръ при этомъ простѣйшемъ дѣленіи, означенной дѣлящей линіи придаются различныя уклоненія, но притомъ равномѣрно въ обѣ стороны, въ видѣ *уступовъ* (*Ab-*

sätze) или *ступеней* (*Stufen*), *зубцовъ* (*Zinnen*), *заострений* (*Spitzen*) *волнъ* (*Wellen*) и т. д.; подобныя дѣленія при этомъ всегда должны давать равное число ступеней, зубцовъ и т. д. каждаго цвѣта, (складывая вмѣстѣ половинчатые, расположенные въ углахъ). Таковы фигуры, образуемыя при вышеуказанныхъ четырехъ главныхъ дѣленіяхъ щита чрезъ измѣненіе характера дѣлящей линіи, а именно *ступенчатое* (*Stufenschnitt* II ф. 20), *зубчатое* (*Zinnenschnitt* II ф. 21) *двойное зубчатое* (*Doppelzinnenschnitt* II ф. 22), *скошенное зубчатое*, (*Schrägzinnenschnitt*, II ф. 23), *уширенно-зубчатое* (*Breitzinnenschnitt* II ф. 24), *заостренно-зубчатое* (*Spitzzinnenschnitt* II ф. 25), *крестовидно-зубчатое* (*Kreuzzinnenschnitt* II ф. 26), *заостренное* (*Spitzenschnitt* II ф. 27), которое можетъ быть также *изогнуто-заостреннымъ* или *пламеневиднымъ*, (*Krummspitzenschnitt od. Flammenschnitt* II ф. 28); *зубовидное* (*Zahnschnitt* II ф. 29), *зазубренное* (*Zähnelschnitt od. Kerbschnitt* II ф. 30), *волнистое* (*Wellenschnitt* II ф. 31), *облачное* (*Wolkenschnitt* II ф. 32), *облаковидное* (*Wölkenschnitt* II ф. 33). Всѣ означенныя фигуры дѣленій могутъ быть примѣняемы во всѣхъ направленіяхъ, т. е. вдоль, поперекъ, вкось, справа и слѣва. Къ болѣе рѣдко встрѣчающимся дѣленіямъ принадлежатъ такъ наз. *листовидное* (*Blattschnitt* II ф. 34), дающее очертаніе листа, похожаго на липовый, или же трилистника, или, наконецъ, геральдической лиліи; *улиткообразное* (*Schneckenschnitt* II ф. 35, 36), образованное завиткообразною линіею, проведенною отъ края щита къ средней его точкѣ. Такъ наз. *зѣвообразное* дѣленіе (*Rachenschnitt* II ф. 37) встрѣчается лишь въ двухъ гербахъ, фамилій *Helchner* и *Drake*, въ послѣднемъ съ рогами на носу изображенныхъ звѣрей.

Кромѣ вышеупомянутыхъ дѣленій, примѣняются еще въ гербахъ: *закругленно-зубчатое* (*Rundzinnenschnitt*, II ф. 38), которое сходно съ сильно загнутымъ волнистымъ и имѣя сходство съ змѣевидными изгибами, называется также *змѣевиднымъ* (*Schlangenschnitt*); *вызубренно-зубчатое* (*Kerbzinnenschnitt* II ф. 39) и *крюковидное* (*Krückenschnitt* II ф. 40). Такъ наз. *вѣтвистое*, или *пнистое* дѣленіе (*Astschnitt* II ф. 41) есть собственно то же, что скошенно-зубчатое, но проведенное попере-

мѣнно въ ту, и другую сторону прямой линіи: оно встрѣчается чаще въ видѣ геральдической фигуры, чѣмъ дѣленія.

Всѣ фигуры дѣленій, образованныя одною дѣлящею линіею въ одномъ изъ вышеуказанныхъ 4-хъ направленій, суть *простыя дѣленія*, всѣ же прочія, весьма многочисленныя, образованныя *нѣсколькими* линіями дѣленія, или однородными (по направленію), или смѣшанными, суть составныя дѣленія. Эти послѣднія слѣдуютъ общему правилу, что однородныя линіи проводятся въ равномъ разстояніи одна отъ другой; вертикальныя и горизонтальныя, кромѣ того, въ равномъ разстояніи отъ краевъ щита, а діагональныя—отъ угловъ.

Изо всѣхъ простыхъ и составныхъ дѣленій тѣ, въ которыхъ отъ каждаго примѣненнаго въ нихъ цвѣта имѣется равное число полей, называются *истинными дѣленіями* (*echte Theilungsbilder*). Въ таковыхъ мѣста каждаго цвѣта при *простомъ* дѣленіи равны одно другому; при *составномъ* же, если имѣются два цвѣта, то поля каждаго цвѣта, сложенныя вмѣстѣ, образуютъ ровно половину щитоваго поля; при трехъ, или четырехъ цвѣтахъ равное число равномѣрныхъ полей каждаго цвѣта образуютъ одну треть, или одну четверть щита и т. д.

Неистинными же (*unechte Theilungsbilder*) называются всѣ тѣ дѣленія, при которыхъ дѣлящая линія уклоняется только въ одну сторону отъ своего прямаго направленія и чрезъ это одно поле занимаетъ въ щитѣ большее пространство, чѣмъ другое, слѣдовательно дѣлящая линія не образуетъ равныхъ полей. Это бываетъ при дѣленіяхъ: *стропильномъ* (*Sparrenschnitt* II ф. 42, III ф. 1), *ступенчатомъ* (*Treppenschnitt* III ф. 2. 3), съ восходящими и нисходящими ступенями, *дугообразномъ* (*Bogenschnitt* III ф. 4), *чешуевидномъ*, большомъ и маломъ (*Schuppenschnitt* III ф. 5, 6). Болѣе рѣдкими и почти не употребительными въ гербахъ является такъ наз. *втулкообразное* (*Pfropfschnitt*, III ф. 7, 8), обращенное къ верху и къ низу, и *серповидное*, вправо и влѣво (*Sichelschnitt* III ф. 9).

Изъ составныхъ дѣленій, кромѣ того, неистинными считаются и тѣ, которыхъ, хотя имѣется равное число полей каждаго цвѣта, но таковыя не равномѣрны, (не имѣя и по-парно равномѣрныхъ

полей). Къ неистиннымъ причисляются, наконецъ, и тѣ дѣленія, при которыхъ имѣются равномѣрныя поля, изъ копхъ каждое имѣетъ свой цвѣтъ, какъ напр. на III ф. 10. Такъ наз. *вилообразное* дѣленіе (*Gabelschnitt*, *Schächerkreuzschnitt*) образуется половинами трехъ дѣлящихъ линій, вертикальной, (проведенной изъ середины нижняго края щита), и двухъ діагональныхъ, (проденныхъ изъ двухъ верхнихъ угловъ), которыя сходятся въ сердцѣ щита; оно бываетъ также *опрокинутымъ* (*gestürzt*), т. е. когда діагонали проведены изъ нижнихъ угловъ, а перпендикуляръ опущенъ сверху. Это дѣленіе образуетъ три неравныхъ поля, изъ которыхъ каждое имѣетъ свой цвѣтъ (III ф. 11, 12).

Прямыя дѣлящія линіи указанныхъ 4-хъ направленій могутъ повторяться въ щитѣ нѣсколько разъ, и такимъ образомъ получается нѣсколько полей и притомъ равное число каждаго цвѣта, будетъ ли таковыхъ два, или болѣе, какъ это видно на III фиг. 13—26.

Составныя дѣленія, образованныя чрезъ соединеніе линій различнаго направленія, могутъ быть двухъ родовъ: 1) такія дѣленія, въ которыхъ къ главной дѣлящей линіи, если таковая есть *перпендикуляръ*, изъ нижнихъ угловъ щита проведены наклонныя, сходящіяся съ перпендикуляромъ въ срединѣ верхняго края щита, или же обратно на нижнемъ (III ф. 27, 28); если главная дѣлящая линія *горизонтальная*, то наклонныя линіи, проведенныя изъ правыхъ угловъ, сходятся съ нею въ срединѣ лѣвой (задней) стороны щита, или обратно (III ф. 29, 30). Къ этому же роду относятся дѣленія, образованныя главною дѣлящею линіею (вертикальною, или горизонтальною), къ которой изъ точекъ дѣленія на боковыхъ сторонахъ щита проведено нѣсколько наклонныхъ линій справа и слѣва (III ф. 31). При нѣсколькихъ вертикальныхъ линіяхъ это можетъ повторяться и нѣсколько разъ (III ф. 32).

2) Такого рода дѣленія, гдѣ дѣлящія линіи каждаго направленія пересѣкаются и перекрещиваются всевозможными способами. Изъ этихъ послѣднихъ дѣленій—простѣйшими являются четверочастныя (III ф. 33—36), а при увеличивающемся числѣ пересѣкающихся вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій—такъ

наз. *шахматныя* (*geschacht*) — III ф. 39—42, IV ф. 3. При этой фигурѣ дѣленія поля равносторонни, или почти равносторонни, что вообще получается при равномъ числѣ вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій дѣленія. При увеличивающемся же числѣ вертикальныхъ и уменьшающемся — горизонтальныхъ линій, поля становятся постепенно выше и уже, а въ обратномъ случаѣ — все шире и ниже. Подобнымъ образомъ шахматное дѣленіе переходитъ при удлиняющихся двухъ сторонахъ полей въ такъ-наз. *гонтовидное* (*geschindelt* IV, ф. 1, 2). Но такъ-какъ трудно установить точную границу между названными двумя дѣленіями, то при описаніи подобныхъ дѣленій въ гербѣ принято обозначать число вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій, или же число мѣстъ въ одномъ ряду, умноженное на число рядовъ, напр. на III ф 37 дѣленіе обозначается такъ: щитъ разсѣченный и дважды пересѣченный, черный и серебряный.

При перекрещеніи діагональныхъ (скошенныхъ) линій справа и слѣва фигуры дѣленій представляютъ еще болѣе разнообразія. Одинаковое число такихъ линій, проведенныхъ справа и слѣва, образуетъ такъ наз. *ромбовидное дѣленіе* (*gerautet*), которое въ зависимости отъ числа линій получаетъ различныя очертанія (IV ф. 8, 9, 10), подобно шахматному.

Къ этому же роду дѣленій принадлежатъ фигуры, образованныя діагональю, пересѣкаемою подъ прямыми углами нѣсколькими линіями, проведенными отъ краевъ щита, каковы IV ф. 11—15.

Особый видъ дѣленій даютъ также пересѣченія вертикальныхъ линій съ пересѣкающими ихъ наклонными, при чемъ получаются поля, приближающіяся къ ромбамъ, IV ф. 16, 17, или совершенно неправильныхъ очертаній, какъ IV ф. 18.

Наконецъ, соединеніе діагональныхъ линій съ вертикальною, или горизонтальною, или съ обѣими вмѣстѣ, даетъ еще цѣлый рядъ дѣленій, въ видѣ треугольниковъ. Изъ этихъ дѣленій мы уже упоминали выше наиболѣе правильное, раздѣляющее щитъ на 8 равныхъ частей. По сходству съ одной изъ геральдическихъ фигуръ втораго порядка, а именно *клина*, (о которомъ будетъ сказано ниже), дѣленіе это называется *клинчатымъ* (*Ständerung*,

geständert). Различные виды этого дѣленія показываютъ IV фиг. 19 — 23. Нерѣдко встрѣчается также подобное дѣленіе посредствомъ дугообразныхъ линій, образующихъ по 3 и 4 поля каждаго цвѣта, какъ на IV ф. 24, 25.

Заканчивая нашъ обзоръ столь многочисленныхъ *фигуръ дѣленій*, упомянемъ еще о двухъ дѣленіяхъ, также образующихъ поля въ видѣ треугольниковъ. Одно изъ нихъ, представленное на IV фиг. 26 — 29, образуется нѣсколькими горизонтальными линіями, которыя пересѣкаются діагоналями справа и слѣва; другое же получается при вертикальныхъ и горизонтальныхъ линіяхъ, также пересѣкаемыхъ діагоналями справа, или же слѣва IV ф. 30 [1]).

Геральдическая фигура въ точномъ значеніи этого термина, каждая въ своемъ родѣ, есть одноцвѣтное *мѣньшее мѣсто* въ гербовомъ щитѣ, имѣющее опредѣленную ширину и простирающееся по направленію линій дѣленія, (или же замѣняя собою таковыя линіи), перпендикулярно, горизонтально или вкось чрезъ щитъ, отъ одного края, или угла его къ противоположному. При этомъ такая фигура всегда выдѣляется на щитовомъ полѣ, имѣющемъ другой цвѣтъ, (или металлъ), и представляетъ нѣчто отдѣльное отъ него.

Таковыя геральдическія фигуры, когда онѣ слѣдуютъ направленію *простыхъ* линій дѣленія, суть также простыя фигуры и получаютъ названія, сообразно направленію означенныхъ линій, а именно: по вертикальной линіи: | *столбъ*, IV ф. 31—42, V ф. 1, 2; по горизонтальной: — *поясъ* V ф. 5 — 23; по скошенной справа: — *перевязь справа* VI ф. 1—15 и по скошенной слѣва — *перевязь слѣва* VI ф. 16—26.

Геральдическія фигуры, которыя слѣдуютъ направленію *составныхъ* линій дѣленія, суть также составныя. Такимъ обра-

---

[1]) Къ фигурамъ дѣленій относятся также такъ наз. *подложенныя* (*unterlegte*), какъ на VII ф. 33—34, встрѣчающіяся во многихъ гербахъ. Таковыя имѣютъ видимую часть лишь по краямъ щита, въ видѣ бордюра; чтобы получить полную фигуру дѣленія, слѣдуетъ продлить дѣлящія линіи чрезъ весь щитъ.

зомъ получаются слѣдующія фигуры: по направленію скошенныхъ линій, идущихъ изъ праваго и лѣваго нижнихъ угловъ и сходящихся остріемъ на серединѣ верхняго края щита и заключающихъ уголъ ∧, *стропило*; чрезъ скрещеніе горизонт. и вертик. линій + *крестъ*; по направленію пересѣкающихся скошенныхъ линій (діагоналей) справа и слѣва × *Андреевскій* (скошенный) *крестъ*; наконецъ, по направленію вилообразнаго дѣленія, сходнаго съ буквой Y, *вилообразный крестъ*. Эти вышеупомянутыя геральдическія фигуры называются фигурами *перваго порядка* (*Heroldbilder erster Ordnung*, *pièces de premier ordre*); такое названіе дано имъ лишь для различія отъ другихъ, а не потому, чтобы онѣ имѣли какое-либо преимущество. Къ нимъ причисляютъ обыкновенно также фигуру, сходную съ геральд. столбомъ, но примыкающую къ правой, или лѣвой сторонѣ щита, это такъ наз. *боковой столбъ*, правый или лѣвый, Y ф. 3, 4 [1]), а равно сходное съ поясомъ мѣсто въ щитѣ, прилежащее къ верхнему, или нижнему краю его, почему оно въ первомъ случаѣ наз. *главою*, (его слѣдовало бы назвать головнымъ поясомъ), а во второмъ—*оконечностью*; наконецъ сюда же причисляютъ и такъ наз. *кайму*, образованную двумя столбами и двумя поясами, придвинутыми къ краямъ щита, въ видѣ окаймленія.

Къ геральдическимъ фигурамъ *втораго порядка* (*Heroldbilder zweiter Ordnung*, *pièces de second ordre*) относятся фигуры преимущественно меньшаго размѣра, которыя не простираются чрезъ все щитовое поле въ опредѣленной ширинѣ. Таковыя фигуры суть: *пирамида*, *остріе*, *свободный четвероугольникъ*, *клинъ*, *скошенная глава* и *скошенная оконечность*. Совершенно несоотвѣтственнно съ понятіемъ о геральдической фигурѣ, еще и до настоящаго времени причисляютъ къ таковымъ, хотя и неправильно, *ромбы*, (поставленные на одинъ изъ угловъ четвероугольники); такъ наз. *початки*, вытянутые узкіе ромбы, *гонты*— узкіе, продолговатые прямоугольники; *кольца*, *шары* и *кружки* и т. под., хотя всѣ таковыя фигуры должны быть отнесены къ *обыкновеннымъ* геральд. фигурамъ.

---

[1]) Во французской геральдикѣ такія боковыя положенія фигуръ выражаются терминами *adextré* (при правомъ) и *senestré* (при лѣвомъ).

Геральдическимъ фигурамъ перваго порядка всего удобнѣе давать размѣромъ ширины ихъ — $^2/_7$ ширины всего щита [1]); при такой ширинѣ ихъ труднѣе смѣшивать съ обыкновенными фигурами дѣленій. Иногда эту ширину еще убавляютъ, когда нужно умѣстить въ щитѣ нѣсколько столбовъ, поясовъ и т. д., а иногда и независимо отъ этой причины. Такія фигуры съ уменьшенною шириною различаютъ въ нѣмецкой геральдикѣ, сообразно степени такого уменьшенія, чрезъ прибавленіе слова *штабъ*—при уменьшеніи на $^1/_2$, и слова *штрихъ*—при болѣе значительномъ уменьшеніи. Различать между таковыми фигурами еще нѣсколько степеней уменьшенія ихъ ширины, какъ это дѣлаютъ французы, англичане и болѣе или менѣе слѣдующіе имъ въ геральдикѣ испанцы и итальянцы, и давать имъ, сообразно съ этимъ, особыя наименованія на практикѣ совершенно излишне и трудно примѣнимо.

Ограничительныя линіи геральдическихъ фигуръ, подобно тому, какъ мы это видѣли при фигурахъ дѣленія относительно дѣлящихъ линій, могутъ также образовать зубцы, заостренія и т. под., откуда и самыя фигуры получаютъ названія зубчатыхъ, вызубренныхъ и т. д. Но при этомъ самыя фигуры, (столбы, пояса и пр.) не должны однако превышать своей установленной ширины въ $^2/_7$ шир. щита. Онѣ могутъ также включать въ себѣ фигуру дѣленія, какъ напр. V ф. 6; VI ф. 5, геральдическую фигуру — IV ф. 33, VI ф. 13, или обыкновенную — IV ф. 35, 36, V ф. 26, VI ф. 7; въ послѣднемъ случаѣ это есть уже не простая геральдическая фигура, а особаго рода гербъ, которому придана форма такой фигуры.

---

[1]) Установленный размѣръ самого щита: 8 — въ вышину и 7 — въ ширину. Принятый многими геральдистами въ $^1/_3$ щита для геральд. фигуръ перваго порядка совершенно не цѣлесообразенъ, такъ какъ при такомъ размѣрѣ эти фигуры могли бы смѣшиваться съ *третьимъ полемъ* раздѣленнаго щита, когда два поля щита имѣютъ разныя цвѣта, напр. столбъ или поясъ огранич. полями разн. цвѣтовъ.

XII.

Въ соотвѣтствіи съ различными особенностями геральдическихъ фигуръ и ихъ положеній въ щитѣ, (независимо отъ ихъ цвѣта), а также по отношенію къ такъ наз. обыкновеннымъ фигурамъ, которыя также могутъ находиться въ немъ, бываютъ необходимы для обозначенія всѣхъ подобныхъ признаковъ и особенностей *спеціальныя выраженія* или *термины*. Послѣднія, при всей своей краткости, должны быть достаточно выразительными, чтобы удовлетворять условіямъ правильнаго описанія, или блазонированія гербовъ, не требуя особыхъ дополнительныхъ объясненій. Западная геральдика, въ особенности французская и нѣмецкая, издавна, какъ мы видѣли, выработала чрезъ практику герольдовъ подобный спеціальный технический языкъ. Эти термины, первоначально условные, теперь же общеизвѣстные, чрезвычайно облегчаютъ на Западѣ способъ описанія гербовъ. Хотя въ нашей юной русской геральдикѣ подобныхъ терминовъ весьма немного, но это не исключаетъ возможности выработки и у насъ съ теченіемъ времени болѣе полной геральдической терминологіи, которая являлась бы весьма не излишнею уже потому, что между нашими гербами встрѣчается не мало такихъ, которые перешли въ Россію съ Запада, вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами и, слѣдовательно не могутъ быть правильно описаны безъ общепринятыхъ геральдическихъ терминовъ. Въ виду этого мы считаемъ неизлишнимъ указать здѣсь нѣкоторые термины, принятые при описаніи геральдическихъ и другихъ гербовыхъ фигуръ, въ нѣмецкой и французской геральдикѣ.

Укороченною (*abgeledigt*, франц. *alésé*) называется фигура какъ напр. столбъ, перевязь, поясъ, крестъ, стропило и т. д., лишенные концовъ и поэтому не касающіеся краевъ щита. Таковы напр. перевязи на VI. ф. 22, кресты VII, ф. 13, 14.

Прерванною (*an—od. aufgekantet*, *déjointe et accollée de pointé*) наз. фигура, перерѣзанная и приставленная одною частью къ другой углами, напр, столбъ на V ф. 1.

Сквозною (*ausgebrochen*, *vidé*) — лишенная своей середины, т. е. съ отверстіемъ, по большей части имѣющимъ очертаніе

всей фигуры, напр. ромбъ съ отверстіемъ въ видѣ ромба же, но иногда и въ видѣ круга, или четыреугольника, каковы напр. укороченные кресты VII ф. 13, 14.

Вырѣзанною (*ausgeschnitten*, *rompu*) — лишенная связи чрезъ вырѣзку части фигуры посредствомъ прямыхъ линій, напр. поясъ V. ф. 23.

Вызубренною, въ видѣ чешуи, (*ausgeschuppt*, *engrêlé*) по наружному краю, какъ напр. пояса на V ф. 13.

Изогнутою (*ausgeschweift*, *ployé*), какъ напр. опрокинутыя стропила на VI ф. 40.

Сопровождаемою (*begleitet*, *accompagné*), когда при главной фигурѣ, геральдической, или обыкновенной, находятся въ щитѣ еще другія фигуры меньшаго размѣра, не касаясь главной, (что можетъ быть выражено короче словомъ *между*) VI ф. 21.

Обремененною, *обложенною* (*beladen*, *belegt*, *chargé*), когда на одну фигуру, часто геральдическую, наложена одна, или нѣсколько другихъ, (умѣщающихся вполнѣ на первой), какъ VII фиг. 9; когда же края каждой фигуры значительно выступаютъ, то это наз. *прикрытою* фигурою (*überlegt*) VII ф. 36.

Окаймленною (*besäumt*, *bordiert*; *bordé*, *rempli*) — съ каймою другаго цвѣта, по одной, или обѣимъ сторонамъ фигуры V ф. 32; когда же кайма обходитъ ее кругомъ, то фигура наз. *окраенною* (*umsäumt*).

Сопровождаемою по сторонамъ (*beseitet*, *accosté*, рѣже *flanqué*), когда фигура имѣетъ по обѣ стороны одну, или нѣсколько фигуръ меньшаго размѣра, въ послѣднемъ случаѣ въ одинаковомъ числѣ VI ф. 23.

Увершенною (*besetzt*, *surmonté*), когда на верхнемъ краю фигуры, (геральдической или простой), помѣщена другая, какъ напр. пониженный поясъ со звѣздою надъ нимъ на V ф. 21.

Усаженною (*besteckt*, *pavillonné*), когда что-либо всажено или воткнуто сверху фигуры, напр. изображеніе крѣпости съ воткнутымъ на ней флагомъ.

Сопровождаемою по угламъ (*bewinkelt*, *cantonné*), когда пустыя пространства между концами креста заняты меньшими фигурами, напр. VII ф. 7, 9, 13.

Уширенною (*breitendig*, *patté*), когда концы фигуры столба, креста и т. д. имѣютъ расширеніе, какъ V ф. 2, VII ф. 16.

Выпутою (*eingeboget*, *arrondi*) — ограниченная съ одного края дугообразною линіею, какъ глава на V ф. 29.

Вогнутою (*eingebogen*, *courbé*), когда края образуютъ вогнутыя дуги, какъ напр. стропило на VI ф. 36.

Заостренною (*endgespitzt*, *aiguisé*), или остроконечною, когда одинъ, или оба конца представляютъ острія; при этомъ различается заостреніе внизъ VII ф. 25, IV ф. 42, и заостреніе вверхъ IV ф. 25.

Усѣченною, лишенною вершины (*entgipfelt*, *coupé en chef*), съ урѣзанною вершиною, или остріемъ; примѣняется къ фигурѣ стропила.

Повышенною (*erhöhet*, *haussé*) — находящаяся выше своего установленнаго положенія въ щитѣ, какъ напр. поясъ V ф. 20, стропила VI ф. 30; въ обратномъ случаѣ—*пониженною* (*erniedert*, *abaissé*) напр. V ф. 27, VI ф. 33, 34, тоже относительно столба, когда онъ не доходитъ до верхняго края щита (*raccourci*).

Вѣтвистою (сучковатою), также *пнистою* (*geästet*, *ébranché*) —имѣющая по обоимъ краямъ, въ одномъ и томъ же направленіи выступы, на подобіе сучковъ, или обрубленныхъ вѣтвей, какъ напр. поясъ V ф. 12, крестъ VII ф. 18.

Двойною, удвоенною (*gekoppelt*, *jumellé*)—говорится о двухъ одинаковыхъ фигурахъ, связанныхъ въ одну, напр. о поясахъ, стропилахъ, перевязяхъ и Андреевскихъ крестахъ, напр. стропила на VI ф. 33.

Укороченною (*gekürzt*) — относится къ фигурѣ столба, не достигающаго до нижняго края щита IV ф. 42.

Вышитою, *узорчатою* (*gestickt*, *diapré*), когда фигура покрыта вышивкою, или узоромъ перемѣнныхъ цвѣтовъ, VI ф. 4.

Составною (*gestückt*, *componé*)—составленная изъ кусковъ одинаковой величины, различныхъ тинктуръ, (финифть и металлъ поперемѣнно)—VI ф. 39, VII ф. 19.

Неполною (*gestümmelt*) лишенная одной, или нѣсколькихъ существенныхъ своихъ частей, напр. кресты VIII ф. 23, 24.

Опрокинутою (*gestürzt*, *versé*, *renversé*), обращенная внизъ, къ нижнему краю, (вмѣсто верхняго), напр. стропило VI, ф. 39, вилообразный крестъ VII ф. 27, остріе VII ф. 1.

Разсѣченною (*getheilt*, *parti*)—это говорится какъ относительно всего щита, такъ и относительно отдѣльной геральд. фигуры, такъ напр. перевязь слѣва на VI ф. 18 есть разсѣченная въ длину и ширину посредствомъ линій, пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ; можно назвать ее также *четверочастною* (*geviert*, *écartelé*).

Волнистою (*gevellet*, *ondé*), т. е. ограниченная волнообразными линіями, какъ напр. столбъ IV ф. 37, полоса V ф. 15, наложенная штриховая перевязь слѣва VI, ф. 19.

Облачною (*gewölkt*, *enté*, *nébulé*), ограниченная такъ наз. облачными, одиночными, или двойными линіями, напр. глава V ф. 28, также дѣленіе такими линіями V, ф. 11.

Змѣевидною (*schlangenweise gezogen*, *tortillé*), въ видѣ змѣевидной перевязи VI, ф. 26, или пояса.

Острозубчатою (*gezackt*, *dentelé*), представляющая рядъ большихъ острыхъ зубцовъ, напр. глава V, ф. 27.

Мелкозубчатою (*gezähnelt*) — съ средними и мелкими зубцами, напр. пояса V ф. 14, перевязь слѣва VI ф. 21, крестъ VII, ф. 20.

Стѣнозубчатою (*gezinnet*, *crenelé*), говорится о стѣнахъ, башняхъ, замкахъ и т. под. и вообще о фигурахъ, ограниченныхъ стѣнными зубцами, напр. оконечность V ф. 42, стропило VI ф. 37, крестъ VII ф. 21.

Расколотою, *разомкнутою* (*klaffend*, *gebrochen*, *brisé*), напр. стропило VI ф. 38, вершина котораго вырѣзана сверху внизъ; когда вырѣзъ этотъ квадратной формы, то во франц. геральдикѣ употребляется терминъ *failli*.

Граненою (*kantig*) — когда фигура изображена не плоскою, а съ боковыми сторонами, какъ четырехъсторонняя.

Перейдемъ къ болѣе подробному обозрѣнію *геральдическихъ фигуръ*, начиная съ фигуръ *перваго порядка*.

Столбъ (*Pfahl*, *pal*) есть фигура, или мѣсто, имѣющее $^2/_7$ ширины щита и особый отъ щитоваго поля цвѣтъ: онъ простирается вертикально отъ верхняго края до нижняго, какъ показываютъ это IV ф. 31—38, и можетъ повторяться въ одномъ щитѣ, причемъ столбы въ такомъ случаѣ соотвѣтственно становятся болѣе узкими и должны равняться по ширинѣ заключающимъ ихъ полямъ щита, напр. два столба IV ф. 39, три *штриховые* столба (наз. *столбиками*), IV ф. 40, пониженные и заостренные къ верху IV ф. 41, заостренные внизъ IV, ф. 42, удвоенный V ф. 1. Когда концы столба уширены и простираются до угловъ щита, то столбъ получаетъ названіе *углового* (*Winkelpfahl*) V. ф. 2 [1]). Столбъ, примкнутый къ правому щитовому краю, наз. *правымъ* (*Rechtpfahl*) V, ф. 3; къ лѣвому краю—лѣвымъ столбомъ (*Linkpfahl*) V ф. 4.

Поясъ, (*Balken Quer-balken; fasce*)—фигура, простирающаяся въ горизонтальномъ направленіи, отъ середины праваго края щита къ лѣвому. Она встрѣчается въ гербахъ чаще и въ большемъ разнообразіи, чѣмъ столбъ и другія геральд. фигуры. Пояса встрѣчаются по два, по три, по четыре V ф. 13—16, до шести, съ постепенно уменьшающейся шириною, ради помѣстительности. Когда подобные узкіе пояса встрѣчаются въ гербѣ единичными, или же сопровождающими широкій поясъ (правильной ширины въ $^2/_7$ щита), то получаютъ названіе *узкихъ* (*штабовыхъ* и *штриховыхъ*) поясовъ, напр. V ф. 17. Поясъ иногда бываетъ *повышеннымъ* (V ф. 20) или *пониженнымъ* (V ф. 21). Два узкихъ (*штриховыхъ*) пояса, проведенные на такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, что они вмѣстѣ съ раздѣляющимъ ихъ полемъ составляютъ $^2/_7$ щита, т. е. нормальную ширину фигуры пояса, принято называть *парными* или *двойными поясами* (*Zwillingsbalken*, *jumelles*) V ф. 18; подобнымъ же образомъ бываютъ и *тройные* V, ф. 19.

---

[1]) Въ англійской геральдикѣ, вопреки общепринятому понятію о геральдической фигурѣ, какъ о *мѣньшемъ мѣстѣ* въ бо́льшемъ (полѣ) признаютъ здѣсь (V ф. 2) золотыя поля за геральдическую фигуру и называютъ таковую *flaunches*. Кромѣ того, англичане признаютъ за геральд. фигуру также и два подобныхъ поля (мѣста) съ болѣе плоскими краями дугообразныхъ линій, при уменьшающейся ширинѣ концовъ столба.

Въ русской геральдикѣ волнистый поясъ называется иногда *рѣкою*, а зубчатый—*стѣною*.

Глава (*Schildhaupt*, *chef*) есть также поясъ, но только примкнутый къ верхнему краю щита, соотвѣтствующему главѣ рыцаря, V ф. 24—32. Эта фигура встрѣчается, подобно другимъ, съ различно очерченнымъ краемъ, а также подобно фигурѣ оконечности, вогнутою V ф. 29, или образующею по срединѣ *трилистникъ*, V ф. 30. Если между главою и остальнымъ полемъ щита имѣется узкое мѣсто, въ видѣ пояса же, но другаго цвѣта, какъ V ф. 33, то такая глава наз. *подпертою*, *поддержанною* (*unterstützt*, *soutenu*), когда же подобный узкій поясъ отдѣляетъ главу отъ верхняго края щита, то глава наз. *завершенною* (*überstiegen*, *surmonté*) V ф. 34. Когда глава на половину уже своей норм. ширины, то наз. *вершиною* (*Gipfel*, *comble*).

Оконечность (*Schildfuss*, *champagne*) — есть фигура, противоположная главѣ, т. е. также поясъ, но примкнутый къ нижнему краю щита V ф. 35—42. Иногда она образуетъ лѣстницу съ восходящими и нисходящими ступенями V ф. 36, или же изогнутую линію, образующую по срединѣ крестъ, или трилистникъ V ф. 37, 38; или, наконецъ, возвышается въ видѣ трехъ дугообразныхъ линій, изъ которыхъ средняя дуга бываетъ нѣсколько выше двухъ остальныхъ. Послѣдняя фигура встрѣчается во многихъ гербахъ и наз. *тройною горою* (*Dreiberg*, *montagne*) V ф. 39. Иногда оконечность, простираясь далѣе своей норм. вышины, образуетъ дѣйствительное изображеніе горы. Напротивъ, при уменьшенной ширинѣ, (какъ штриховая, или штабовая), такая *узкая* оконечность можетъ изображать въ гербѣ почву, грунтъ (*Boden*, *Grund*; *plaine*, *terrasse*) или такъ наз. *окраину*.

Перевязь—простирается въ щитѣ діагонально, имѣя $^2/_7$ его ширины, и можетъ имѣть, какъ мы уже сказали, два направленія: изъ праваго верхняго угла—*перевязь справа* (*Rechtbalken*, *bande*) VI ф. 1—15, или изъ лѣваго верхняго угла—*перевязь слѣва* (*Linkbalken*, *barre*) VI ф. 16—28). Обѣ эти фигуры вообще весьма часто встрѣчаются въ гербахъ; но въ англійской геральдикѣ перевязь слѣва (*bend sinister*) встрѣчается весьма

рѣдко, вѣроятно, по той причинѣ, что въ уменьшенномъ и укороченномъ видѣ такая лѣвая перевязь, находясь въ гербѣ, считалась и считается донынѣ признакомъ незаконнорожденности. Менѣе рѣдко такая перевязь встрѣчается во французскихъ гербахъ, въ нѣмецкихъ же — во множествѣ и притомъ столь же часто и въ такомъ же разнообразіи, какъ перевязь справа Довольно рѣдки въ гербахъ узкія перевязи опредѣленной ширины, каковы *штабовыя* VI ф. 13—27 и *штриховыя* VI ф. 15, или съ *облачнымъ* VI ф. 14 и *змѣевиднымъ* VI ф. 26 очертаніями; еще рѣже встрѣчаются онѣ *парными* (*jumelles*, *Zwillingsbalken*), какъ въ гербѣ VI ф. 15, или же *тройными* (*Tierces*, *Drillingsbalken*), какъ на VI ф. 28. Двухъ указанныхъ различій въ ширинѣ перевязей вполнѣ достаточно, и бо́льшее количество терминовъ, принятыхъ во французской и англійской геральдикѣ для различенія узкихъ перевязей, (каковы: *cotice*, *bande en devise*, *filet*), является совершенно излишнимъ и притомъ весьма сбивчивымъ. Перевязи съ немного уменьшенною шириною могутъ легко помѣщаться въ щитѣ по нѣсколько, какъ на VI ф. 11, и принимаются въ этомъ случаѣ за полныя; таковыя встрѣчаются также въ сопровожденіи множества небольшихъ по размѣру обыкновенныхъ гербовыхъ фигуръ.

Стропило (*Sparren*, *chevron*), есть фигура, образованная двумя перевязями, правою и лѣвою, соединяющимися у средины верхняго края щита VI ф. 29 и слѣд.; она имѣетъ форму наугольника, или раскрытаго циркуля. Нормальная ширина ея — въ $^2/_7$ щита сохраняется и при двухъ стропилахъ; когда же ихъ бываетъ въ гербѣ бо́льшее число, то они становятся у́же, а углы, образуемые ими, — болѣе тупыми. VI ф. 30, 31. Такъ наз. *двойное* стропило VI ф. 33 встрѣчается рѣдко. Когда вершина стропила не достигаетъ противоположнаго верхняго края щита, или же боковаго — при иномъ его положеніи, то оно наз. *пониженнымъ* или *низкимъ* (*erniedert*); при этомъ, если вершина его доходитъ лишь до половины щита, то оно получаетъ названіе прижатаго (*gedrückt*) VI ф. 33, 34. *Повышеннымъ* же (*erhöhet*) оно называется тогда, когда его стороны упираются въ боковые края щита. VI ф. 35. Стропило также можетъ

имѣть различныя положенія и направленія, смотря по мѣсту, которое занимаетъ въ щитѣ его вершина: *опрокинутымъ* (*gestürzt*) VI ф. 39, *правымъ*, когда вершина направлена вправо VI ф. 41, *лѣвымъ*—VI ф. 42, *скошеннымъ влѣво*—VII ф. 1, *опрокинутымъ и скошеннымъ влѣво* VII ф. 2.—Могутъ также имѣть мѣсто въ одномъ щитѣ нѣсколько стропилъ, въ противоположныхъ направленіяхъ, какъ VII, ф. 3, 4.

Крестъ, прямой — въ отличіе отъ другихъ (*Kreuz, croix*) представляетъ соединеніе столба съ поясомъ, пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ; фигура эта также имѣетъ $^2/_7$ ширины щита VII ф. 5. Такимъ же образомъ составленъ изъ двухъ перевязей, справа и слѣва такъ наз. *скошенный* или *Андреевскій крестъ* (*Schrägkreuz, Andreaskreuz; Sautoir*) VII ф. 6, 17. Обѣ эти геральд. фигуры встрѣчаются весьма часто и употребляются въ разнообразныхъ формахъ, какъ напр. *четверочастный* крестъ (*geviert, ecartelé*) VII ф. 7, *клинчатый Андреевскій крестъ* (*geständert, gironné*) VII ф. 8. Кресты сопровождаются часто по угламъ малыми обыкновенными геральд. фигурами. Не имѣется также недостатка и въ узкихъ крестахъ (*штабовыхъ*) VII ф. 10, а чтобы дать мѣсто множеству малыхъ фигуръ, ширина крестовъ можетъ быть уменьшаема и до размѣра *штриховыхъ*. Кресты, составленные изъ шаровъ, монетъ, ромбовъ и т. под., не слѣдовало бы, строго говоря, причислять къ геральд. фигурамъ, однако ихъ считаютъ за таковыя, когда касающіяся между собою части ихъ, или звѣнья составляютъ одно неразрывное цѣлое и притомъ крайнія части примыкаютъ къ сторонамъ щита, какъ на VII ф. 11 крестъ изъ ромбовъ, или изъ монетъ VII ф. 12. (Прочіе же кресты, не касающіеся хотя бы съ двухъ сторонъ краевъ щита, относятся къ *обыкновеннымъ фигурамъ* и будутъ нами разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ). Нѣсколько узкихъ, штабовыхъ крестовъ, стоящихъ рядомъ, образуютъ такъ наз. *рѣшотку* (*Gitter, frettes*). Къ крестамъ причисляютъ и такъ наз. *вилообразный крестъ* (*Gabel-Schächerkreuz, le Pairle*), образованный чрезъ соединеніе половины столба съ половинами двухъ перевязей, одной справа, а другой слѣва, сходящихся въ срединѣ щита; отсюда получается фигура въ видѣ буквы *Y*—

VII ф. 26, которая встрѣчается также и *опрокинутою* VII ф. 27. Когда верхній трехъугольникъ одинаковаго цвѣта съ этою фигурой, или такъ сказать заполненъ, то получается такъ наз. *полый вилообразный крестъ* (*volles Schächerkreuz*, *le Gousset*).

Кайма (*Bord*, *bordure*) также состоитъ изъ столба и пояса, раздѣленныхъ и примкнутыхъ къ краямъ щита VII, ф. 28, т. е. имѣетъ $^2/_7$ щитовой ширины, каковая впрочемъ часто бываетъ увеличиваема, когда кайма должна содержать въ себѣ обыкновенныя гербовыя фигуры, какъ напр. въ королевскомъ испанскомъ гербѣ, гдѣ повторяются нѣсколько разъ въ каймѣ эмблемы Кастиліи—замки и Леона—львы. Подобныя каймы жаловались, какъ почетныя добавленія къ гербу. Кайма во многихъ случаяхъ можетъ быть разсматриваема, какъ видимая, выступающая часть нижняго щита или герба съ его фигурами, на который наложенъ другой, какъ напр. VII ф. 29, 30. Довольно часто встрѣчаются и двѣ каймы, изъ которыхъ каждая можетъ имѣть по $^1/_7$ ширины щита, при чемъ, слѣдовательно, для остальнаго пространства гербоваго щита получится ширина въ $^3/_7$, что возможно при простомъ гербѣ, какъ напр. VII ф. 36. Но это не имѣетъ уже мѣста при такомъ гербѣ, какъ VII ф. 37, гдѣ еще должны умѣститься золотые ободки и поэтому здѣсь примѣняются узкія (*штабовыя*) каймы въ $^1/_4$ шир. щита.

Во Франціи и Англіи въ прежнее время кайма, или бордюра служила для различенія младшихъ сыновей, причемъ ей придавались съ этою цѣлью различные цвѣта и дополнительныя фигуры, а у англичанъ, сообразно съ этимъ, и различныя названія.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть также о такъ наз. *внутренней каймѣ* (*Inbord*, *orle*), т. е. внутреннемъ окаймленіи, каковую, вопреки основному понятію о геральдической фигурѣ, причисляютъ къ таковымъ, хотя она нигдѣ не касается краевъ щита. При образованіи этой фигуры воображаютъ кайму, какъ бы раздѣленною по поламъ, причемъ половина, прилегающая къ краю щита, отпадаетъ, получая цвѣтъ щитоваго поля, а остается лишь внутренняя половина, какъ на VII, ф. 38. Отсюда слѣдуетъ, что внутр. кайма имѣетъ лишь $^1/_{14}$ ширины щита. Вообще эта фи-

гура встрѣчается рѣдко; по двѣ и даже по три внутреннихъ каймы попадаются въ англійскихъ и въ особенности въ шотландскихъ гербахъ [1]). Такъ напр. въ королевскомъ шотландскомъ гербѣ красный левъ окруженъ двойною золотою внутреннею каймою, усаженною при этомъ лиліями, расположенными, чередуясь, по угламъ и по серединѣ обоихъ окаймленій. Въ подобномъ же видѣ внутр. кайма встрѣчается часто, какъ особое отличительное украшеніе герба, дарованное за какія-либо заслуги, какъ напр. VII ф. 39 — въ гербѣ шотландскихъ графовъ *Bute* (*Бьютъ*) и VII ф. 40 — испанской фамиліи *Kalahart*.

Перейдемъ теперь къ обзору геральдическихъ фигуръ *втораго порядка*. Общій признакъ этихъ фигуръ тотъ, что онѣ принадлежатъ къ такъ наз. *неистиннымъ* (см. выше стр. 145) и простираясь отъ одного края щита къ противоположному, расположены однако больше въ одномъ изъ угловъ, и притомъ неравномѣрны. Таковыя фигуры суть: *пирамида* (*Keil*), *остріе* (*Spitze, pointe*), *скошенная глава* (*Schrägehaupt*), *скошенная оконечность* (*Schrägfuss*), *свободный четвероугольникъ* (*Vierung, franc-quartier*) и *клинъ* (*Ständer, le Giron*).

Пирамида есть фигура или мѣсто, занимающая своимъ основаніемъ весь нижній край щита: двѣ другія ея стороны образованы прямыми линіями, проведенными изъ нижнихъ угловъ къ серединѣ верхняго края, у котораго онѣ образуютъ вершину. Иногда, впрочемъ, эти линіи могутъ уклоняться отъ этого направленія въ ту или другую сторону. Фигура имѣетъ всегда свой особый, различествующій отъ щита цвѣтъ VII ф. 41. Въ полномъ своемъ размѣрѣ пирамида должна занимать ровно половину щитоваго поля, причемъ другую составляютъ занимающія ее два мѣста другаго цвѣта. Пирамида, подобно стропилу, можетъ быть *пониженною* VII ф. 42, *опрокинутою* VIII ф. 1, *правою* VIII ф. 2, *лѣвою* VIII ф. 3, *скошенною влѣво* VIII ф. 4, *скошенною вправо* VIII ф. 5, *опрокинуто-скошенною* влѣво,

---

[1]) *Узкая внутренняя кайма*, которая бываетъ единичная, двойная и тройная и при этомъ ближе подходитъ къ краямъ щита, получаетъ во французской геральдикѣ особое наименованіе *trêscheur* (отъ англ. *treasure* — сокровище), или *essonier*.

или вправо VIII ф. 6, 7. При такихъ скошенныхъ положеніяхъ она занимаетъ одинъ уголъ и ограничивается прямыми линіями, выходящими изъ середины краевъ, заключающихъ этотъ уголъ, и сходящимися въ противоположномъ углу щита. Замѣтимъ, что во французской геральдикѣ пирамида въ такомъ полномѣрномъ очертаніи считается не за геральдическую фигуру въ точномъ смыслѣ, а за фигуру дѣленія (*sécante, partition*) и обозначается терминомъ *chappé*, когда вершина пирамиды у верхняго края щита, и *chaussé*, когда она опрокинута; *mantelé* — когда вершина доходитъ лишь до половины щита. Когда же двѣ пониженныя пирамиды, сходясь своими основаніями, касаются вершинами верхняго и нижняго краевъ, то такая фигура получаетъ названіе *chappé-chaussé*.

Остріе есть фигура совершенно сходная съ пирамидой, но только вдвое ýже послѣдней, слѣдовательно занимающая лишь половину нижняго края щита. Поэтому въ одноцвѣтномъ щитѣ могутъ помѣститься одно возлѣ другаго два острія VIII ф. 9, точно также на VIII ф. 10, въ разсѣченномъ щитѣ, серебряномъ и черномъ, два опрокинутыхъ острія съ перемѣнными цвѣтами. На VIII ф. 13 два узкихъ (*geschmälerte*) пониженныхъ острія и между ними одно опрокинутое. На VIII ф. 11 въ разсѣченномъ щитѣ, въ передней части два пониженныхъ, а въ задней — два таковыхъ же опрокинутыхъ; на VIII ф. 12 два выходящихъ изъ нижнихъ угловъ и вогнутыхъ, на VIII ф. 14—два правыхъ, на VIII ф. 15—два пониженныхъ, лѣвыхъ. На VIII ф. 16 въ щитѣ, скошенномъ слѣва, два пониженныхъ острія, изъ коихъ одно опрокинутое, съ перемѣнными цвѣтами. Наконецъ, на VIII ф. 17 и 18—острія, скошенныя справа. На VIII ф. 8, 9, 10, впрочемъ, можно принимать изображенія, и за фигуры дѣленій, и за геральдическія; послѣдними будутъ при этомъ одноцвѣтныя мѣста, находящіяся въ меньшемъ числѣ. Встрѣчаются острія также съ изогнутыми очертаніями, такъ наз. *пламеневидныя* (*geflammt*), VIII ф. 19. Во французской геральдикѣ остріе (*la pointe*) признается за геральдическую фигуру; въ опрокинутомъ видѣ она получаетъ особое названіе—*la pile*, причемъ встрѣчается весьма часто въ видѣ трехъ болѣе узкихъ фигуръ, сходящихся своими концами, обращенными внизъ.

Два рода фигуръ въ обоихъ углахъ у верхняго края щита, образуемыхъ прямыми линіями, идущими отъ середины верхняго края къ серединѣ-же праваго, или лѣваго щитоваго края, а равно и подобныя фигуры, образуемыя въ обоихъ нижнихъ углахъ щита такими же линіями, разсматриваются въ геральдикѣ, какъ *глава* и *оконечность*, сдвинутыя къ правому, или лѣвому прилежащему углу щита. Отсюда онѣ получаютъ названія: первыя—*скошенной главы* (*Schräghaupt*), правой, или лѣвой, а вторыя—*скошенной оконечности* (*Schrägfuss*), также правой, или лѣвой VIII ф. 20—24 [1]).

Когда ограничительная линія, образующая эти фигуры, отступаетъ ближе къ угламъ, то онѣ получаютъ названіе *отступающихъ* (*zurückgezogen*), каковы напр. на VIII ф. 25 скошенныя глава и оконечность. Исключеніе изъ правила представляетъ скошенная глава, захватывающая весь верхній край щита, VIII ф. 21, встрѣчающаяся рѣдко. Нѣкоторые нѣмецкіе геральдисты различаютъ еще въ этихъ фигурахъ такъ наз. *скошенные углы* (*Schrägeck*); французская же геральдика вовсе не различаетъ этихъ геральдич. фигуръ отъ простыхъ дѣленій, образуемыхъ скошенными линіями справа (*bandé*), или слѣва (*barré*).

Четвероугольникъ (*ledige Vierung* или *Freiviertel*; *le franc-quartier*), иногда называемый у насъ также *вольною частью*, образуется посредствомъ проведенныхъ изъ середины двухъ смежныхъ сторонъ щита линій, отвѣсной и горизонтальной, которыя встрѣчаются въ серединѣ щита. Такимъ образомъ онъ занимаетъ четвертую часть щита, какъ на VIII ф. 26, (гдѣ четвероугольникъ окаймленъ и обложенъ фигурою меча). Онъ находится по правилу, въ правомъ верхнемъ углу и это положеніе при описаніи герба особо не указывается. Но онъ можетъ помѣщаться и въ каждомъ другомъ углу щита, что должно быть оговорено, такъ VIII ф. 27 представляетъ лѣвый четвероугольникъ, VIII ф. 28 правый нижній. Когда эта фигура занимаетъ полную четверть щита, то это есть такъ наз. *большой четвероугольникъ*. Но въ

[1]) Короче сказать, эти фигуры суть *отрѣзки одной трети* (приблизительно) щитоваго поля посредствомъ скошенной линіи, проведенной отъ средины верхняго края къ серединѣ одного изъ боковыхъ краевъ.

такомъ размѣрѣ онъ не всегда является удобнымъ въ примѣненіи къ гербамъ, ибо, будучи наложенъ на гербъ, закрывалъ бы слишкомъ значительную его часть и дѣлалъ бы гербъ неузнаваемымъ. По этой причинѣ ему даютъ обыкновенно уменьшенный размѣръ, а именнно, ширину и высоту, равныя $^1/_3$ ширины и высоты щита. Такой размѣръ не получаетъ при описаніи герба особаго обозначенія. Когда же четвероугольникъ становится еще меньше, то называется *малымъ*, каковыхъ также встрѣчается: два *правыхъ*, верхній и нижній, VIII ф. 29 и два лѣвыхъ, подобныхъ же— VIII ф. 30. Наконецъ, онъ можетъ быть уменьшеннымъ до $^1/_4$ размѣра большаго четвероугольника, какъ VIII ф. 31 [2]).

Эта фигура свободнаго (вольнаго) четвероугольника получила у насъ большое примѣненіе въ гербахъ городовъ, (въ ней обыкновенно помѣщается гербъ губерніи, къ которой принадлежитъ уѣздный городъ). Во Франціи, когда императоръ Наполеонъ I создавалъ новое дворянство, то онъ ввелъ въ гербахъ особыя отличія, сообразно должности, занимаемой въ имперіи владѣльцемъ герба. Отличія эти заключались въ геральдическихъ фигурахъ *главы* (*chef*), или *вольной части* (*franc quartier*), въ каковыхъ помѣщались при этомъ различныя обыкновенныя фигуры. Такъ напр. *графы имперіи* имѣли вольную часть въ правомъ углу герба (*à dextre*) съ голубымъ полемъ, заключавшимъ различныя эмблемы (напр. *министры*—золотую оторванную львиную голову, и т. под.); *бароны имперіи* имѣли вольную часть въ лѣвомъ углу герба (*à senestre*) съ червленымъ полемъ и съ подобными же помѣщенными въ ней эмблемами, напр. лица ученой профессіи—съ серебряною пальмовою вѣтвью и т. под.

Когда свободный четвероугольникъ помѣщенъ у самой средины верхняго щитоваго края, то онъ получаетъ въ нѣмецкой геральдикѣ особое названіе—*das Orth* [2]).

---

[1]) Во французской геральдикѣ уменьшенный въ 3 раза свободный четвероугольникъ получаетъ названіе—*canton* и считается особою геральд. фигурою.

[2]) Во французской геральдикѣ не совсѣмъ правильно къ геральдич. фигурамъ 2-го порядка причисляется еще такъ наз. *щитокъ* (*écusson en coeur*), помѣщаемый въ сердцѣ щита, (не касаясь его стороны), въ размѣрѣ $^1/_3$, или меньше. Другія же фигуры, также ошибочно причисляемыя къ геральдическимъ, будутъ нами упомянуты при обзорѣ обыкновенныхъ фигуръ.

Клинъ есть фигура, образуемая половиною скошенной линіи, выходящей изъ щитоваго угла, и половиною горизонтальной, проведенной навстрѣчу первой изъ середины смежнаго бокового края щита. Такимъ образомъ получается прямоугольный трехъугольникъ, занимающій $^1/_8$ щита. Клинъ помѣщается обыкновенно въ правомъ верхнемъ углу его, VIII ф. 32, но встрѣчается также и въ другихъ углахъ, примыкая къ смежной сторонѣ щита, откуда получаетъ названія: праваго верхняго и лѣваго нижняго—VIII ф. 33, лѣваго верхняго и нижняго правосторонняго—VIII ф. 34. нижняго право—и лѣвосторонняго VIII ф. 35 и, наконецъ на VIII ф. 36 у правой и лѣвой сторонъ щита мы видимъ два клина, право и лѣво-сторонніхъ, съ 3-мя столбами на нихъ, и тамъ-же верхній и нижній клинъ съ 3-мя поясами.

Заканчивая нашъ обзоръ *геральдическихъ фигуръ*, намъ остается сказать, что нѣсколько различныхъ фигуръ этого рода, какъ напр. глава и оконечность, могутъ находиться вмѣстѣ въ одномъ гербѣ, и такія сочетанія фигуръ весьма обычны. Болѣе рѣдко случается, что двѣ непосредственно соприкасающіяся между собою геральдическія фигуры имѣютъ одинъ и тотъ-же цвѣтъ, какъ напр. на VIII ф. 37 лѣвый столбъ съ оконечностью—серебряные, или на VIII ф. 38 три верхнія скошенныя справа перевязи съ поясомъ—золотые; или глава со столбомъ—серебряные VIII ф. 39, глава съ перевязью справа, голубыя VIII ф. 40, глава съ Андреевскимъ крестомъ—красныя VIII ф. 41. Наконецъ, на VIII ф. 42—столбъ съ четырьмя стропилами—золотые.

XIII.

Окончивъ разсмотрѣніе такъ наз. геральдическихъ фигуръ, перейдемъ теперь къ *не-геральдическимъ* или *обыкновеннымъ* (*gemeine Wappenbilder*). Таковыми могутъ быть всевозможныя изображенія предметовъ изъ области природы (*естественныя*), а также созданныя человѣческимъ трудомъ, (искусствомъ, ремесломъ—*искусственныя*) и, наконецъ, изъ области фантазіи, какъ напр. изображенія различныхъ несуществующихъ, созданныхъ

воображеніемъ (*фантастическихъ*) фигуръ и животныхъ. Затѣмъ къ разряду обыкновенныхъ фигуръ принадлежатъ и всѣ тѣ, которыя не могутъ разсматриваться какъ геральдическія, причемъ онѣ отличаются отъ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что не соприкасаются съ краями щита, но по крайней мѣрѣ съ двухъ сторонъ свободно расположены въ щитовомъ полѣ.

Обыкновенныя фигуры, встрѣчаясь какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ числѣ и изображая отдѣльные предметы, или же части таковыхъ; наконецъ, измѣняясь цвѣтомъ, положеніемъ, направленіемъ и различными соединеніями, могутъ образовать безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ гербовъ. Для удобства обозрѣнія обыкновенныя, или не-геральдическія фигуры подраздѣляютъ на три класса.

1. *Естественныя* (*natürliche*, *figures naturelles*), которыя изображаютъ какой-нибудь предметъ изъ царства животныхъ, или растительнаго, а также земныя, или небесныя тѣла. 2. *Вымышленныя* (*erdichtete*, *fig. chimériques*)—различныя чудовища и фантастическія животныя, и 3. *Искусственныя* (*künstliche*, *fig. artificielles*), къ каковымъ относятся всѣ предметы искусства, мануфактуры и ремесла.

Всѣ эти фигуры, (въ особенности, естественныя) должны, по геральдическому правилу, быть изображаемыми не вполнѣ согласно съ ихъ природнымъ видомъ, но получать нѣкоторый своеобразный стиль и характеръ и изображаться орнаментально; отсюда онѣ получаютъ особый отпечатокъ, который принято называть *геральдическимъ типомъ*, или *стилемъ*. Этотъ стиль трудно объяснить или изложить въ опредѣленныхъ правилахъ: онъ составляетъ принадлежность особаго художественнаго чутья и можетъ вырабатываться лишь чрезъ разсматриваніе многочисленныхъ изображеній гербовъ, относящихся къ лучшей эпохѣ геральдики. Этотъ геральдическій стиль, или типъ въ разныя времена и въ разныхъ странахъ различенъ и находится въ соотвѣтствіи съ преобладающимъ въ каждую эпоху стилемъ искусства, а именно зодчества, и носитъ отпечатокъ этого послѣдняго. Поэтому каждая эпоха геральдики отличается своеобразнымъ украшеніемъ и стилемъ гербовыхъ фигуръ. Такъ, въ Германіи въ

XII вѣкѣ и въ началѣ XIII-го преобладаютъ болѣе грубыя закругленныя очертанія, а во второй половинѣ XIII-го и XIV-го вв., (въ эпоху процвѣтанія готическаго стиля въ архитектурѣ), ихъ замѣняютъ узкія, заостренныя и угловатыя, которыя въ XV-мъ в. еще болѣе принимаютъ вычурный, орнаментальный стиль [1]). Къ этому присоединяется также съ теченіемъ времени бо́льшее приближеніе геральдическаго стиля изображеній къ дѣйствительнымъ ихъ формамъ въ природѣ. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе утрачивается въ гербахъ этотъ своеобразный геральдическій стиль обыкновенныхъ фигуръ и въ настоящее время уже стали изображать эти фигуры, совершенно неподходящимъ образомъ, въ точности схожими съ природою, т. е. въ естественномъ ихъ видѣ. При этомъ онѣ совершенно теряютъ свой своеобразный характеръ гербовой фигуры. Самыя изящныя и правильныя геральдическія формы фигуръ, заслуживающія вниманія и изученія, какъ образцы, принадлежатъ къ XIV, XV и началу XVI-го вѣка.

Гербъ на Западѣ всегда имѣлъ значеніе рыцарскаго отличительнаго знака и, какъ таковой, принадлежитъ по существу своему къ средневѣковой эпохѣ; поэтому ему свойственно и прилично сохранять признаки таковаго своего происхожденія. При этомъ традиціонная форма щита и шлема, соединенно составляющихъ гербъ, должна быть соблюдена и во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ его. Отсюда ясно, что къ средневѣковому рыцарскому шлему вовсе не подходила бы гербовая фигура въ щитѣ, изображенная современнымъ пошибомъ. На Западѣ такой архаизмъ въ изображеніи гербовъ, какъ дворянскихъ фамилій, такъ и цѣлыхъ странъ и городовъ, тѣмъ болѣе имъ приличествуетъ, что гербы эти перешли къ нимъ отъ древнихъ временъ и отъ предковъ и представляютъ историческую достопамятность и наслѣдіе старины.

При изображеніи гербовъ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы различные стили не смѣшивались, поэтому, изображая наприм. гербъ въ треугольномъ щитѣ XIV-го вѣка,

---

[1]) Образцы различныхъ геральдическихъ стилей показаны на таблицѣ Д.

слѣдуетъ и помѣщаемую въ немъ гербовую фигуру изображать въ стилѣ той-же эпохи, а не болѣе ранней, или поздней.

Относительно обыкновенныхъ фигуръ существуютъ слѣдующія общія правила:

1. Фигура примѣняется къ полю щита, должна сообразоваться съ нимъ и, по возможности, его заполнять.

2. Всякая фигура, не только въ цѣльномъ своемъ видѣ, но и въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, а также въ видѣ отрѣзка, можетъ являться какъ гербовое изображеніе [1]), а равно и въ сочетаніи съ другими подобными же, или съ геральдическими фигурами.

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію перваго рода обыкновенныхъ фигуръ, такъ наз. *естественныхъ*, заимствованныхъ изъ существующей природы.

Остановимся прежде всего на *человѣческихъ фигурахъ*. Геральдическое искусство изображаетъ людей въ различныхъ положеніяхъ, одеждахъ и съ признаками различныхъ занятій, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, всевозможныхъ состояній, въ особенности же рыцарей, королей, монаховъ, мавровъ (негровъ), шутовъ, дѣвъ, дикихъ людей, (послѣднихъ обнаженными и волосатыми, съ длинными жезлами, и опоясанныхъ вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ). Далѣе—различныхъ святыхъ; въ позднѣйшія времена также турокъ и языческихъ боговъ (съ XVI-го столѣтія). Фигуры эти изображаются обыкновенно обращенными впередъ и смотрящими изъ щита.

Весьма часто встрѣчаются также лишь отдѣльныя части человѣческихъ фигуръ, напр. полуфигуры, или только туловище, безъ рукъ; затѣмъ отдѣльныя головы, руки, или одни кисти рукъ, также ноги. Головы изображаются со всевозможными коронами, шапками, шляпами, вѣнками. Рука получаетъ названіе

---

[1]) Для обозначенія такихъ неполныхъ фигуръ существуютъ особыя геральдическія термины, а именно: *возникающею* (*hervorbrechend. naissant*) наз. фигура животнаго, отъ котораго изъ края щита, или изъ-за другой фигуры, выдается, или виднѣется одна лишь голова и шея, напр. съ частью лапы и хвоста; *возрастающею* (*wachsend, issant*), когда выступаетъ приблизительно половина фигуры животнаго.

правой, или *лѣвой*, смотря потому, входитъ ли она въ щитовое поле съ правой, или лѣвой (геральдически) стороны. Въ древней геральдикѣ часто встрѣчается облеченная въ одежду рука, пальцы которой держатъ кольцо. (Табл. А. ф. 1). Но особенно употребительна въ гербахъ рука, закованная въ латы, держащая обнаженный мечъ, или другое оружіе; иногда встрѣчаются и двѣ подобныя руки, держащія кольцо и т. под. Въ нѣмецкой геральдикѣ *рукою* (просто), безъ особаго обозначенія, называютъ правую руку, изображенную поднятою вверхъ, плашмя; во французской же геральдикѣ правая рука наз. *dextrochère*, а лѣвая — *senestrochère*. Рука съ вытянутыми указательнымъ и среднимъ пальцами называется *клянущеюся* (*Schwurhand*); въ томъ же положеніи, но притомъ спускающаяся изъ облаковъ, или окруженная нимбомъ, она получаетъ названіе *благословляющей десницы* (*Segenhand*), причемъ разумѣется въ таковомъ изображеніи обыкновенно Божія десница. Двѣ руки, вложенныя одна въ другую, называются *руками вѣрности* (*Treuhände*; по франц. это обозначается терминомъ *foi*). Изображеніе это вошло въ употребленіе съ древнихъ временъ (ф. 2).

Ноги изображаются иногда обнаженными, а иногда облеченными въ одежду, или броню. Встрѣчается также изображеніе трехъ ногъ, соединенныхъ посреди щитоваго поля въ трехъугольникъ (*Beine im Dreipass*; *jambes réunies au coeur de l'éci*), причемъ онѣ соприкасаются бедрами и расходятся ступнями. Эта эмблема, называемая по латыни, (а также въ итальянской геральдикѣ) *triquetra*, составляетъ древній гербъ Сициліи; она встрѣчается также въ нѣмецкой и польской геральдикѣ, напр. польскій (гербъ *Drogomier*) — три ноги въ бронѣ, со шпорами. Эмблему эту относятъ къ XI вѣку и объясняютъ именемъ витязя Драгоміра, которому такой гербъ пожалованъ былъ королемъ Болеславомъ Кривоустымъ.

Наконецъ, встрѣчаются въ гербахъ, хотя и весьма рѣдко, отдѣльныя человѣческія *кости*, мертвыя головы, или даже мертвыя тѣла, (напр. двѣ скрещенныя бедренныя кости въ гербѣ итальянской фамиліи *Gattinari*); гораздо чаще *сердца*, иногда *воспламененныя* (*enflammé*), пронзенныя стрѣлою, или крылатыя, а

также *глаза*, («Божіе око», изображаемое всегда въ трехъугольникѣ, съ сіяніемъ). Послѣднія изображаются всегда смотрящими впередъ, иногда въ большомъ числѣ, усѣевающими поле щита, или фигуру.

Изображенія всевозможныхъ *животныхъ* (звѣрей, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ и насѣкомыхъ) въ гербахъ особенно многочисленны и разнообразны. Таковыя встрѣчаются, какъ по одному, такъ и по нѣсколько вмѣстѣ, разсѣченными и въ видѣ отдѣльныхъ частей: головы, ногъ, лапъ и т. д. Эти части бываютъ или *оторванными* (*abgerissen*, *arraché*) съ висящими на нихъ по оторванному краю клочьями кожи, или *отрѣзанными* (*abgeschnitten*, *coupé*). Кромѣ того, животныя изображаются иногда безъ языка, клюва, клыковъ, зубовъ, когтей, роговъ, копытъ и т. под. Такія неполныя фигуры называются *безоружными* (*mornées*), причемъ вышеупомянутыя принадлежности животныхъ получаютъ названіе *вооруженій* (*Waffen*) и въ гербахъ обыкновенно имѣютъ другую окраску, т. е. финифть, или металлъ, чѣмъ остальное туловище. Французскіе геральдисты употребляютъ въ этомъ случаѣ особые термины: *armé* — о когтяхъ (рѣже — *ongié*), *lampassé* (рѣже *langué*)—о языкѣ, *becqué* — о клювѣ, *denté* — о зубахъ, (о китѣ говорится — *fierteé*); *crêté*—о гребнѣ (напр. пѣтуха), и т. под. Если фигура животнаго лишена хвоста, то наз. *diffamé* (въ букв. см. опозоренною). Передняя сторона головы животнаго называется *личиною*, а одна верхняя часть ея—*лбомъ*. Животныя часто изображаются *короноваными* (*couronné*), также снабженными *шейною короною*, т. е. надѣтою на шею, (*Halskrone*; *colleté*), или *шейною повязкою* (*Halsband*). Домашнія животныя, изображенныя съ надѣтымъ на шею ихъ колокольчикомъ, (имѣющимъ особую окраску отъ фигуры), называются въ нѣмецк. геральдикѣ—*beglocket*, *beschallet*, во французской—*clarinés*.

Мы остановимся здѣсь лишь на важнѣйшихъ, чаще всего встрѣчающихся въ гербахъ фигурахъ животныхъ, избирая преимущественно такія, которыя въ этихъ изображеніяхъ существенно отклоняются отъ своего естественнаго вида и получаютъ своеобразный *геральдическій* типъ. Такъ какъ окраска этихъ фигуръ животнаго царства можетъ зависѣть отъ выбора, то въ этомъ

отношеніи существуетъ большое разнообразіе; но, какъ мы уже сказали, обыкновенно употребляется геральдическій цвѣтъ, наиболѣе подходящій къ естественному цвѣту животнаго. Что же касается *положенія* изображаемыхъ звѣрей, то для четвероногихъ самыми обыкновенными являются слѣдующія: *поднимающееся (steigend, aufrecht; rampant, saillant)*, или *возстающее* положеніе имѣютъ звѣри, стоящіе на заднихъ лапахъ, съ одною заднею ногою, выставленною впередъ, и съ передними— неодинаково приподнятыми, такъ-что видны всѣ четыре ноги; *идущее* или *шествующее (schreitend; passant)*, — съ приподнятою переднею ногою: *бѣгущее (laufend, courant)*— обыкновенно съ одинаково вытянутыми ногами, которыя поэтому представляются, какъ бы сходящимися; далѣе: *скачущее (springend, sautant)*, *лазящее (kletternd, grimpant, gravissant)*, *стоящее (stehend, posé)*, при которыхъ ноги звѣря не подняты; наконецъ *сидящее (sitzend, assis)*, когда животныя сидятъ на заднихъ лапахъ и рѣже — *лежащее (lagernd, couché)*. При этомъ всегда подразумѣвается, что звѣри обращены въ профиль и притомъ въ правую (геральдическую) сторону, если опредѣленно не указано какого-либо другаго положенія. Подобное нормальное положеніе фигуры при блазонированіи герба особо не указывается: вполнѣ достаточно поэтому блазонировать такъ: въ золотомъ полѣ черный левъ (фиг. 3). Для изображенія *птицъ* самое употребительное положеніе *взлетающее (auffliegend)*, т. е. готовящееся взлетѣть, съ распростертыми крыльями, или же *сидящее (sitzend)*.

Изъ геральдическихъ животныхъ всего чаще встрѣчаются въ геральдикѣ всѣхъ странъ *левъ* и *орелъ*.

Нормальное положеніе *льва* есть *возстающее*, т. е. стоящее на заднихъ лапахъ; также изображается онъ готовящимся къ нападенію, или *яростнымъ (furieux)*, какъ выражались древніе геральдисты. Голова льва изображалась въ древнѣйшій періодъ геральдики нѣсколько заостренною, впослѣдствіи же—болѣе округленною и близкою къ природѣ, зѣвъ—то на половину, то вполнѣ разинутымъ, обыкновенно съ значительно высунутымъ языкомъ, въ видѣ извивающейся, загнутой къ верху узкой полосы, и по-

казывающимися зубами (*вооруженнымъ*); глазъ—свирѣпо взирающимъ. Туловище льва всегда изображалось очень длиннымъ и худымъ, особенно утонченнымъ снизу. Въ древнѣйшее время, въ XIV вѣкѣ, онъ является въ болѣе прямомъ положеніи, такъ-что фигура его совпадаетъ съ вертикальною осью щита (ф. 3); позднѣе, въ XV в., она принимаетъ болѣе изогнутое, извивающееся очертаніе, образуя какъ бы змѣеобразную линію (ф. 4). Притомъ левъ первоначально изображался совершенно косматымъ, позднѣе—лишь съ длинною гривою, ниспадающею до половины туловища и сильно курчавою, (въ видѣ колецъ), и съ мохнатыми ногами. Переднія лапы въ древнѣйшее время имѣли очертаніе въ видѣ трехъ закругленій, съ выступающими когтями, съ заднимъ пальцемъ, обращеннымъ внизъ и также снабженнымъ когтемъ. Впослѣдствіи пальцы ногъ стали изображаться болѣе раздѣленными и вытянутыми. Хвостъ—почти отъ самаго основанія вытянутымъ къ верху и направленнымъ вдоль туловища; въ старину его изображали совершенно мохнатымъ, позднѣе—съ отдѣльными пучками волосъ, обращенныхъ внаружу, причемъ кисть на концѣ хвоста ниспадаетъ къ туловищу льва. Съ XV-го вѣка хвостъ сталъ также изображаться *раздвоеннымъ*—это такъ наз. *двойной хвостъ* (*Doppelschweif*, *queue fourché*); при этомъ обѣ его части скручены, наподобіе веревки, и каждая имѣетъ на концѣ по кисти волосъ.

Какъ уже упоминалось выше, обычными цвѣтами для льва считаются въ геральдикѣ золотой и червленый, рѣже черный, еще рѣже — синій. Вооруженія его получаютъ обыкновенно другую окраску, рѣзко отличную отъ цвѣта фигуры, а именно: когда левъ имѣетъ металлическую тинктуру, то вооруженія получаютъ червленую или синюю, когда же онъ имѣетъ финифть — то золотую, или серебряную, но всегда различающуюся отъ цвѣта щитоваго поля. Зубы и глаза по правилу должны быть серебряные и лишь когда поле щита имѣетъ эту тинктуру, то цвѣтные. Впрочемъ, могутъ существовать и различныя окраски фигуры льва, въ цѣломъ и частяхъ, (напр. левъ въ *Гессенскомъ* гербѣ полосатый: серебряный и красный; левъ въ верхней части золотой, въ нижней серебряный—въ гербѣ *Саксенъ-Альтенбурга*).

Такъ наз. *леопардъ*, или *леопардовый левъ* (*leopardierter Löwe*, *lion léopardé*) бываетъ представленъ, какъ *шествующій* чрезъ щитъ левъ, но съ личиною, обращенною *прямо* къ зрителю; въ этомъ положеніи онъ имѣетъ одну изъ переднихъ ногъ поднятою, а заднюю (внутреннюю)—нѣсколько выставленною впередъ. Голова изображается всегда *en face*, а хвостъ — прижатымъ вдоль спины; во всемъ остальномъ онъ не отличается отъ обыкновеннаго льва (ф. 6). Леопарда (съ обращенною прямо личиною) и притомъ *возстающаго* (*steigend*, *rampant*) нѣкоторые геральдисты называютъ *львинымъ леопардомъ* (*gelöwter Leopard*, *leopard lionné*). Нѣкоторые, впрочемъ, усматриваютъ отличительный признакъ леопарда не въ направленіи личины его, но въ положеніи всей фигуры, и на этомъ послѣднемъ основаніи называютъ возстающаго льва — *леопардовымъ*, а шествующаго — *львинымъ леопардомъ*.

Въ древней геральдикѣ подобныхъ различій не существовало, такъ какъ и левъ, и леопардъ изображаютъ одно и то-же животное, только въ разныхъ положеніяхъ. Когда нужно помѣстить въ одномъ и томъ-же гербѣ нѣсколько львиныхъ фигуръ, какъ напр. въ гербахъ Англіи, Даніи, Каринтіи и др., то ихъ изображаютъ шествующими и помѣщаютъ одного надъ другимъ (ф. 5). Изображенія *льва* весьма часто встрѣчается въ Средніе вѣка, какъ въ гербахъ, такъ и на монетахъ и печатяхъ, напр. Венеціи и другихъ итальянскихъ городовъ. Изъ другихъ древнихъ типовъ геральдическаго льва можно указать на изображенія его въ гербѣ и печатяхъ графовъ Фландріи, напр. Вильгельма Фландрскаго (1234 г.), а также Англіи и Шотландіи. Далѣе мы встрѣчаемъ львиныя фигуры въ гербахъ и печатяхъ Германскихъ государей и въ гербѣ Чехіи. Они имѣются также въ польскихъ и венгерскихъ печатяхъ XIV-го вѣка и отсюда переходятъ и въ Червонную Русь. Такъ наз. „*русскій левъ*“ былъ представленъ на монетахъ, вычеканенныхъ при Казимірѣ Великомъ, а также встрѣчается въ гербѣ города *Львова* и на печатяхъ Галичско-Владимірскихъ князей XIV вѣка. Левъ встрѣчается, наконецъ, у насъ на Руси, на древнихъ печатяхъ князей Смоленскихъ XIII вѣка и на печати Великаго Новгорода XV-го вѣка. Мы видимъ его

также въ XVII вѣкѣ на нашей государственной печати, въ гербѣ Владимірскаго великаго княжества, гдѣ обращенный влѣво коронованный левъ изображенъ держащимъ въ переднихъ лапахъ удлиненный 4-хъ конечный крестъ.

Геральдическій *орелъ* имѣетъ очень мало сходства съ дѣйствительнымъ и изображается всегда въ орнаментальномъ стилѣ: взлетающимъ, готовящимся къ нападенію, съ полураспущенными крыльями. Онъ изображается съ лица, съ головою обращенною въ сторону, обыкновенно вправо, съ разставленными когтями (ф. 7). На туловищѣ перья расположены правильно, наподобіе заостренной чешуи. На древнѣйшихъ изображеніяхъ орла имѣются два тонкихъ пера, отдѣляющихся отъ шеи въ стороны (такъ наз. *нити—Faden*); въ позднѣйшее же время появляется въ верхней части шеи рядъ стоячихъ перьевъ (ф. 8). Крылья съ обѣихъ сторонъ правильно распущены, образуя въ общемъ своемъ очертаніи (схематически) дугу: они имѣютъ небольшое число, (отъ 3-хъ до 12-ти), длинныхъ перьевъ, расположенныхъ симметрично и нѣсколько выгнутыхъ къ верху. Перья, расположенныя въ нижней части крыльевъ обыкновенно становятся длиннѣе, не согласуясь въ этомъ съ строеніемъ крыльевъ у дѣйствительнаго орла; между ними часто изображаются еще тонкія, острыя перья, въ видѣ нитей. Кости, составляющія основу крыльевъ, узловаты и усажены короткими перьями. Хвостъ орла также изображается въ стилѣ орнамента, съ завитками, расположенными симметрично, причемъ одно заостренное перо направлено внизъ. Голова, всегда обращенная въ сторону, въ древнихъ гербахъ изображалась иногда повернутою вверхъ, глазъ — съ хищнымъ, огненнымъ выраженіемъ, клювъ — сильно изогнутымъ внизъ, обыкновенно открытымъ, съ высунутымъ языкомъ. Ноги орла по большей части бываютъ представлены несоотвѣтственно большими, обнаженными въ нижней своей части отъ перьевъ, когти—сильно загнутыми. Хотя орелъ въ гербахъ встрѣчается всевозможныхъ цвѣтовъ, (онъ бываетъ иногда *шахматнымъ — geschucht*, напр. въ гербѣ Моравіи), однако преобладающими являются черный, красный и серебряный (бѣлый). Вооруженія, (т. е. когти, лапы), по правилу отличаются цвѣтомъ, обыкновенно золотыя, даже при зо-

лотомъ же полѣ щита. Иногда чрезъ туловище и крылья проходитъ металлическій *серпъ* (*Sichel*) съ концами, обращенными вверхъ; концы эти заканчиваются иногда въ видѣ *трилистника* (напр. въ гербѣ *Тироля*, *Познани*, *Бранденбурга* и др.). Этотъ серпъ въ гербахъ произошелъ, вѣроятно, отъ металлической скобы, служившей для прикрѣпленія выпуклыхъ (пластическихъ), или вырѣзанныхъ фигуръ орла къ щиту. Геральдическій орелъ всегда изображается вышеописаннымъ образомъ, или болѣе или менѣе сходно съ нимъ: орлы естественнаго вида, а также летящіе, и так. наз. *римскіе* орлы—не геральдичны.

Если въ щитѣ изображается нѣсколько орловъ, безъ клювовъ и съ опущенными крыльями, то они называются во франц. геральдикѣ—*alérions*, въ отличіе отъ орловъ малаго размѣра, но въ полномъ видѣ, встрѣчающихся по нѣсколько и называемыхъ *aiglettes*, *орликами*.

Изъ отдѣльныхъ частей орла въ гербахъ встрѣчаются головы, лапы, но чаще всего *крылья*, при чемъ эти послѣднія являются по одному, или парами. Два крыла получаютъ названіе *лёта* (*Flug*, *vol*) фиг. 9. Они бываютъ или распущенными въ противоположныя стороны, или же какъ бы положенными одно на другое, такъ-что почти покрываютъ другъ друга, и нижнее крыло лишь немного выступаетъ изъ подъ верхняго.

Въ первомъ случаѣ это такъ наз. *открытый лётъ* (*offener Flug*), а во второмъ—закрытый л. (*geschlossener Fl*). Одно крыло, представленное въ отдѣльности, наз. *половиною лёта* (*halber Flug*, *demi—vol*), или просто крыломъ.

Изъ четвероногихъ животныхъ встрѣчаются, какъ гербовыя фигуры, преимущественно слѣдующія:

1. *Олень* (*Hirsch*, *cerf*)—бѣгущій (*elancé*), скачущій (*saillant*), или мѣрно шествующій (*passant*), онъ всегда изображается въ профиль, иногда съ опущенною головою (*äsend*), смотрящимъ впередъ—*на сторожѣ* (*auf der Hut*), рѣже—отдыхающій, въ лежачемъ положеніи (*en repos*). Встрѣчаются также весьма часто въ отдѣльности *оленьи рога*, иногда съ обращенными лишь въ одну сторону концами, напр. въ кор. гербѣ *Вюртемберга*. Оленьи рога встрѣчаются часто и въ польскихъ гербахъ (напр. гербы *Dzialosza*, *Biberstein* и другіе).

Мѣсту соединенія роговъ, которое въ нѣмецкой геральдикѣ наз. *розою*, придается очертаніе трилистника. Въ русской геральдикѣ олень встрѣчается въ древнихъ гербахъ городовъ *Ростова* (серебряный олень) и *Нижняго Новгорода* (красный), происшедшихъ вѣроятно, отъ древнихъ княжескихъ печатей, и отсюда также въ гербахъ князей *Ростовскихъ*: *Лобановыхъ* и *Касаткиныхъ*. Въ польской геральдикѣ бѣлый олень съ короною на шеѣ въ гербѣ *Brochwicz*—нѣмецкаго происхожденія.

2. *Вепрь* (*Eber, sanglier*), изображается всегда въ профиль, въ положеніи готоваго къ нападенію, съ опущенною головою для нанесенія удара клыками, съ упирающимися въ землю ногами и поднявшеюся щетиною на спинѣ. Обыкновенный цвѣтъ его — чёрный, причемъ щетина на спинѣ, клыки и концы ногъ имѣютъ особую окраску. Когда онъ изображенъ съ вцѣпившеюся ему въ ухо собакою, то обозначается во франц. геральдикѣ терминомъ *coiffé*.

3. *Медвѣдь* (*Bär. ours*) бываетъ представленъ въ профиль, шествующимъ или возстающимъ, иногда сидящимъ. Цвѣтъ его обыкновенно черный, вооруженія золотыя, или красныя. Въ *Царскомъ Титулярникѣ*, составленномъ по приказу царя Алексѣя Михайловича, въ началѣ 70-хъ годовъ XVII вѣка, въ гербахъ русскихъ областей, вошедшихъ въ большую государственную печать, мы встрѣчаемъ нѣсколько изображеній медвѣдей, сохранившихся и впослѣдствіи въ гербахъ губерній. Такъ въ *Новгородскомъ* гербѣ XVII в. мы видимъ двухъ черныхъ медвѣдей, стоящихъ на заднихъ лапахъ, по обѣ стороны золотыхъ креселъ; въ *Пермскомъ* гербѣ—бѣлаго медвѣдя, идущаго влѣво, съ евангеліемъ и крестомъ на спинѣ; наконецъ, въ *Ярославскомъ*—стоящаго чернаго медвѣдя, обращеннаго влѣво и держащаго рогатину, или бердышъ. Это послѣднее изображеніе медвѣдя перешло также въ гербы *Ярославскихъ* князей: *Шаховскихъ*, *Львовыхъ*, *Солнцевыхъ-Засѣкиныхъ*, *Шехонскихъ* и др. Медвѣдь встрѣчается также въ гербахъ *Стародубскихъ* князей: *Хилковыхъ*, *Гагариныхъ*, *Ромодановскихъ*, *Гундоровыхъ* и др.

4. *Козерогъ*, или каменный баранъ (*Steinbock, bouc*) ф. 10 обыкновенно изображается скачущимъ, иногда идущимъ, (польск.

гербъ *Wieruszowa*), и съ большими хрящеватыми рогами, которыя, также какъ и копыта, имѣютъ отличающійся цвѣтъ. Въ геральдикѣ козелъ отождествляется съ козерогомъ. Часто встрѣчаются также одни лишь рога его.

5. *Лисица* (*Fuchs*, *renard*) и *волкъ* (*Wolf*, *loup*)—первая, по правилу, возстающая, съ опущеннымъ хвостомъ и закрытою пастью, обыкновенно червленая; послѣдній, подобно льву, готовый къ нападенію, съ открытымъ зѣвомъ, показывая зубы, и съ поднятымъ хвостомъ. Цвѣтъ его—чёрный, красный, или серебряный. Подобнымъ же образомъ изображается и *бобръ* (*Biber*, *castor*), который узнается по утолщенному хвосту, своеобразнаго очертанія. Бобровый хвостъ въ гербахъ бываетъ обыкновенно *шахматной* окраски и изображается иногда и отдѣльно.

6. *Собака* (*Hund*, *chien*) изображается большею частью черною, или серебряною, съ ошейникомъ, снабженнымъ кольцомъ; въ нѣмецкой геральдикѣ различаются три различныхъ вида ея, а именно: *домашняя* (*Bracke*), вислоухая (ф. 11), *гончая* (*Windhund*), съ худымъ туловищемъ и длинными стоячими, нѣсколько загнутыми ушами и, наконецъ, большой корноухій *кобель* (*Rüde*), обыкновенно червленнаго цвѣта. Нерѣдко изображается одна лишь голова собаки. Положенія ея въ гербахъ:—шествующее, скачущее, бѣгущее и сидящее, притомъ иногда лающее.

7. *Конь*—(*Ross*, *cheval*) скачущій, съ развѣвающеюся гривою, въ профиль. Когда онъ представленъ *не осѣдланнымъ*, на свободѣ, то наз. *свободнымъ*, *играющимъ* (*ledig*, *gai*); рѣже изображается съ уздою и сѣдломъ; когда вздымается на дыбы, то для его обозначенія во франц. гер. примѣняются термины: *acculé*, *cabré*, *effaré*, *effrayé*.

8. *Быкъ* (*Stier*, *boeuf*, *taureau*), также *дикій быкъ*, или буйволъ (*Auer*) и *зубръ* (*Auerochs*) изображаются въ профиль, первый—съ рогами въ видѣ полумѣсяца, а вторые—съ дважды изогнутыми рогами; всѣ они часто бываютъ съ опущенною, какъ бы для боданія, головою, шествующими, стоящими, или возстающими. Нерѣдко изображается и отдѣльно *бычачья голова*, съ лица, съ высунутымъ языкомъ, или съ продѣтымъ чрезъ

ноздри кольцомъ ф. 11, (напр. польскіе гербы: *Wieniawa*, *Mohyla* и *Glowa-Baiola*. Иногда встрѣчается въ гербахъ фигура *коровы*, рѣже *бычка*, (напр. въ польскомъ гербѣ *Ciolek*). *Буйволовыя рога*, которые такъ часто встрѣчаются въ видѣ украшеній гербовыхъ шлемовъ, особенно нѣмецкихъ, нѣкоторыми геральдистами совершенно ошибочно принимаются за *охотничьи рога*, а французскими даже за *слоновые хоботы* (*proboscides*).

9. *Слонъ* (*Elephant*, *Helf*), по правилу бываетъ серебряный, съ ушами, вызубренными наподобіе вѣера, съ свернутымъ въ кольцо, или опущеннымъ хоботомъ; онъ изображается стоящимъ, или шествующимъ; клыки обыкновенно другаго цвѣта. Въ датскихъ гербахъ слоны часто встрѣчаются, какъ щитодержатели, даже стоящими на заднихъ ногахъ.

Перечисленіе другихъ, весьма многочисленныхъ звѣрей, встрѣчающихся въ гербахъ, завело бы насъ слишкомъ далеко. Упомянемъ здѣсь еще между таковыми свойственнаго русской геральдикѣ *соболя*. Онъ встрѣчается на древнихъ печатяхъ сибирскихъ остроговъ XVII вѣка и отсюда перешелъ и въ гербы Сибирскаго царства въ „Титулярникѣ“ царя Алексѣя Михайловича, а впослѣдствіи и въ гербы многихъ сибирскихъ городовъ. Соболь изображается всегда въ профиль, чернаго цвѣта и обыкновенно стоящимъ на заднихъ лапахъ. Въ гербѣ Сибирскаго царства, мы видимъ двухъ стоящихъ соболей, которые передними лапами держатъ корону и лукъ, съ двумя перекрещивающимися стрѣлами.

Перейдемъ къ геральдическимъ *птицамъ*: онѣ изображаются взлетающими, или обращенными въ сторону, сидящими, рѣже поникшими, т. е. съ опущенною головою; хвостъ ихъ имѣетъ часто особый цвѣтъ, (что обозначается въ нѣмецкой геральдикѣ особымъ терминомъ—*geschwänzt*).

Особое геральдическое изображеніе имѣютъ, кромѣ орла, еще слѣдующія птицы:

1. *Журавль* (*Kranich*, *grue*), *аистъ*, (*Storch*, *cigogne*) и *цапля* (*Reiher*, *héron*). Первый изображается обыкновенно стоящимъ на одной ногѣ, а другою держащимъ камень, символъ бдительности, (франц. *vigilance*), аистъ—съ втянутой шеей, цапля—съ хохломъ сзади головы, во всемъ остальномъ онѣ довольно

сходны между собою. Когда ихъ изображаютъ *короноваными*, то они имѣютъ корону, надѣтою на шею.

2. *Страусъ* (*Strauss*, *autruche*), обыкновенно держитъ въ клювѣ подкову.

3. *Петухъ* (*Hahn*, *coq*), (ф. 12), изображается готовымъ къ бою, съ рѣзко очерченнымъ гребнемъ и съ поднятою ногою (*hardi*), хвостъ съ немногими, но сильно загнутыми перьями.

4. *Павлинъ* (*Pfau*, *paon*), съ распущеннымъ хвостомъ (*schweifspiegelnd*, *rouant*).

5. *Мерлетты* (*merlettes*), встрѣчающіяся въ особенности во французскихъ гербахъ, суть маленькія, обрубленныя, (лишенныя клюва и ногъ), уткоподобныя птицы. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ *орликами* (*alérions*), о которыхъ говорилось выше.

6. *Пеликанъ* изображается обыкновенно въ профиль, сидящимъ на гнѣздѣ и терзающимъ клювомъ свою грудь, чтобы дать пищу своимъ птенцамъ, которые изображаются въ числѣ трехъ. Выступающіе изъ раны капли его крови обозначаютъ во франц. гер. терминомъ *piété*. Цвѣтъ его обыкновенно серебряный (напр. въ польскомъ гербѣ *Pelikan*).

7. *Лебедь*, обыкновенно серебряный, сидящій, или плавающій (напр. въ польскомъ гербѣ *Paparona*, который итальянскаго происхожденія).

Рыбы въ геральдикѣ изображаются *плавающими*, въ горизонтальномъ направленіи; также *поднимающимися* (*steigend*), согнутыми въ дугу, или въ прямомъ положеніи. Плавательныя перья (*Flossen*, *nageoires*) у нихъ часто изображаются въ орнаментальномъ стилѣ, т. е. заостренными, или сильно вызубренными; они получаютъ обыкновенно другую окраску (*beflosst*, *lorré*). Если отличающійся цвѣтъ дается хвосту, то это обозначается франц. терминомъ *peautré*, если гребню — *crêté*, если глазу — *allumé*. Изъ рыбъ въ гербахъ западной Европы встрѣчаются чаще всего:

Двѣ поднимающіяся къ верху и отворачивающіяся одна отъ другой рыбы, изъ породы *барбена* или *чебака* (*Barbe*, *Bartfisch*; *bar*, *barbeau*) ф. 13.

Дельфинъ (*Delphin, dauphin*), имѣетъ своеобразное геральдическое изображеніе, съ гребневидными спинными перьями (ф. 14); онъ изображается обыкновенно въ профиль и согнутымъ, съ головою и хвостомъ, обращенными въ одну сторону. Голубой дельфинъ *съ закрытымъ зѣвомъ*, такъ наз. *живой* (*vif*), въ золотомъ полѣ, составляетъ бывшій гласный гербъ провинціи *Dauphiné* во Франціи. Старшіе сыновья французскихъ королей носили въ старину титулъ *дофина* и пользовались вышеописанномъ гербомъ со времени присоединенія этой провинціи къ коронѣ.

Форель (*Forelle, truite*) изображается согнутою въ дугу и усѣянною красными точками (*marqueteé*).

Въ русской геральдикѣ рыбы весьма употребительны и обыкновенно изображаются безъ опредѣленія породы, хотя можно различать между ними стерлядей, карпій, щукъ, форелей и т. под. Впрочемъ большая часть подобныхъ изображеній принадлежатъ новѣйшему времени; болѣе древними являются лишь изображенія двухъ рыбъ, плывущихъ навстрѣчу одна другой—въ *Новгородскомъ* гербѣ, и двухъ скрещенныхъ рыбъ, головами къ верху—въ гербѣ *Бѣлоозера*, встрѣчающихся въ Титулярникѣ XVII в.; онѣ перешли отсюда и въ княжескіе гербы кн. *Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ*, *Ухтомскихъ* и *Вадбольскихъ*. Рыбы встрѣчаются и въ польской геральдикѣ напр. въ гербѣ *Glaubicz* (плывущая рыба), *Korzbok* (3 карпіи), *Golobok* (половины рыбы-лося) и др., гдѣ онѣ принадлежатъ къ весьма древнимъ, (послѣдній гербъ—XII вѣка).

Заканчивая обзоръ главнѣйшихъ геральдическихъ типовъ животнаго царства, упомянемъ еще особенно часто встрѣчающихся:

1. *Змѣя* (*Schlange, serpent, bisse, givre*)—обыкновенныя цвѣта ея: синій, зеленый, серебряный, изображается возстающею, (готовою къ нападенію), извивающеюся въ ширину щита, или свернувшеюся въ кольцо. Змѣя, закусывающая свой хвостъ, символизируетъ вѣчность. Иногда ее изображаютъ держащею въ пасти человѣческую фигуру, (напр. въ древнемъ гербѣ города *Милана*).

2. *Морская раковина* (*Meermuschel, coquille*), (ф. 15) изображается въ нѣмецкой геральдикѣ витою, наподобіе рога дикой козы, съ мѣняющимися цвѣтами, обыкновенно червленою и зо-

лотою. Болѣе обычна форма такъ наз. *пилигримской раковины* (вѣерообразная); когда она большаго размѣра, то наз. раковиною *св. Іакова*, а таковая же малаго размѣра называется раковиною *св. Михаила*. Раковины, въ которыхъ видна внутренняя сторона, получаютъ во франц. геральдикѣ названіе *vannets*.

3. *Ракъ* (*Krebs. écrevisse*) изображается червленымъ, (какъ вареный), съ вытянутымъ хвостомъ и ногами; часто встрѣчается также въ гербахъ отдѣльно *раковая клешня*. Въ польской геральдикѣ ракъ встрѣчается напр. въ гербѣ *Warnia*.

Перейдемъ далѣе къ фигурамъ, заимствованнымъ изъ царства растительнаго, которыя особенно часто примѣнялись въ геральдическомъ искусствѣ.

Деревья изображаются въ гербахъ выростающими изъ почвы, или вырванными (*ausgerissen. arraché*), когда видны корни ихъ, обыкновенно съ тонкимъ стволомъ, нѣсколькими, симметрично расположенными вѣтвями и несообразно большими листьями, цвѣтами и плодами, которые и составляютъ характерное различіе той, или другой древесной породы. Цвѣтъ листьевъ преимущественно зеленый, стволъ же другаго цвѣта. Чаще всего встрѣчаются:

Липа (*Linde*) (ф. 16) съ сердцевидными листьями (въ нѣмецкой геральдикѣ).

Дубъ (*Eiche. chêne*). часто съ вырванными корнями, съ желудями, или безъ нихъ (ф. 17). Напр. польскій гербъ *Dab* изображаетъ дубъ золотаго цвѣта, съ 3 желудями и 2 листьями.

Береза (*Birke*) въ нѣмецкой геральдикѣ, обыкновенно въ видѣ зеленаго, или золотаго кустообразнаго дерева съ серебрянымъ стволомъ.

Ель (*Tanne, pin*) въ видѣ дерева съ конусообразнымъ расположеніемъ вѣтвей.

Сосна, напр. съ 3-мя вѣтвями и 5-ю корнями въ древнемъ польскомъ гербѣ *Godziemba* (XI вѣка).

У фруктовыхъ деревьевъ, между которыми особенно обычна *яблоня* (ф. 18), плоды изображаются весьма крупными, для большей ясности. Во французской геральдикѣ существуетъ своеобразное изображеніе *дикой вишни* (*créquier*), напоминающее своимъ очертаніемъ фигуру семисвѣчника.

Встрѣчаются также въ гербахъ: *лавръ, маслина, виноградная лоза, тополь, кленъ* и другіе.

Древесныя вѣтви и сучья изображаются, или въ видѣ обрѣзанныхъ палокъ, или же усаженными листьями и съ плодами на нихъ. Встрѣчаются иногда и сухіе, или обгорѣлые, съ пламенемъ (*Brände*). Весьма часты также въ гербахъ отдѣльные листья и плоды.

Изъ цвѣтовъ встрѣчаются чаще всего *роза* и *лилія*, получающія особыя геральдическія формы.

Роза изображается въ видѣ вполнѣ распустившагося цвѣтка, состоящаго почти всегда изъ 5 лепестковъ, сердцевидной формы (ф. 19), часто съ загнутыми краями; въ срединѣ его имѣется золотая сѣмянная капсуль и тычинки, а между лепестками выступаютъ заостренные зеленые листики цвѣточной чашечки. Геральдическій цвѣтъ розы—червленый, (а не естественный розово-красный), иногда золотой и серебряный. Въ описанномъ типѣ, (но обыкновенно съ 4 лепестками), роза встрѣчается, въ видѣ орнамента, еще на греческихъ и римскихъ памятникахъ искусства. Въ герба ъ, впрочемъ, попадаются и махровыя розы съ двумя и болѣе рядами лепестковъ; рѣже встрѣчается изображеніе розы со стеблемъ и листьями (*Stielrose, rose tigée et feuillée*).

Роза являлась особенно распространенною гербовою эмблемою въ Средніе вѣка и встрѣчается въ многочисленныхъ гербахъ древнихъ фамилій западной Европы, часто какъ гласный гербъ, (напр. фамилій *Rosenberg, Rosenheim, Rosières* и т. под.).

Розы въ своихъ гербахъ имѣютъ также въ Германіи княжества *Липпе* и *Саксенъ-Альтенбургъ* и городъ *Магдебургъ*; во Франціи—городъ *Гренобль* и др. Извѣстно, что въ Англіи алая и бѣлая розы являлись гербовыми эмблемами долго враждовавшихъ между собою королевскихъ домовъ, *Ланкастеръ* и *Іоркъ*. Вспомнимъ здѣсь также символическую *золотую розу*, которую римскіе папы по древнему обычаю, начавшемуся съ XII вѣка, ежегодно посылаютъ въ даръ одному изъ католическихъ государей, въ знакъ благоволенія [1]).

---

[1]) О символикѣ розы существуетъ весьма обстоятельное изслѣдованіе *Шлейдена*: „*Die Rose, Geschichte u. Symbolik.* Leipzig. 1873.

Лилія въ гербахъ является чаще всего въ видѣ своеобразнаго геральдическаго орнамента, извѣстнаго подъ названіемъ *Francica* или *Francisca*. Онъ состоитъ изъ трехъ листьевъ, изъ которыхъ средній къ верху и къ низу заостренъ, а оба боковые верхними концами отогнуты внизъ; всѣ три листа притомъ соединены вмѣстѣ перевязью и къ низу образуютъ такую же фигуру изъ трехъ частей, но только въ уменьшенномъ видѣ. На фиг. 20 показано обыкновенное изображеніе геральдической лиліи. Лилія безъ нижней части, т. е., такъ сказать, половина таковой (ф. 21), наз. въ нѣмецкой геральдикѣ *Clere* (франц. *fleur de lis au pied nourri*). Лилія представляетъ весьма древній орнаментъ и встрѣчается на Востокѣ уже въ XI вѣкѣ въ видѣ узора на одеждахъ. Отсюда она, по всему вѣроятію, проникла въ западную Европу, а именно во французскую, а затѣмъ и въ нѣмецкую геральдику. Мы уже упоминали раньше о происхожденіи древняго французскаго герба, гдѣ золотыя лиліи появились впервые съ 1179 г., при королѣ Людовикѣ VII; этимъ объясняется названіе лиліи—*Francica*. Кромѣ геральдическаго ея примѣненія, лилія въ видѣ орнамента весьма обычна въ Средніе вѣка на матеріяхъ, а также пластически, въ видѣ наконечниковъ, у скипетровъ, крестовъ, и на коронахъ, въ видѣ зубцовъ. Существуетъ также типъ алебарды XVI вѣка (такъ наз. *spontons* — эспонтонъ), весьма сходной по формѣ совни съ лиліей, откуда произошло ошибочное мнѣніе, будто геральдическое изображеніе послѣдней получило свое начало отъ этого оружія. Восточное происхожденіе геральдической лиліи не подлежитъ сомнѣнію: нѣкоторые изслѣдователи указывали на сходство ея съ особеннымъ видомъ лиліи, (или ириса), встрѣчающагося въ Палестинѣ. Въ Европѣ она появляется на одеждахъ, скипетрахъ и коронахъ со временъ Карла Великаго и притомъ, несомнѣнно, чрезъ Византію и арабовъ, а въ Испаніи—чрезъ мавровъ. Въ Италіи лилія на печатяхъ начинаетъ встрѣчаться съ IX вѣка. Какъ извѣстно, червленая лилія нѣсколько своеобразной формы, такъ наз. *расцвѣтшая* (*épanouie*), въ серебряномъ полѣ, составляетъ весьма древній гласный гербъ г. *Флоренціи*, съ девизомъ: „*Florida florenti floret Florentia flore*“. По преданію, не вполнѣ достовѣрному впрочемъ, гербъ этотъ

дарованъ былъ городу Карломъ Великимъ въ видѣ царственной его эмблемы [1]). Въ гербахъ встрѣчается иногда изображеніе *естественной* садовой лиліи (*lis des jardin, au naturel*), съ листьями и стеблемъ, совершенно сходной съ природой. Геральдическая лилія встрѣчается часто и въ польской геральдикѣ (гербы *Gozdawa, Gulcz, Wierzbna*).

Изъ отдѣльныхъ *листьевъ*, изображаемыхъ въ гербахъ, самыми обычными являются слѣдующіе:

1. *Трилистникъ*, состоящій изъ трехъ закругленныхъ лепестковъ (*Dreipass, trèfle*). Когда онъ изображается въ естественномъ видѣ, то вполнѣ соотвѣтствуетъ листу клевера (ф. 22). Обычный цвѣтъ его зеленый; по правилу, онъ долженъ имѣть небольшой стебелекъ (*queue ondoyante*) и безъ таковаго получаетъ названіе — *tierce-feuille*. Встрѣчается также во французскихъ и англійскихъ гербахъ *четырехъ* и *пятилистники* (*quaterfoil, cinquefoil*), послѣднія съ круглымъ отверстіемъ посрединѣ фигуры. Весьма рѣдки *шести* и *восьмилистники*.

2. *Липовый листъ* (*Lindenblatt*) встрѣчается въ нѣмецкой геральдикѣ (ф. 23), иногда изображается съ корнями; (часто служитъ гласнымъ гербомъ).

3. *Листъ водоросли* (*Seeblatt*)—сердцевидный, иногда покрытый геральдическою дамаскировкою, по большей части съ вырѣзкою, наподобіе трилистника, причемъ листъ получаетъ очертаніе, сходное съ оленьими рогами (ф. 24). Нѣкоторые нѣмецкіе геральдисты считаютъ его лишь варіантомъ липоваго листа. Встрѣчаются также изображенія, гдѣ этотъ листъ имѣетъ естественную форму водоросли, совершенно круглую, (напр. въ гербѣ *Фрисландіи*, гдѣ эта эмблема является весьма древнею).

Изъ плодовъ встрѣчается въ гербахъ: *виноградная лоза* (*Weintraube, W-rebe, cep de vigne*) изображается съ очень крупными ягодами, густо увѣшивающими лозу, и съ листьями. *Яблоко*, чаще всего *гранатное* (*Granatapfel, Margramapfel*),

---

[1]) Весьма подробное и обстоятельное изслѣдованіе о *геральдической миліи* можно найти въ сочиненіи франц. геральдиста *Adalbert de Beaumont, Recherches sur l'origine du blason et en particulier sur la fleur de lis. Paris*, 1853, съ многочисленными изображеніями различнаго типа лилій.

золотое, имѣющее сверху короновидную чашечку, растреснутое, такъ что видны красныя зерна. (Т. VIII ф. 33). Оно встрѣчается часто въ испанскихъ гербахъ, представляя древнюю эмблему кор. Гранады. *Груша* (*Birne, poire*); *рѣпа* (*Rübe*) въ нѣмецкой геральдикѣ, съ пучкомъ листьевъ вверху (ф. 25); наконецъ, *орѣхъ*, изображаемый или по одиночкѣ, или же по три, соединенныхъ вмѣстѣ въ одной оболочкѣ, какъ они встрѣчаются въ природѣ, (франц. *coquerelles*). Орѣхъ, имѣющій своеобразное очертаніе, схожее съ еловой шишкой, составляетъ древнѣйшую гербовую эмблему города *Аугсбурга* и называется „*Stadtpyr*".

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію геральдическихъ изображеній *небесныхъ свѣтилъ* и другихъ фигуръ изъ земнаго міра.

Солнце (*Sonne, soleil*) изображается, какъ полный дискъ, имѣющій черты человѣческаго лица, обращеннаго впередъ; оно окружено лучами, число которыхъ обыкновенно 16, (впрочемъ это число измѣняется по желанію), причемъ послѣдніе изображаются попеременно, прямыми и извилистыми, въ видѣ пламени (ф. 26); цвѣтъ—золотой, рѣже червленый, синій, или серебряный. Солнце наз. *восходящимъ* (*levant*), когда оно изображено поднимающимся изъ праваго нижняго угла; *заходящимъ* (*couchant*)—изъ лѣваго нижняго угла; *полуденнымъ* (*S. du midi*)—въ срединѣ щитовой главы; наконецъ, *угасающимъ* (*mourant*), когда оно представлено въ одномъ изъ верхнихъ угловъ щита [1]).

Солнце, изображенное безъ человѣческаго лица или имѣющее неестественный цвѣтъ, (т. е. не золотой), въ франц. геральдикѣ называется иногда *тѣнью солнца* (*ombre de soleil*).

Въ русской геральдикѣ солнце встрѣчается въ древнемъ гербѣ (XVII в.) *Подольскомъ*, гдѣ оно окружено нимбомъ, и надъ нимъ изображенъ крестъ. Гербъ этотъ польскаго происхожденія.

Луна (*Mond, lune*)—серебряный серпъ, обращенный вправо, или влѣво, лежащій (съ рогами къ верху), или опрокинутый (съ рогами внизъ). Часто имѣетъ на внутренней сторонѣ серпа человѣческое лицо, въ профиль (ф. 27).

---

[1]) Иногда *восходящимъ* и *заходящимъ* называются также изображенія солнца въ *верхнихъ углахъ* щита. Но эти термины вообще устарѣли.

Звѣзды (*Stern, astre*) бываютъ представлены съ 5-ю, 6-ю и 8-ю острыми, по большей части граненными и окаймленными лучами. У французовъ, итальянцевъ и англичанъ звѣзды въ гербахъ преимущественно пятиугольныя, въ нѣмецкой же геральдикѣ, напротивъ, почти исключительно шестиугольныя, рѣже—съ 8-ю концами. При изображеніи *кометъ*, хвостъ ихъ имѣетъ обыкновенно другую тинктуру.

Въ русской геральдикѣ *луна* и *звѣзды*, или одни, или въ сочетаніи съ другими фигурами, *крестомъ, подковою, оружіемъ* и т. д. служатъ отличительными эмблемами дворянскихъ фамилій *татарскаго происхожденія*, какъ напр. въ гербахъ *Арсеньевыхъ*, *Давыдовыхъ*, *Мосоловыхъ* и др.

Земля изображается какъ шаръ, съ обозначеніемъ экватора и круговъ широты и долготы. Впрочемъ, въ древней геральдикѣ она почти не встрѣчается: за то *радуга*, изображаемая въ видѣ дугообразной полосы, червленаго, золотаго и синяго цвѣтовъ, есть довольно древняя гербовая фигура.

Облака (*Wolken, nuages*) изображаются по большей части геральдически, (о чемъ мы уже говорили раньше). Въ болѣе позднее время появляются въ гербахъ и естественныя облака, (съ художественнымъ очертаніемъ), изображаемыя въ особенности съ выходящими изъ нихъ руками, (благословляющею десницею, руками вѣрности и т. под.). Они обыкновенно бываютъ синія, или серебряныя.

Молнія (*Blitz, foudre*) изображается въ геральдикѣ не въ видѣ зигзага, но пылающею, подобно солнечнымъ лучамъ, и спускающеюся въ отвѣсномъ направленіи (т. V ф. 39). Въ франц. гербахъ она встрѣчается иногда *крылатою* (*foudre ailé*, муж. рода въ геральдикѣ).

Огонь (*Feuer, feu*) является въ гербахъ въ видѣ *пламени* (*Flammen, flammes*), *факеловъ* (*Fackel, flambeau*), *горящихъ головней* или *углей* (*Brände, bûchers, charbons*).

Весьма рѣдки изображенія *вѣтровъ*, въ видѣ дующей съ силою дѣтской головы; встрѣчается лишь *сѣверный вѣтеръ* (*Aquilon*).

Изъ фигуръ земнаго міра имѣютъ примѣненіе въ гербахъ:

Рѣки (*Strom, Bach, rivière*) изображаются въ видѣ извилистыхъ поясовъ синяго, или серебрянаго цвѣта; *море* (*Meer*)— чрезъ короткія, дугообразныя, линіи, обозначающія волны: эта фигура занимаетъ обыкновенно четвертую нижнюю часть щита (оконечность).

Капли (*Tropfen, gouttes*) въ геральдикѣ иногда изображаютъ слёзы (*Thränen, larmes*), синія, или серебряныя; иногда *капли крови* (червленыя), или *смоляныя* (черныя). Щитовое поле, усѣянное такими каплями, называется *gouttè*.

Горы—въ видѣ *тройныхъ возвышеній* (*Dreiberge, montagnes, troismonts*), причемъ среднее выше остальныхъ; встрѣчаются горы и съ 6-ю вершинами, расположенными пирамидально, (три, два и одно), послѣднія чаще всего въ итальянской геральдикѣ; наконецъ *скалы* (*Felsen, rochers*), въ видѣ зазубренныхъ острыхъ конусовъ, обыкновенно выходящихъ изъ моря.

XIV.

Наиболѣе оригинальными по своему типу и особенно свойственными геральдикѣ являются *фантастическія фигуры*, или *чудовища* (*monstra*), къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь переходимъ.

Всевозможныя легенды о драконахъ, сиренахъ или морскихъ женщинахъ, василискахъ, о птицѣ-грифѣ, единорогѣ и т. под., начала которыхъ слѣдуетъ искать главнымъ образомъ на Востокѣ, подали основаніе подобнымъ изображеніямъ въ гербахъ. Чтобы вполнѣ уяснить себѣ значеніе и символику этихъ фигуръ, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что въ нихъ нерѣдко находили отраженіе существовавшія въ Средніе вѣка понятія о дѣйствительной природѣ, въ которыхъ имѣлась значительная примѣсь элемента чудеснаго. Геральдика воплощала эти понятія въ своихъ образахъ, заимствуя ихъ изъ различныхъ героическихъ сказаній, христіанскихъ легендъ о святыхъ и, наконецъ, изъ такъ называемаго *звѣринаго эпоса* (*Thiersage*). Всѣ эти памятники средневѣковой словесности изобиловали описаніями различ-

ныхъ чудовищъ и баснословныхъ существъ, доставляя богатую пищу народной фантазіи. Въ удовлетвореніе этой потребности находить въ окружающей природѣ черты чудеснаго и давать имъ извѣстное мистическое значеніе получили большое распространеніе въ средневѣковой Европѣ сборники, извѣстные подъ названіемъ *Физіолога* (*Physiologus*). Сборники эти представляютъ популярно-богословскія произведенія, которыя въ аллегорическо-символической формѣ описывали дѣйствительныя и мнимыя свойства животныхъ, предлагая таковыя въ видѣ поучительныхъ образцовъ для подражанія и назиданія. Физіологъ первоначально выработался на христіанскомъ Востокѣ и лишь впослѣдствіи перешелъ на Западъ, гдѣ описанія чудесныхъ животныхъ явилось желаннымъ пріобрѣтеніемъ для воспріимчивой фантазіи Среднихъ вѣковъ, а мистическія толкованія подходили какъ нельзя болѣе къ умственно-религіозному настроенію этой эпохи. Имѣя широкое распространеніе въ литературѣ Востока и Запада [1]), начиная съ древнѣйшихъ временъ христіанской эры и кончая Средними вѣками, Физіологъ представляетъ большой интересъ по своему широкому вліянію на искусство вообще, а особенности на средневѣковую живопись и зодчество. Мы уже указывали раньше на тѣсную связь, существовавшую между этими искусствами и средневѣковой геральдикой, и поэтому склонны думать, что то же вліяніе распространялось и на древнія эмблемы въ гербахъ. И дѣйствительно средневѣковая геральдика представляетъ множество баснословныхъ животныхъ и всевозможныя сочетанія звѣриныхъ и человѣческихъ фигуръ. Таковы напр. единороги, саламандры, крылатые львы, люди съ головами звѣрей, или птицъ и обратно, различныя животныя съ человѣческими головами, львы съ рыбьими хвостами и т. под. Встрѣчаются, впрочемъ, въ

---

[1]) См. *Lauchert Fr. Geschichte des Physiologus. Strassburg. 1889.* Существовали и *славянскіе Физіологи*, имѣвшіе распространеніе у насъ, на Руси, и вліяніе ихъ замѣтно во многихъ произведеніяхъ нашей древней письменности: хронографахъ, палеяхъ, житіяхъ святыхъ и другихъ сочиненіяхъ. Не безъ ихъ вліянія остались и наши устныя народныя произведенія: здѣсь сказанія Физіолога о животныхъ и птицахъ имѣются или цѣликомъ, или въ видѣ заимствованныхъ типовъ и образовъ. Можно предполагать, что и древняя русская *сфрагистика* не осталась безъ вліянія этихъ сказаній.

средневѣковыхъ гербахъ и чисто миѳологическія фигуры, какъ напр. пегазъ, церберъ, кентавръ, голова Медузы и т. под., представляющія какъ бы пережитокъ языческихъ понятій въ христіанскую эпоху.

Не подлежитъ сомнѣнію, что выборъ всѣхъ подобныхъ фантастическихъ, или отвлеченныхъ эмблемъ и фигуръ въ гербахъ имѣлъ въ тѣ времена не случайный характеръ, а связанъ былъ съ извѣстнымъ представленіемъ, или идеею, смыслъ которыхъ, къ сожалѣнію, остается для насъ часто загадочнымъ, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства нашего какъ съ міровоззрѣніемъ, такъ и съ самымъ языкомъ этой ранней эпохи европейской культуры.

Высказавъ эти общія соображенія, перейдемъ къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ геральдическихъ фигуръ изъ области фантазіи.

1. *Крылатый левъ* Венеціи, символическое изображеніе евангелиста Марка, покровителя этой древней республики; оно заимствовано изъ библейскаго видѣнія пророка Іезекіиля. Левъ св. Марка, золотой въ голубомъ полѣ, изображается лежащимъ, иногда стоящимъ съ открытою книгою между переднихъ лапъ, причемъ въ правой онъ держитъ серебряный мечъ. Въ книгѣ начертаны слова: «*pax tibi Marce evangelista meus*». Левъ стоитъ на почвѣ червленаго цвѣта и голова его окружена золотымъ нимбомъ.

2. *Двойной* или *двуглавый орелъ* (*Doppeladler*, *aigle à deux têtes*, *ou eployé*)—гербъ священной Римской имперіи. Онъ представляетъ фигуру изъ двухъ соединенныхъ въ одно цѣлое, (монограмматически), орловъ, которые поэтому являются какъ бы однимъ орломъ съ двумя головами, повернутыми въ противоположныя стороны (ф. 28).

Эта фигура, ошибочно принимавшаяся за символъ восточной и западной Римской имперіи, извѣстна была на древнемъ Востокѣ съ отдаленнѣйшихъ временъ. Мы встрѣчаемъ ее на египетскихъ, (на сфинксѣ), и древне-ассирійскихъ памятникахъ. Въ Малой Азіи, въ древнемъ Птеріѣ (въ Каппадокіи), въ Богазкёё и Эйюкѣ, среди цѣлаго ряда высѣченныхъ на скалахъ каменныхъ рельефовъ, древность которыхъ относятъ къ VII в. до Р. Х., находятся также два изображенія двуглавыхъ орловъ.

Къ позднѣйшей эпохѣ относится мраморный рельефъ съ двуглавымъ орломъ, найденный на Аѳонѣ, въ основаніи монастыря Симену, построеннаго имп. Пульхеріей въ V вѣкѣ; мы встрѣчаемъ ихъ также на цѣломъ рядѣ памятниковъ арабскихъ и византійскихъ. Такъ напр. имѣются изображенія двуглавыхъ орловъ на арабскихъ монетахъ Зенгидовъ и Ортохидовъ съ XII по XIV в.; позднѣе они встрѣчаются на византійскихъ монетахъ Мануила III Комнена (1390—1417), чеканенныхъ въ Трапезунтѣ. Къ концу XIV в. двуглавый орелъ появляется и на нашихъ русскихъ монетахъ, какъ воспроизведеніе восточной эмблемы, заимствованной съ джучидскихъ монетъ. Появленіе у насъ, на Руси двуглаваго орла съ характеромъ государственнаго герба, унаслѣдованнаго отъ Византіи, принято пріурочивать къ 1497 г., со словъ Карамзина, и ставить въ непосредственную связь съ бракомъ Іоанна III съ Софіею Палеологъ. Основаніемъ этой датѣ послужила мѣновная грамота 1497 г. Іоанна III съ его племянниками, Волоцкими князьями Ѳедоромъ и Іоанномъ, къ которой привѣшана двухсторонняя печать Іоанна III, съ изображеніемъ двуглаваго орла съ одной, и всадника—съ другой стороны. Однако фактъ существованія на Руси двуглаваго орла ранѣе 1497 г. установленъ изслѣдованіями въ области русской нумизматики *А. В. Орѣшникова*. Имъ издана была деньга вел. кн. Михаила Борисовича Тверскаго (чекан. до 1486 г.) съ изображеніемъ двуглаваго орла, принятымъ, вѣроятно, этимъ вел. княземъ въ подражаніе Іоанну III. Отсюда онъ заключаетъ, что введеніе двуглаваго орла въ Московскомъ вел. княжествѣ Іоанномъ III послѣдовало вскорѣ послѣ его женитьбы на Софіи Палеологъ въ 1472 г. [1]), т. е. ранѣе 1497 года. Какъ извѣстно, греческая царевна привезла съ собою въ Москву въ даръ Іоанну III рѣзной тронъ изъ слоновой кости, (повидимому западнаго происхожденія), украшенный изображеніемъ византійскаго двуглаваго орла. Тронъ этотъ сохраняется въ Моск. Оружейной Палатѣ и донынѣ употребляется при священныхъ коронованіяхъ. Вообще почетную

---

[1]) См. статью *А. В. Орѣшникова* „Древнѣйшее русское изображеніе двуглаваго орла“, во II томѣ Трудовъ Московск. Нумизматическаго Общества.

царственную эмблему двуглаваго орла принимали въ Европѣ государства, считавшія себя преемниками Рима (напр. Австрія), а также фамиліи, происшедшія отъ греческихъ императоровъ, или соединенныя узами брака съ принцессами изъ царственныхъ домовъ Ангеловъ, Комненовъ, Ласкарисовъ и Палеологовъ [1]). На этомъ основаніи и цари сербскіе, которые съ XII в. неоднократно вступали въ браки съ греческими царевнами, усвоивали себя двуглаваго орла, (онъ перешелъ и въ нынѣшній гербъ королевства *Сербіи*: серебр. двуглавый орелъ въ червленомъ полѣ). Въ западной Европѣ мы встрѣчаемъ въ XIII и XIV в. двуглаваго орла въ гербахъ бургграфовъ Вюрцбургскихъ, графовъ Савойи, Слатты, Цюриха и др. Какъ гербъ священной Римской имперіи, онъ сталъ употребляться нѣмецкими императорами лишь въ началѣ XV в., при императорѣ Сигизмундѣ, хотя встрѣчается и ранѣе, на монетѣ Людвига Баварца около 1330 г. Ранѣе орелъ германскихъ императоровъ былъ одноглавымъ. Появленіе эмблемы двуглаваго орла на Западѣ, гдѣ онъ вошелъ также во многіе рыцарскіе гербы, (напр. въ гербѣ знаменитаго рыцаря Бертрана дю-Геклэна, коннетабля Франціи, въ 1371 г.), ставятъ въ связь съ крестовыми походами: крестоносцы могли заимствовать эту эмблему какъ изъ Византіи, такъ и отъ восточныхъ народностей Малой Азіи, съ которыми входили въ соприкосновеніе. Только въ позднѣйшія времена двуглавый орелъ сталъ изображаться въ гербахъ коронованнымъ, при чемъ ему приданы были, въ правую лапу — скипетръ и мечъ (у австрійскаго орла, у россійскаго—скипетръ), а въ лѣвую—держава. Къ двуглавому орлу нашего государственнаго герба мы еще возвратимся впослѣдствіи.

3. *Грифъ* (*Greif, griffon*)—онъ имѣетъ верхнюю часть туловища орлиную, а остальную, нижнюю—львиную, т. е. голова его и крылья, какъ у орла, съ прибавленіемъ стоячихъ ушей, съ шеею, покрытой перьями. На переднихъ ногахъ, обыкновенно поднятыхъ, имѣются когти. Брюхо, заднія ноги и хвостъ у него—

---

[1]) Въ Крыму, близъ Инкермана сохранялся камень съ греческою надписью 1427 г. и изображеніемъ *византійскаго двуглаваго орла*, увѣковѣчивавшими имя строителя храма, князя Манкупскаго Алексія, изъ рода *Комненовъ*, отъ котораго произошли русскія дворянскія фамиліи *Ховриныхъ* и *Головиныхъ*.

какъ у льва. Изображается онъ всегда въ профиль, обыкновенно стоящимъ (ф. 29), рѣже шествующимъ, съ хвостомъ, то поднятымъ, то подтянутымъ подъ брюхо. Иногда верхняя часть его получаетъ другой цвѣтъ, чѣмъ нижняя [1]). Въ родовомъ гербѣ царствующаго дома *Романовыхъ* грифъ является древнею гербовою эмблемою. Въ описяхъ царской оружейной казны, половины XVII в. упоминается между прочимъ слѣдующій *прапоръ гербовой* боярина Никиты Ивановича Романова, (дяди царя Алексѣя Михайловича): «прапоръ, средина тафта *бѣлая*, вшитъ *грифъ*, тафта *желтая*, съ мечемъ; въ лѣвой лапѣ держитъ клеймо (круглый щитъ): повыше клейма писанъ *орликъ черный*: опушка вшита въ червчатую тафту, тафта *желтая*, откоски — объярь *черныя*, писаны *главы львовы*, *золотомъ* и *серебромъ*. Впослѣдствіи, при геральдизаціи этого герба, грифъ сталъ изображаться *червленымъ*, а число оторванныхъ львиныхъ головъ на черной каймѣ щита опредѣлилось 8-ю, изъ которыхъ 4 золотыхъ и 4 серебряныхъ, чередуясь. Въ польской геральдикѣ древній гербъ *Грифъ* (или *Свобода*), гдѣ онъ изображается серебрянымъ въ червленомъ полѣ, относятъ къ X вѣку. Родоначальникомъ фамилій этого герба считаютъ Яксу, сына короля Лешка III.

4. *Драконъ* (*Drache*, *dragon*)—пресмыкающееся, но вмѣстѣ и крылатое животное, съ большою заостренною головою и разверстою пастью, изъ которой, а равно и ноздрей, часто изображается выходящее пламя. Онъ имѣетъ также выпущенный языкъ и большіе зубы; крылья его подобно тому, какъ у летучей мыши, имѣютъ на концѣ костей когти. Переднія ноги его подобны львинымъ, или орлинымъ; вмѣсто заднихъ, онъ имѣетъ толстый кольчатый хвостъ (ф. 30). Онъ изображается въ профиль, различнаго цвѣта, причемъ вооруженія его имѣютъ обыкновенно другую окраску, (*armé*, *lampassé*); иногда коронованнымъ, рѣдко съ человѣческою головою (напр. гербъ франц. фам. *Montdragon*). Если у него голова львиная, то онъ наз. *драконообразнымъ львомъ*. Въ гер-

[1]) Грифы почитались *хранителями сокровищъ*. Такъ напр. читаемъ въ одномъ древнерусскомъ *Хронографѣ* XVII вѣка: „Люди Аримаспи живутъ въ дальнихъ земляхъ татарскихъ, имѣютъ по одному оку, и *воюются съ грифы за жемчугъ и злато*“.

бахъ часто встрѣчается изображеніе св. Георгія Побѣдоносца на конѣ, или пѣшаго, поражающаго копьемъ дракона, (напр. *Московскій* гербъ, хотя такое объясненіе, по мнѣнію Лакіера, онъ получилъ у насъ не ранѣе начала XVIII в.).

Крылатый змій (*Lindwurm*) сходенъ съ дракономъ, но отличается отъ послѣдняго лишь тѣмъ, что имѣетъ и заднія ноги—львиныя.

Легендами о драконахъ особенно богаты различныя сказанія и житія святыхъ, въ особенности на Западѣ [1]) Отсюда изображенія ихъ заимствовались и церковною живописью, и геральдикою. Въ русской геральдикѣ мы встрѣчаемъ чернаго коронованнаго дракона въ древнемъ гербѣ *Казанскаго* царства, помѣщеннаго въ большой государственной печати царя Іоанна Васильевича Грознаго. Въ польской геральдикѣ драконъ съ крестомъ надъ нимъ, (называемый здѣсь грифомъ, со змѣинымъ хвостомъ), встрѣчается въ гербѣ рода *Ляцкихъ* (*Lacki*), одного корня съ Шереметьевыми, но перешедшаго въ Польшу.

5. *Пантера* (*Panther*, *Pantier* или *Pantel* въ нѣмецкой геральдикѣ) ф. 31, не имѣетъ никакого сходства съ дѣйствительно существующею пантерою, но представляетъ помѣсь льва, орла и дракона. Она имѣетъ туловище и стоячее положеніе геральдическаго льва, но при этомъ орлиные когти на лапахъ и голову, какъ у коня, или же дракона, иногда съ рогами. Нерѣдко она испускаетъ изъ пасти и ноздрей пламень; хвостъ и лапы у нея также львиные.

Это фантастическое животное встрѣчается въ различныхъ видоизмѣненіяхъ въ гербахъ *Штейермарка* и нѣмецкихъ фамилій: *Лозенштейнъ*, *Шеурлъ* и др. Въ славянскомъ Физіологѣ XVI в. встрѣчаемъ слѣдующее сказаніе «*о пантирѣ*»: «всякимъ скотомъ любезнѣй есть, врагъ же змѣи есть; дальніи и ближніи звѣріе послушаютъ гласа его; отъ гласа же его всяко благоуханіе ароматомъ исходитъ».

---

[1]) См. изслѣдованіе о драконахъ и др. чудовищныхъ змѣяхъ въ соч. *Salverte. Des sciences occultes, ou essai sur la magie, les prodiges et les miracles. Paris.* 1856, стр. 458—492.

6. *Единорогъ* (*Einhorn*, *Monoceros*, *licorne*) скачущій, стоящій, или сидящій конь съ раздвоенными копытами, мохнатыми ногами, львинымъ хвостомъ и длиннымъ, витымъ рогомъ, похожимъ на рогъ рыбы нарвала, или рыбы—единорога (*Monodon monoceros)* на лбу, иногда съ козлиною бородой. Рогъ и копыта обыкновенно отличающагося цвѣта (*accornée*, *animée*; о глазахъ—*onglée*) ф. 32. Единорогъ является особенно излюбленною эмблемою въ средневѣковыхъ легендахъ и сказаніяхъ: на немъ ѣздили волшебники, онъ убивалъ все, что ему попадалось навстрѣчу, только чистая дѣва могла его укротить и сдѣлать ручнымъ. У древнихъ христіанъ единорогъ служилъ символомъ не только силы, но и чистоты и цѣломудрія. Въ славянскихъ физіологахъ и азбуковникахъ XVI и XVII вѣковъ единорогъ, или *инрогъ*, изображается такъ: «звѣрь, подобенъ есть коню, страшенъ и непобѣдимъ, въ рогѣ имать всю силу». На малой печати царя Іоанна Васильевича Грознаго имѣется съ одной стороны изображеніе единорога, а съ другой—двуглаваго орла. Хотя единорогъ и не сдѣлался тогда принадлежностью государственнаго герба, почему и не помѣщенъ на большой печати Іоанна Грознаго, тѣмъ не менѣе фигура эта встрѣчается еще на нѣкоторыхъ печатяхъ царей: Бориса Годунова, Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича. Единорогъ встрѣчается также на должностной печати *приказа Большаго дворца* въ XVII в. Историкъ Татищевъ утверждалъ, что единорогъ былъ собственнымъ *гербомъ* Іоанна Грознаго, но достовѣрно лишь то, что Грозный частную свою переписку печаталъ этою эмблемою. Слѣдуетъ замѣтить, что на многихъ памятникахъ русскаго искусства XVI и XVII вѣковъ мы встрѣчаемъ фигуру двуглаваго орла, окруженную изображеніями символическихъ животныхъ: льва, единорога, дракона (или орла), и грифа. Такъ напр. на саадакѣ, (налучьѣ и колчанѣ), царя Михаила Ѳедоровича, изготовленнаго въ Оружейномъ приказѣ [1]) при участіи иноземныхъ мастеровъ, мы видимъ чеканныя изображенія, расцвѣченныя финифтью, двуглаваго орла, а вокругъ него:

[1]) Саадакъ этотъ сохраняется въ Оружейной палатѣ подъ № 6331, въ Оружейномъ залѣ.

одноглаваго орла, держащаго вѣнецъ, единорога—со скипетромъ, льва—съ мечемъ и грифа—съ державою. *Лакіеръ* и *Вельтманъ* даютъ этимъ эмблемамъ символическое объясненіе, основанное на аналогіи ихъ съ византійскими памятниками [1]). Въ западной геральдикѣ единорогъ весьма часто встрѣчается въ гербахъ, особенно въ англійскихъ—въ видѣ щитодержателей (напр. въ англійскомъ государственномъ гербѣ). Въ польской геральдикѣ мы встрѣчаемъ серебрянаго единорога *бѣгущимъ*, въ гербѣ *Bończa*; родоначальникъ этого герба выѣхалъ изъ Италіи въ 996 г. Въ нѣкоторыхъ польскихъ гербахъ этого наименованія единорогъ бываетъ пересѣченъ золотымъ полумѣсяцемъ и сопровождается 3-мя золотыми звѣздами; онъ перешелъ отсюда и къ нѣкоторымъ русскимъ фамиліямъ, (напр. *Тургеневыхъ*).

7. *Мелузина* или *морская женщина*, сирена (*Meerweib*, *Seejungfer*; *Melusine*, *sirène*), изображается въ видѣ обнаженной женской фигуры, которая ниже груди заканчивается въ два рыбьихъ хвоста. Она часто встрѣчается въ гербахъ коронованною, съ длинными распущенными волосами, съ руками, или безрукою. Обыкновенно она держитъ оба поднятые къ верху рыбьи хвоста въ рукахъ (ф. 33). Часто изображается держащею зеркало въ одной и гребень—въ другой рукѣ [2]). Безрукая и безхвостая эмблема—болѣе древняя. Мелузина служила эмблемою города *Палермо* уже въ XII вѣкѣ, происхожденіе ея—восточное.

---

[1]) Надъ входомъ въ каменныя палаты стараго *Московскаго Печатнаго двора*, вполнѣ отстроенныя въ половинѣ XVII в., имѣлось рельефное изображеніе *льва и единорога, стоящихъ на заднихъ лапахъ, другъ къ другу лицомъ, и подъ короною.* Это же изображеніе мы видимъ и на приказной *печати* Моск. печатнаго двора. Оно встрѣчается также у насъ въ XVII в. на нѣкоторыхъ *знаменахъ* и на *царскихъ съдлахъ*, сохраняющихся въ Оружейной палатѣ; на чеканныхъ украшеніяхъ этихъ послѣднихъ левъ и единорогъ изображаются стоящими по обѣ стороны двухглаваго орла. Встрѣчается оно также въ архитектурныхъ украшеніяхъ *царскаго теремнаго дворца* въ Кремлѣ и на костяномъ тронѣ Іоанна III.

[2]) На нашихъ таблицахъ мы воспроизводимъ малый *храноръ боярина Василія Семеновича Волынскаго* (№ 4202 Оруж. пал.), сопровождавшій его на посольскія съѣзды съ Поляками въ 1671—72 г. при заключеніи Андрусовскаго перемирія. На этомъ хранорѣ заслуживаетъ вниманія сочетаніе *византійской* эмблемы, такъ называемаго „*Цареградскаго знаменія*“ (или *видѣнія*): одноглаваго орла, терзающаго змія, съ *западною геральдическою* эмблемою *Мелузины*, на сохранившемся откосѣ хранора; любопытно, что у этой фантастической фигуры мы видимъ здѣсь надѣтый на шею крестикъ.

8. *Гарпія* или дѣвоподобный орелъ (*Jungfrauadler*, *Harpie*) ф. 34—представляетъ орла съ коронованнымъ женскимъ бюстомъ, (т. е. грудь, шея и голова — дѣвичьи). Составныя части этой фигуры изображаются различнаго цвѣта, причемъ орлиная большею частью черною (напр. въ гербѣ г. *Нюренберга* [1]).

9. *Кентавръ (Hippocentaur, centaure)*, фигура, заимствованная изъ языческой миѳологіи, изображается какъ получеловѣкъ и полуконь. Встрѣчается между прочимъ въ польской геральдикѣ въ древнемъ гербѣ *Гиппоцентавръ* или *Довшпрунъ*, гдѣ онъ имѣетъ геральдическую особенность, а именно, вмѣсто хвоста, у лошади — пасть дракона, котораго поражаетъ стрѣла, пущенная изъ лука руками самого же кентавра. Съ этимъ гербомъ связана легенда о происхожденіи литовскихъ князей изъ Рима. Въ нашей древней апокриѳической литературѣ кентавръ слился съ другою легендарною же фигурою *китовраса* (въ апокриѳическомъ сказаніи «о Соломонѣ и Китоврасѣ»). На мѣдныхъ вратахъ, устроенныхъ въ 1336 г. архіепископомъ Василіемъ для новгородскаго Софійскаго собора, взятыхъ потомъ Іоанномъ Грознымъ въ Александровскую слободу, китоврасъ былъ изображенъ въ видѣ кентавра, который держитъ въ рукахъ маленькую фигуру брата своего Соломона. Въ рукописномъ алфавитѣ XVIII в. *китоврасъ* истолкованъ словами: *кентавръ* или *оконентавръ*. Итакъ, нашъ китоврасъ не что иное, какъ неумѣлая передѣлка греческаго кентавра. Любопытно, что мы встрѣчаемъ изображеніе китовраса на одномъ сохранившемся въ Оружейной Палатѣ солдатскомъ знамени, конца XVII вѣка (№ 4147): онъ представленъ здѣсь въ кругу алаго цвѣта, пускающимъ стрѣлу изъ лука, фигура китовраса писана красками, надъ нимъ, въ верхнемъ

[1]) Къ разряду подобныхъ баснословныхъ птицъ принадлежатъ въ нашей русской древней рукописной литературѣ также легендарныя *райскія птицы: Сиринъ* и *Алконостъ*, изображенія которыхъ сохранились на русскихъ народныхъ (лубочныхъ) картинкахъ (см. *Сборникъ Ровинскаго*). Птицы эти изображаются *съ женскими головами, коронованными* и *съ павлиньими хвостами*, иногда распущенными. Онѣ встрѣчаются также, въ видѣ украшенія, въ геральдическомъ стилѣ, *по обѣ стороны двуглаваго орла*, на царскихъ кованыхъ сѣдлахъ XVII вѣка (въ М. Оруж. Палатѣ). Обѣ эти птицы, по легендѣ, отличались своимъ чуднымъ райскимъ пѣніемъ. Встрѣчается у насъ также и своеобразное народное изображеніе *Гарпіи*, напоминающее болѣе дракона, нежели птицу.

углу знамени — осмиконечный крестъ (см. табл.). Иногда кентавръ въ нашихъ гербахъ называется *стрѣльцомъ*.

10. *Гидра (Hydra, hydre)*—изображается въ профиль, съ змѣинымъ хвостомъ и семью головами, изъ которыхъ 6 возстающихъ и 1 висящая внизъ. Цвѣтъ ея обыкновенно зелёный. Эта фигура, заимствованная изъ греческой миѳологіи *(Лернейская гидра)*, встрѣчается между прочимъ въ гербѣ князей *Орловыхъ*.

11. *Химера (Chimère)*—фантастическое существо, имѣющее голову и грудь женщины, туловище и лапы — львиныя и хвостъ—змѣи. Встрѣчается во французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ гербахъ (напр. фамиліи *Chimera)*.

12. *Василискъ (Basilisk)*—изображается въ видѣ дракона съ пѣтушьей головой (въ нѣмецкихъ гербахъ), а иногда въ видѣ птицы, напоминающей орла, съ змѣинымъ хвостомъ и крыльями летучей мыши, усѣянныхъ глазами.

13. *Саламандра (Salamander)* — такъ-какъ думали, что она не горитъ въ огнѣ, то ее изображали обыкновенно среди пламени, напр. въ польскомъ гербѣ *Salamandra*, который имѣетъ между прочимъ русскій дворянскій родъ *Хрущевыхъ*, выѣхавшій изъ Польши и просившій въ 1686 г. царей Іоанна и Петра Алексѣевичей объ утвержденіи за ними этого герба. Любопытенъ отвѣтъ Посольскаго приказа, данный имъ въ то время Родословной палатѣ и взятый изъ книги *Окольскаго*: «дана была *саламандра* въ знакъ Францышку первому, королю французскому для того: что посреди пламени нуждъ и бѣдъ побѣдитель бывалъ... толь превысокаго достоинства знакъ потомъ перешелъ въ гербъ доброродныхъ въ Ческой землѣ *Хрущевыхъ* для имянной на войнахъ храбрости, которую между пламенносѣрными огньми и воинскими нарядами показали суть... а герба ихъ описаніе таково: животное тонкое и малое, скорпіи много подобное, не совершенно желтымъ цвѣтомъ одѣянное, живетъ огнемъ, который вся смертная снѣдаетъ, въ огни бо живетъ саламандра...» и т. д.

14. *Райская птица*, или *Гамаюнъ* [1])—фигура, встрѣчаю-

[1]) Иногда, впрочемъ, въ древней Руси подъ *гамаюномъ* разумѣли, кажется, и *попугая*. Происхожденіе слова *гамаюнъ*—восточное.

щаяся въ русской геральдикѣ, а именно въ гербѣ *Смоленскомъ*, который помѣщенъ въ *Титулярникѣ* царя Алексѣя Михайловича. Гербъ этотъ состоитъ изъ обращенной вправо пушки на лафетѣ, на которой сидитъ *райская птица*, (иногда наз. *гамаюномъ*), безъ ногъ, съ длиннымъ клювомъ и перьями въ видѣ волосъ, обращенными назадъ и покрывающими все туловище, (что даетъ птицѣ сходство съ ежомъ); два длинныхъ пера въ хвостѣ, въ видѣ лиры, напоминаютъ дѣйствительную райскую птицу. Гербъ этотъ, повидимому, русскаго происхожденія, такъ какъ подъ польскимъ владычествомъ Смоленскъ имѣлъ другой гербъ, (золотой посохъ на красной хоругви). Райская птица, сидящая на пушкѣ, перешла и въ гербы русскихъ фамилій, происходящихъ отъ князей *Смоленскихъ*: кн. *Вяземскихъ*, *Козловскихъ*, *Кропоткиныхъ*, дворянъ *Татищевыхъ* и др., но въ настоящее время она изображается болѣе сходною съ дѣйствительностью и стоящею на ногахъ.

Заимствованныя изъ греческой миѳологіи фигуры: *цербера*, *пегаза*, *феникса*, *сфинкса*, *минотавра* и др., также встрѣчающіяся иногда въ гербахъ, достаточно извѣстны, почему мы и не будемъ здѣсь на нихъ подробнѣе останавливаться. Упомянутыя нами фантастическія животныя—наиболѣе характеристичныя и чаще всего встрѣчающіяся въ геральдикѣ; но въ древнихъ гербахъ, кромѣ того, появляется еще множество такихъ фигуръ, которыя состоятъ изъ сочетаній различныхъ животныхъ, или же человѣческихъ фигуръ съ звѣриными, или птичьими.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію такъ наз. *искусственныхъ фигуръ*.

Въ древнее время въ гербахъ изображались всевозможнаго рода предметы изъ области искусства и ремесла, изъ которыхъ есть много и такихъ, смыслъ которыхъ съ теченіемъ времени утраченъ, или по крайней мѣрѣ не вполнѣ понятенъ въ настоящее время и сохранился лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Но въ новыхъ гербахъ, допуская въ нихъ подобныя изображенія изъ обыденной жизни, не слѣдуетъ однако идти въ этомъ направленіи

слишкомъ далеко, если желаютъ сохранить особенности геральдическаго искусства и правилъ, установленныхъ герольдами.

Предметы современной индустріи и новѣйшихъ техническихъ открытій являются въ этомъ отношеніи совершенно неподходящими въ гербахъ, такъ-какъ эти послѣдніе должны всегда сохранять извѣстный отпечатокъ древности; въ противномъ случаѣ гербовый щитъ уже слишкомъ рѣзко бы противорѣчилъ рыцарскому шлему, помѣщаемому надъ нимъ. Если же непремѣнно желаютъ выразить въ гербѣ отношеніе къ подобному предмету современной жизни, то правильнѣе будетъ избрать для его изображенія символъ такого предмета въ геральдическомъ стилѣ. Въ такомъ выборѣ стиля искусственныхъ фигуръ долженъ руководить художественный вкусъ, который пріобрѣтается лишь чрезъ знакомство съ подлинными образцами древняго искусства герольдовъ, напр. изученіемъ древнихъ гербовниковъ, каковы *Цюрихскій, Грюнебергскій* и т. д., или напр., изъ напечатанныхъ, особенно изящнаго въ художественномъ отношеніи гербовника *Юста Аммана* XVI в. *(Jost Amman's Wappen u. Stammbuch. Frankfurt a. M. 1589).* Опредѣленныя правила въ этомъ отношеніи установить трудно; но вообще въ рисункѣ гербовой фигуры должно быть сохраняемо лишь одно существенное и притомъ съ извѣстнымъ отпечаткомъ старины, хотя бы съ теченіемъ времени форма изображаемаго предмета и подвергалась измѣненію. Многіе предметы, изображенные въ древнихъ гербахъ, какъ мы уже сказали, трудно опредѣлимы въ настоящее время, такъ-какъ они совершенно вышли изъ употребленія. Но при внимательномъ изслѣдованіи первоначальнаго происхожденія гербовыхъ изображеній и ихъ геральдическаго развитія, открывается смыслъ многихъ загадочныхъ фигуръ. Изученіе средневѣковыхъ печатей, надгробныхъ плитъ, гербовниковъ и т. под. можетъ дать въ этомъ отношеніи много разъясненій, а равно и знакомство съ одеждами, обычаями, учрежденіями, ремеслами и т. д. различныхъ историческихъ эпохъ. Многое въ гербовыхъ эмблемахъ могутъ также объяснить происхожденіе, родина и названіе той или другой фамиліи, такъ-какъ гербовое изображеніе въ большинствѣ случаевъ имѣетъ отношеніе къ фамиль-

ному прозвищу, а часто и къ имени первоначальнаго владѣльца герба.

Искусственныя фигуры могутъ быть подраздѣлены на:

1) *Постройки (Bauwerke)*, 2) *Орудія ремесла (Werkzeuge)* и *утварь (Geräthschaften)*, 3) *Одежду (Kleidungsstücke)* и 4) *Оружіе (Waffen)*. Фигуры эти могутъ быть озображаемы въ полномъ видѣ, или частями. Чаще всего встрѣчаются слѣдующія постройки:

1. *Башни (Thurm, tour)*, обыкновенно круглыя, построенныя изъ плитъ, имѣющія сверху зубцы, съ воротами и бойницами, при чемъ послѣднія несообразно большаго размѣра; часто также съ острою кровлею, или съ небольшими башенками по угламъ. Цвѣтъ большею частью серебряный; ворота, окна и т. под. — черныя. Эмблема башни или крѣпости часто встрѣчается въ гербахъ нашихъ княжескихъ фамилій, какъ напр. князей *Долгоруковыхъ*, *Щербатовыхъ*, *Хилковыхъ*, *Гагариныхъ* и др. Мы находимъ её также въ польскомъ гербѣ *Grzymała*—въ золотомъ полѣ три червленаго цвѣта башни; въ открытыхъ воротахъ средней башни стоитъ вооруженный воинъ. Нѣкоторые относятъ начало этого герба ко времени самого Леха I-го. Впрочемъ этотъ послѣдній типъ скорѣе приближается къ *замкамъ (Burg, château)*, встрѣчающимся въ западной геральдикѣ: они изображаются безъ перспективы, но лишь въ очертаніяхъ, (въ чертежѣ) ф. 35. Замокъ особенно часто встрѣчается въ испанской геральдикѣ, какъ гербъ *Кастиліи*.

2. *Церкви (Kirchen)*, изображаемыя обыкновенно въ общемъ типѣ той страны, которой принадлежитъ гербъ того или другаго лица, (на западѣ—съ башнями и высокими окнами, у насъ—съ куполами).

3. *Ворота (Pforte, porte)* съ фронтономъ, или въ стѣнѣ, обыкновенно съ открытыми настежь половинами (ф. 36); часто также съ опускною рѣшеткою и зубцами сверху.

Далѣе встрѣчаются *тыны (Planken)* изъ заостренныхъ къ верху бревенъ, или досокъ, *мосты (Brücke, pont)*, *колодцы (Brunnen, puit)* — съ лебедкою, или насосомъ; отдѣльныя *крыши (Dach, toit)* иногда на столбахъ, напр. въ одномъ изъ

древнѣйшихъ польскихъ гербовъ *Bróg* или *Leszczyc:* въ красномъ полѣ четыре серебряныхъ столба, покрытыхъ золотою крышею; древность его относятъ къ XI вѣку.

Наконецъ, отдѣльныя плиты, гонты (*Schindeln*); стоящіе на узкомъ краю наз. *скошенными*.

Встрѣчаются также *корабли* (*Schiff, navire*)—ф. 37, напр. въ гербѣ *Парижа*, и отдѣльныя мачты, паруса и якоря и т. под.

Изображенія орудій ремеслъ и утвари въ гербахъ отличаются, конечно, большимъ разнообразіемъ. Особенно часто встрѣчаются фигуры, имѣющія отношеніе къ рыцарскому быту: военному дѣлу, охотѣ, играмъ, музыкѣ и пиршествамъ, какъ напр. *охотничьи рога* (*Jagdhorn, cor de chasse*), согнутые въ дугу (ф. 38) [1]), *стрѣлы* (*Pfeil, flèche*), *самопалы*; такъ наз. *птичьи стрѣлы* (*Vogelbolzen*), съ дугообразнымъ наконечникомъ, *волчьи капканы* (*Wolfsangel*), или зажимы изъ желѣза въ формѣ серпа, съ петлею по срединѣ (ф. 39). Далѣе заимствованныя отъ игръ: *игорныя кости* (*Würfel, dés*), *шашки* (*Brettspielsteine, pièces de jeu*), и *шахматныя фигуры*, а именно *конь* и *башня* (*тура—roc d'échiquier*); эта послѣдняя часто изображается въ видѣ геральдической лиліи, но безъ средняго листа, на маломъ постаментѣ (ф. 40). Многочисленны также въ гербахъ *музыкальные инструменты:* арфы, лютни, барабаны, лиры, гитары и т. под.; затѣмъ всевозможные *сосуды*: котлы [2]) чаши, кружки; *ремесленныя орудія*: молотъ, топоръ, ножъ (съ лезвіемъ, обыкновенно обращ. вправо) ф. 41, ножницы для стрижки овецъ и всевозможныя *земледѣльческія орудія*. Изъ другихъ предметовъ домашняго быта встрѣчается очень часто: *уда, ключъ*, послѣдній съ широкою, нѣсколько разъ вырѣзанною бородкой, *огниво* (*Feuerstahl*) своеобразной формы, показ. на ф. 42; столы и стулья, *римскіе*

---

[1]) Три *охотничьихъ рога* встрѣчаются въ древнемъ гербѣ знатной литовской фамиліи *Радзивиловъ*, (гербъ *Trąby*), которымъ пользуются и нѣкоторыя русскія фамиліи литовскаго происхожденія, напр. *Волковы*.

[2]) Въ *испанской* геральдикѣ *котлы* своеобразной формы съ рукоятью, напоминающіе корзину, представляютъ въ гербахъ знатнѣйшихъ фамилій (*ricos hombres*) весьма почетную эмблему, иногда въ числѣ отъ 8—10 въ гербовой каймѣ. Ею пользовались лишь тѣ фамиліи, которыя имѣли свое „*особое знамя и котелъ*“, т. е. свое войско).

или *пилигримскіе жезлы* (*Römer od. Pilgerstäb*) и, наконецъ, *крюки для вѣшанія котла* (*Kesselhaken*), особенно распространенные въ гербахъ сѣверной Германіи (ф. 43).

Между *знаменами*, изображаемыми въ гербахъ, различаются: 1) *церковное знамя* или *хоругвь* (ф. 44) — четвероугольное, раздѣляющееся внизу на три длинныхъ косицы: оно имѣетъ сверху кольца для укрѣпленія шнуровъ, а снизу обшито бахрамою; 2) *военное знамя*, или *прапоръ* (*Banner, bannière*), съ одной или двумя косицами сбоку, развѣвающееся (ф. 45). Изображенныя на знамени фигуры должны быть обращены къ древку его.

Наконецъ, къ этому же разряду гербовыхъ фигуръ принадлежатъ весьма часто встрѣчающіеся въ гербахъ западной Европы, въ особенности французскихъ, (гдѣ они причисляются къ *геральдическимъ фигурамъ 2-го разряда*): *ромбы* (*losanges* н. *Rauten*), *фузеи* (*fusées*, н. *Wecken*), *сквозные ромбы* (*mâcles* и *rustres*, нѣм. *Fensterrauten:* первое съ *ромбовымъ*, а второе—съ *круглымъ* отверстіемъ), *бильеты* (*billettes*, н. *Längsschindeln*), помѣщаемые въ полѣ щита рядами, небольшіе продолговатые прямоугольники, которые иногда бываютъ *сквозными*. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ *квадратами* (*carreaux*, н. *Quadrate*), которые встрѣчаются гораздо рѣже. Но особенно многочисленны въ гербахъ, французскихъ и англійскихъ такъ наз. *безанты*, (о происхожденіи которыхъ мы говорили выше, на стр. 27): это маленькіе золотые, или серебряные кружки, на которыхъ впрочемъ долженъ быть замѣтенъ слѣдъ чеканки, такъ-какъ они изображаютъ *монеты* или *Византины*. Видоизмѣненія ихъ представляютъ имѣющіе другую окраску, такъ-наз. во франц. гер. *tourteaux:* эти послѣдніе всегда бываютъ съ тинктурой, или изъ мѣха; и *besants-tourteaux*, (или *tourteaux-besants*), которые на половину металлическіе, а на половину — цвѣтные. Извѣстный гербъ знаменитой итальянской фамиліи *Медичисовъ* представляетъ: въ золотомъ полѣ во главѣ *tourteau* голубаго цвѣта съ 3-мя лиліями Франціи и 5 меньшихъ, таковыхъ же кружковъ, червленаго цвѣта, расположенныхъ подъ нимъ, въ видѣ внутренней каймы (*en orle*). Встрѣчаются также *кольца* (*Ringe, annelets*), *шары* (*Kugeln*) и, наконецъ, такъ наз. *гамеиды* или

бруски, (*Hamétides: Hamen, schwebende Balken*). Эта послѣдняя фигура имѣется также въ польской геральдикѣ, въ гербѣ *Корчакъ*: три серебряныхъ, уменьшающихся къ низу въ размѣрѣ, бруска (*гамеида*), расположенныхъ горизонтально, одинъ надъ другимъ, въ червленомъ полѣ. Гербъ этотъ принадлежалъ сперва князьямъ Славоніи, изъ нея перешелъ въ Венгрію, а отсюда въ XIII в. въ Польшу. Онъ принятъ также нѣкоторыми русскими фамиліями польскаго происхожденія (*Римскими-Корсаковыми, Баратынскими* и др.).

Первоначальный способъ сшивать щиты изъ кусковъ, обивать ихъ металлическими скобами, украшать драгоцѣнными камнями и, наконецъ, скрѣплять перекрещивающимися цѣпями, во многихъ случаяхъ является источникомъ происхожденія нѣкоторыхъ геральдическихъ фигуръ. Сюда относится напр. такъ наз. *колесо изъ лилій* (*Lilienrad* или, вѣрнѣе, колесо изъ такъ наз. *клевъ* (*cleve*). т. е. неполныхъ лилій. Древніе геральдисты называли эту фигуру иногда колесомъ изъ карбункуловъ, также *Клевскимъ колесомъ* (*Clevenrad*), такъ-какъ оно составляло гербъ герцогства *Клевскаго* (ф. 46); въ срединѣ его помѣщенъ щитокъ, или кольцо, который, въ настоящемъ щитѣ, украшался драгоцѣннымъ камнемъ (карбункуломъ).

Къ *одеждамъ* и *предметамъ украшенія*, помѣщаемымъ въ гербахъ относятся:

Различные головные уборы, *шапки, шляпы,* иногда завороченные по краямъ и съ окрашенною въ другой цвѣтъ подкладкою (ф. 47); *сапоги* съ заостреннымъ носкомъ, какіе были въ модѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ; *пояса для меча* (*Schwertgurte*), различныя пряжки, *короны* и *коронные обручи,* имѣющіе зубцы въ видѣ трилистниковъ, или лилій. Такъ наз. *рутовый вѣнецъ* (*Rautenkranz*) въ королевскомъ гербѣ *Саксоніи* представляетъ проходящій діагонально чрезъ щитъ, справа налѣво, коронный обручъ зеленаго цвѣта (ф. 48): происхожденіе его объясняется, какъ изображеніе, въ стилѣ геральдическаго орнамента, вѣнка изъ живой зелени, (изъ растенія *руты*).

Въ гербахъ появляется также *рыцарское оружіе* въ полномъ его составѣ, а именно мечъ, желѣзный шлемъ, боевой

чеканъ, палица, сѣкира, панцырь, щитъ, стрѣлы и лукъ, болты *(Bolzen)*. Далѣе—различныя военныя принадлежности, какъ напр. военныя фуры (*Rüstwagen*), шатры и т. под. Мы уже говорили выше о такъ наз. *домовыхъ знакахъ* (*Hausmarken*), нерѣдко переходившихъ въ древніе гербы. Многіе изъ таковыхъ получили свое начало отъ *торговыхъ знаковъ*, *шифровъ и монограммъ* (т. е. сокращеннаго изображенія именныхъ буквъ), каковые купцы имѣютъ обыкновеніе изображать на кипахъ товара: они служили первоначально для обозначенія собственности, а впослѣдствіи переходили и въ гербы (напр. ф. 49). Ихъ почти невозможно описать, такъ-какъ они часто состоятъ изъ весьма сложныхъ крючковъ и угловыхъ линій. Подобными же малопонятными геральдическими знаками особенно богата польская геральдика, но здѣсь таковые имѣютъ другое происхожденіе. Въ польскихъ гербахъ они произошли отъ *родовыхъ знаменныхъ знаковъ* польскаго дворянства, прототипомъ которыхъ ученый геральдистъ *Пекосинскій* считаетъ руническія письмена, перенесенныя въ Польшу въ началѣ IX в.

Къ этому же разряду гербовыхъ фигуръ относятся *кресты*, которыхъ существуетъ въ геральдикѣ безчисленное множество различныхъ формъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: *Латинскій* крестъ или крестъ Распятія (*Lateinisches od. Passionskreuz*), у котораго поперечная часть короче, нежели продольная, и дѣлитъ послѣднюю на двѣ неравныя половины, проходя ближе къ верхнему концу. Когда верхняго конца креста недостаетъ, то таковой наз. *крестомъ св. Антонія* (*Taf*) (ф. 50); *выступнымъ* (*Krücken—kreuz, croix potencée*) наз. такой, у котораго концы образуютъ выступы, подобные Антоніевскимъ крестамъ (ф. 51). Подобный выступной крестъ, сопровождаемый 4-мя малыми крестиками такой же формы, есть *Іерусалимскій крестъ*. Когда концы креста заканчиваются двумя загнутыми остріями, то онъ наз. *якорнымъ* (*Ankerkreuz, croix ancreé*) ф. 52, когда же они кончаются въ видѣ лилій — *лилейнымъ* крестомъ (*Lilienkreuz, c. florencée*), если въ видѣ трилистника — *трилистнымъ* (*Kleeblattkreuz, c. trefleé*), ф. 53; въ видѣ наконечника стрѣлы — *стрѣльчатымъ* (*Pfeilspitzkreuz*); въ видѣ ромба—*ромбическимъ*

(*Rautenkreuz*); въ видѣ шаровъ — *шаровиднымъ* (*Kugelkreuz, c. pommetée*); въ видѣ малыхъ крестиковъ — *перекрещеннымъ* (*Wiederkreuz, c. recroisettée*) ф. 54.

Такъ наз. *водруженный* крестъ (*Steckkreuz*) имѣетъ нижній конецъ заостренный, какъ бы для того, чтобы водружать его въ землю. *Патріаршій* крестъ имѣетъ двѣ поперечныя части, причемъ нижняя длиннѣе верхней, и обѣ заканчиваются въ видѣ трилистника (ф. 55). *Мальтійскій* крестъ (ф. 56) состоитъ изъ 4-хъ равностороннихъ треугольниковъ съ выемками въ концахъ.

Крестъ съ концами, загнутыми подъ прямыми углами, наз. *головчатымъ (Hakenkreuz)* ф. 57; составленный изъ древесныхъ стволовъ съ обрубленными сучьями—*пнистымъ* (*Astkreuz*); подобный же, но въ формѣ Андреевскаго креста, есть такъ наз. *Бургундскій крестъ* (ф. 58).

Въ русскихъ гербахъ употребляются также весьма часто православные *осьмиконечные кресты*; рѣже шести-конечные и съ удлиненіемъ внизъ.

Благодаря крестовымъ походамъ, какъ мы видѣли, крестъ сдѣлался особенно любимою гербовою эмблемою и съ теченіемъ времени сталъ различнымъ образомъ украшаться. Крестъ четырехконечный съ равными концами, принятый на Востокѣ, въ геральдикѣ получилъ названіе *греческаго*, въ отличіе отъ латинскаго, или возвышеннаго (*Hochkreuz*). Относительно размѣровъ креста при его изображеніи въ гербѣ слѣдуетъ сообразоваться съ щитовою поверхностью, соблюдая правильное отношеніе къ послѣднему.

Весьма часто въ одномъ гербѣ помѣщается нѣсколько совершенно одинаковыхъ фигуръ. Когда таковыхъ имѣется неопредѣленное число, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ не только касаются краевъ щита, но даже видны только отчасти, не помѣщаясь въ щитѣ вполнѣ, то поле герба получаетъ названіе *усѣяннаго* или *усыпаннаго* (*bestreut, besäet; semé*), напр. крестами, лиліями, львами, орликами и т. под. Но при этомъ всѣ эти фигуры должны имѣть совершенно одинаковый размѣръ.

Фигуры бываютъ обращены въ одну и ту же сторону, или отвращены одна отъ другой, или обращены другъ къ другу, или,

наконецъ, имѣть голову обращенною назадъ относительно туловища. При этомъ слѣдуетъ всегда соблюдать правило, чтобы фигуры принаравливались къ формѣ и положенію щита и распредѣлялись на немъ симметрично и красиво.

Единичная фигура по правилу должна помѣщаться по срединѣ щита. Двѣ фигуры помѣщаются одна возлѣ другой: этого не требуется особо обозначать, но бываетъ необходимо въ томъ случаѣ, когда одна фигура находится надъ другою.

При трехъ фигурахъ обычное расположеніе: двѣ сверху и одна снизу * * * (выражается такъ: 2. 1.); необычное положеніе есть 1. 2., или всѣ три рядомъ, или одна надъ другою. При четырехъ фигурахъ 2. 2., т. е. по двѣ въ рядъ, при пяти — 2. 2. 1. * * * * , или 1. 3. 1., когда онѣ расположены въ видѣ креста, 2. 1. 2 — въ видѣ Андреевскаго креста. При шести фигурахъ обычное расположеніе ихъ 3. 2. 1, при семи—3. 3. 1.

Когда фигуры расположены, слѣдуя направленію какой либо геральдической фигуры, то это указывается въ видѣ сравненія: напр. подобно столбу (*pfahlweise, en pal*), подобно поясу (*balkenweise, en fasce*), подобно перевязи справа (*en bande*), подобно перевязи слѣва (*en barre*), или крестообразно и т. под.

XV.

Окончивъ разсмотрѣніе геральдическаго щита съ его многочисленными и разнообразными фигурами, перейдемъ теперь къ другой составной части герба—*геральдическому шлему*.

Хотя въ древнѣйшее время, уже съ XII-го вѣка, носителемъ герба являлся одинъ лишь щитъ, тѣмъ не менѣе рыцарскій шлемъ съ его геральдическимъ украшеніемъ въ послѣдующія времена, а также въ эпоху процвѣтанія геральдики получилъ почти такое же значеніе въ гербѣ, какъ и щитъ. На средневѣковыхъ печатяхъ шлемъ встрѣчается часто и одинъ, безъ щита. При рыцарскихъ турнирахъ, какъ мы уже видѣли, требовалось, какъ доказательство рыцарскаго происхожденія и права участія въ турнирѣ, предъявлять вмѣстѣ съ гербовымъ щитомъ также и

шлемъ, для такъ называемаго *«осмотра шлема»* (*Helmschau*) герольдами.

Такъ какъ шлемъ носился самимъ рыцаремъ въ видѣ боевой защиты головы, то онъ, строго говоря, умѣстенъ только въ гербахъ дворянскихъ фамилій, въ мужскомъ поколѣніи; различнымъ же корпораціямъ и городамъ, а равно лицамъ духовнаго званія, (на Западѣ), и женщинамъ шлемъ на гербѣ не приличествуетъ, почему, по геральдическому правилу, таковые его и не имѣютъ. Впрочемъ, нѣкоторымъ городамъ и корпораціямъ въ западной Европѣ шлемъ жаловался иногда къ гербу государями, какъ знакъ особаго отличія.

Не всѣ шлемы, которые дѣйствительно употреблялись въ старину, примѣняются для изображенія геральдическаго шлема. Таковымъ служатъ преимущественно такъ наз. *турнирные*, отличавшіеся своеобразными украшеніями, или клейнодами; эти послѣдніе получили особенное развитіе въ нѣмецкой геральдикѣ.

Шлемъ былъ въ употребленіи уже въ глубокой древности, но до начала крестовыхъ походовъ онъ былъ или мѣдный, или состоялъ изъ металлическихъ прутьевъ, затянутыхъ кожей, иногда кожаный, покрытый металлическими бляхами и закрывавшій только верхнюю часть головы, затылка и лба. Боевыя встрѣчи рыцарей съ сарацынами на Востокѣ обнаружили всю непригодность такого головнаго прикрытія; поэтому форма шлема быстро мѣняется: его начинаютъ дѣлать желѣзнымъ, цилиндрическимъ, или полушарообразнымъ и покрывающимъ всю голову. Для зрѣнія стали дѣлать въ немъ глазныя отверстія, а для допуска воздуха къ головѣ пробивать многочисленныя дыры. Подобный шлемъ имѣлъ форму горшка, а потому и получилъ названіе *горшковиднаго шлема* (*Topfhelm*, *pot*). Онъ вошелъ въ употребленіе въ бою и на турнирахъ съ половины XIII-го вѣка. (ф. 59). У французовъ и англичанъ онъ имѣлъ вершину конической формы, что давало ему форму сахарной головы. Въ XIV вѣкѣ этотъ горшковидный шлемъ, который надѣвался сверхъ легкаго, или кольчатой сѣти, настолько увеличился въ своемъ размѣрѣ, что садился на плечи рыцаря, чѣмъ нѣсколько облегчалась его тяжесть: это такъ наз. *кадочный шлемъ* (*Kübel od. Fasshelm*)

ф. 60). Въ XIV и XV вѣкахъ стали употребляться въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, и боевые, и особые турнирные шлемы. Первыми были такъ наз. *бацинеты (Beckenhaube, bacinet)*. заостренный формы, снабженные наносникомъ *(nasal)*, причемъ нижняя часть лица защищалась кольчугою. Но вскорѣ оказалось, что такое прикрытіе лица недостаточно, а потому къ бацинету прибавили значительно выдающееся впередъ забрало: это придало шлему нѣкоторое сходство съ собачьей головой, откуда и произошло ихъ нѣмецкое названіе—*Hundsgugel (grand bacinet)*. Съ конца XIV вѣка бацинетъ мало по малу утрачиваетъ свою коническую форму, измѣняя ее на шарообразную, и такимъ образомъ получается новая форма—так. наз. *салядъ (Schallern, salade)*. Эти шлемы появились почти одновременно двухъ типовъ: нѣмецкіе, имѣвшіе забрало (*Visier*). и итальянскіе — безъ такового. Первые исчезли уже въ началѣ XVI вѣка, а вторые продержались долѣе и впослѣдствіи были дополнены козырькомъ и боковыми частями, откуда произошла новая форма шлема—*бургиньотъ (Bourgignot, Sturmhaube)*: они бывали открытые и закрытые.

Кромѣ того, въ началѣ XVI вѣка проникла въ Европу чрезъ Испанію другая форма шлема, повидимому заимствованная отъ мавровъ: это так. наз. *моріонъ* (*Morion*, исп. *morrion*). Она представляетъ высокую, слегка заостренную шапку, имѣющую по вершинѣ полукруглый гребень, а снизу широкія поля, приподнятыя спереди и сзади. Наконецъ, съ Востока проникла въ Европу еще древняя форма восточнаго шлема, особенно распространившаяся въ Россіи, Польшѣ и Венгріи. Отличительныя признаки ея состояли въ конической формѣ и выдвижномъ наносникѣ. У русскихъ шлемовъ мы встрѣчаемъ козырекъ, или полку, чрезъ которую пропускался наносникъ, а также для прикрытія ушей и затылка—особыя добавочныя части изъ стальныхъ пластинокъ. У нѣкоторыхъ русскихъ шлемовъ сзади вѣнца, (т. е. нижней части). прикрѣплялись кольчужныя сѣтки, или *бармицы*, а сверху они имѣли въ навершьѣ перо, или *словецъ*. Иногда шлемы имѣли украшенія изъ золотой насѣчки, финифти и драгоцѣнныхъ камней, (напр. на шлемѣ или ерихонской шапкѣ царя Михаила Θе-

доровича, изображаемой надъ щитомъ русскаго государственнаго герба: этотъ шлемъ приписываютъ вел. князю Александру Невскому). Какъ мы уже сказали, геральдическими шлемами признаются лишь турнирные, т. е. покрывавшіе всю голову; всѣ же остальныя формы шлемовъ, упомянутыя нами, т. е. открытые и съ забралами, (также римскіе), не геральдичны и могутъ изображаться только въ видѣ гербовой фигуры въ щитѣ. На этомъ основаніи въ нѣмецкой, наиболѣе научно разработанной геральдикѣ, мы встрѣчаемъ на гербахъ лишь три вида шлемовъ, а именно: 1) *горшковидный* и *кадочный* XIII и XIV вѣка 2) *копьевой* (*Stechhelm*) ф. 61. 62. и 3) *рѣшетчатый* (*Spangenhelm*) ф. 63. Остановимся на разсмотрѣніи этихъ геральдическихъ формъ шлема нѣсколько подробнѣе.

Кадочный шлемъ состоялъ первоначально изъ двухъ, впослѣдствіи—изъ четырехъ склепанныхъ бронзовыхъ листовъ и одного замыкающаго листа вверху. Древнѣйшая форма его — малаго размѣра, сверху плоская (ф. 59), тѣсно охватывающая голову; позднѣйшая—достигающая до плечъ и сверху выпуклая (ф. 60). Отверстіе для глазъ состоитъ изъ двухъ прорѣзовъ, которые иногда имѣли мѣдную оправу, или же изъ открытой (зрительной) щели между верхнею и нижнею частью шлема, которая также оправлялась мѣдью. Съ боковой стороны его имѣлось нѣсколько малыхъ отверстій, для впуска воздуха, и крестообразный прорѣзъ, служившій для прикрѣпленія шлема къ кольчугѣ.

Копьевый шлемъ представляетъ видоизмѣненіе кадочнаго; онъ имѣетъ болѣе изящную, закругленную форму, и ближе прилегаетъ къ головѣ и шеѣ, чѣмъ предъидущій. Между обѣими составными его частями находится зрительная щель, безъ рѣшетки (ф. 61. 62). Нижняя часть шлема (*Kübel*) значительно выступаетъ впередъ, образуя заостреніе. Нижнія края его доходятъ до груди и спины и привинчивались, или пристегивались пряжками. Шлемъ этотъ часто украшался, наподобіе мелкихъ желобковъ, (такъ наз. *ложчатый*).

Рѣшетчатый шлемъ, по преимуществу называемый *турнирнымъ*, въ общихъ чертахъ сходствуетъ съ копьевымъ, но не имѣетъ выступающаго впередъ заостренія и притомъ въ верхней

части представляетъ правильное полушаріе и еще болѣе принимаетъ очертаніе головы и шеи (ф. 63). Зрительный прорѣзъ у этого шлема расширенъ и представляетъ удлиненное отверстіе, которое снабжено рѣшеткою. Эта послѣдняя состоитъ изъ выгнутыхъ внаружу рѣшетинъ, или прутьевъ (числомъ отъ 5—7), которые прикрѣплены къ шлему; иногда ихъ дополняетъ еще поперечный прутъ, такъ что получается настоящая рѣшетка (*Rost*, откуда наз. *Rosthelm*).

Въ геральдикѣ горшковидные шлемы встрѣчаются въ XIII-мъ, кадочные—въ XIV-мъ, а копьевые—въ XV-мъ и XVI-мъ столѣтіяхъ. Рѣшетчатые же, которые стали употребляться, какъ мы говорили выше (стр. 74, 85), при турнирахъ на палицахъ, начинаютъ встрѣчаться на гербахъ лишь около 1420 г. и съ тѣхъ поръ становятся наиболѣе употребительными въ геральдикѣ. Ихъ также называютъ *открытыми (offene)*, въ противоположность копьевымъ — *закрытымъ (geschlossene)* шлемамъ. При выборѣ того или другаго шлема къ извѣстному гербу необходимо имѣть въ виду соблюсти *единство въ стилѣ герба*; поэтому не слѣдуетъ соединять въ одномъ гербѣ щита и шлема различныхъ эпохъ. Кадочные шлемы вообще подходятъ къ древнѣйшимъ треугольнымъ щитамъ; копьевые могутъ быть помѣщены какъ на треугольныхъ, такъ и на тарчахъ, (имѣвшихъ прорѣзъ для копья); наконецъ, рѣшетчатые особенно подходятъ къ закругленнымъ формамъ гербоваго щита, особенно распространеннымъ въ позднѣйшей геральдикѣ, хотя къ таковымъ примѣняется и копьевый шлемъ.

Для правильнаго изображенія геральдическаго шлема слѣдуетъ давать ему размѣръ отъ $^2/_3$ до $^1/_2$ гербоваго щита. Шейная часть его должна быть всегда уширенною, такъ-какъ всѣ геральдическіе шлемы не открывались, а надѣвались сверху на голову закрытыми. По правилу, шлемъ имѣетъ цвѣтъ полированной стали, иногда съ украшеніями изъ золота и серебра; чаще всего бываетъ вызолоченною рѣшетка турнирнаго шлема. Встрѣчаются также совершенно золотые шлемы, (которые въ древнее время могли имѣть въ гербахъ только государи и высшее дворянство), или серебряные. Такъ наз. *шейный клейнодъ (Halskleinod)* есть

привѣсокъ, въ видѣ монеты, или цвѣтка (розетки), надѣтый на цѣпочкѣ, или лентѣ на шейную часть рѣшетчатаго шлема. Первоначально это былъ отличительный знакъ турнирныхъ обществъ, или же личный знакъ почести: онъ носился турнирными старшинами на шеѣ. Шейный клейнодъ появляется лишь съ XV в. и въ старину встрѣчается лишь на немногихъ шлемахъ.

Обычное положеніе шлема—надъ гербовымъ щитомъ и притомъ на серединѣ верхняго его края, когда щитъ изображенъ въ прямомъ положеніи; когда же послѣдній наклоненъ въ сторону, то шлемъ помѣщается на расположенномъ выше углу его, (при наклоненномъ вправо щитѣ — на лѣвомъ, выше стоящемъ углу щита, и обратно).

По общему правилу, на щитѣ долженъ помѣщаться лишь одинъ шлемъ, такъ-какъ рыцарь примѣнялъ въ бою лишь одинъ щитъ и шлемъ. Но въ виду того, что въ одномъ щитѣ могутъ быть соединяемы нѣсколько гербовъ, для каждаго изъ таковыхъ допускается помѣщеніе на соединенномъ гербовомъ щитѣ соотвѣтствующаго ему особаго шлема. Въ этомъ случаѣ шлемы изображаются въ уменьшенномъ размѣрѣ, чтобы они всѣ могли умѣститься на верхнемъ краю щита, и соблюдаются слѣдующія правила относительно размѣщенія шлемовъ по достоинству. При двухъ шлемахъ болѣе почетный, (принадлежащій главному гербу въ щитѣ), долженъ стоять на щитѣ справа (геральдически); при трехъ — главный шлемъ по серединѣ; соотвѣтствующій достоинству втораго герба—направо отъ него, а третій—налѣво. При нѣсколькихъ шлемахъ такая же послѣдовательность продолжается далѣе, такъ что послѣ каждаго шлема справа слѣдуетъ соотвѣтствующій лѣвый; крайній правый и крайній лѣвый суть послѣдніе. При особенно сложныхъ, составныхъ гербахъ, чтобы не увеличивать слишкомъ числа шлемовъ, помѣщаются на щитѣ только одни важнѣйшіе, или же помѣщаемые шлемы соединяютъ на себѣ шлемовыя украшенія двухъ, или трехъ гербовъ.

При одномъ шлемѣ въ гербѣ онъ обыкновенно изображается обращеннымъ прямо *(en face)*, если щитъ имѣетъ также прямое положеніе; если же щитъ наклоненъ, то шлемъ изображается въ профиль и притомъ обращеннымъ въ ту сторону, въ которую

щитъ имѣетъ наклонъ. При двухъ шлемахъ ихъ обращаютъ въ профиль одинъ къ другому. При нѣсколькихъ шлемахъ въ четномъ числѣ одна половина ихъ, (всѣ, или частью) обращены вправо, другая половина—влѣво; при нечетномъ же числѣ — средній шлемъ прямо, остальные же по обѣ стороны—обращенными къ нему, но при этомъ всегда согласуясь между собою въ направленіи.

Относительно права пользованія тѣмъ, или другимъ шлемомъ въ различныхъ странахъ Западной Европы существуютъ своеобразныя правила, которыя къ тому же измѣнялись въ различныя эпохи.

Такъ, въ новѣйшей французской геральдикѣ существуетъ собственная, не основанная на древнемъ геральдическомъ искусствѣ система относительно формъ шлемовъ и положенія ихъ соотвѣтственно достоинству владѣльца герба. По этой системѣ, шлемы *королей* и *императоровъ*—золотые, съ дамаскировкою, обращены прямо, съ поднятымъ и совершенно открытымъ забраломъ и безъ рѣшетки. Принцы и владѣтельные князья имѣютъ подобные же шлемы, но только не вполнѣ открытые. *Князья и герцоги, не владѣтельные* и *маркизы* имѣютъ серебряные, окаймленные золотомъ шлемы съ 11-ю рѣшетинами, или дужками; *графы, виконты* и *видамы*—съ 9-ю, но шлемъ при этомъ обращенъ на $^1/_3$ вправо *(taré au tiers)*, также съ золотыми окаймленіями; *бароны*—такой же, съ 7-ю рѣшетинами и обращенный нѣсколько болѣе вправо *(taré à demi profil)*; старинные дворяне *(gentilshommes, chevaliers)*, не титулованные имѣютъ стальной шлемъ, обращенный вправо, въ профиль *(taré de profil)*, съ 5-ю, 4-мя, или 3-мя рѣшетинами, соотвѣтственно степени древности ихъ происхожденія.

Новопожалованные дворяне *(nouveaux anoblis)* имѣютъ стальной же шлемъ, въ профиль, но съ опущеннымъ забраломъ и вовсе безъ рѣшетки. Наконецъ незаконнорожденные имѣютъ шлемъ, обращенный *влѣво (contourné)*, также съ опущеннымъ забраломъ и безъ рѣшетки.

Эти правила, впрочемъ, не всегда соблюдались; такъ напр. нѣкоторые геральдисты давали маркизамъ только 9 рѣшетинъ, графамъ и виконтамъ—7, баронамъ—5 и простымъ дворянамъ—3.

Англичане имѣютъ сходную систему, а именно для королей и герцоговъ — прямо поставленный рѣшетчатый шлемъ, для пэровъ, ниже герцога — таковой же въ профиль; для рыцаря — шлемъ съ забраломъ *(visier)* и притомъ поднятымъ и впрямь, для низшаго дворянства *(esquires, gentlemen)* — закрытый шлемъ, въ профиль.

Въ Германіи подобныя искусственныя и въ сущности совершенно необъоснованныя геральдически системы никогда не получали распространенія. Здѣсь съ XVI вѣка установилось практикою, что выставлявшійся при турнирахъ для осмотра *(zur Schau)* рѣшетчатый шлемъ приличествуетъ исключительно дворянству, тогда какъ въ гербахъ горожанъ *(bürgerliche Wappen)* можетъ примѣняться лишь копьевый, закрытый шлемъ *(geschlossener Stechhelm)*. Этимъ послѣднимъ по желанію могутъ пользоваться впрочемъ и дворяне.

Древнее нѣмецкое дворянство пользовалось шлемами на гербахъ для означенія числа феодальныхъ владѣній и количества голосовъ, которымъ пользовался въ собраніяхъ владѣлецъ герба. Такъ напр. Брауншвейгъ-Вольфенбюттель имѣлъ 5 шлемовъ на своемъ гербѣ, княжество Ангальтъ — 7, маркграфство Бранденбургъ—9 шлемовъ и т. д.

Рыцарскіе шлемы во Франціи и Англіи почти совершенно вышли изъ употребленія, причемъ Наполеоновская геральдика на ихъ мѣсто ввела *береты* съ страусовыми перьями, или такъ наз. *токи (Barettes, toques)* удержавшіеся въ гербахъ недолго. Въ Англіи, взамѣнъ шлема, обыкновенно помѣщаютъ надъ гербомъ свободно висящимъ такъ наз. *бурреле́тъ* или *вѣнчикъ (bourrelet, tortil,* нѣмецк. *Wulst)*, съ основною гербовою фигурою въ видѣ нашлемнаго украшенія.

Въ нашихъ современныхъ русскихъ гербахъ употребляются лишь два рода шлемовъ: западно-европейскій, турнирный и древнеславянскій. На послѣдній имѣютъ право только фамиліи, принадлежащія къ древнему русскому дворянству. Въ гербахъ фамилій восточнаго происхожденія помѣщается иногда восточный шишакъ. Въ нашей геральдикѣ была сдѣлана попытка лицамъ, получившимъ дворянство по чину или ордену, давать въ гербѣ

шлемъ, обращенный вправо, а рѣшетины шлемовъ титулованныхъ лицъ украшать узоромъ.

XVI.

Нашлемникомъ называется помѣщенная на шлемѣ, (рѣже отдѣльно отъ него), пластически изображенная гербовая фигура, которая этимъ самымъ даетъ шлему признакъ гербоваго. Такое украшеніе шлема *(Helmschmuck)* въ нѣмецкой геральдикѣ называется также *шлемовымъ клейнодомъ (Helmkleinod)*, или, по мѣсту, занимаемому имъ на шлемѣ, а именно на гребнѣ его — навершьемъ (*Cimier*). Оно обыкновенно устанавливаетъ геральдическую связь между шлемомъ и гербовою фигурою, находящеюся въ щитѣ, и нерѣдко служитъ къ лучшему уясненію этой послѣдней.

Уже съ древнѣйшихъ временъ мы находимъ обычай у воиновъ всѣхъ странъ украшать голову фантастическими предметами, чтобы казаться болѣе страшными врагамъ, а также для приданія себѣ болѣе воинственнаго вида. Преданіе приписываетъ Геркулесу ношеніе, въ видѣ подобнаго головнаго украшенія, головы Немейскаго льва, которое переходило и къ его потомкамъ, Гераклидамъ. Александръ Великій, провозгласившій себя сыномъ Юпитера Аммона, также носилъ на головѣ изображеніе льва, а Пирръ, царь Эпира избралъ такимъ украшеніемъ два козлиныхъ рога. Діодоръ Сицилійскій сообщаетъ въ своей исторіи, что египетскіе цари носили нашлемники въ видѣ головы льва, быка, или дракона. Подобный же обычай существовалъ и въ Средніе вѣка, когда рыцари стали украшать свои шлемы на турнирахъ всевозможными геральдическими эмблемами; въ числѣ таковыхъ употреблялись на шлемахъ перья, крылья птицъ, фигуры животныхъ и всевозможныхъ чудовищъ и т. под. Нашлемникъ въ тѣ времена часто служилъ условнымъ знакомъ между рыцаремъ и его дамою, по которому иногда только она одна могла узнавать его на турнирѣ. Такимъ образомъ они первоначально не были наслѣдственными, а еще измѣнялись по желанію; впрочемъ,

встрѣчаются и въ древнѣйшій періодъ геральдики нашлемники родовые, какъ напр. рога у герцоговъ Бретанскихъ. Особенное распространеніе подобныя украшенія шлема получили въ Германіи, гдѣ они являются поэтому и наиболѣе геральдически разработанными. Въ нѣмецкой геральдикѣ принято, что всякій гербовый шлемъ долженъ непремѣнно имѣть нашлемникъ, который составляетъ существенную его принадлежность во всякомъ наслѣдственномъ гербѣ.

Геральдическій клейнодъ находится въ большинствѣ случаевъ въ соотвѣтствіи со щитомъ и его фигурами, какъ въ отношеніи тинктуръ, такъ и по своему очертанію, и съ весьма ранней эпохи пріобрѣлъ характеръ особаго рыцарскаго знака отличія, сохранявшагося въ родѣ.

Шлемовыя украшенія или клейноды появились одновременно съ геральдическими шлемами, (первоначально горшковидными), въ XIII вѣкѣ [1]). Въ прежнее время иногда самый шлемъ расписывался въ краскахъ гербовою фигурою, что̀ должно почитаться началомъ клейнода, который впослѣдствіи сталъ воспроизводиться пластически, (изъ кожи, дерева или жести), представляя дѣйствительную фигуру, носимую на шлемѣ. Поэтому клейнодами являются чаще всего обыкновенныя фигуры, естественныя или искусственныя, представленныя въ гербовомъ щитѣ. Когда же въ гербѣ находятся геральдическія фигуры, то таковыя въ клейнодѣ повторяются на особыхъ дощечкахъ *(Bretter)*, или на крыльяхъ *(Flügel)* и т. под., помѣщаемыхъ на шлемѣ — это такъ наз. *вспомогательные клейноды* (*Hilfskleinode*) Человѣческія и звѣриныя фигуры часто изображаются неполными, лишь на половину, какъ бы выростающими изъ шлема, но иногда и цѣлыми, независимо отъ того, представлена ли та-же фигура въ гербовомъ щитѣ полною, или урѣзанною. Но цвѣтъ, положеніе и принадлежности фигуры въ щитѣ и на клейнодѣ должны быть

---

[1]) Древнѣйшими шлемовыми украшеніями нѣмецкихъ рыцарей были орлиныя крылья, бычачьи рога, вѣтви липы и т. под., каковыя бывали и естественными, и искусственными. Въ Германіи нашлемники лишь со второй половины XIV вѣка становятся наслѣдственными и одинаковыми въ одной фамиліи, или же въ одной вѣтви рода.

всегда совершенно одинаковыми. Впрочемъ, встрѣчаются и самостоятельные клейноды, которые не повторяютъ щитовой фигуры, но однако, въ большинствѣ случаевъ, соотвѣтствуютъ ей по тинктурамъ.

Клейноды, по правилу, имѣютъ главные цвѣта щита; положеніе же ихъ согласуется со шлемомъ и должно быть изображаемо такъ, какъ оно было бы въ дѣйствительности въ тѣ времена, когда шлемъ на самомъ дѣлѣ носился со своимъ клейнодомъ рыцарями.

Главныя употребительныя формы самостоятельныхъ и вспомогательныхъ клейнодовъ суть слѣдующія: 1) *рога* (*Hörner*), 2) *крылья* (*Flüge*, *vols*), 3) *щитовыя доски* (*Schirmbretter*), 4) *шляпы* (*Hüte*), 5) *перья*, пучки перьевъ (*Federköcher*) и *флаги*. Наконецъ, 6) *человѣческія и звѣриныя фигуры*.

Рога всегда встрѣчаются парами и выступающими по обѣ стороны шлема. Формою своею они или напоминаютъ воловьи, имѣющіе одинъ изгибъ въ формѣ полумѣсяца, или же съ двумя изгибами, т. е. искривленные, наподобіе большихъ бычачьихъ роговъ. Древнѣйшая изъ этихъ формъ первая, т. е. серпообразная, кончающаяся остріемъ, подобно воловьимъ рогамъ (ф. 64). Къ концу XIV-го вѣка они становятся больше, съ двумя изгибами и притомъ отпиленными на концахъ (*abgesägt*) ф. 65, откуда въ XV вѣкѣ произошли такъ наз. *открытые рога* (*offene Hörner*), которые имѣютъ расширяющееся устье, кольцеобразной формы. Это даетъ имъ сходство съ охотничьими рогами (*Blashörner*), снабженными мундштукомъ (ф. 66). Слѣдуетъ замѣтить, что рога дикаго быка, или зубра составляли весьма любимое головное украшеніе еще у древнихъ Германцевъ, чрезъ который они старались придать себѣ воинственный, устрашающій видъ.

Нѣкоторыми геральдистами совершенно ошибочно заостренные рога считались за клыки кабановъ, или слоновъ; открытые рога, т. е. съ отверстіями на концѣ (*Mundlöcher*), каковую форму они получаютъ въ эпоху упадка геральдики,—*слоновыми хоботами* (*proboscides*), *дудками* (*chalumeaux*), *охотничьими рогами* (*cors de chasse*), или даже *рогами изобилія* (*Füllhorn*). Опроверженіе таковыхъ ошибочныхъ толкованій можно видѣть

уже въ томъ, что встрѣчаются въ старину, рядомъ съ бычачьми рогами въ нашлемникѣ, также и уши этихъ животныхъ. Впрочемъ, формы роговъ, какъ заостренные и серповидные, такъ и изогнутые, открытые и т. под., всѣ одинаково геральдичны.

Нерѣдко такіе рога въ нашлемникѣ украшались всаженными въ нихъ такъ наз. *листовыми стеблями*, иногда *трилистника* (*Blätter od. Kleestengel*) — въ видѣ концетрически воткнутыхъ палочекъ съ сердцевиднымъ, липовымъ, или клевернымъ листкомъ на концахъ и увѣшанныхъ небольшими бубенцами, которые при движеніи звѣнѣли (ф. 64). Павлиньи перья, (иногда полные хвосты—*Pfauenspiegel*) также примѣнялись въ видѣ украшенія роговъ на шлемѣ, съ подобными же бубенцами. Въ отверстія открытыхъ роговъ нерѣдко втыкались вѣтви, цвѣты, перья и т. под.

Рога клейнода получаютъ обыкновенно, согласно упомянутому нами правилу, главныя тинктуры щита: поэтому они встрѣчаются, то съ поперечными полосками разныхъ цвѣтовъ, то съ шахматнымъ, или ромбовиднымъ рисункомъ, то покрытыми бѣличьимъ мѣхомъ (*Feh*) и т. под. Когда пояса имѣются въ гербовомъ щитѣ, тогда и рога клейнода получаютъ таковые же (ф. 65) и являются такимъ образомъ вспомогательными клейнодами. Впрочемъ, вмѣстѣ съ рогами встрѣчается въ нашлемникѣ часто и обыкновенная фигура, (повторяющаяся и въ щитѣ): подобный клейнодъ помѣщается между двумя рогами, напр. сидящій левъ, или собака, охотничій рогъ и т. под. (ф. 66). Изображаются также иногда рога козла (*Steinbock*), оленя и единорога, хотя гораздо рѣже вышеупомянутыхъ. Изъ нихъ рогъ единорога встрѣчается нѣсколько изогнутымъ назадъ и зазубреннымъ. Этотъ послѣдній родъ роговъ относится къ *самостоятельнымъ* клейнодамъ, на которыхъ рѣдко повторяются гербовыя фигуры щита.

Геральдическія крылья суть искусственно воспроизведенныя (изъ кожи, жести, картона и т. п.), но не дѣйствительно существующія орлиныя крылья, какъ парныя, такъ наз. *лётъ* (*Flug*), такъ и одиночныя, (крыло или *полу-лётъ*—*Halbflug*). Въ первомъ случаѣ они, или расположены по обѣ стороны шлема распростертыми (ф. 67), что называется *открытымъ лётомъ*

(*offener Flug*) — положеніе при прямо стоящемъ шлемѣ (*en face*); или же параллельно другъ къ другу, съ острыми концами, обращенными назадъ (ф. 68). Это послѣднее положеніе встрѣчается при шлемѣ, изображенномъ въ профиль; такой лётъ наз. *закрытымъ* (*geschlossener Flug*). Крылья всегда укрѣплены на теменной части шлема, какъ бы выростаютъ изъ него; одно крыло, или полулётъ, ставится также на верхнюю часть, или гребень шлема (ф. 69). Разница между открытымъ и закрытымъ лётомъ является геральдически не существеннымъ, такъ-какъ зависитъ отъ положенія шлема.

Форма крыльевъ болѣе или менѣе близка къ естественной. На древнѣйшихъ, горшковидныхъ шлемахъ она изображалась въ болѣе строгомъ стилѣ (ф. 67), часто въ видѣ усаженныхъ отдѣльными перьями дощечекъ, или брусковъ (*Leisten*) ф. 69, или же *роговъ*; иногда также въ видѣ досокъ, имѣющихъ очертаніе крыльевъ, которыя впослѣдствіи стали изображаться болѣе сходными съ природою (ф. 68, 70).

Крылья нашлемника обыкновенно получаютъ окраску, соотвѣтствующую тинктурамъ щита, или же на нихъ помѣщаются щитовыя фигуры (ф. 68); они также, подобно рогамъ, украшаются листовыми стеблями, небольшими шарами (*Ballen*), павлиньими хвостами, страусовыми перьями и т. д., и между ними, кромѣ того, помѣщается часто также обыкновенная гербовая фигура, въ видѣ пластически представленнаго клейнода.

Щитовыя доски (*Schirmbretter*) суть круглыя шайбы, или угловатыя, (обыкновенно шестиугольныя), вызубренныя, вѣерообразныя доски, которыя укрѣпляются на шлемѣ въ стоячемъ положеніи. Это, въ сущности, родъ вспомогательныхъ клейнодовъ, на которыхъ повторяются фигуры гербоваго щита, а иногда и весь щитъ. Края, или углы этихъ досокъ обыкновенно бываютъ украшены шариками, бубенцами, кистями, павлиньими перьями и т. под., а иногда ставятся на особую подушку, покоющуюся на шлемѣ (ф. 71); онѣ особенно удобны для изображенія на нихъ гербовыхъ фигуръ.

Форма *головныхъ уборовъ* (шляпъ), употребляющихся въ видѣ нашлемниковъ, бываетъ весьма различная. Древнѣйшая изъ

таковыхъ есть низкая, съ широкими полями боевая шапка (*Sturmhut*), обыкновенно съ закругленною верхушкою, (такъ наз. *Kappe*); позднѣе встрѣчается обыкновенно шляпа съ отворотами (*Stulphut*): она имѣетъ высокую, острую форму и отвороты другаго цвѣта. Эти послѣдніе часто замѣняются короною изъ листьевъ, (т. е. съ листовидными зубцами), а верхушку шляпы украшаютъ пучки перьевъ, шарики, цвѣты, коронки, ленты и т. под. (ф. 72). Въ видѣ нашлемниковъ встрѣчаются также иногда епископскія митры. Такъ-какъ на подобнаго рода головныхъ уборахъ весьма удобно помѣщать гербовыя фигуры щита, то ихъ можно также разсматривать, какъ вспомогательные клейноды. Фигуры могутъ быть помѣщаемы, какъ на самой шляпѣ, такъ и на отворотахъ ея; особенно часто встрѣчаются отвороты, обложенные розами, фузеями и т. под. Совершенно своеобразный клейнодъ, употребляющійся исключительно какъ вспомогательный, представляетъ въ нѣмецкихъ гербахъ такъ наз. *кошелеобразный нашлемникъ* (*Beutelstand*)—это есть надѣтый на верхнюю часть шлема стоячій колпакъ, кончающійся къ верху двумя острыми концами, которые украшены кистями, или перьями. Этотъ клейнодъ встрѣчается довольно рѣдко и притомъ лишь въ древнѣйшее время, въ особенности на *Эльзасскихъ* гербахъ.

Перья употребляются, какъ клейнодъ, или въ отдѣльности, или же въ пучкахъ; изъ нихъ наиболѣе древними являются въ нашлемникахъ пѣтушиныя и павлиньи перья, новѣе—страусовыя. Первыя изображаются въ видѣ пучка перьевъ неравной длины, укрѣпленныхъ на вершинахъ головныхъ уборовъ, или же вставленныхъ въ цилиндрическія влагалища, или колчаны (*Köcher*). Павлиньи перья, въ видѣ распущеннаго вѣерообразно хвоста, обыкновенно изображаются выходящими изъ короны, съ нѣсколькими рядами такъ наз. павлиньихъ глазъ. Страусовыя перья сверху загнуты, расположены симметрично вѣеромъ, или въ видѣ вѣнца; иногда выходятъ изъ колчана (ф. 73). Они получаютъ, по правилу, тинктуры щита; притомъ, если имѣется одно перо, то оно раздѣляется цвѣтами, или же получаетъ металлическую тинктуру щита.

Колчаны, въ которые вставлены перья нашлемника, имѣютъ

обыкновенно цилиндрическую форму и весьма удобны для изображенія на нихъ въ краскахъ гербовыхъ фигуръ (ф. 73): они часто бываютъ весьма удлиненными и тонкими, напоминая своею формою столбы, или жезлы. Изображать перья выходящими непосредственно изъ шлема, и не изящно, и въ то же время не соотвѣтствуетъ правиламъ геральдики. Если не примѣнено такого колчана, то перья должны выходить по крайней мѣрѣ изъ помѣщенной на шлемѣ короны.

Флаги на шлемахъ изображаются лишь въ маломъ видѣ, подобно вымпеламъ, или по одному, или же по нѣсколько вмѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ ихъ бываетъ обыкновенно по ровну съ каждой стороны и въ наклонномъ положеніи, вправо и влѣво. По цвѣту, флаги должны согласоваться съ тинктурами щита, а изображенныя на каждомъ изъ нихъ фигуры—обращены въ сторону древка.

Человѣческія и звѣриныя фигуры представляютъ весьма излюбленный и особенно красивый и оригинальный видъ шлемоваго украшенія. Онѣ изображаются въ видѣ пластическихъ фигуръ на вершинѣ шлема, какъ бы *выростающими* изъ него и притомъ однимъ изъ четырехъ слѣд. способовъ:

1) *Отдѣльными частями тѣла*, особенно головы: мужскія, женскія и звѣриныя (ф. 74), также руки (ф. 75), кисти рукъ, ноги (ф. 76), въ особенности часто въ болѣе древнихъ гербахъ.

2) *Туловищами* (*Rümpfe*) или *бюстами*, (съ конца XIV вѣка), т. е. голова съ верхнею частью тѣла, (причемъ шея и грудь изображаются иногда въ преувеличенно-удлиненномъ видѣ), но безъ рукъ, или переднихъ ногъ (у звѣрей) ф. 77—80. Такія неполныя фигуры изображаются обыкновенно обращенными нѣсколько вверхъ, съ отогнутою назадъ шеею, мужскія — обыкновенно бородатыми и во всевозможныхъ головныхъ уборахъ, женскія—съ сильно развитою грудью, красивыми плетеніями волосъ и косами, которыя часто бываютъ оттянуты назадъ въ прямую линію (ф. 78). Эти бюсты бываютъ облечены, или въ шлемовый наметъ (*Helmdecke*), который рисуютъ развѣвающимся внизу, или же въ костюмъ эпохи и притомъ съ различными фантастическими и необычайными головными уборами. Такъ напр. встрѣ-

чаются человѣческія головы съ оленьими рогами, клювомъ аиста, вмѣсто носа, ослиными ушами и т. под. чудовищные образы. Изъ фигуръ животныхъ особенно часто встрѣчаются орелъ, левъ, собака (ф. 80), лебедь, единорогъ, грифъ. Подобныя неполныя фигуры служатъ также для повторенія на нихъ гербовыхъ фигуръ щита, (въ особенности геральдическихъ); иногда имъ придавали вмѣсто рукъ, другія фигуры, напр. рога (ф. 79), крылья, розы (ф. 78), рыбъ и т. под., которыя находились въ соотвѣтствіи съ щитовыми.

3) *Выростающими* (*wachsend*), т. е. видимыми до половины туловища, или далѣе, въ видѣ полу-фигуръ, съ руками, или передними ногами. Хотя таковыя встрѣчаются лишь въ болѣе позднее время, но онѣ еще принадлежатъ къ хорошей эпохѣ геральдики. (ф. 81, 82). Украшенія ихъ сходствуютъ съ предъидущими, (туловищъ), отличаясь отъ нихъ только большею близостью къ природѣ (естественностью), а также наличностью рукъ, (или переднихъ ногъ). Звѣриныя фигуры нерѣдко украшались орнаментомъ въ видѣ фантастическаго гребня на спинѣ, какъ напр. выростающая пантера на ф. 82.

4) *Полными* человѣческими, или звѣриными фигурами, въ различныхъ положеніяхъ, соотвѣтственно тому, какъ онѣ изображены въ щитѣ. Звѣриныя фигуры изображаются на шлемѣ обыкновенно сидящими (ф. 66).

Кромѣ упомянутыхъ, существуетъ, конечно, еще безчисленное множество клейнодовъ, или нашлемниковъ, такъ-какъ обыкновенныя гербовыя фигуры, какъ естественныя, такъ и искусственныя, весьма часто служатъ таковыми и помѣщаются на шлемахъ. Такъ напр. на шлемовомъ клейнодѣ Нюренбергскаго патриція *Зебальда Гейера* мы видимъ поставленную на камняхъ ступку (*Mörser*) ф. 83. Но и въ этомъ случаѣ, подобно тому, какъ при выборѣ гербовыхъ фигуръ, слѣдуетъ соблюдать рыцарско-геральдическій стиль, избѣгая слишкомъ современныхъ формъ въ изображаемыхъ на шлемѣ эмблемахъ [1]).

[1]) До 50-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія у насъ, въ Россіи существовалъ обычай въ нашлемникѣ дворянскихъ гербовъ помѣщать *три страусовыхъ пера*.

Геральдическая лилія, служившая также въ древнее время шлемовымъ клейнодомъ, получала при этомъ форму двухъ неполныхъ лилій, или *клевъ*, соединенныхъ на крестъ. Когда подобная фигура помѣщалась на дѣйствительномъ шлемѣ, то устраивалась иногда подвижною, наподобіе флюгера, и могла вертѣться по вѣтру (ф. 84).

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о геральдическомъ значеніи шлемоваго украшенія или клейнода.

Клейнодъ, какъ уже было сказано, не всегда является повтореніемъ гербовой фигуры щита и даже весьма часто не имѣетъ вовсе никакого отношенія и соотвѣтствія съ послѣднею. Но тѣмъ не менѣе основнымъ правиломъ все-же остается, что клейнодъ есть повтореніе гербовой фигуры въ ея главнѣйшихъ очертаніяхъ и цвѣтахъ.

Нерѣдко въ Германіи помѣщали надъ гербовымъ щитомъ одной фамиліи клейнодный шлемъ другаго герба, когда этотъ послѣдній пріобрѣтался чрезъ брачный союзъ, наслѣдство, или покупку земельной собственности: при этомъ щитъ одного герба соединялся съ клейнодомъ другаго въ одинъ гербъ. Случалось и такъ, что фамилія принимала новопріобрѣтенный гербовый щитъ, сохраняя при немъ свой прежній родовой клейнодъ. Также бываютъ случаи, что клейнодъ происходитъ отъ ранѣе употреблявшагося герба, тогда какъ гербовая фигура въ щитѣ была принята въ позднѣйшее время; или же различныя вѣтви одной фамиліи, имѣющія общій гербъ, принимаютъ для различія разные клейноды. Наконецъ, нашлемникъ въ видѣ клейнодной фигуры жаловался иногда, какъ отличіе, напр. въ нашихъ гербахъ — Императорскій орелъ, а въ нѣмецкихъ — орелъ Германской, или священной Римской имперіи. Въ Германіи клейноды служили также иногда въ прежнее время признаками извѣстной должности, или званія; такъ напр. голова собаки на шлемѣ обозначала судью по охотничьимъ тяжбамъ, павлинъ — турнирнаго короля, епископская митра — попечительство надъ духовными учрежденіями и монастырями. Отсюда и произошли нашлемныя фигуры, не повторяющіяся въ соединенныхъ съ ними гербовыхъ щитахъ. Въ такъ наз. *гласныхъ гербахъ* (*redende W.*, *armes parlantes*)

нерѣдко слѣдуетъ искать соотвѣтствія съ именемъ владѣльца не въ щитѣ, а въ клейнодѣ.

Нерѣдко бываетъ, что клейнодъ герба, пріобрѣтеннаго чрезъ бракъ, наслѣдство, или покупку имѣнія, присоединяютъ къ родовому, помѣщая оба на одномъ и томъ же шлемѣ; или же, когда два герба соединены въ одномъ щитѣ, то шлемъ украшается клейнодами обоихъ. Въ нѣмецкой геральдикѣ, по правилу, шлемъ и клейнодъ всегда бываютъ неразрывно связаны въ одно цѣлое и послѣдній никогда не является свободно висящимъ, или помѣщенномъ на вѣнчикѣ (*bourrelet*), какъ это часто имѣетъ мѣсто въ англійскихъ гербахъ. Встрѣчаются случаи, гдѣ шлемъ совершенно покрытъ нашлемникомъ, наподобіе чехла, причемъ шлемный намётъ совершенно отсутствуетъ. Таковъ напр. древній гербъ фамиліи *Лангшаденъ ф. Штейнахъ*, помѣщенный въ Цюрихскомъ гербовникѣ, гдѣ изображеніе волосатой личины, (такъ наз. *чертовой хари — Teufelsfratze*), совершенно покрываетъ собою шлемъ(ф.85).

Во времена живой геральдики нашлемники изготовлялись изъ кожи, дерева, картона, жести, плетенія, или изъ напитаннаго клеемъ, съ примѣсью мѣла, холста, сукна (на шляпахъ) и т. под. Они укрѣплялись на шлемахъ или непосредственно, посредствомъ шнурковъ, винтовъ, ушковъ съ просовывавшимися чрезъ нихъ чеками, (для чего на сохранившихся подлинныхъ шлемахъ имѣются отверстія); или же посредствомъ особаго вѣнчика, обруча, или повязки, плотно ихъ прихватывавшихъ къ шлему. Подобнаго рода соединеніями шлема съ клейнодомъ, или подставками служатъ обыкновенно:

1. *Шлемовыя короны* (*Helmkronen*), каковыя не слѣдуетъ смѣшивать съ коронами различныхъ достоинствъ дворянства, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Эти короны нашлемниковъ суть малые вѣнчики простѣйшей формы, по правилу, съ 4-я зубцами въ видѣ листьевъ, трилистниковъ, или геральд. лилій. Они представляютъ какъ бы нижнее окаймленіе выходящаго изъ нихъ клейнода (ф. 70, 76, 82). Эти короны на дворянскихъ шлемахъ первоначально являлись знакомъ отличія, но впослѣдствіи стали заурядным украшеніемъ шлема, хотя и не составляютъ вовсе необходимой его принадлежности.

2. *Вѣнчики* или *буррелеты* (*Wulste, bourrelets*), *буфы* (*Bauschen*) и *повязки*—изъ нихъ первые подобны вѣнкамъ, или кольцамъ, скрученнымъ изъ полосъ матерій, имѣющихъ тинктуры щита; иногда они бываютъ также свитыми изъ цѣльнаго головнаго покрывала и обвязаны цвѣтными лентами, съ развѣвающимися концами (ф. 83).

3. *Подушки* (*Kissen*) четвероугольной формы, наложенныя на шлемъ плашмя (ф. 71) и имѣющія по угламъ кисти.

4. *Намёты* или шлемовые покровы (*Helmdecken*)—они являются самымъ обычнымъ и распространеннымъ въ геральдикѣ связующимъ звѣномъ между шлемомъ и его клейнодомъ, а также и гербовымъ щитомъ. Поэтому мы остановимся на ихъ разсмотрѣніи нѣсколько подробнѣе.

Намётъ есть покрывающая шлемъ сверху ткань, свѣшивающаяся въ видѣ небольшого плаща (*Mäntelchen, mantelet*). Въ различныя эпохи геральдики намётъ получаетъ разнообразныя очертанія. Мы уже говорили раньше (стр. 26) о первоначальномъ происхожденіи шлемоваго покрова, или намёта, имѣвшаго цѣлью умѣрять дѣйствіе палящихъ лучей солнца, падавшихъ на отчищенную сталь рыцарскаго шлема, а также на затылокъ и шею[1]). Впослѣдствіи намёты стали также употребляться въ видѣ украшенія; и дѣйствительно подобное, развѣвавшееся по вѣтру покрывало, накинутое сверхъ массивнаго и тяжелаго шлема, могло представлять въ конномъ бою и на турнирѣ весьма красивую картину. Намёты появляются съ XIV-го вѣка одновременно съ кадочнымъ шлемомъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что тесьмы, имѣющіяся на нижней части горшковидныхъ шлемовъ XIII вѣка, служили повидимому для привязыванія таковыхъ у подбородка и поэтому не могутъ разсматриваться какъ намёты (ф. 67). Въ XIV-мъ вѣкѣ намёты появляются на шлемахъ уже въ видѣ небольшихъ плащиковъ, живописно и симметрично расположенныхъ и образующихъ складки (ф. 65), или же съ развѣвающимися концами (ф. 66). Подобные плащи, первоначально небольшаго

---

[1]) И въ нынѣшнее время у военныхъ съ этою же цѣлью примѣняются лѣтомъ такъ наз. назатыльники (*Genicktücher*).

размѣра, а затѣмъ и болѣе значительнаго, иногда тѣсно охватывали шлемъ (ф. 80), сливаясь съ клейнодами въ одну фигуру. Въ особенности при человѣческихъ туловищахъ намёты представляютъ лишь нижній, свѣшивающійся край ихъ одеждъ (ф. 77—81); край этотъ, подобно одѣяніямъ тѣхъ временъ, вырѣзывался обыкновенно въ видѣ листьевъ, фестоновъ, или зубцовъ (ф. 71, 76). Иногда таковые обшивались бахромою, кистями, или бубенцами.

Мы уже упоминали (стр. 27) о томъ, откуда могли произойти намёты въ видѣ узкихъ клочьевъ, или полосъ матеріи (*lambrequin*). Въ нѣмецкой геральдикѣ подобные намёты назывались — *gezaddelte Decken*, и окончательная художественная ихъ форма начинаетъ вырабатываться въ геральдикѣ со второй половины XV-го вѣка (ф. 70, 82). Изъ длинныхъ листовидныхъ лентъ они постепенно переходятъ въ курчавые и заостренные въ видѣ арабесокъ завитки, которые въ самыхъ причудливыхъ очертаніяхъ часто охватываютъ весь гербовый щитъ. Въ XVI вѣкѣ въ особенности намёты уже вполнѣ измѣняютъ свой первоначальный видъ плащиковъ на подобный *листовидный орнаментъ* (*Laubornament*), на подобіе листьевъ *аканта*, въ которомъ отражается художественный вкусъ, или стиль эпохи. Древніе мастера, (гравёры и живописцы) въ этомъ геральдическомъ орнаментѣ проявляли необыкновенное разнообразіе формъ, давая полный просторъ своей художественной фантазіи. Стóитъ только заглянуть въ одинъ изъ гербовниковъ XVI-го вѣка, какъ напр. *Іоста Аммана*, чтобы убѣдиться въ этомъ: между безчисленнымъ множествомъ гербовъ едва ли найдется два совершенно сходныхъ между собою по орнаменту.

Намёты въ подобной стильной формѣ, которые дѣйствительно еще носились на турнирныхъ шлемахъ XV-го и XVI столѣтій, также изготовлялись изъ кожи, твердаго холста, жести и т. под.

По геральдическому правилу, внѣшняя и внутренняя сторона (*подкладка — das Futter*) шлемоваго намёта должны быть различнаго цвѣта и притомъ имъ обѣимъ даются обыкновенно тинктуры щита; а такъ-какъ на послѣднемъ финифть и металлъ чередуются, то и намётъ получаетъ финифтъ и металлъ,

и притомъ обыкновенно металлъ внутри, а финифть снаружи, (хотя послѣднее правило не постоянное). Когда гербовая фигура въ щитѣ имѣетъ натуральный цвѣтъ, который, слѣдовательно, не можетъ быть примѣненъ къ намёту, то для послѣдняго избирается наиболѣе подходящій къ фигурѣ геральдическій цвѣтъ. Когда нашлемникъ, или клейнодъ непосредственно связанъ съ намётомъ, то цвѣтъ перваго распространяется и на намётъ (ф. 80, 81). Намёты бываютъ также изъ горностаеваго и бѣличьяго мѣховъ (ф. 69), или же покрываются иногда щитовыми фигурами посредствомъ отдѣльныхъ вшивокъ, какъ напр. ромбами, фузеями, шахматнымъ дѣленіемъ, желѣзными шапочками, а иногда бываютъ усѣяны таковыми, (напр. лиліями, липовыми листьями, звѣздами, сердцами). Впрочемъ послѣдній способъ украшенія намёта примѣняется чаще въ англійской геральдикѣ.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что геральдикѣ неизвѣстно правило, по которому тинктуры намёта должны быть согласованы съ таковыми же въ гербовомъ щитѣ. Изъ лучшей эпохи древней геральдики мы знаемъ достаточно примѣровъ, гдѣ это вовсе не имѣетъ мѣста. „Впервые, говоритъ *Sacken*, современная *канцелярская* геральдика присоединила къ прочимъ своимъ, весьма сомнительнымъ и не выдерживающимъ научной критики правиламъ, и это—о согласованіи тинктуръ щита и намёта“.

При двухъ, или болѣе шлемахъ, помѣщенныхъ на одномъ щитѣ, каждый шлемъ долженъ имѣть свой особый намётъ и считается вообще недопустимымъ распространять одинъ намётъ на нѣсколько шлемовъ. Когда желаютъ помѣстить на одномъ намётѣ четыре цвѣта одного, или двухъ соединенныхъ гербовъ, то раздѣляютъ намётъ линіею, опущенною отъ средины шлема внизъ, на двѣ половины и даютъ правой сторонѣ намёта тинктуры болѣе почётнаго щита, (или полей), а лѣвой—другаго.

При изображеніи намёта слѣдуетъ согласовать таковой по стилю съ помѣщеннымъ на гербѣ шлемомъ: такъ, къ кадочному шлему подходящимъ является намётъ въ видѣ небольшаго плаща, или покрывала, съ простымъ, или вырѣзаннымъ зубцами краемъ. Вычурный намётъ въ листовидномъ орнаментальномъ стилѣ подходитъ только къ копьевому шлему, или, еще лучше, къ позд-

нѣйшему турнирному рѣшетчатому шлему, употреблявшемуся въ тѣ времена, когда орнаментальные намёты вошли въ обычай [1]).

XVII.

Короною называется головное украшеніе, служащее символомъ верховной власти и господства. Съ древнѣйшихъ временъ корона являлась признакомъ высшаго священнаго сана и состояла изъ вѣнца (обруча), или діадемы, сдѣланныхъ изъ драгоцѣннаго металла, которые носились въ видѣ головного убора первосвященниками. Подражая имъ, и цари древности носили короны, соединяя въ своемъ лицѣ нерѣдко и духовную власть. Библія повѣствуетъ, что первый еврейскій царь, Саулъ носилъ корону, а за нимъ и его преемники. Подобный обычай существовалъ и у другихъ народовъ древности. На древне-персидскихъ памятникахъ мы видимъ изображенія царей съ коронами въ видѣ закрытыхъ шапокъ на головахъ. У Персовъ и царицы носили короны, какъ напр. сообщается объ Эсѳири въ Библіи. Гомеръ въ Иліадѣ упоминаетъ о коронахъ царей, участвовавшихъ въ Троянской войнѣ, а Виргилій въ Энеидѣ — о коронѣ царя Латина. По словамъ Діодора Сицилійскаго, шлемъ Александра Македонскаго былъ украшенъ золотымъ вѣнцомъ. Въ римскую эпоху мы встрѣчаемъ на монетахъ нѣсколько типовъ коронъ, которыя носились римскими императорами, а именно, въ видѣ лавроваго вѣнка, или же украшенную драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, или наподобіе шапки, или, наконецъ, въ видѣ обруча съ острыми зубцами, расходящимися въ видѣ радіусовъ. Византійскіе императоры приняли восточную форму короны, въ видѣ закрытой сверху діа-

---

[1]) Во французской геральдикѣ намёты (*lambrequins*) получаютъ различныя наименованія. Они именуются *volets*, когда ткань изрѣзана и развѣвается по вѣтру, *capeline*, когда они имѣютъ видъ капюшона, *mantelet*, когда напоминаютъ небольшой плащъ, и *hachements*, когда они висятъ клочьями, въ видѣ лентъ.

Ихъ называютъ также *feuillards*, *acanthes*, *panaches*, *plumages* и т. д., по ихъ сходству съ листьями, или съ перьями. Въ *Наполеоновской* геральдикѣ наметы изображались исключительно металлическихъ тинктуръ, т. е. золотыми, или серебряными, что совершенно не геральдично.

демы. Подобные же типы коронъ, имѣвшихъ видъ обруча, или же закрытой шапки съ навершьемъ, встрѣчаются и въ западной Европѣ въ Средніе вѣка, напр. у Меровинговъ. Карлъ Великій носилъ закрытую корону, наподобіе митры, съ державнымъ яблокомъ и крестомъ наверху. Впослѣдствіи Капетинги во Франціи стали носить открытую корону изъ золота, въ видѣ обруча съ драгоцѣнными камнями, которая со времени Филиппа Валуа получила украшенія въ видѣ лилій.

По примѣру государей западной Европы, и представители герцогскихъ, княжескихъ и др. титулованныхъ фамилій въ феодальную эпоху стали носить въ торжественныхъ случаяхъ головныя украшенія въ видѣ коронъ, о чемъ мы уже упоминали выше (стр. 51). Въ древней геральдикѣ, однако, мы вовсе не встрѣчаемъ примѣненія подобныхъ отличительныхъ знаковъ сана или достоинства, и таковыя появляются лишь въ новѣйшее время подъ вліяніемъ усилившагося вкуса дополнять гербы всевозможными украшеніями. Ближайшею цѣлью этого нововведенія, появившагося не ранѣе XVII вѣка, было дать геральдическое выраженіе различнымъ степенямъ дворянства, а также другимъ почетнымъ званіямъ и отличіямъ, въ ихъ гербахъ. Это достигалось чрезъ помѣщеніе на гербовомъ щитѣ, вмѣсто шлема, короны или другаго головнаго убора; или же чрезъ изображеніе особыхъ знаковъ отличія, принадлежащихъ извѣстному достоинству, или званію, возлѣ щита, (позади, или вокругъ него). Отсюда получили примѣненіе въ геральдикѣ въ первомъ случаѣ: 1) *короны достоинствъ или степеней* и 2) *шляпы и др. головные уборы*; а во второмъ: 3) *жезлы и т. под. эмблемы*, помѣщаемыя обыкновенно позади щита и 4) *орденскіе знаки отличія*.

Такъ наз. *короны достоинства* (*Rangkronen*, *couronnes des degrès de noblesse*), помѣщаемыя на головномъ щитѣ, вмѣсто шлема, различаются между собою формою и украшеніями, соотвѣтственно той, или другой степени знатности. Коронъ этихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ упомянутыми нами выше шлемовыми коронами (*Helmkronen*), служащими соединеніемъ между шлемомъ и клейнодомъ, а также и съ тѣми небольшими коронками, которыя

составляютъ лишь геральдическое украшеніе гербовыхъ фигуръ щита и клейнода, (напр. человѣческихъ фигуръ и животныхъ). Оба эти послѣдніе вида коронъ не имѣютъ въ гербахъ значенія дѣйствительныхъ головныхъ уборовъ, въ противоположность коронамъ достоинства.

Являясь эмблемою верховной власти, короны, строго говоря, приличествуютъ только лицамъ владѣтельныхъ и княжескихъ родовъ, или ихъ потомкамъ; однако въ настоящее время установился обычай помѣщать короны, взамѣнъ шлема, на всѣхъ вообще дворянскихъ гербахъ. Въ нашихъ русскихъ гербахъ корона нетитулованнаго дворянства обыкновенно вѣнчаетъ шлемъ, но прежде утверждались дворянскіе гербы и безъ короны, или же корона помѣщалась свободно висящею надъ шлемомъ, что впрочемъ совершенно не геральдично. Въ нашихъ графскихъ и баронскихъ гербахъ корона помѣщается на щитѣ; кромѣ того, если имѣется нѣсколько шлемовъ, то средній также вѣнчается такою же короною. Остальные шлемы покрываются дворянскою и баронскою коронами, если владѣлецъ герба имѣлъ раньше и этотъ титулъ. Княжеская шапка у насъ обыкновено помѣщается надъ мантіей, но можетъ также вѣнчать щитъ, или шлемъ. Но всѣ эти особенности нашихъ гербовъ не соотвѣтствуютъ основному правилу западно-европейской геральдики, по которому на щитѣ слѣдуетъ помѣщать, или шлемъ съ его клейнодомъ, или же *одну только корону достоинства*, помѣщаемую всегда на верхнемъ краю гербоваго щита.

Въ геральдикѣ между коронами достоинства выдѣляются въ особый разрядъ такія, которыя дѣйствительно носились, или носятся и въ настоящее время коронованными особами, а именно императорскія, королевскія и пр. (*couronnes de souveraineté*). Остановимся здѣсь на описаніи главнѣйшихъ изъ нихъ.

Императорская Россійская корона состоитъ изъ золотаго вѣнца (обруча), на которомъ возвышается раздвоенная сверху шарообразная шапка, также изъ золота, осыпанная бриллiантами, между которыми много (58) весьма крупныхъ, и окаймленная по раздвоенію двумя рядами крупныхъ жемчужинъ. На раздвоеніи короны проходитъ спереди назадъ широкая, опи-

рающаяся на вѣнецъ дуга; на ней, вмѣсто яблока, вверху большаго размѣра рубинъ, окруженный крупными брилліантами, а надъ послѣднимъ — брилліантовый же крестъ. Подъ этою дугою на вѣнцѣ помѣщены соединенныя пальмовая и лавровая вѣтви, листья которыхъ распространяются по бокамъ короны и также осыпаны брилліантами. Корона подбита краснымъ бархатомъ. Она была изготовлена по заказу императрицы Екатерины II ювелиромъ Позье, а впослѣдствіи увеличена для императора Павла I, и съ тѣхъ поръ служитъ при всѣхъ священныхъ коронованіяхъ.

Императорская корона, хотя и нѣсколько отличающагося отъ подлинника типа, изображается у насъ въ гербахъ губерній; изъ за краевъ ея выступаютъ андреевскія ленты. Въ государственномъ гербѣ она увѣнчиваетъ сѣнь.

Кромѣ Императорской короны, которою увѣнчивается Россійскій государственный гербъ, въ этомъ послѣднемъ являются еще особаго вида короны на слѣдующихъ 9-ти гербовыхъ щитахъ отдѣльныхъ частей Имперіи, помѣщаемыхъ вокругъ государственнаго герба:

1) *Шапка Мономахова* — по преданію, прислана была въ 988 г. византійскими императорами Василіемъ и Константиномъ великому князю Владиміру. Она состоитъ изъ 8-ми золотыхъ, отдѣланныхъ сканью, (т.-е. филиграномъ) пластинокъ украшенныхъ драгоцѣнными камнями, и увѣнчана прорѣзнымъ яблокомъ и крестомъ съ жемчужинами на 4-хъ концахъ; нижняя часть ея опушена соболемъ. Она изображается надъ щитомъ, заключающимъ соединенные гербы великихъ княжествъ: *Кіевскаго*, *Владимірскаго* и *Новгородскаго*.

2) *Казанская шапка*—сдѣлана была въ Москвѣ, по указу царя Іоанна IV Грознаго, для послѣдняго казанскаго хана Эдигера, принявшаго св. крещеніе подъ именемъ Симеона. Она украшена прорѣзными золотыми съ чернью пластинками и такъ наз. „городками“, съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, и увѣнчиваетъ гербовый щитъ *Казанскаго* царства.

3) *Астраханская корона* символизируется богатою по своей отдѣлкѣ, изъ финифти и драгоцѣнныхъ камней, золотою *шапкою перваго наряда царя Михаила Ѳедоровича*, отовл изгенною въ

Москвѣ въ 1627 г.; она помѣщается на гербѣ царства *Астраханскаго*.

4) *Корона царства Сибирскаго* — символизируется алтабасною (парчевою) *шапкою* (третьяго наряда) *царя Іоанна Алексѣевича*, украшенною нашитыми на ней драгоцѣнными запонами — на гербѣ царства *Сибирскаго*.

5) *Корона царства Таврическаго* — символизируется шапкою Мономаховою, втораго наряда, изготовленною по образцу древней, (но безъ сканной отдѣлки дощечекъ), для *царя Петра Алексѣевича* — на гербѣ царства *Таврическаго*.

6) *Корона царства Польскаго* — символизируется короною *императрицы Анны Іоанновны*, напоминающей своею формою большую государственную корону, съ большимъ рубиномъ (лаломъ) и алмазнымъ крестомъ наверху—на гербѣ царства *Польскаго*.

7) *Грузинская* корона—золотая съ драгоцѣнными каменьями, состоитъ изъ 8 дужекъ, сходящихся подъ яблокомъ съ крестомъ; со времени императора Павла I представляетъ корону царства *Грузинскаго* и помѣщается на гербѣ его.

8) Корона *великаго княжества Финляндскаго*, въ дѣйствительности не существующая, но изображаемая по Высочайшему повелѣнію на гербахъ *финляндскихъ губерній*, (съ двуглавымъ орломъ на обручѣ).

9) Корона (геральдическая) на родовомъ гербѣ царствующаго *Дома Романовыхъ*.

Первыя семь коронъ, принадлежащія къ Императорскимъ регаліямъ, сохраняются въ коронномъ залѣ Московской Оружейной Палаты.

Переходимъ къ описанію тѣхъ иностранныхъ коронъ, которыя представляютъ особенный историческій интересъ.

Германская императорская корона въ древней геральдикѣ изображалась въ видѣ такъ наз. *листовидной короны* (*Blätterkrone*), съ одною, или нѣсколькими высокими дужками (*Bügeln*), которыя рисовались довольно различно. Заслуживаетъ вниманія, что подлинная корона Германскихъ императоровъ вовсе не встрѣчается въ древней геральдикѣ и ее вездѣ замѣняетъ въ гербахъ упомянутая листовидная, а въ позднѣйшее время—такъ наз. *ро-*

довая корона (*Hauskrone*); въ настоящее время эта послѣдняя есть *Австрійская* императорская корона, представленная на ф. 97. Подлинная же корона Римско-германской имперіи имѣетъ совершенно своеобразное очертаніе: она состоитъ изъ 8-ми закругленныхъ сверху щитковъ, украшенныхъ изображеніями изъ эмали; сверху ея проходитъ дуга съ жемчугомъ, увѣнчанная крестомъ. Она приписывается Карлу Великому, но, по всему вѣроятію, происходитъ изъ Сициліи, и можно предполагать въ ней греческую работу XI-го вѣка; дуга на ней является позднѣйшею придѣлкою императора Конрада IV-го въ XIII вѣкѣ. Корона эта сохраняется въ Вѣнской императорской сокровищницѣ (*Schatzkammer*) вмѣстѣ съ другими регаліями священной Римско-германской имперіи.

Современная корона объединенной Германской имперіи, которую носятъ государи изъ дома Гогенцоллерновъ, изображена на ф. 98; она въ общихъ чертахъ напоминаетъ вышеупомянутую древнюю корону Римско-германской имперіи, хотя отличается отъ послѣдней въ подробностяхъ. На ф. 99 представлена корона Германской императрицы.

Относительно королевскихъ коронъ слѣдуетъ сказать, что до XV-го столѣтія онѣ имѣли преобладающую форму въ видѣ головнаго обруча, украшеннаго драгоцѣнными камнями, по верхнему краю котораго имѣлись небольшіе зубцы въ видѣ листьевъ, лилій, или жемчужинъ. Кромѣ того, онѣ имѣли часто пурпуровый подбой, или вѣрнѣе шапку, охваченную головнымъ обручемъ. Уже позднѣе онѣ были дополнены нѣсколькими скрещивающимися дужками, на пересѣченіи которыхъ находится увѣнчивающее корону яблоко съ крестомъ. Подобныя короны носятъ названіе *закрытыхъ* или *дугообразныхъ* (*geschlossene od. Spangenkronen*).

Между таковыми выдѣляются своею оригинальною формою, отличающеюся отъ обыкновенной, королевскія короны *Англіи* (ф. 100), *Венгріи* (ф. 101), *Богеміи* (Чешская) ф. 102 и, наконецъ, совершенно своеобразная такъ наз. *желѣзная Ломбардская* корона. Обычною же формою королевской короны, которою пользуются также въ Германіи великіе герцоги, а иногда и князья,

является корона съ 7-ю и 8-ю дужками, (изъ которыхъ 5 видимыхъ), представленная на ф. 103.

Великобританская (англійская) корона имѣетъ 4 дужки накрестъ, и на каждомъ изъ нихъ, при соединеніи съ обручемъ, уширенный крестъ, а въ промежуткахъ между крестами, по обручу— лиліи.

Венгерская корона *св. Стефана*, одна изъ древнѣйшихъ, относится къ X или XI вѣку и представляетъ діадему, украшенную по обручу нешлифованными драгоцѣнными камнями, которые чередуются съ древними финифтяными изображеніями (XI вѣка). Надъ обручемъ возвышаются съ передней стороны короны 9 чередующихся полукруглыхъ и заостренныхъ щитковъ съ финифтью и двѣ плоскихъ, изукрашенныхъ ею-же, дужки (X вѣка).

Чешская — такъ наз. корона *св. Вячеслава*, отличается своими четырьмя весьма крупными лиліями, помѣщенными на обручѣ; ее вѣнчаетъ крестъ, укрѣпленный на дужкахъ. Корона эта относится къ XIV вѣку.

Тосканская (великогерцогская *Флорентійская*) корона состоитъ изъ остроконечныхъ зубцовъ, имѣющихъ на концахъ (черезъ одинъ) лиліи, Спереди и сзади короны находится по большой раскрытой (*флорентійской*) лиліи; она не имѣетъ дужекъ и, слѣдовательно, есть открытая корона.

Ломбардская или такъ наз. *желѣзная корона* представляетъ украшенный эмалью и драгоцѣнными камнями обручъ изъ тонкаго золота, безъ зубцовъ: внутри его вдѣланъ другой, желѣзный обручъ, по преданію сдѣланный изъ гвоздя отъ животворящаго креста Господня. Первоначально эта корона, относящаяся къ VIII вѣку, не была предназначена для надѣванія на голову, но впослѣдствіи ее стали носить ломбардскіе короли. Корона эта хранится издавна въ соборѣ города Монцы, въ сѣверной Италіи. Въ Средніе вѣка ею короновались императоры германскіе съ принятіемъ титула королей Италіи; также поступали и австрійскіе императоры и Наполеонъ I, короновавшійся желѣзною короною въ Миланѣ.

Во *Франціи* короны королей нѣсколько разъ измѣняли свою форму. Королевская корона, состоявшая изъ обруча съ зубцами,

въ видѣ лилій, была открытою до Карла VIII, который измѣнилъ ее въ закрытую. Эта послѣдняя форма установлена впрочемъ только при Генрихѣ II: она имѣла тогда 8 дужекъ, по числу лилій на обручѣ, и увѣнчивалась большою двойною лиліею. На коронѣ *дофина* (наслѣднаго принца) четыре дужки образованы были изъ фигуръ дельфиновъ, соединенныхъ хвостами въ одно навершье; у прочихъ принцевъ Франціи короны не имѣли вовсе дужекъ.

Наполеоновская императорская корона имѣла на обручѣ одноглавыхъ орловъ, крылья которыхъ подняты были къ верху, между дужками ея, и увѣнчивалась яблокомъ съ крестомъ.

Такъ наз. короны достоинства *(Rangkronen)*, примѣняемыя въ современной геральдикѣ для различія титулованнаго и простаго дворянства, не принадлежатъ, конечно, къ дѣйствительно существующимъ, а лишь къ геральдическимъ. Онѣ состоятъ изъ обручей, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, (обыкновенно на нихъ чередуются рубины и изумруды въ круглой и квадратной оправѣ), съ листовидными и жемчужными зубцами. Въ различныхъ государствахъ Европы формы ихъ не одинаковы и не существуетъ одной, общей для всѣхъ странъ. Въ Германіи въ новѣйшее время принята слѣдующая:

1) *Графы* имѣютъ корону съ 9-ю шариками, или крупными жемчужинами (видимыми) ф. 105. Подобная же графская корона примѣняется также и во французской и русской геральдикѣ.

2) *Фрейгерры* (потомств. *бароны*)—корону съ 7-ю жемчужинами (ф. 104). Во французской и слѣдующей ей въ этомъ русской геральдикѣ *баронская корона* состоитъ изъ золотаго обруча, обвитаго 6 разъ жемчужною нитью; (рѣже употребляется корона съ 7-ю жемчужинами, какъ у нѣмцевъ).

3) *Рыцари* и *дворяне*—имѣютъ 5 (видимыхъ) жемчужинъ, или 3 листовидныхъ зубца, а между ними 2 зубца съ жемчужинами (ф. 106). Такимъ образомъ дворянская корона изображается и у насъ.

Во французской геральдикѣ существуютъ еще спеціальныя короны для *маркизовъ*, *виконтовъ* и *видамовъ*, (бывшихъ вассаловъ духовныхъ феодаловъ). Корона *маркиза* имѣетъ 3 листо-

видныхъ зубца, а между ними — по одному зубцу съ насаженными на немъ 3-мя жемчужинами, въ видѣ трилистника; на коронѣ *виконта* 3 большія жемчужины и, наконецъ, *видамы* имѣютъ, вмѣсто зубцовъ, три лапчатыхъ креста.

Короны достоинства *англійскаго* дворянства имѣютъ своеобразныя формы: всѣ онѣ не имѣютъ сверху дужекъ, но отличаются выступающею сверхъ обруча шапкою, съ кистью наверху, а снизу опушены горностаемъ. Онѣ дѣйствительно носятся высшимъ дворянствомъ (пэрами) при нѣкоторыхъ особо-торжественныхъ придворныхъ церемоніяхъ [1]).

Перейдемъ теперь къ другимъ головнымъ уборамъ, примѣняемымъ въ западно-европейской геральдикѣ, *шапкамъ и шляпамъ* разнаго рода. Онѣ бываютъ или *свѣтскія*, которыми пользуются *курфирсты, герцоги* и *князья* [2]), или духовныя, употребляемыя высшимъ духовенствомъ.

Герцогскія и княжескія шапки первоначально были головными уборами изъ пурпура, подбитаго горностаемъ, причемъ послѣдній отворачивался къ верху, образуя опушку, обрѣзанную въ видѣ фестоновъ, полукруглыхъ, или заостренныхъ, (*Stulp*). Уже позднѣе надъ этою опушкою стали прикрѣплять украшенныя жемчугомъ дужки, причемъ *шапка курфирста* имѣла таковыхъ 5 (видимыхъ) и на вершинѣ, вмѣсто первоначальнаго горностаеваго хвостика, державное яблоко (ф. 107).

Княжеская шапка имѣетъ надъ опушкою изъ горностая обыкновенно 3 (видимыхъ) дужки (ф. 108). Герцоги имѣютъ ча-

---

[1]) Такъ наз. *башенныя* или *городскія короны* — новѣйшаго происхожденія. Онѣ примѣняются въ гербахъ городовъ и изображаются какъ бы сдѣланными изъ стѣнъ съ зубцами, или башнями. Въ нашихъ городскихъ гербахъ онѣ введены съ 1857 г. и бываютъ золотыми въ гербахъ губернскихъ городовъ и серебряными—уѣздныхъ, (червленными—посадовъ). Онѣ имѣютъ *три* видимыхъ зубца; въ западно-европейской геральдикѣ послѣднихъ бываетъ 4 и 5, причемъ зубцы изображаются иногда въ видѣ небольшихъ башенокъ. Гербы крѣпостей и градоначальствъ у насъ имѣютъ особаго рода корону, увѣнчанную государственнымъ орломъ.

[2]) Впрочемъ, герцоги и князья въ Германіи и Австріи часто также пользуются *коронами*.

сто, вмѣсто горностаевой опушки, коронный обручъ съ 5-ю видимыми листовидными украшеніями и столькими же дужками.

Австрійская эрцгерцогская шапка, съ вырѣзанною въ видѣ заостренныхъ фестоновъ горностаевою опушкою, имѣетъ только одну дужку, проходящую спереди назадъ. Она сохраняется близъ Вѣны, въ монастырѣ *Klosterneuburg*.

Шапка Венеціанскаго дожа (ф. 109) имѣла форму фригійскаго колпака изъ золотой парчи, выходящаго изъ золотаго короткаго обруча и обвитаго одною, украшенною жемчугомъ, перевязью.

Въ нашихъ *русскихъ* гербахъ еще встрѣчаются:

Горлатная шапка, которую носили въ старину *бояре;* она дѣлалась изъ мѣха, обыкновенно собольяго, или куньяго (изъ *горла*, или душекъ) и отличалась своею вышиною; верхъ ея былъ бархатный, или парчевый.

Лейбъ-компанская шапка—помѣщается въ гербахъ лейбъ-компанцевъ и состоитъ изъ мягкой треугольной войлочной шляпы, отороченной галуномъ. На передней сторонѣ ея помѣщенъ двуглавый орелъ.

Чалма — употребляется въ гербахъ лицъ, происходящихъ отъ мусульманскихъ владѣтельныхъ князей.

Кирасирская каска — встрѣчается въ одномъ лишь гербѣ фамиліи *Кирѣевыхъ*, гдѣ она вѣнчаетъ шлемъ.

Главныя геральдическія формы духовныхъ головныхъ уборовъ въ западной Европѣ слѣдующія:

1. *Папская tiara*—высокая бѣлая, въ средней своей части нѣсколько болѣе выпуклая шапка или митра, съ тремя коронами, (съ начала XIV вѣка), а именно одною—внизу, другою—въ срединѣ и третьею — ближе къ вершинѣ, которую увѣнчиваетъ державное яблоко со крестомъ; двѣ ленты свѣшиваются по обѣимъ ея сторонамъ (ф. 110). Tiara папъ называется иногда *Regnum*.

Епископская шапка (*Bischofsmütze*, *Inful*, *Mitra*), носимая архіепископами, епископами и нѣкоторыми старѣйшими аббатами католической церкви, (также и епископами англиканской), какъ знакъ ихъ сана, представляетъ митру въ видѣ ладьи

(schiffartig), образующей къ верху два острыхъ конца. Въ старину она имѣла болѣе треугольную форму и была ниже; позднѣе стала выше и въ срединѣ нѣсколько шире. Обыкновенно она окаймляется и богато украшена по бокамъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; имѣетъ также двѣ свѣшивающіяся внизъ ленты (ф. 111).

Шляпы духовныхъ лицъ католической церкви имѣютъ низкую форму съ плоскимъ полемъ; по обѣ стороны ихъ продѣты шнуры, которые переплетаются въ видѣ петлей и увѣшаны кистями *(fiocchi)*; эти послѣднія расположены въ симметричныхъ рядахъ по обѣ стороны щита. Цвѣтъ шляпы и число кистей обозначаютъ достоинство духовнаго лица. Приведемъ здѣсь лишь важнѣйшія изъ таковыхъ:

1. *Кардиналъ* имѣетъ *красную* шляпу съ такого же цвѣта 15-ю кистями по каждую сторону герба, расположенными въ 5 рядовъ, какъ показано на ф. 112.

2. *Патріархъ* (католическій) — *зелёную* шляпу съ 15-ю такими же *fiocchi*, какъ и кардиналъ, но только зелёными же.

3. *Архіепископъ (Erzbischof, archevêque)* —также зеленую шляпу и кисти, но послѣднихъ по 10 съ каждой стороны.

4. *Епископъ (Bischof, evêque)*,—также зеленую шляпу съ кистями, по 6-ти на каждой сторонѣ.

5. *Папскіе протонотары* имѣютъ лиловую шляпу съ 3-мя красными кистями на каждой формѣ.

Эти шляпы духовныхъ сановниковъ обыкновенно помѣщаются выше герба, на которомъ помѣщены княжеская шапка, графская или другая какая-либо корона, причемъ шляпы эти изображаются надъ этими послѣдними. Впрочемъ шляпы эти и въ дѣйствительности носятся въ торжественныхъ случаяхъ духовными лицами, причемъ онѣ свѣшиваются за спиною на обоихъ шнурахъ, которые прикрѣплены спереди, на груди.

Кромѣ коронъ и различныхъ головныхъ уборовъ, существуютъ, какъ мы уже сказали, еще другіе отличительные знаки сана или разныхъ почетныхъ званій, какъ напр. жезлы, мечи,

ключи и т. под. Знаки эти помѣщаютъ обыкновенно позади щита, располагая ихъ такъ, что они всегда выступаютъ своими видимыми концами сверху и снизу его. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе:

1. Два *ключа*, положенныхъ другъ на друга накрестъ: одинъ золотой — *вяжущій* и другой серебряный — *разрѣшающій*. Они изображаются обыкновенно позади, а иногда сверху фамильныхъ гербовъ Римскихъ Папъ (ф. 110). Когда папскій престолъ бываетъ временно незамѣщенъ, за смертію папы, то временно правящій за него кардиналъ, кромѣ того, примѣняетъ въ своемъ гербѣ такъ наз. *папскую хоругвь* (*bannière*), имѣющую форму открытаго зонтика, почему она и называется *ombrella*; её изображаютъ стоящею за гербовымъ щитомъ.

2. *Епископскій жезлъ* или *посохъ* (*Krummstab*, *Pastorale*, *Pedum*), кончающійся сверху изукрашеннымъ крючкомъ, въ видѣ завитка. Его имѣютъ при своихъ гербахъ архіепископы, епископы и аббаты, изображая его позади щита въ стоячемъ, или наклонномъ положеніи. Въ прежнее время владѣтельные (суверенные) духовные имперскіе князья въ Германіи имѣли при гербѣ обнаженный мечъ, (знакъ отлучающей власти), перекрещивающійся съ посохомъ (ф. 111). Часто также епископскіе жезлы имѣли форму крестовъ съ однимъ, или двумя перекладинами. Пріоры имѣютъ обыкновенно за щитомъ посохъ пилигрима, а вокругъ него—чётки съ крупными шариками.

3. *Скипетръ*, съ изображеніемъ поднятой клянущейся руки на концѣ, (*Schwurhand*, *main de justice*) имѣли въ старину французскіе короли, а позднѣе императоры, помѣщая его позади щита.

4. *Маршальскіе жезлы* — цилиндрической формы, иногда богато разукрашенные. Они помѣщаются еще и въ настоящее время накрестъ, позади щита въ гербахъ маршаловъ. Во Франціи въ прежнее время государственные сановники имѣли при своихъ гербахъ присвоенные ихъ сану знаки: такъ напр. канцлеръ и хранитель печати имперіи — два скипетра съ коронами на концахъ, оберъ-камергеръ—два ключа, маршалъ—два усѣянные лиліями жезла, генералъ-адмиралъ—два якоря и т. д. Въ Германіи

курфирсты также имѣли свои отличительные знаки достоинства, соотвѣтствовавшіе ихъ обязанности при императорскихъ короноваціяхъ; но эти знаки помѣщались въ самомъ щитѣ, какъ гербы должностные (*Amtswappen*), о которыхъ мы уже говорили раньше (см. стр. 105).

Наконецъ, еще одинъ родъ отличительныхъ знаковъ, украшающихъ въ современной геральдикѣ гербовый щитъ, составляютъ *орденскіе знаки отличія*. Между ними слѣдуетъ различать во первыхъ, древніе орденскіе знаки, учреждавшіеся съ особою практическою цѣлью, каковы напр. рыцарскіе ордена, (Темпліеры, Іоанниты или Мальтійцы и Тевтонскій орденъ, о которыхъ уже было нами говорено, см. стр. 62 и слѣд.), и во вторыхъ другіе ордена, основывавшіеся государями разныхъ странъ для награжденія заслугъ отдѣльныхъ выдающихся лицъ. Этихъ послѣднихъ орденовъ въ Европѣ съ 1500 года было учреждено болѣе ста.

Само собою разумѣется, что только лицо, награжденное орденомъ, или принятое въ составъ орденскаго братства, имѣетъ право украшать свой гербъ соотвѣтствующимъ отличительнымъ знакомъ. Учредители орденовъ и ихъ владѣтельные потомки, жалующіе таковые, носятъ ихъ наслѣдственно; послѣднее право жаловалось иногда въ западной Европѣ государями, какъ особое преимущество, также и нѣкоторымъ знатнымъ фамиліямъ, а иногда за особые выдающіяся заслуги. Такъ напр. пожалованъ былъ знаменитому *Суворову* Сардинскимъ королемъ орденъ *Аннунціаты*, какъ наслѣдственный, за его боевые подвиги въ Италіи.

Относительно того, гдѣ должны быть помѣщаемы орденскіе знаки при гербахъ, не существуетъ какого-либо опредѣленнаго, точно установленнаго правила, и это обыкновенно предоставляется желанію владѣльца герба. Впрочемъ, болѣе обычные способы суть слѣдующіе:

Въ древнѣйшее время ихъ помѣщали *въ самомъ щитѣ*, который орденскимъ крестомъ, (Мальтійскимъ, или Тевтонскимъ), раздѣлялся на четверочастный; или же гербъ въ первомъ и четвертомъ своемъ полѣ имѣлъ таковой крестъ ордена, а въ остальныхъ двухъ поляхъ—родовой гербъ владѣльца.

Въ XV вѣкѣ мы часто встрѣчаемъ орденскій знакъ *возлѣ герба*, изображенный въ соединеніи со щитомъ послѣдняго, или же отдѣльно отъ него. Подобное изображеніе мы видимъ на ф. 113, гдѣ орденскій щитокъ какъ бы привѣшанъ къ гербовому цѣпочкою, пропущенною чрезъ отверстіе въ верхнемъ углу щита. Наконецъ, иногда *накладывали щитъ герба* на орденскій крестъ, изображенный самостоятельно, или же на тотъ же крестъ, изображенный въ щитѣ, такъ-что четыре конца орденскаго креста виднѣлись изъ-за гербоваго щита; (этотъ послѣдній способъ былъ особенно обыченъ у Мальтійскихъ и Тевтонскихъ рыцарей).

Что же касается *орденовъ отличія*, жалуемыхъ въ награду владѣтельными особами, то таковыя чаще всего изображаются привѣшанными вокругъ щита на присвоенной имъ орденской цѣпи, (напр. орденъ св. Андрея Первозваннаго, Золотаго Руна и т. под.); или же ордена помѣщаются *ниже* щита, причемъ орденскія цѣпи, или ленты концами своими скрываются за нижнимъ щитовымъ краемъ, что впрочемъ мало соотвѣтствуетъ характеру древняго искусства герольдовъ.

Заканчивая нашъ обзоръ отличительныхъ украшеній, помѣщаемыхъ при гербахъ, слѣдуетъ упомянуть о существовавшихъ во Франціи отличительныхъ знакахъ у *дамскихъ гербовъ*. Въ старину дѣвицы имѣли гербовый щитъ обычной женскимъ гербамъ *ромбовидной формы* (таб. I ф. 5), окруженный розами, или зеленью. Замужнія женщины и вдовы съ XV-го вѣка стали примѣнять вокругъ своихъ гербовъ перевитые шнурки, такъ наз. *cordelières*; у первыхъ шнурки эти имѣли подвижные узлы, или петли, такъ наз. *узлы любви* (*lacs d'amour*). Королева Анна Бретанская, супруга Людовика XII-го, во время своего вдовства одна изъ первыхъ женщинъ во Франціи стала примѣнять подобное украшеніе, въ честь св. Франциска Ассизскаго, а именно въ подражаніе его монашескаго пояса. Съ этихъ поръ и вообще вдовы дворянскихъ фамилій во Франціи стали примѣнять этотъ знакъ траура въ гербахъ, (причемъ шнурокъ изображался перевитымъ, чернаго и бѣлаго цвѣта).

XVIII.

Кромѣ описанныхъ внѣшнихъ украшеній щита, обозначающихъ, какъ мы видѣли, извѣстныя отличія званія, знатности, или особыхъ заслугъ владѣльца герба и связанныхъ поэтому съ извѣстными правами, существуютъ въ геральдикѣ еще и другія, менѣе существенныя. Это такъ называемые придаточные знаки роскоши (*Prachtstücke*), служащіе единственно лишь для украшенія герба и для приданія ему большей пышности и великолѣпія.

Къ этому разряду геральдическихъ украшеній, или придатковъ къ полному гербу относятся: 1) *щитодержатели* 2) *гербовая мантія и сѣнь* и 3) *девизы*.

Щитодержатели (*Schildhalter*, *tenants*) суть изображаемыя при нѣкоторыхъ гербахъ человѣческія, звѣриныя, или фантастическія фигуры; онѣ помѣщаются по сторонамъ гербоваго щита, который они какъ бы несутъ, или держатъ, стоя возлѣ, или позади его. Подобный обычай въ геральдикѣ вѣроятно произошелъ, какъ мы уже упоминали (стр. 77), отъ дѣйствительныхъ щитодержателей, которые при турнирахъ обязаны были носить за рыцаремъ шлемъ и щитъ его. Начало его восходитъ къ XIV-му вѣку, и съ этого времени щитодержатели довольно часто встрѣчаются на печатяхъ и гербовыхъ изображеніяхъ.

Въ французской геральдикѣ существуетъ два различныхъ опредѣленія подобныхъ фигуръ. *Коломбіеръ* называетъ *щитодержателями* (*tenants*) фигуры ангеловъ, святыхъ, воиновъ, дикихъ людей и т. под., вообще имѣющихъ человѣческій образъ; а *щитоносцами* (*supports*)—фигуры животныхъ, дѣйствительныхъ, или фантастическихъ. Другой французскій геральдистъ, *Палльо* опредѣляетъ ихъ иначе, называя *щитодержателемъ* (*tenant*) фигуру человѣческую, или звѣриную, когда она встрѣчается въ гербѣ единичною и помѣщается съ одной стороны щита, или же, чаще позади его; *щитоносцами* же (*supports*) онъ называетъ двѣ подобныя же фигуры, помѣщаемыя по обѣ стороны герба.

Относительно выбора щитодержателей въ гербахъ никогда не существовало въ геральдикѣ опредѣленныхъ правилъ. Случалось даже, что въ гербѣ одной и той же фамиліи щитодержатели

измѣнялись. Такъ напр. въ XVII вѣкѣ въ гербѣ французскаго адмирала *de Graville* щитодержателями изображались, то два льва, или два грифона, то два орла, или два ангела. Иногда оба щитодержателя бываютъ одинаковы, какъ напр. въ древнемъ королевскомъ гербѣ Франціи со временъ Генриха II изображались два ангела, поддерживавшихъ щитъ; иногда же они бываютъ и различны, какъ напр. въ гербѣ Великобританіи, гдѣ справа герба изображается коронованный золотой левъ съ синими вооруженіями (*armé et lampassé d'azur*), а слѣва—серебряный единорогъ съ золотою короною и длинною золотою же цѣпью на шеѣ.

Въ нашемъ русскомъ государственномъ гербѣ щитъ поддерживается двумя архангелами: архистратигомъ Михаиломъ и Гавріиломъ.

Особенно часто въ государственныхъ гербахъ, въ видѣ щитоносцевъ, встрѣчаются львы, (напр. въ гербахъ Баваріи, Гессена, Саксоніи, Нидерландовъ, Швеціи, Норвегіи, Болгаріи, Румыніи и др.). Въ гербѣ Виртемберга—черный левъ и золотой олень: Мекленбурга—черный быкъ и золотой грифъ, Ангальта—два черныхъ медвѣдя и т. под.

Въ гербахъ частныхъ лицъ щитодержатели иногда повторяютъ собою фигуры, находящіяся въ самомъ гербѣ, или же имѣютъ какое-либо отношеніе къ фамиліи даннаго лица [1]), напр. указываютъ на происхожденіе ея, или же на званіе, службу или особыя заслуги лица, которому пожалованъ былъ гербъ. Въ древней геральдикѣ наиболѣе распространенными щитодержателями являются слѣдующіе: *ангелы*—стоящіе, колѣнопреклоненные, или летящіе, (въ особенности часто встрѣчаются въ XV вѣкѣ); *человѣческія фигуры* во всевозможныхъ одѣяніяхъ, какъ-то рыцари, оруженосцы, мавры, женщины, (иногда изображались жены рыцарей, владѣльцевъ герба). Особенно часто встрѣчаются такъ наз. *дикіе или лѣсные люди* (*Waldmenschen*), которые изображаются обнаженными и покрытыми волосами, съ вѣнкомъ на головѣ и поясомъ изъ листьевъ (*Laubkranz*), держащими въ свободной

[1]) Иногда они указываютъ на фамилію, какъ въ *гласныхъ гербахъ*, напр. монахи въ гербѣ княжества *Монако*, медвѣдь (*orso*) въ гербѣ кн. *Орсини* въ Италіи.

рукѣ дубину съ уширеннымъ концомъ (*Keule*), какъ наприм. щитодержатели въ гербахъ королевствъ Пруссіи и Даніи.

Изъ различныхъ фигуръ *животныхъ* чаще всего изображались въ старину львы, грифы, собаки, драконы и лебеди. Птицы здѣсь являются вообще мало подходящими по свой фигурѣ, въ особенности орлы, которые, какъ щитоносцы, должны утрачивать свой геральдическій типъ. Лучшіе геральдическіе образцы для фигуръ щитодержателей можно найти въ цѣлой серіи гравюръ съ изображеніемъ гербовъ, изданной *Мартиномъ Шонгауеромъ* и относящейся ко второй половинѣ XV столѣтія.

Положеніе щитодержателей бываетъ весьма различное, но самое обычное есть прямостоящее, причемъ они держатъ гербовый щитъ руками, (у животныхъ—передними лапами напр. ф. 114—гербъ *Бадена*), или же—одною рукою щитъ, а другою—шлемъ, или, наконецъ, въ другой рукѣ стягъ, мечъ, или иное оружіе. Иногда щитодержатели стоятъ какъ бы на стражѣ возлѣ щита, не касаясь его (ф. 115). Они обыкновенно изображаются обращенными къ щиту, иногда же смотрятъ при этомъ въ сторону, или назадъ, съ соотвѣтственно повернутою головою. Встрѣчаются также фигуры колѣнопреклоненныя, прислоненныя къ щиту и летящія (ангелы), болѣе рѣдко лежащія фигуры звѣрей. При одной фигурѣ таковая часто держитъ щитъ обѣими руками, какъ напр. ангелъ на ф. 116. (Въ нашей геральдикѣ встрѣчается только одинъ случай *единичнаго* щитодержателя—въ гербѣ *графа Каменскаго*).

Не всегда, но чаще всего щитодержатели находятся въ соотвѣтствіи съ гербовыми фигурами, причемъ иногда получаютъ тинктуры послѣднихъ, или же украшаются самою гербовою фигурою, какъ напр. ангелы французскаго королевскаго герба, съ золотыми лиліями на голубыхъ одѣяніяхъ. Иногда также головы ихъ бываютъ покрыты гербовыми шлемами, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе, вслѣдствіе ихъ многочисленности, не умѣщаются на верхнемъ краю щита.

При щитодержателяхъ всегда изображается *почва* (*Boden*), на которой они стоятъ; этой послѣдней нерѣдко даются щитовые цвѣта, въ видѣ паркета, карниза, или панели (*Tafelwerk*), или

же она изображается съ растительностью. Исключеніе составляютъ лишь летящія фигуры, изображаемыя парящими въ воздухѣ, безъ почвъ.

Въ большинствѣ случаевъ примѣненіе щитодержателей въ гербахъ является совершенно независимымъ отъ достоинства, или званія владѣльца герба [1]). Въ Германіи оно предоставлено даже свободному желанію и выбору каждаго. Это совершенно согласуется съ древнимъ обычаемъ, хотя и оспаривается нѣкоторыми современными изобрѣтателями канцелярской геральдики.

Въ настоящее время у насъ, въ Россіи имѣютъ право помѣщать въ гербахъ своихъ щитодержателей только лица, принадлежащія къ дворянскимъ фамиліямъ, внесеннымъ въ IV, V и VI части родословной книги.

Гербовая мантія (*Wappenmantel*, *manteau*) есть изобрѣтеніе новѣйшей геральдики, хотя нѣкоторые геральдисты и приписываютъ ей болѣе древнее происхожденіе, будто она произошла отъ обычая, существовавшего при турнирахъ, вывѣшивать рыцарскіе щиты на дорогихъ коврахъ, или другихъ драпировкахъ.

Мантія помѣщается позади всего герба, въ видѣ широкой занавѣси, или драпировки, образуя вокругъ него какъ бы шатеръ; она служитъ лишь украшеніемъ герба, не имѣя съ нимъ прямой связи. По правилу, мантія изображается съ верхней стороны подхваченною, на серединѣ и по угламъ, причемъ послѣдніе завязаны ниспадающими шнурами и образуютъ какъ бы помпоны (ф. 117). Приподнятая середина мантіи всегда бываетъ увѣнчана короной достоинства, а по бокамъ ниспадаетъ тяжелыми складками. Когда мантія образуетъ надъ гербомъ особаго рода закругленную вершину, вродѣ балдахина, а по бокамъ — куртины, то получаетъ названіе *гербоваго шатра*, или *сѣни* (*Wappenzelt*, *pavillon*, *tente*). Въ нѣкоторыхъ гербахъ XVI и XVII столѣтій

---

[1]) Исключеніе составляетъ лишь Англія, гдѣ различныя морскія животныя, матросы и другія человѣческія фигуры въ должностныхъ одеждахъ обозначаютъ рангъ и достоинство владѣльца герба.

встрѣчаются намёты, нѣсколько расширенные и приподнятые на углахъ, которые представляютъ переходную форму къ мантіи.

Гербовыя мантіи съ наружной стороны обыкновенно изображаются пурпуровыми, червленными, или синими, подбивку же имѣютъ изъ горностаеваго мѣха. Наружная сторона ихъ нерѣдко бываетъ усѣяна гербовыми эмблемами: напр. двуглавыми орлами (Росс. Имперіи), или одноглавыми (корол. Пруссіи), лиліями (корол. Франціи), пчелами (Франц. имперія) и т. д. По краямъ онѣ обшиты бахромою, а на концахъ шнуровъ висятъ золотыя кисти.

Гербовыя мантіи и шатры появились въ геральдикѣ въ XVII вѣкѣ; изобрѣтатель ихъ былъ французъ *Филиппъ Морѣ*. Французскіе короли начали примѣнять ихъ лишь съ 1680 года. Прототипомъ гербоваго шатра, или сѣни могли послужить средневѣковые троны французскихъ королей, помѣщавшіеся подъ особыми балдахинами, которые украшались изображеніями лилій. Древнѣйшіе типы этихъ троновъ можно встрѣтить воспроизведенными на королевскихъ печатяхъ XIV-го вѣка, Филипповъ V-го и VI го, а въ болѣе полномъ развитіи, въ видѣ шатра съ круглою вершиною, на государственныхъ печатяхъ королей Карла VIII, Людовика XII-го и Франциска I, т. е. въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка. Вообще сѣнь служила всегда отличительнымъ признакомъ верховной власти и примѣнялась въ государственныхъ гербахъ, хотя и не повсемѣстно. Мантія употребляется, кромѣ государей и владѣтельныхъ князей и принцевъ крови, также княжескими фамиліями высшаго дворянства, а у насъ, въ Россіи также и нѣкоторыми дворянскими фамиліями, происшедшими отъ удѣльныхъ князей и сохранившими поэтому княжескіе гербы съ аттрибутами таковыхъ, (напр. въ гербахъ Всеволожскихъ, Еропкиныхъ, Ильиныхъ, Сатиныхъ и др.).

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ особомъ родѣ придаточныхъ знаковъ роскоши въ гербахъ, а именно о *девизахъ* (*Wahlsprüche, devises*). Девизы въ геральдикѣ бываютъ двухъ родовъ. Это суть или фигуры, имѣющія особое значеніе, какъ отличительные знаки, и помѣщаемыя возлѣ герба, на вто-

ростепенномъ мѣстѣ, (въ Англіи они называются—*badges*); или же это суть *словесные девизы* (*Wortdevisen*), заключающіеся въ изреченіяхъ, или отдѣльныхъ словахъ. Эти послѣдніе девизы бываютъ иногда загадочными, выраженными въ отдѣльныхъ буквахъ, иногда же ясными, приведенными дословно и безъ сокращеній.

Первый родъ девизовъ довольно рѣдокъ и встрѣчается почти въ однихъ лишь англійскихъ гербахъ. Онъ заключается въ извѣстныхъ изображеніяхъ, звѣриныхъ фигурахъ, цвѣтахъ и др. растеніяхъ и т. под., помѣщаемыхъ возлѣ, или подъ щитомъ; или же на самомъ щитѣ, въ видѣ украшенія, окаймленія намета и т. под. Таковы наприм. въ Англіи бѣлая роза дома *Іоркъ* и красная—дома *Ланкастеръ*. Послѣ паденія этихъ двухъ домовъ, смѣнившій ихъ домъ *Тюдоровъ* принялъ въ свой гербъ, въ качествѣ такого девиза, или *badge*, розу обѣихъ названныхъ цвѣтовъ [1]). Подобные же фигурные, или нѣмые девизы встрѣчаются и въ древней французской геральдикѣ (*devises de figures*). Таковы были напр. въ старину дезизы герцоговъ Бургундскихъ и Бурбонскихъ: первые имѣли подобнымъ девизомъ *огниво*, (называвшееся въ старину *fusil*), а послѣдніе—изображеніе репейника (*chardon*).

Словесные девизы, или изреченія должны быть возможно кратки и выразительны, безъ всякаго многословія, и относиться или къ самому гербу, или же вообще къ извѣстному событію, дѣянію, отечеству, религіи и т. под.

---

[1]) Эти *badges* или *cognizances* (отличит. знаки) составляютъ своеобразную особенность англійской геральдики и состоятъ изъ фигуръ, которыя могутъ и не входить въ составъ самаго герба. *Badges* изображаются надъ гербовымъ щитомъ и даже отдѣльно отъ него и представляютъ болѣе удобства для различныхъ геральдическихъ украшеній, чѣмъ сложныя гербовыя фигуры. Въ старину ихъ носили оруженосцы на рукавахъ, груди, или спинѣ своихъ одеждъ; они изображались также на знаменахъ и банніерахъ. Примѣромъ подобныхъ *badge* можно еще привести: три страусовыхъ пера въ коронномъ обручѣ, съ древненѣмецкимъ девизомъ: „*Ich dien*“—*badge принца Валлійскаго*; червленая лѣвая рука въ серебряномъ полѣ (*badge* провинціи *Ulster* въ Ирландіи), служащій отличительнымъ знакомъ достоинства *баронетовъ*. Съ начала XVIII столѣтія, при королевѣ Аннѣ, *badges* англійскаго королевскаго дома стали постоянными, а именно: двуцвѣтная роза Тюдоровъ—для Англіи; репейникъ—для Шотландіи и трилистникъ—для Ирландіи. Въ недавнее время прибавился еще—для Индіи, цвѣтокъ лотоса.

Ménéstrier различаетъ между словесными девизами слѣдующіе виды:

1) Девизы, относящіеся къ *именамъ;* подобно гласнымъ гербамъ, они заключаютъ въ себѣ фамильное имя владѣльца герба. Напр. фамилія *de Vienne* въ Бургундіи: „*A bien vienne tout*“; *de Vaudray*:—„*j'ai valu, je vaux, je vaudray*“; *de Beaujeu*—„*A tout venant beau jeu*; изъ новѣйшихъ: графа *Тотлебена*—„*Treu auf Tod und Leben*“.

2) относящіеся къ *гербовымъ фигурамъ*. Такъ напр. фамилія *Monchenu* имѣла въ гербѣ перевязь справа и девизъ: „*la droite voye*“ (прямой путь), фамилія *de Simiane* въ Провансѣ—въ гербѣ золотое поле, усѣянное синими лиліями и башнями, и девизъ: „*Sustentant lilia turres*“. Въ гербѣ русскаго рода *Копьевыхъ* изображена гора, въ которую ударяетъ громовая стрѣла, и девизъ: „*не поколеблетъ*“.

3) *Энигматическіе*, или загадочные, которые были понятны лишь самому владѣльцу герба. Они были очень распространены въ эпоху турнировъ, участники которыхъ скрывали свое имя подъ девизами, извѣстными лишь избранной дамѣ ихъ сердца. Таковы напр. девизы: *Jean de la Trémouille*: „*Ne m'oubliez*“; *Galiot de Genouillac*: „*j'aime fort une*“, герцога *d'Arschot*: „*j'y parviendray*“ и т. д.

4) девизы, состоящіе изъ *поговорокъ*, или изреченій съ яснымъ смысломъ. Они весьма многочислены; таковы напр.: „*Semper immota fides*“ — девизъ *графовъ Воронцовыхъ*; „*Жизнь Царю, честь никому*“—*князей Васильчиковыхъ*; „*Не слыть, а быть*“—*графовъ Перовскихъ*, и т. под.

Между таковыми можно привести также весьма извѣстные девизы нѣкоторыхъ государствъ, напр.: „*Съ нами Богъ*“—Россіи, „*Dieu et mon droit*“—Англіи, „*Je maintiendrai*“—Нидерландовъ, „*Nihil sine Deo*“—Румыніи, „*L'union fait la force*“—Бельгіи, „*Providentiae memor*“—Саксоніи и т. д.

5) девизы *историческаго характера*, т. е. изреченія, сказанныя при какомъ-либо дѣйствительномъ событіи, или случаѣ изъ исторіи государства, или отдѣльнаго лица и ставшія историческими (*mots historiques*). Такъ напр. древній французскій родъ *de Beau-*

manoir въ Бретани послѣ боеваго подвига одного изъ его рыцарскихъ представителей въ извѣстной исторической „*битвѣ тритцати*“ (*combat des Trente*) въ 1451 г. принялъ своимъ девизомъ слова, обращенныя тогда къ этому рыцарю, изнемогавшему въ бою отъ ранъ, его сподвижникомъ: „испей свою кровь, *Beaumanoir*, это утолитъ твою жажду“. (*„Bois ton sang, Beaumanoir, ta soif passera“*). — Князья *Витгенштейны* приняли въ 1813 году девизомъ слова на мечѣ св. Всеволода-Гавріила, князя Псковскаго: „*чести моей никому не отдамъ*“ (*„Honorem meum nemini dabo“*).

Къ подобнаго рода девизамъ можно также отнести такъ наз. *боевые кличи* (*Schlachtruf, cri de guerre*), дѣйствительно примѣнявшіеся въ старину во время сраженій. Таковъ наприм. боевой кличъ Готфрида Бульонскаго и крестоносцовъ: „*Dieu le volt*“ (такъ хочетъ Богъ); кличъ Фландріи—„*Flandres au lion*“ (Фландрцы, собирайтесь вокругъ льва), „*Monjoie st. Denis!*“. (св. Діонисій нашъ покровитель)—королей Франціи. Обыкновенно въ феодальную эпоху каждый рыцарь-баннеретъ, т. е. имѣвшій право вести войско въ бой подъ своимъ знаменемъ (*droit de lever bannière*), имѣлъ также и свой боевой кличъ. („*Le cri suit la bannière*, т. е. кличъ слѣдуетъ за знаменемъ, по выраженію *Ménéstrier*). Такъ напримѣръ, герцоги Брабанта имѣли боевой кличъ: „*Louvain au puissant duc!*“; графы Тулузскіе: „*Toulouse!*“, сеньёры *de Coucy*: „*Place à la bannière!*“ и т. под.

5) девизы, состоящіе изъ отдѣльныхъ *буквъ*, т. е. заглавныхъ. Таковъ напр. нѣмецкій: *W. G. W.* — *Wie Gott will* (какъ хочетъ Богъ); или древній буквенный девизъ Австріи: *A. E. I. O. U.*, значеніе котораго таково: „*Austriae Est Imperare Orbi Universo*“, т. е. Австріи дано повелѣвать всему свѣту. (Замѣтимъ здѣсь, кстати, что въ Австріи до сего времени каждый императоръ избираетъ при вступленіи на престолъ свой девизъ. Такъ напр. императоръ Фердинандъ имѣлъ девизъ: „*Justitia regnorum fundamentum*“; императоръ Францъ Іосифъ I: „*Viribus unitis*“). Девизы въ видѣ отдѣльныхъ буквъ помѣщаются обыкновенно около шлемоваго клейнода; они особенно часто примѣнялись въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Въ западно-европейской геральдикѣ каждый владѣлецъ герба имѣетъ право добавить къ таковому девизъ по своему желанію и вкусу, помѣщая его выше, или ниже щита. Всякая же регламентація девизовъ, причемъ они жалуются по особымъ дипломамъ и блазонируется даже цвѣтъ ленты, на которой ихъ помѣщаютъ, и самыхъ буквъ, есть новѣйшее измышленіе такъ наз. канцелярской геральдики.

Девизы обыкновенно помѣщаются на узкихъ ярлыкахъ *(Zettel)*, или лентахъ, ниже щита, обвивающихъ его нижній край; иногда же на особомъ цоколѣ подъ щитомъ; или, наконецъ, на лентѣ, которая обвита вокругъ нашлемника, или же держится фигурою клейнода.

Когда девизы помѣщаются въ самомъ гербовомъ щитѣ, на поясѣ, перевязи, каймѣ, или оконечности, (что особенно часто встрѣчается въ испанскихъ гербахъ, какъ напр. на табл. VI ф. 7 въ гербѣ фам. *Garcilasso de la Vega)*, то причисляются къ гербовымъ фигурамъ.

Во французской геральдикѣ, когда словесный девизъ сопровождается въ гербѣ фигурою, которую онъ поясняетъ, или просто называетъ, то слова его получаютъ наименованіе *души девиза (l'âme de la devise)*, а фигура—*тѣломъ* его *(corps)*.

Къ геральдическимъ придаткамъ роскоши, служащимъ украшеніями герба, относятся также флаги, стяги (банніеры) и знамена различной формы. Ихъ изображаютъ укрѣпленными за щитомъ, или же въ рукахъ щитодержателей. Иногда это бывали дѣйствительно взятыя въ бояхъ знамена, изображеніе которыхъ пожаловано было владѣльцу герба въ воздаяніе и въ память его доблести. Но въ XVII и XVIII столѣтіяхъ этотъ обычай началъ вырождаться, и съ этихъ поръ стали помѣщать вокругъ щита, или ниже его, всевозможные, безо всякаго изящества скученные трофеи, съ пушками, ядрами, барабанами и т. под.; они имѣютъ цѣлью лишь обозначать воинское званіе владѣльца герба, но на самомъ дѣлѣ весьма обезображиваютъ и совершенно подавляютъ этотъ послѣдній.

XIX.

Въ западно-европейской геральдикѣ существуютъ издавна особаго рода различительные знаки, или такъ наз. *прибавленія* (*Beizeichen*, *Brüche*; *brisures*), которыя служатъ для различенія отдѣльныхъ членовъ семьи, или различныхъ вѣтвей одной и той же фамиліи, пользующихся однимъ *общимъ* гербомъ.

Въ XII и XIII столѣтіяхъ между феодалами на Западѣ отецъ и сыновья, а также и братья между собою, обыкновенно различались по названіямъ своихъ замковъ и другимъ владѣніямъ, такъ-что нельзя было по ихъ фамильнымъ прозвищамъ и гербамъ догадываться о существовавшемъ между ними родствѣ. Впослѣдствіи родные братья, или вѣтви одного общаго родословнаго корня стали различаться между собою въ гербахъ чрезъ измѣненіе финифтей герба, или же чрезъ какія-либо перемѣны въ положеніи гербовыхъ фигуръ. Но подобные способы являлись все же недостаточными для означенной цѣли при многочисленности членовъ одной фамиліи, или вѣтвей ея. Это и вызвало необходимость въ особыхъ дополнительныхъ знакахъ, или прибавленіяхъ, которые стали вводить въ гербы для видоизмѣненія одинаковаго въ главныхъ чертахъ общаго родоваго герба. Изобрѣтеніе подобныхъ знаковъ первоначально появилось у французовъ и вошло въ обычай во французской геральдикѣ еще до Людовика IX. Въ Германіи оно менѣе распространено, чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы; въ новѣйшей польской геральдикѣ и у насъ оно вовсе не примѣняется.

Этихъ *прибавленій*, или вѣрнѣе измѣненій въ гербахъ бываетъ два рода, изъ которыхъ одни производятся *въ щитѣ*, а другія — *внѣ его*, въ особенности же на шлемѣ и его украшеніяхъ. Въ щитѣ таковыя производятся, частью чрезъ прибавленіе и отнятіе, частью же чрезъ перемѣны фигуръ и цвѣтовъ. Эти различительные знаки называются *прибавленіями* (*Beizeichen*), или *преломленіями* (*Brüche*) и заключаются въ слѣдующихъ способахъ измѣненія первоначальнаго герба:

1. *Измѣненіе финифтей*, напр. если въ родовомъ гербѣ извѣстной фамиліи имѣется фигура льва, то таковой получаетъ въ

различныхъ вѣтвяхъ разные цвѣта, посредствомъ чего и различаются вѣтви фамиліи.

2. *Измѣненіе* частное, или на обратное *въ положеніи гербовой фигуры*, напр. скачущій конь, измѣненный въ гербѣ боковой линіи въ идущаго, или же фигура, изображенная съ лица (*en face*), измѣненная на обращенную въ сторону.

3. *Увеличеніе*, или *уменьшеніе* той же гербовой фигуры. Такъ напр. различныя вѣтви дома Медичисовъ различались по числу кружковъ, или шаровъ (8—6) въ гербѣ.

4. *Отпаденіе*, или пропускъ извѣстной фигуры, или части ея, или *отсѣченіе* (*Stümmelung*) таковой.

5. *Добавленіе* какой-либо фигуры по свободному выбору фамиліи, какъ напр. початковъ (*Schindeln*), полумѣсяцевъ, звѣздъ, геральдическихъ украшеній разнаго рода, окаймленій и т. под., или же особаго рода фигуръ, служащихъ *исключительно* такого рода отличительными знаками, или *прибавленіями*, не встрѣчаясь въ гербахъ, какъ обыкновенныя фигуры.

Только эти послѣднія могутъ быть названы *прибавленіями*, или различительными знаками въ собственномъ смыслѣ; къ тому же онѣ являются и лучше остальныхъ приспособленными для своей цѣли. Всѣ же прочія имѣютъ тотъ недостатокъ, что во 1-хъ, не достаточно своеобразны, почему случается, что и другая какая-либо фамилія можетъ имѣть такой же гербъ, каковъ измѣненный; во 2-хъ, иногда трудно бываетъ узнать въ гербѣ извѣстное измѣненіе, какъ различительный знакъ, отчего происходятъ часто ошибки и смѣшенія; этого при различительныхъ знакахъ въ собственномъ смыслѣ можно вполнѣ избѣжать.

Особенность подобныхъ различительныхъ знаковъ заключается въ томъ, что они помѣщаются въ самомъ гербовомъ щитѣ и притомъ не такъ, какъ обыкновенная щитовая фигура, но бываютъ наложены на щитъ вмѣстѣ съ его фигурою, покрывая, или пересѣкая ихъ. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе:

1. *Турнирный воротникъ* (*Turnierkragen*, *lampreau; le lambel*), называемый также ошибочно въ нѣмецкой геральдикѣ граблями (*Rechen*), или мосткомъ (*Steg*), имѣетъ видъ пояса съ обращенными внизъ, широко разставленными зубцами—ф. 86, 87.

Зубцы эти называются *лапами* (*Lätze*, *pendants*); по правилу, ихъ бываетъ три, рѣже—пять. Турнирный воротникъ, проходящій чрезъ весь щитъ и его гербовую фигуру, или нависающій надъ этою послѣднею, обыкновенно помѣщается въ головной части щита, иногда касаясь при этомъ верхняго края послѣдняго, напр. ф. 87, въ гербѣ Орлеанскаго дома. Цвѣтъ турнирнаго воротника отличается отъ цвѣта щита, однако, какъ и всѣ различительные знаки, не подчиненъ опредѣленному правилу; поэтому встрѣчаются въ гербахъ и цвѣтные турнирные воротники на цвѣтныхъ же поляхъ [1]). Этотъ различительный знакъ во Франціи обыкновенно употреблялся младшими сыновьями, для отличія ихъ герба отъ гербовъ отца и старшаго брата, и отпадалъ, когда младшій сынъ наслѣдовалъ. Въ Англіи, напротивъ, старшій сынъ пользуется турнирнымъ воротникомъ, такъ напр. принцъ Валлійскій имѣетъ таковой серебряный въ королевскомъ гербѣ Англіи. Во Франціи Орлеанскій домъ имѣетъ серебряный же турнирный воротникъ въ голубомъ полѣ, съ 3-мя золотыми лиліями, какъ младшая вѣтвь Бурбоновъ. Младшій домъ Анжу во Франціи принялъ красный турнирный воротникъ въ голубомъ полѣ, усѣянномъ золотыми лиліями. Этотъ же различительный знакъ былъ принятъ многими итальянскими фамиліями, какъ знакъ пожалованія, или воспоминанія.

2. *Нить* (*Faden*, *traverse*) есть узкая, проходящая чрезъ весь щитъ перевязь. При этомъ такая перевязь, или нить *справа*, (т. е. проведенная отъ праваго верхняго угла къ лѣвому нижнему), обозначаетъ младшую вѣтвь фамиліи (ф. 88); напротивъ, нить *слѣва* обозначаетъ незаконное рожденіе, побочнаго сына, или побочную вѣтвь (*branche bâtarde*) ф. 89. Эта различительная фигура нити часто изображалась также *укороченною*, такъ-что лишь малый отсѣкъ ея появлялся въ срединѣ щита. Въ этомъ случаѣ таковой получаетъ названіе *обломка* (*Einbruch*, *bâton péri*). Онъ также встрѣчается въ двухъ направленіяхъ и имѣетъ при этомъ тѣ же значенія, что и нить — ф. 90. Мѣсто такого

---

[1]) Иногда, впрочемъ, во франц. геральдикѣ турнирный воротникъ употребляется, какъ *геральдическая фигура*, и въ этомъ случаѣ подчиняется общему правилу о цвѣтахъ.

обломка всегда въ серединѣ щита. Въ древнѣйшее время онъ изображался длиннѣе, а позднѣе становился короче. Во Франціи дофинъ, старшій сынъ короля, имѣлъ въ гербѣ нить справа, составленную изъ серебряныхъ и червленыхъ частей и обложенную фигурою синяго дельфина; слѣдующіе же по порядку рожденія королевскіе принцы имѣли часть нити, безъ этой фигуры.

Различительные знаки всегда помѣщаются въ щитѣ и не повторяются въ нашлемникѣ. Особенно употребительны различительные знаки во Франціи, и Англіи; они встрѣчаются также на Нижнемъ Рейнѣ, но рѣдко въ остальной Германіи. Въ первыхъ двухъ странахъ они были систематически выработаны и установлены, что имѣло основаніе въ строго проведенной маіоратной системѣ этихъ государствъ. Каймы (*Borde*) часто встрѣчаются, какъ различительные знаки, въ испанской геральдикѣ.

Въ Англіи съ древнѣйшихъ временъ употребительны для различенія въ гербахъ сыновей въ одной фамиліи установленныя въ этомъ спеціальномъ значеніи гербовыя фигуры, а именно: старшій сынъ имѣетъ турнирный воротникъ (*label*), второй—полумѣсяцъ (*crescent*); третій—пятиконечную звѣзду, или колесцо отъ шпоры (*mullet*); четвертый—обрубленную птицу (*martlet*); пятый—кольцо (*annulet*); шестой—лилію (*fleur de lys*); седьмой—пятилистную розу (*rose*); восьмой—якорный крестъ—(*cross moline*); девятый—двойной четырехълистникъ (*double quatrefoil*). Сыновья слѣдующаго поколѣнія въ такой же послѣдовательности *облагаютъ* своими различительными знаками различительный знакъ отца, такъ напр. старшій сынъ втораго по рожденію имѣетъ турнирный воротникъ (свой), наложенный на полумѣсяцъ (отца); третій сынъ пятаго—звѣзду сверхъ кольца, второй сынъ четвертаго—полумѣсяцъ сверхъ птицы и т. д. Эта система различительныхъ знаковъ и въ настоящее время примѣняется въ Англіи.

Въ Германіи для подобнаго различенія членовъ семьи и вѣтвей фамилій ограничиваются лишь измѣненіемъ нашлемника, не измѣняя щита; или же измѣненіемъ тинктуръ гербовыхъ фигуръ. Встрѣчаются иногда и совершенно произвольныя фигуры въ качествѣ различительныхъ знаковъ. Но тѣмъ не менѣе са-

мыми употребительными и предпочтительными по своей понятности слѣдуетъ признать упомянутые различительные знаки въ собственномъ смыслѣ, (т. е. турнирный воротникъ, нить и обломокъ).

XX.

Заканчивая наше изложеніе теоретической геральдики, намъ остается еще остановиться на главнѣйшихъ правилахъ, существующихъ для *соединенія гербовъ*, а также сказать нѣсколько словъ о порядкѣ, соблюдаемомъ при описаніи гербовъ, или такъ наз. *блазонированіи.*

Посредствомъ соединенія получаются такъ наз. *составные гербы*, т. е. соединяющіе въ одно цѣлое нѣсколько отдѣльныхъ гербовъ, напр. гербъ государства — изъ гербовъ отдѣльныхъ странъ, его составляющихъ, или гербъ фамиліи — изъ гербовъ различныхъ ея владѣній; (эти послѣдніе встрѣчаются только въ западно-европейской геральдикѣ, къ которой принадлежатъ и наши Остзейскіе гербы). Подобное составленіе производится, или чрезъ приведеніе въ связь отдѣльныхъ щитовъ, сохраняющихъ при этомъ однако свою раздѣльность, или же—что̀ бываетъ всего чаще—чрезъ соединеніе ихъ въ одинъ щитъ, причемъ отдѣльные гербы являются уже, какъ составныя части, или поля его.

Отдѣльные гербы могутъ быть *приведены въ связь*, оставаясь при этомъ раздѣльными, тремя слѣдующими способами:

1. *Сопоставленіемъ* (*Zusammenstellung*); при этомъ два щита обыкновенно наклоняются одинъ къ другому, три—соприкасаются, образуя треугольникъ; четыре располагаются въ порядкѣ: 1. 2. 1, (причемъ почетнѣйшій помѣщается верхнимъ). Когда же имѣется еще бо́льшее число щитовъ, то ихъ располагаютъ въ видѣ полукруга, или круга, съ главнымъ щитомъ посрединѣ.

2. *Смыканіемъ* (*Zusammenschiebung*), причемъ они соприкасаются во всю длину боковыхъ сторонъ.

3. *Связываніемъ* (*Zusammenbindung*), посредствомъ лентъ, или петель.

Что же касается *соединенія* гербовъ *въ одинъ щитъ*, то таковой производится четырьмя слѣд. способами:

1. *Вмѣщеніемъ* (*Einfassung*), когда одинъ щитъ со своимъ гербомъ, изображенный въ мéньшемъ масштабѣ, накладывается на другой, большаго размѣра гербовый щитъ.

2. *Разграниченіемъ* (*Verschränkung*), причемъ отдѣльные гербы помѣщаются въ раздѣленномъ продольными и поперечными линіями щитѣ, распредѣляясь въ образуемыхъ такимъ образомъ отдѣльныхъ частяхъ щита, или поляхъ его: это есть наиболѣе обыкновенный и употребительный способъ.

3. *Вставленіемъ* (*Einpfropfung*), когда фигуры, или гербы вставлены, или какъ бы втиснуты между отдѣльныхъ полей главнаго щита, а равно между дѣленіями его; причемъ, по правилу, такое вставленіе имѣетъ видъ фигуры острія, идущаго отъ средины нижняго щитоваго края, или же опрокинутаго. При этомъ фигура главнаго щита не должна быть разсѣчена этою вставкою—ф. 92.

4. *Присовокупленіемъ* (*Einverleibung*), или *наложеніемъ* (*Auflegung*), причемъ фигура герба *облагается* фигурою другаго, (по другому выраженію, бываетъ *обремененною*); напр. столбъ одного герба—фигурою льва изъ другаго, соединяемаго съ первымъ. Или же наложенный гербъ, вмѣсто цѣлаго щита, занимаетъ лишь съуженную часть послѣдняго, образующую геральдическую фигуру (столбъ, поясъ, перевязь и т. д.). Такъ напр. гербъ, заключающій 3 золотыя лиліи въ красномъ полѣ, можетъ быть соединенъ съ другимъ такимъ образомъ, что на этотъ послѣдній онъ накладывается въ видѣ красной перевязи справа, обремененной золотыми лиліями (ф. 93). Этотъ способъ соединенія чаще встрѣчается во французской геральдикѣ, а въ нѣмецкой почти отсутствуетъ.

Малый щитъ, который налагается на бóльшій (ф. 9) получаетъ названіе *средняго* щита (*Mittelschild*), а вмѣщающій его—*главнымъ* или *хребтовымъ* щитомъ (*Rückenschild*); когда на средній щитъ наложенъ еще мéньшій, то этотъ послѣдній называется *сердцевымъ* (*Herzschild*), о чемъ уже было сказано нами раньше (стр. 142). Добавимъ къ этому, что средній щитъ въ

нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ измѣняетъ свое обычное мѣсто въ срединѣ главнаго щита и помѣщается, или нѣсколько выше, на такъ наз. *почётномъ мѣстѣ (Ehrenstelle)*, или ниже его *(Nabelstelle)*. При нѣсколькихъ среднихъ щитахъ таковые обыкновенно располагаются въ видѣ столба, также креста, прямаго, или скошеннаго. При многопольномъ гербѣ мѣсто средняго щита—между полями, причемъ стараются, чтобы возможно мѣньшая часть послѣднихъ являлась закрытою среднимъ щитомъ.

Средній щитъ содержитъ обыкновенно главный, или *родовой гербъ (Stammwappen)*, такъ напр. въ государственныхъ гербахъ—обыкновенно гербъ царствующаго дома, или той страны, откуда эта династія происходитъ; въ фамильныхъ гербахъ, въ среднемъ щитѣ помѣщается обыкновенно болѣе древній, собственно *родовой* гербъ. Иногда этотъ щитъ содержитъ гербъ пожалованія.

Когда примѣняется способъ *разграниченія*, то щитъ раздѣляется прямыми линіями на такое число мѣстъ, или полей, сколько требуетъ число и свойство соединяемыхъ гербовъ. При соединеніи двухъ гербовъ щитъ разсѣкается, или же, если того требуетъ свойство фигуръ, то пересѣкается, чаще же всего дѣлится на четверочастный, причемъ, при двухъ гербахъ, 1-е и 4-е поля получаютъ одинъ, болѣе почетный гербъ, а 2-е и 3-е—другой. При трехъ гербахъ, второй помѣщается въ срединѣ, или же въ наложенномъ среднемъ щитѣ; при четырехъ—всего цѣлесообразнѣе помѣщать ихъ въ четверочастномъ щитѣ, при пяти же—къ таковому добавляютъ еще средній щитъ. Нѣсколько гербовъ помѣщаютъ въ одномъ щитѣ *рядами*, одинъ возлѣ другаго, или же въ видѣ фигуры *столба*.

Могутъ также имѣть мѣсто различныя комбинаціи посредствомъ всевозможныхъ дѣленій и посредствомъ присоединенія среднихъ щитовъ, каковые сообразуются съ особенностями соединяемыхъ гербовъ. Очень часто одинъ и тотъ же гербъ повторяется въ щитѣ два раза, (рѣдко чаще), и поэтому щитъ дѣлится нерѣдко на бо́льшее число полей, чѣмъ сколько соединяется въ немъ гербовъ, и притомъ одинаковые гербы, по правилу, помѣщаются въ діагональномъ направленіи одинъ отъ другаго.

При этомъ способѣ разграниченія составного герба слѣдуетъ еще соблюдать слѣдующія практическія правила.

1. Должно принимать во вниманіе свойство, или родъ соединяемыхъ гербовъ, т. е. имѣютъ ли всѣ таковые одинаковое значеніе, или же смѣшаны съ должностными, пожалованными и т. под. гербами. При этомъ гербы одинаковаго рода не должны быть разъединяемы и въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ перемѣшиваемы съ частями же гербовъ другаго рода. Важнѣйшій гербъ получаетъ почетнѣйшее мѣсто, справа, вверху, или же въ среднемъ щитѣ. Въ государственныхъ гербахъ, составленныхъ изъ гербовъ нѣсколькихъ странъ, таковые слѣдуютъ по порядку ихъ достоинства (старшинства), или же по времени ихъ присоединенія, причемъ гербы царствующаго дома обыкновенно помѣщается въ среднемъ щитѣ.

Должностные, пожалованные и гербы покровительства предшествуютъ по достоинству фамильному гербу, а потому и помѣщаются на болѣе почетномъ мѣстѣ.

2. Слѣдуетъ затѣмъ обращать вниманіе на особенности фигуръ въ соединяемыхъ гербахъ и сообразоваться съ ними при подраздѣленіи общаго щита, такъ напр. для болѣе высокихъ фигуръ, (какъ-то столбовъ, львовъ, деревьевъ и т. под.) приходится щитъ разсѣчь, или же, при многократномъ разсѣченіи, дѣлать поля болѣе удлиненными въ вышину. При широкихъ же фигурахъ, (поясахъ, главѣ, шествующихъ животныхъ) — пересѣкать щитъ и вообще образовать болѣе широкія поля. Главное соображеніе здѣсь заключается въ томъ, чтобы ни одна фигура не являлась прикрытою другою, или измѣненною въ своемъ положеніи, но чтобы каждая была ясно видима и притомъ не стѣснена въ изображеніи своемъ, т. е. представлена также свободно, какъ и въ отдѣльномъ щитѣ.

Примѣняя способъ *присовокупленія*, слѣдуетъ замѣтить относительно распредѣленія цвѣтовъ, что тинктура налагаемой фигуры должна всегда различаться отъ тинктуры той, на которую наложена. Напр., если требуется наложить на пересѣченный щитъ, красный и золотой, 3 золотыхъ лиліи, расположенныхъ въ формѣ такъ наз. антоніевскаго креста (т. е. буквы T), то

обѣ верхнія лиліи, попадающія въ красное поле, сохраняютъ свою тинктуру, нижняя же—въ золотомъ полѣ, получаетъ цвѣтъ верхняго поля, а именно красный, т. е. она *обмѣнивается съ нимъ цвѣтомъ*. Подобныя соединенія съ обмѣнивающимися тинктурами фигуръ встрѣчаются весьма часто. Иногда вмѣсто того, чтобы дѣлить фигуру чрезъ обмѣнъ цвѣтовъ въ разныхъ поляхъ, таковую помѣщаютъ въ цѣломъ видѣ въ каждомъ полѣ щита, съ перемѣною цвѣтовъ. Напр. вмѣсто того, чтобы наложить на пересѣченный, красный и серебряный щитъ серебряный крестъ, (причемъ послѣдній былъ бы въ верхнемъ красномъ полѣ—серебрянымъ, а въ нижнемъ серебряномъ — краснымъ), помѣщаютъ въ каждомъ полѣ по цѣлому кресту: въ верхнемъ—серебряный, а въ нижнемъ—красный.

Относительно шлемовъ при соединеніи гербовъ слѣдуютъ правилу, что таковые помѣщаютъ надъ общимъ щитомъ, или же на одномъ шлемѣ соединяютъ клейноды двухъ, (рѣже нѣсколькихъ) гербовъ. Иногда, впрочемъ, изображаютъ на соединенномъ гербѣ только одинъ шлемъ главнаго герба, или только нѣсколькихъ избранныхъ, и совершенно опускаютъ шлемы остальныхъ, подчиненныхъ гербовъ [1]).

Въ *женскихъ гербахъ* въ геральдикѣ западной Европы соблюдаютъ при соединеніи таковыхъ съ гербами мужей слѣдующія правила. Замужнія, или вдовы присоединяютъ свой (отцовскій) родовой гербъ къ гербу супруга, при чемъ этотъ послѣдній имѣетъ преимущество и поэтому при раздѣльныхъ щитахъ стоитъ направо; при разсѣченномъ щитѣ помѣщается въ правой половинѣ, а при пересѣченномъ—въ верхней. Когда соединеніе гербовъ супруговъ произведено чрезъ *вмѣщеніе*, то родовой гербъ жены находится обыкновенно въ главномъ щитѣ (снизу), а гербъ мужа — въ наложенномъ среднемъ щитѣ.

---

[1]) Рѣже встрѣчаются наложенными полные гербы, вмѣстѣ со шлемомъ и короною достоинства, напр. въ императорскомъ *Австрійскомъ* гербѣ. Обыкновенно же изъ коронъ помѣщается на соединенномъ гербѣ лишь та, которая обозначаетъ высшее достоинство, напр. императорская, или королевская, надъ общимъ гербомъ государства, состоящимъ изъ соединенныхъ гербовъ отдѣльныхъ странъ.

При соединеніи *родительскихъ гербовъ* съ гербами ихъ дѣтей, первые помѣщаются въ среднемъ щитѣ, въ томъ же порядкѣ, (т. е. отцовскій справа и сверху); при нѣсколькихъ предкахъ, мужскіе гербы получаютъ почетнѣйшія мѣста въ ряду другихъ.

По правилу, въ настоящее время *брачные* или *союзные гербы* (*Ehe oder Alliancewappen*) соединяются лишь по способу сопоставленія, что впрочемъ встрѣчается въ нѣмецкой геральдикѣ и въ старину. Таковъ напр. составной брачный гербъ герцога австрійскаго Альбрехта III, (изъ Арльбергскаго гербовника), къ щиту котораго привѣшенъ въ маломъ щиткѣ гербъ его второй жены, Беатрисы Гогенцоллернской; къ шлему этого герба привѣшенъ также знакъ древняго фамильнаго ордена Гогенцоллернскаго дома, *Лебедя* (*Schwanenorden*) ф. 94.

Въ заключеніе намъ остается указать общія правила, соблюдаемыя при *блазонированіи*, т. е. при описаніи гербовъ, согласно основнымъ геральдическимъ положеніямъ.

Правильное блазонированіе должно быть обязательно краткимъ, съ примѣненіемъ для сего употребительныхъ и наиболѣе приспособленныхъ для этой цѣли спеціальныхъ геральдическихъ терминовъ. При этомъ оно должно быть настолько опредѣленнымъ и яснымъ, чтобы дать точное и ясное понятіе объ описываемомъ гербѣ, а также настолько понятнымъ, чтобы по такому описанію возможно было правильно изобразить гербъ. Необходимо слѣдовать при этомъ извѣстной системѣ, описывая послѣдовательно главныя части герба и опуская всё несущественное. О спеціальной геральдической терминологіи, примѣняемой при этомъ, мы уже говорили раньше, при описаніи фигуръ. Напомнимъ здѣсь только, что блазонируя, напримѣръ, трижды разсѣченный щитъ, достаточно указать цвѣта его: червленый и серебряный, ибо цвѣтъ, стоящій справа, всегда называется первымъ и этого не требуется отдѣльно пояснять. При блазонированіи обыкновенныхъ фигуръ, (какъ напр. льва, орла и т. под.), несущественные признаки таковыхъ, не имѣющіе спеціальныхъ геральдическихъ терминовъ, вовсе не указываются.

При составныхъ гербахъ бываетъ необходимо прежде всего уяснить себѣ расположеніе частей, или, такъ сказать, общій планъ блазонируемаго герба. При этомъ начинаютъ съ важнѣйшихъ гербовъ и смотря по тому, находятся ли таковые въ среднемъ, или главномъ щитѣ, начинаютъ блазонировать съ перваго, или послѣдняго щита. По общему правилу, первымъ называютъ средній щитъ, находящійся въ сердцѣ главнаго щита.

Гербы въ главномъ щитѣ (*Rückenschild*) слѣдуютъ при блазонированіи въ порядкѣ рядовъ, или столба, или, наконецъ, по разрядамъ. При первомъ порядкѣ начинаютъ съ верхняго ряда справа и продолжаютъ далѣе, слѣдуя рядамъ. Рѣже встрѣчается такое расположеніе гербовъ въ рядахъ, что начинаютъ ихъ блазонировать съ обоихъ среднихъ мѣстъ, какъ напр. въ *Прусскомъ* королевскомъ гербѣ, а именно въ слѣдующемъ порядкѣ:

5	3	1	2	4	6
11	9	7	8	10	12

При расположеніи гербовъ въ порядкѣ столба, блазонируютъ сначала средній столбъ, затѣмъ — стоящій вправо, далѣе лѣвый (ф. 95). Соединеніе нѣсколькихъ гербовъ въ одну группу, или классъ называется порядкомъ *по разрядамъ гербовъ*; при таковомъ подраздѣленіе отдѣльныхъ разрядовъ или группъ гербовъ въ общемъ щитѣ производится чрезъ четверочастное дѣленіе (главнаго щита). Каждая изъ образующихся такимъ образомъ 4-хъ группъ имѣетъ свой особый средній щитокъ. Бываютъ и болѣе сложныя дѣленія, какъ напр. въ *Австрійскомъ* гербѣ, имѣющемъ 62 отдѣльныхъ герба въ 9-ти одинаковаго размѣра отдѣленіяхъ; или въ *Чешскомъ* и *Венгерскомъ*, имѣющихъ 4 разряда (ф. 96). При четверочастномъ распредѣленіи начинаютъ блазонированіе съ перваго квартала, т. е. сверху, справа; при разсѣченномъ главномъ щитѣ—справа, и далѣе продолжаютъ, какъ при порядкѣ рядовъ.

Вообще при блазонированіи слѣдуетъ соблюдать правило, что прежде всего упоминается дѣленіе щита, (разсѣченный, одинъ

или нѣсколько разъ; пересѣченный, четверочастный и т. д.); затѣмъ, послѣдовательно должны быть названы: средніе и сердцевые щиты, глава, подножіе, боковые стороны щита и, наконецъ, вставленіе.

При описаніи отдѣльныхъ геральдическихъ фигуръ называютъ сначала родъ ихъ и финифти и при этомъ первою блазонируютъ ту фигуру, которая при разсѣченномъ щитѣ стоитъ справа, при пересѣченномъ—сверху, при скошенномъ дѣленіи—въ правомъ верхнемъ углу. Когда въ щитѣ находится нѣсколько гербовыхъ фигуръ, то начинаютъ съ главныхъ.

Послѣ описанія щита, переходятъ къ верхней части герба (*Oberwappen*), причемъ описываютъ шлемъ, лишь въ общихъ чертахъ), съ его намётомъ, (обозначая финифти), нашлемникомъ и короною достоинства, или другимъ головнымъ уборомъ, и т. д. Далѣе описываютъ придаточные знаки роскоши: щитодержателей, знаки почетныхъ званій, помѣщенные внѣ щита, орденскіе знаки, гербовую мантію, или сѣнь и, наконецъ, девизъ, находящійся ниже щита, или окружающій его.

XXI.

Въ Западной Европѣ, во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ процвѣтало нѣкогда рыцарство, а именно въ Германіи, Франціи, Англіи, Италіи, Испаніи и Португаліи, съ давняго времени сложился извѣстный, свойственный каждой изъ этихъ странъ, своеобразный типъ гербовъ. Согласуясь съ основными правилами общепринятой геральдики, они представляютъ однако мѣстныя національныя оссбенности. Таковыя выражаются, то въ извѣстной преобладающей окраскѣ щитоваго поля, то въ характерѣ фигуръ, шлемовыхъ украшеній и т. д.

Особенности эти можно сравнить съ архитектурными стилями средневѣковой Европы, которые, хотя въ общихъ чертахъ и одинаковы въ различныхъ странахъ, однако отличаются въ подробностяхъ, соотвѣтствующихъ мѣстному вкусу и художественной фантазіи той, или другой страны.

Подобный національный характеръ гербовъ, отражающій въ себѣ общее міровоззрѣніе, направленіе художественнаго вкуса и глубоко вкоренившіяся особенности каждаго народа, сохранился въ геральдикѣ и до настоящаго времени.

Мы постараемся въ общихъ чертахъ указать на эти мѣстныя особенности геральдики въ различныхъ странахъ.

Во *Франціи*, гдѣ геральдика получила свое первоначальное развитіе, мы замѣчаемъ особенную выработанность геральдическихъ эмблемъ. Сообразно національному характеру, здѣсь замѣтна большая любовь къ пышности и роскоши; отсюда въ гербахъ преобладаютъ блестящіе цвѣта и мѣха. Большое примѣненіе имѣютъ такъ наз. геральдическія фигуры, которыя въ старину обозначали принадлежность къ древнѣйшему знатному дворянству. Весьма часто встрѣчаются также бѣличій (*vair*) и горностаевый (*hermine*) мѣха и усѣянныя, или усыпанныя фигурами поля щита; далѣе многоцвѣтные намёты съ каймами, шлемы, почти всегда открытые (рѣшетчатые), съ различнымъ числомъ рѣшетинъ, сообразно степенямъ дворянства, иногда вызолоченные, или посеребреные; сѣни и другіе знаки пышности.

Въ старинныхъ французскихъ гербахъ являлся преобладающимъ цвѣтомъ щитоваго поля — голубой, въ подражаніе цвѣту королевскаго герба. На этомъ же основаніи въ гербахъ древняго *Бургундскаго* герцогства чаще всего встрѣчается красный цвѣтъ; особое же почитаніе въ Бургундіи св. апостола Андрея выразилось здѣсь въ гербахъ частымъ примѣненіемъ андреевскаго креста.

Въ *Бретани* преобладалъ въ гербахъ горностаевый мѣхъ, въ подражаніе герцогамъ Бретанскимъ; также часты здѣсь такъ наз. *billettes*—гербовая фигура фамилій *Beaumanoir*, и *mâcles*—фамиліи *Rohan*. Оба эти знаменитые дома имѣли въ Бретани многочисленныхъ вассаловъ, пользуясь правами сюзереновъ. Такъ наз. добавленія (*brisures*), примѣнявшіяся въ гербахъ королевскихъ принцевъ Франціи, имѣли подражанія и въ дворянскихъ гербахъ.

Геральдическія фигуры *главы* и *перевязей* особенно часты въ гербахъ центральныхъ провинцій Франціи, вѣроятно, въ подражаніе могущественному дому *de Poitiers*, имѣвшему вассаловъ въ провинціяхъ *Dauphiné* и *Valentinois*.

Въ *Провансѣ* гербы имѣютъ совершенно отличный характеръ отъ сосѣднихъ провинцій, по той причинѣ, что большая часть дворянскихъ фамилій Прованса происходитъ изъ Италіи и Испаніи. Поэтому здѣсь особенно часто встрѣчаются въ гербахъ башни, замки, кружки (*tourteaux*), безанты, звѣзды, кресты и т. п.

Кресты и раковины также весьма распространены въ гербахъ *Нормандіи*, такъ какъ многія рыцарскія фамиліи этого края участвовали въ крестовыхъ походахъ. Фигуры *столба* и *каймы* часто встрѣчаются въ гербахъ *Лангедока*, въ подражаніе владѣтельнымъ домамъ *Каталоніи*, *де-Фуа* и *Арагоніи*. Львы и леопарды преобладаютъ въ гербахъ *Гюйенна*, *Нормандіи* и *Пикардіи*, въ чемъ отразилось временное владычество Англіи надъ этими провинціями. *Мерлетты* часты въ гербахъ *Шампани* и *Нормандіи*, по причинѣ заморскихъ путешествій, предпринимавшихся здѣшними рыцарями.

Въ *Италіи*, *Испаніи* и *Португаліи* геральдика въ общихъ чертахъ ближе всего примыкаетъ къ французской.

Въ *Италіи*, гдѣ культъ классической древности никогда не прекращался и великіе памятники древняго искусства всегда сохраняли вліяніе на направленіе художественнаго вкуса, и въ геральдикѣ замѣчается предпочтеніе къ античнымъ миѳологическимъ фигурамъ: онѣ являются здѣсь какъ въ гербахъ, такъ и въ видѣ щитодержателей. Нигдѣ такъ наз. *гласные гербы* не получали такого значительнаго распространенія, какъ въ Италіи; это отчасти объясняется тѣмъ, что здѣсь большинство фамильныхъ прозвищъ сохранилось съ древнихъ временъ и не было замѣнено названіями земельныхъ владѣній, какъ это было въ другихъ странахъ западной Европы. Весьма часты въ итальянскихъ гербахъ, а именно въ Миланѣ, Генуѣ, Болоньѣ, Пармѣ, Павіи, Піаченцѣ и др. эмблемы французскихъ королей (3 лиліи), а также орелъ Римской Имперіи; первыя жаловались королями Франціи фамиліямъ изъ партіи Гвельфовъ, а послѣдній—императорами, Гибеллинамъ: эмблемы эти помѣщаются обыкновенно во главѣ гербовъ.

Въ *Испаніи* и *Португаліи* въ гербахъ весьма обычны особаго рода *окаймленія*, составленныя изъ кусковъ, а равно и

многочастныя дѣленія щита. Въ гербахъ встрѣчаются самыя разнообразныя сочетанія геральдическихъ фигуръ съ крестами, звѣздами, полумѣсяцами и фигурами животныхъ. Такое разнообразіе произошло оттого, что здѣсь знатныя фамиліи присоединяли къ своимъ родовымъ гербамъ также и гербы своихъ феодальныхъ владѣній и титуловъ. Изъ фигуръ въ испанскихъ гербахъ своеобразны весьма часто встрѣчающіеся *котлы* (*calderas*),—особенная принадлежность знатныхъ *Ricos hombres*; также лиліеобразные кресты, раковины св. Іакова, безанты и кружки (*roeles*), обозначавшіе число укрѣпленныхъ замковъ, принадлежавшихъ владѣльцу герба. Встрѣчаются также *цѣпи*, которыя увѣковѣчиваютъ знаменитую побѣду короля Санхо Могучаго надъ Маврами въ 1212 г., и андреевскіе кресты, въ память взятія у Мавровъ г. Баэцы въ 1489 г., въ день памяти св. Андрея. Шахматныя геральд. фигуры, полумѣсяцы и звѣзды также обозначали побѣды, одержанныя надъ Маврами *въ ночныхъ сраженіяхъ*. Нѣкоторыя испанскія фамиліи французскаго происхожденія помѣщали въ своихъ гербахъ *лиліи*. Въ гербахъ *Бискайи*, *Каталоніи* и *Наварры* весьма часто встрѣчаются *волки*. Въ окаймленіяхъ испанскихъ гербовъ преобладаютъ эмблемы королевствъ *Кастиліи* и *Леона*, жалованныя королями, а иногда встрѣчаются и цѣлые девизы, помѣщенные въ самомъ щитѣ.

Англійскіе гербы отличаются заостренною формою своихъ щитовъ, съ выступающими верхними углами; впрочемъ, иногда они бываютъ и круглые, съ окаймленіемъ, наподобіе застегнутаго пряжкою ремня, содержащаго девизъ. Самые гербы въ Англіи не представляютъ существеннаго различія отъ французскихъ; развѣ только въ томъ, что дѣленія щита бываютъ въ нихъ очень многочисленными и гербы каждой фамиліи осложняются множествомъ добавочныхъ фигуръ, обременяющихъ собою такъ наз. геральдическія. Очень часты здѣсь *мѣха*. Обыкновенныя фигуры изображаются не въ геральдическомъ стилѣ, а по возможности сходными съ природою.

Особенно распространенными и свойственными англійской геральдикѣ являются въ древнихъ гербахъ *леопарды*, (эмблема Нормандіи и дома Плантагенетовъ); *розы*, красная и бѣлая, (до-

мовъ Ланкастеръ и Іоркъ), рукава одеждъ своеобразнаго очертанія, (такъ наз. *manche mal taille*), водосточныя трубы (*waterbouget*, въ видѣ буквы *M*, пересѣченной горизонтальною чертою). Въ новѣйшей англійской геральдикѣ особенно излюблены эмблемы, имѣющія отношеніе къ морской жизни, какъ-то: корабли, маяки, весла и проч.; также въ видѣ щитодержателей встрѣчаются: матросы, тритоны и т. под. Система различительныхъ знаковъ, также какъ и во Франціи, точно выработана и строго примѣняется въ англійскихъ гербахъ. Какъ мы уже упоминали, въ Англіи издавна шлемъ вовсе не изображался на гербахъ и, вмѣсто него, клейнодъ (*crest*) помѣщался на вѣнчикѣ, свободно висящимъ надъ щитомъ. Девизы въ Англіи очень распространены и признаются почти необходимыми въ гербахъ: они отличаются краткостью и выразительностью.

Въ *Германіи* геральдика получила особенно многостороннее и цѣлесообразное развитіе и сохранила свои древнія формы отчасти и донынѣ. Геральдическими образцами здѣсь особенно богаты 14-е и 15-е столѣтія. Цвѣта по большей части просты, мѣха рѣдки. Изъ фигуръ преобладаютъ въ гербахъ обыкновенныя, т. е. естественныя и искусственныя; геральдическія же встрѣчаются рѣже. Особенное развитіе въ нѣмецкихъ гербахъ имѣютъ шлемовые клейноды, придающіе имъ много красоты и пышности и повторяющіе нерѣдко гербовую фигуру щита.

Знаки пышности встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы и притомъ только у высшаго дворянства. Также и система различительныхъ знаковъ здѣсь почти не привилась. Въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи гербы имѣютъ своеобразный отпечатокъ и особыя, мѣстно встрѣчающіяся фигуры. На *нижнемъ Рейнѣ* и въ *Нидерландахъ* геральдика является смѣсью нѣмецкой и французской: здѣсь часто встрѣчаются мѣха, обрубленныя фигуры, усѣянныя фигурами поля щита, ромбы, початки и т. под., свойственные французской геральдикѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ нашлемники изображаются въ совершенно нѣмецкомъ стилѣ. Въ сѣверной Германіи часто встрѣчается фигура котловаго крюка (*Kesselhaken*); гербы *восточной Пруссіи* носятъ польскій отпечатокъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что не во всѣхъ странахъ Европы, гдѣ въ настоящее время употребляются гербы, геральдика достигла одинаковаго развитія. Здѣсь мы разумѣемъ тѣ европейскія страны, которыя въ Средніе вѣка стояли на низшей степени культуры и гдѣ рыцарства или вовсе не было, или же оно никогда не достигало такого процвѣтанія, какъ на Западѣ. Въ такихъ именно условіяхъ находились всѣ славянскія государства восточной Европы, гдѣ геральдика не стала на твердую почву въ тѣ времена, когда она на Западѣ уже находилась въ періодѣ своего полнаго развитія и процвѣтанія, основываясь на твердыхъ, вполнѣ выработанныхъ началахъ.

Въ двухъ первенствующихъ славянскихъ государствахъ, *Россіи* и *Польшѣ* геральдика, какъ плодъ западной культуры, явилась лишь какъ заимствованіе болѣе поздняго времени, перенесенное на совершенно иную и мало свойственную ей почву, почему она и является здѣсь въ совершенно иномъ видѣ.

Къ намъ, въ Россію западная геральдика проникла несомнѣнно черезъ Польшу, хотя и получила впослѣдствіи свои мѣстныя особенности, относящіяся, впрочемъ, по большей части къ болѣе позднему времени.

Въ виду важности *польской геральдики* для исторіи происхожденія нашихъ русскихъ гербовъ, мы остановимся на ней подробнѣе. Въ Польшѣ не было рыцарства, подобнаго западно-европейскому, и установленій, тѣсно съ нимъ связанныхъ; поэтому и гербы въ этой странѣ не могли образоваться *самостоятельно* изъ туземныхъ элементовъ, да и будучи привнесены извнѣ, не могли найти въ ней благопріятныхъ условій для своего развитія. Система польскихъ гербовъ рѣзко отличается отъ системы гербовъ западно-европейскихъ, какъ своимъ чрезвычайно простымъ составомъ, такъ и тѣмъ, что въ ней каждый гербъ, нося свое названіе, употребляется множествомъ разныхъ фамилій и такимъ образомъ теряетъ ту тѣсную, неразрывную связь съ личностью владѣльца, которая существуетъ на западѣ Европы, теряетъ тѣ особенности, которыя способствуютъ развитію геральдики, какъ науки.

Въ Польшѣ занесенная съ Запада культурная геральдика попала на почву, уже имѣвшую свои существенныя національныя особенности: здѣсь не было ни феодальной системы, ни рыцарства, но развито было *родовое начало*. Сосѣдніе землевладѣльцы, которые первоначально находились несомнѣнно въ родственныхъ между собою связяхъ, въ случаѣ угрожавшей имъ опасности собирались подъ одно *общее знамя*, на которомъ помѣщался какой-либо *знакъ*, переходившій затѣмъ и къ лицамъ, собиравшимся около этого знамени. Когда геральдика проникла съ Запада въ Польшу въ XIV вѣкѣ, то эти родовые знаки подчинены были точнымъ геральдическимъ правиламъ и такимъ образомъ сложилась такъ наз. *польская система* гербовъ.

Итакъ, въ основу польской геральдики легло *родовое* начало, въ отличіе отъ западно европейской, гдѣ она основывалась на началѣ *личномъ*. Прослѣдимъ въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ происходилъ этотъ процессъ превращенія первобытной польской геральдики въ культурную, европейскую.

Новѣйшія изслѣдованія въ области польской геральдики *Пекосинскаго* и др. доказали, что самые древніе знаки на печатяхъ польскаго дворянства, не поддающіеся ясному толкованію, происходятъ отъ *руническихъ письменъ*. Руническіе знаки занесены были въ Польшу еще въ концѣ VIII или началѣ IX-го вѣка, когда нѣсколько прилабскихъ лехитскихъ племенъ появились въ мѣстности между Вартой и Одромъ и положили начало польскому государству. Представители этихъ племенъ, живя въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Норманнами, переняли отъ послѣднихъ, въ числѣ другихъ военныхъ обычаевъ, и примѣненіе руническихъ письменъ, какъ знаменныхъ знаковъ. Перенесенныя въ Польшу, они удержались здѣсь въ теченіе многихъ вѣковъ, не смотря на то, что знаніе рунъ, вслѣдствіе утраты сосѣдства съ Норманнами, стало вскорѣ забываться. Въ періодъ нѣсколькихъ вѣковъ, прежде чѣмъ эти руны, какъ гербы, нашли почетное мѣсто въ польской геральдикѣ, они прошли чрезъ нѣсколько фазисовъ преобразованій, которыя наложили на нихъ свои характерныя черты.

Прежде всего повліяло на видоизмѣненіе руническихъ военныхъ знаковъ, которые носились на жезлахъ еще въ періодъ

язычества, принятіе Поляками христіанства: въ это время къ рунамъ прибавлены были кресты, видоизмѣнившіе ихъ первоначальныя очертанія. Второй фазисъ наступилъ съ тѣхъ поръ, какъ стали въ Польшѣ употреблять на войнѣ знамена, взамѣнъ древнихъ жезловъ; при этомъ произошли новыя видоизмѣненія руническихъ знаковъ, чрезъ отпаденіе нижнихъ ихъ концовъ, прикрѣплявшихся къ жезламъ. Наконецъ, окончательный фазисъ преобразованія этихъ знаменныхъ знаковъ наступилъ въ эпоху, когда появились въ Польшѣ гербы, созданные по правиламъ западно-европейской геральдики. Эта послѣдняя уже застала въ Польшѣ упомянутые знаменные знаки, издавна употреблявшіеся польскимъ дворянствомъ, и видоизмѣнила ихъ въ гербы. Отсюда объясняется, что польская геральдика весьма мало позаимствовала у западно-европейской и главная часть послѣдней—геральдическія фигуры—въ ней почти отсутствуютъ. Впрочемъ, нѣкоторыя правила западной геральдики нашли и въ Польшѣ примѣненіе, и съ введеніемъ гербовъ появляется здѣсь и должность герольда. Изъ руническихъ непонятныхъ знаковъ стали сочиняться тогда гербы, отвѣчавшіе вполнѣ геральдическимъ правиламъ, такъ-что ихъ можно было описать, или блазонировать.

Эпоха преобразованія руническихъ знаковъ въ геральдическія эмблемы совпадаетъ приблизительно со второй половиной XIII вѣка, и уже съ начала XIV-го в. появляется въ Польшѣ множество гербовъ, составленныхъ по правиламъ и образцамъ западно-европейскимъ. При Казимірѣ III Великомъ, который присоединилъ къ Польшѣ Волынь и Червонную Русь, вліяніе западной геральдики стало быстро вытѣснять тѣ начала, на которыхъ до тѣхъ поръ, въ теченіе почти пяти вѣковъ, развивалась національная система родовыхъ знаменныхъ отличій. Съ этого времени польская геральдика стала утрачивать одно изъ характерныхъ своихъ свойствъ, а именно свободу вырабатыванія различающихся между собою эмблемъ изъ главнаго прототипа. Гербъ, перешедшій впослѣдствіи на геральдическій щитъ польскаго дворянина (или рыцаря), первоначально былъ ничѣмъ инымъ, какъ изображеніемъ, помѣщавшимся на знамени. Это *родовое знамя* находилось на главной военной станицѣ и служило отличительнымъ знакомъ главнаго начальника, или

воеводы. Но такъ какъ это званіе было потомственнымъ и притомъ переходило лишь къ старшему въ родѣ, то младшіе братья, образуя новыя станицы, подчиненныя старшему воеводѣ, принимали тотъ-же *родовой знакъ* на знамени для доказательства принадлежности вмѣстѣ съ старшимъ братомъ къ одному роду; но при этомъ, для различія, нѣсколько видоизмѣняли таковой какимъ либо незначительнымъ *дополненіемъ, или же убавкою*. Подобное преобразованіе родоваго знамени имѣло значеніе только до тѣхъ поръ, пока оно въ военное время играло извѣстную роль: при этомъ родовое знамя во время похода находилось въ отрядѣ старшаго брата, воеводы; младшіе же братья, полковники, или сотники, употребляли его въ походѣ съ извѣстными измѣненіями. Такъ какъ *знакъ станичный* точно изображался на щитѣ начальника и служилъ гербомъ, то и видоизмѣненія этого знака также служили гербами. Но при Казимірѣ Великомъ въ этотъ порядокъ введено было существенное измѣненіе: вмѣсто *родовыхъ* знаменъ устанавливаются *областныя*, и верховное начальство во время похода переходитъ къ областному воеводѣ. Съ этихъ именно поръ прекращается въ Польшѣ исконная система *преобразованія родоваго знамени* и польская геральдика подчиняется вполнѣ правиламъ западно-европейской.

Заслуживаетъ вниманія, что руническіе знаки встрѣчаются не только въ польскихъ гербахъ, но еще въ гораздо большемъ количествѣ въ гербахъ *западно-русскихъ*. Этотъ любопытный фактъ привелъ сначала къ предположенію, что эти русскіе руническіе гербы берутъ свое начало отъ варяго-русскихъ Норманновъ, и этой теоріи придерживались многіе ученые. Но спеціальныя изслѣдованія доказали совершенную ошибочность такого предположенія: русскіе гербы съ руническими мотивами появляются, и даже въ большомъ количествѣ, лишь въ тѣхъ русскихъ областяхъ, которыя нѣкогда зависѣли отъ Польши, т. е. малорусской и бѣлорусской шляхты. Нѣтъ сомнѣнія, что гербы занесены были туда польскою шляхтою и приняты русскими фамиліями.

Этотъ фактъ приводитъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса о переходѣ польскихъ гербовъ въ подпавшія польскому господству древнія русскія области юго-западной Россіи, которыя послѣ та-

тарскаго погрома не долго сохраняли свою политическую самостоятельность. Сначала онѣ, за исключеніемъ Червонной Руси, подчинившейся въ 1340 г. Польшѣ, вошли въ составъ Литовскаго княжества, а затѣмъ, въ 1386 г. стали входить, а чрезъ Люблинскую унію (1569 г.) и окончательно вошли въ составъ польской короны. Усвояя внѣшній лоскъ польской цивилизаціи и шляхетско-польскія воззрѣнія, литовско-русскіе аристократы не могли не проникнуться любовью къ гербамъ, или такъ наз. *гербовымъ клейнодамъ*, которая царила въ тогдашней Польшѣ, и не стремиться къ пріобрѣтенію столь высоко чтимыхъ въ тѣ времена аттрибутовъ благороднаго званія. Послѣднему впрочемъ содѣйствовало и само польское привительство. Поставивъ главною цѣлью своей политики объединить съ Польшею литовско-русскія земли во всѣхъ отношеніяхъ, оно за самое вѣрное средство для этого признало, между прочимъ, уравненіе въ гражданскихъ правахъ литовско-русской знати съ польскимъ шляхетствомъ, и одною изъ главныхъ мѣръ для такого уравненія—надѣленіе первой гербами послѣдняго.

Обыкновенно первое появленіе гербовъ между литовско-русскою аристократіею относятъ къ 1413 году. Въ этомъ году на Городельскомъ сеймѣ великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ и польскимъ королемъ Ягелломъ подписана была договорная союзная грамота, которою, между прочимъ, объявлена была литовско-русскому дворянству католическаго исповѣданія *раздача гербовъ* [1]), соединенная съ разными преимуществами польской шляхты.

Къ первой же половинѣ XV вѣка относятся жалованныя, или вѣрнѣе подтвердительныя грамоты на гербовыя печати, выдававшіяся польскими королями княжескимъ фамиліямъ, происшедшимъ отъ Гедимина и Владиміра Святаго, изъ которыхъ видно, что печати эти употреблялись этими фамиліями еще въ болѣе раннее время. Извѣстно, что князья русскіе и литовскіе издавна имѣли печати съ символическими изображеніями на нихъ. Печати эти сначала не переходили по наслѣдству и даже нерѣдко одинъ и

---

[1]) Всѣхъ гербовъ роздано было на Городельскомъ сеймѣ 47. (*Herbarz Niesieckjego* I. 557).

тотъ же князь при различныхъ обстоятельствахъ прикладывалъ не одинаковыя печати; но съ теченіемъ времени символы на печатяхъ дѣлаются постоянными, наслѣдственными. Такъ напр. Витенъ, говоритъ наша Ипатьевская лѣтопись: «нача княжити надъ Литвою (1278 г.), *измысли себѣ гербъ* и всему князству Литовскому печать: рыцарь збройный на конѣ, съ мечемъ, еже нынѣ наричутъ *погоня*». Преемникъ его, Гединиъ избралъ для своей печати новый символъ—*ангела*; но большая часть послѣдующихъ литовскихъ князей опять возвращается къ прежней эмблемѣ: рыцарю збройному на конѣ, которая такимъ образомъ становится какъ бы наслѣдственною. Къ этому же времени принадлежатъ, наконецъ, два важныхъ для исторіи западно-русской геральдики акта, а именно грамота короля Владислава—Ягайлы отъ 15 октября 1432 г. и другая, Сигизмунда, великаго князя литовскаго и наслѣдственныхъ русскихъ земель, 1434 г. Въ первой грамотѣ польскій король разрѣшаетъ русскимъ князьямъ, дворянамъ и боярамъ пользоваться тѣми же правами и привилегіями, какъ и литовскіе, употреблять тѣ-же дворянскіе гербы, какъ и литовцы, которые *заимствовали* свои гербы отъ польскаго дворянства и употребляютъ ихъ до послѣдняго времени. Эти литовцы, войдя сначала въ соглашеніе съ поляками, употреблявшими тѣ-же гербы, должны *приписать русское дворянство къ своимъ гербамъ*. То-же самое повторяется и въ упомянутой грамотѣ вел. князя литовскаго Сигизмунда. Такимъ образомъ этими двумя актами гербы польскихъ фамилій розданы были, (чрезъ причисленіе къ нимъ), и всѣмъ остальнымъ вліятельнымъ личностямъ Литовско-русскаго княжества, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ *Бобровичъ*, что всѣ знатные паны и бояре, владѣющіе значительными помѣстьями, постарались обзавестись гербовыми клейнодами вскорѣ послѣ Городельскаго сейма. И дѣйствительно, у нѣкоторыхъ документовъ, изданныхъ вскорѣ послѣ Городельской уніи (1431—33 гг.), мы встрѣчаемъ уже цѣлый рядъ печатей литовскихъ и западно-русскихъ, на которыхъ изображены гербы и, что замѣчательно, не только изъ числа вышеупомянутыхъ 47-ми, но и такихъ, которыхъ совсѣмъ не встрѣчается въ польской геральдикѣ того времени. Хотя эти по-

слѣдніе и польскаго происхожденія, но гораздо болѣе древніе, сохранившіеся только въ литовскихъ и западно-русскихъ фамиліяхъ отъ прежнихъ временъ.

Только мелкое литовско--русское дворянство, (сословіе зависимыхъ землевладѣльцевъ, въ родѣ мелкихъ западно-европейскихъ вассаловъ,) не такъ скоро получило право имѣть гербы. Но въ 1569 г., во время Люблинской уніи, и это сословіе было уравнено въ правахъ и преимуществахъ съ польскою шляхтою и получило давно желаемые имъ гербы, которые съ этого времени, по выраженію *Бобровича*, начали широкимъ потокомъ разливаться по всему литовско-русскому княжеству, охватывая всѣ слои туземнаго дворянства, не исключая и высшаго духовенства [1]).

Замѣтимъ, что въ южно-русской литературѣ XVII в. важную роль играло описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ—*клейнодовъ*, какъ тогда большею частью ихъ называли. Гравированные гербы и толковательныя къ нимъ эпиграммы помѣщались на оборотѣ, а иногда и на лицевой сторонѣ заглавнаго листа почти каждой выходившей въ то время книги, какого бы содержанія она ни была. Герботолкованіе входило, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ, въ панегирики, иногда въ посвятительныя до магнатовъ *предмовы* (предисловія въ книгахъ), эпитафіи и пр. Въ проповѣдяхъ, произносимыхъ при погребеніи знатныхъ лицъ, считали приличнымъ обращать вниманіе на гербъ умершаго и заниматься разъясненіемъ символическаго значенія его эмблемъ [2]).

---

[1]) Хотя *Лакіеръ* и говоритъ, что для русскаго духовенства особенныхъ гербовъ не образовалось, несмотря на попытки Петра Могилы (?) и патріарха Никона *сочинить* себѣ гербы, но это не совсѣмъ вѣрно; это совершенно справедливо только по отношенію къ сѣверо-восточной Руси, гдѣ патріархъ Никонъ дѣйствительно *сочинилъ* себѣ гербъ и гдѣ попытка эта не имѣла успѣха. Что же касается до Руси юго-западной, то здѣсь, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Польши, это происходили иначе. Высшее духовенство избиралось преимущественно изъ шляхетства и сохраняло свои родовыя гербы, дополняя ихъ аттрибутами духовнаго сана, какъ то: митрою, крестами, архіерейскимъ посохомъ и проч.

[2]) См. по этому вопросу статью *С. Голубева*: „Описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ южно-русскихъ фамилій въ произведеніяхъ духовныхъ писателей XVII в.“ въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи 1872 г. кн. X. стр. 295—352. Заимствуемъ изъ этой статьи образцы южно-русскихъ гербовъ XVI и XVII вѣка, помѣщенные на таблицахъ.

Хотя родовыя знамена, какъ мы видѣли, и замѣнены были въ Польшѣ съ XIV го вѣка областными, однако въ древнихъ русскихъ областяхъ и вел. княжествѣ Литовскомъ продолжалъ до конца XVII вѣка существовать обычай приписываться къ одному знамени и помѣщать на немъ родовой гербъ старшаго областнаго воеводы, или полковника. Такъ напр. послѣ взятія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Полоцка и Смоленска многія фамиліи *Полоцкой* и *Смоленской* шляхты, приписанныя, какъ значится въ актахъ, къ *знаменамъ*, *черному* и *красному*, переселены были въ въ Уфимскій край, гдѣ сдѣлались родоначальниками многихъ русскихъ дворянскихъ фамилій [1]).

Другой весьма интересный примѣръ подобнаго гербоваго знамени сохранился въ дворянскомъ родѣ *Каховскихъ*, принадлежавшихъ къ Смоленской шляхтѣ и перешедшихъ въ русское подданство и православіе въ 1654 г., со взятіемъ Смоленска. На этомъ знамени, которое, по семейному преданію, служило *полковымъ* для Смоленской шляхты еще при польскомъ господствѣ, мы видимъ, подъ священными изображеніями Богоматери и святыхъ, польскій гербъ *Нечуя*, которымъ пользовались Каховскіе [2]). На другомъ польскомъ знамени 1649 г., повидимому, Волынскаго воеводства, которое сохраняется въ Московской Оружейной Палатѣ, изображена фигура архангела Михаила, а возлѣ нея, подъ четырехъконечнымъ уширеннымъ крестомъ (гербъ Волыни), помѣщенъ въ щиткѣ гербъ такъ наз. *Strzala sovita*, [3]) принадлежавшій одной изъ фамилій этого герба. Чтобы нѣсколько ознакомиться съ геральдическимъ типомъ гербовъ юго-западной Руси, приведемъ здѣсь нѣсколько таковыхъ, которые мы заимствуемъ изъ печатныхъ изданій

[1]) См. *Сборникъ матеріаловъ для исторіи Уфимскаго дворянства Б. А. Новикова, изд. Гурьевичемъ. Уфа. 1904* стр. 25. „Служилые люди, бывшіе первоначальными поселенцами Уфимскаго края, происходили изъ Смоленской и Полоцкой шляхты *4-хъ знаменъ*, присланной при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1655 г. и принявшей подданство Россіи по взятіи Смоленска. Изъ нихъ 124 чел., *при черномъ знамени*, поселены въ Мензелинскѣ; 126, *при красномъ знамени*—въ Шишминскѣ.

[2]) Свѣдѣнія объ этомъ знамени, рисунокъ котораго мы даемъ на таб. II ф. 5, любезно сообщены намъ полковникомъ Б. В. Каховскимъ. *Каховскіе* въ Польшѣ жили въ Сендомірской области, гдѣ владѣли Каховымъ и г. Конинымъ. Въ XV вѣкѣ одна вѣтвь ихъ перешла въ Смоленскую область, а впослѣдствіи и въ русское подданство.

[3]) *Herbarz Kojalowicza* p. 296

XVI и XVII вѣка. Эти образцы представляютъ особенный интересъ для нашей русской геральдики, какъ прототипъ нашихъ позднѣйшихъ русскихъ гербовъ, какъ первые гербы, переходившіе къ намъ изъ Польши и Литвы. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ многія фамиліи изъ Литвы, а также изъ возвращенныхъ Московскимъ государствомъ древнихъ русскихъ областей, Малороссіи и Смоленска, переходя на службу русскаго государя, удерживали свое древнее отличіе—гербъ, и позднѣе, въ концѣ XVII вѣка, только просили царя объ утвержденіи за ними таковаго.

Начнемъ съ *княжескихъ* гербовъ Западной Руси. Гербъ *князей Острожскихъ*, помѣщенный на оборотѣ заглавнаго листа Острожской Библіи изд. въ 1581 г. (таб. Д. ф. 122), представляетъ четверочастный щитъ, имѣющій форму тарча; надъ нимъ шлемъ, увѣнчанный 5-ю страусовыми перьями и съ двухцвѣтнымъ намётомъ, окружающимъ щитъ. Въ первомъ полѣ его изображенъ обращенный влѣво всадникъ, поражающій копьемъ дракона (св. Георгій): эта фигура употреблялась кн. Острожскими, какъ и другими Рюриковичами, въ память ихъ происхожденія отъ князей Русскихъ [1]). Во второмъ полѣ — всадникъ обращенный вправо съ поднятымъ мечемъ — это упоминавшаяся выше такъ наз. *Погонь* (*Родо́п*)—гербъ вел. княжества Литовскаго: она принята была княземъ Константиномъ Острожскимъ первымъ въ память родственнаго союза съ нѣкоторыми фамиліями изъ дома кн. Литовскихъ. Остальныя двѣ гербовыя фигуры: въ 3-мъ полѣ—польскій гербъ *Огончикъ*, и въ 4-мъ—гербъ *Лелива*, указывали также на брачные союзы княжеской семьи съ польскими фамиліями, имѣвшими эти гербы; впрочемъ, по другому толкованію, соединенныя эмблемы двухъ послѣднихъ гербовъ, (*Огончикъ* сверхъ *Леливы*), и составляли собственно родовую гербовую эмблему кн. Острожскихъ.

Гербъ *князей Вишневецкихъ* (таб. Е. ф. 125), потомковъ Гедимина, (изъ книги, изд. въ Кіевѣ въ 1632 г.), содержитъ въ

---

[1]) Существуетъ, впрочемъ, другое мнѣніе о происхожденіи князей Острожскихъ, а также и упоминаемыхъ ниже кн. Четвертинскихъ, которое производитъ ихъ отъ Литовскихъ князей, племени Гедимина. См. *Исторію родовъ русскаго дворянства*, *П. Петрова*. Спб. 1886, стр. 159.

сердцевомъ щитѣ — родовой гербъ вел. кн. Литовскихъ — *Погонь;* далѣе, въ первомъ полѣ — гербъ *Корибутъ* (Ольгерда), во второмъ — полумѣсяцъ рогами внизъ, съ крестомъ сверху; въ третьемъ и четвертомъ — гербовыя эмблемы *Молдавіи* и рода *Могилъ*, вѣроятно, указывающія на брачные союзы княжеской фамиліи.

Гербъ *князей Четвертинскихъ* (таб. Д. ф. 124), изъ книги, изд. въ Кіевѣ въ 1641 г., заключаетъ въ верхней части пересѣченнаго щита св. Георгія, (по той же причинѣ, какъ и въ гербѣ кн. Острожскихъ), а въ нижней—скачущаго на неосѣдланномъ бѣломъ конѣ совершенно обнаженнаго юношу (*młodzian*) съ мечемъ въ рукѣ. (Впрочемъ, кн. Четвертинскіе, по происхожденію Рюриковичи, имѣли и другой гербъ, болѣе сложный).

Переходимъ къ гербамъ духовныхъ сановниковъ юго-западной Руси. Гербъ *Петра Могилы*, митрополита Кіевскаго (таб. Е. ф. 130), заимствованный изъ книги, изд. въ Кіевѣ въ 1630 г., представляетъ щитъ, пересѣченный и дважды разсѣченный, образующій 6 полей. Въ 1-мъ и 4-мъ помѣщены гербовыя эмблемы *Молдавіи*, (голова буйвола и пр.) и *Валахіи*, (воронъ съ крестомъ въ клювѣ), на томъ основаніи, что *Могилы* были нѣкогда господарями этихъ странъ. Во 2-мъ (верхнемъ) полѣ родовой гербъ Могилъ—двѣ перекрещенныя сабли, съ крестами на концахъ; въ 3-мъ полѣ—польскій гербъ *Елита*, въ 5-мъ—гербъ *Остоя*, въ 6-мъ—гербъ *Новина*. Всѣ эти гербы помѣщались въ клейнодѣ фамиліи Могилъ, какъ брачные, или какъ гербы покровительства, (*Елита* — гербъ *Замойскихъ*). Гербъ митрополита увѣнчивался, кромѣ геральдическихъ шлемовъ съ коронами и нашлемниками, еще митрополичьею митрою, (на другихъ изображеніяхъ—шляпою, вродѣ католическаго каплюша).

Гербъ Кіево-печерскаго архимандрита *Іосифа Тризны* (Табл. Е. ф. 128), изображенный въ книгѣ, изд. въ Кіевѣ въ 1648 г., имѣетъ въ сердцевомъ щитѣ литовскую *Погонь*, а въ поляхъ четверочастнаго щита польскіе гербы: *Гоздава* (лилія), *Друцкъ* (четыре полумѣсяца, между ними мечъ), *Елита* (три золотыхъ копья, сложенныхъ въ видѣ звѣзды) и *Побогъ* (подкова, подъ нею крестъ).

Гербъ пановъ *Балабановъ*, изъ дома которыхъ происходилъ митрополитъ Кіевскій Діонисій Балабанъ (Табл. Е. ф. 126), изображенъ въ книгѣ. изд. въ 1606 году, и заключаетъ гербовую эмблему *Корчака*: въ нашлемникѣ—собачья голова, возникающая изъ котла щитовыхъ цвѣтовъ.

Изъ гербовъ южно-русскихъ фамилій укажемъ еще древній гербъ извѣстнаго въ исторіи Малороссіи кіевскаго магната *Адама Киселя* (Таб. Д. ф. 123), изъ кіевскаго изданія 1635 г. Это такъ наз. гербъ *Свентолдичъ*, изображающій въ червленомъ полѣ бѣлый *шатеръ*, имѣющій черную съ бѣлымъ вершину, съ золотымъ крестикомъ надъ нею; по сторонамъ шатра—двѣ звѣзды. Въ нашлемникѣ герба — три кирпичныя башни. Гербъ этотъ имѣетъ свою исторію. По преданію, внесенному отчасти и въ нашу лѣтопись, въ княженіе Владиміра Мономаха воевода Свентольдъ Кисель, въ отсутствіе великаго князя, съумѣлъ спасти Кіевъ отъ осаждавшихъ его Печенѣговъ слѣдующею хитростью: когда въ Кіевѣ сдѣлался голодъ и осажденные стали упадать духомъ. Кисель велѣлъ вырыть двѣ ямы, изъ которыхъ въ одну насыпалъ муки, а въ другую налилъ воды и, подсластивъ её медомъ, смѣшалъ, что и образовало смѣсь, въ родѣ *киселя*. Кіевляне, увидѣвъ, что земля ихъ производитъ муку и медъ и сама даетъ готовую пищу, ободрились и отбили непріятеля [1]). Этотъ гербъ принадлежитъ у насъ дворянскимъ родамъ *Киселевыхъ* и *Брусиловыхъ*. Въ Литвѣ были извѣстны Кисели—Брусиловскіе, изъ дома которыхъ происходилъ и Адамъ Кисель, каштелянъ Кіевскій и воевода Брацлавскій. Другой гербъ, фамиліи *Стеткевичей* (Таб. Е. ф. 129) содержитъ въ четверочастномъ щитѣ польскіе гербы: въ 1-мъ полѣ—*Косцьша*, во 2-мъ—*Огинецъ*, въ 3-мъ — *Друцкъ* и въ 4-мъ—*Богорія*. Въ нашлемникѣ его—3 страусовыхъ пера. Наконецъ, заимствованный изъ *Евангелія учительнаго*, кіевскаго изданія 1637 г., гербъ принадлежитъ древней малороссійской фамиліи *Проскура-Сущанскихъ* (таб. Е. ф. 127) и содержитъ руническую эмблему.

Изъ всего сказаннаго достаточно явствуетъ, что наша рус-

---

[1]) *Лакіеръ*, Русская геральдика II стр. 431.

ская геральдика, появившаяся не раньше второй половины XVII-го вѣка, имѣла уже готовые образцы въ тѣхъ гербахъ, которые во множествѣ заносились въ предѣлы Московскаго государства, не только изъ сосѣдней Польши и Литвы и возвращенныхъ рускихъ областей, но также и многочисленными выходцами изъ другихъ странъ западной Европы. Это не замедлило, конечно, повліять на появленіе и развитіе у насъ геральдическаго вкуса. Мы уже упоминали выше (стр. 44) о зарожденіи государственной геральдики при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, при чемъ дѣятельная роль выпала на долю Посольскаго приказа съ его тогдашнимъ начальникомъ, любителемъ просвѣщенія и *западныхъ новшествъ*, боярином А. С. Матвѣевымъ. Гербы, въ настоящемъ значеніи этого слова, стали употреблять въ Россіи прежде другихъ иностранцы, состоявшіе тогда въ вѣдѣніи Посольскаго приказа. Этимъ объясняется, что въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII вѣка *гербы сказывались* изъ Посольскаго приказа, что и оставалось такъ до учрежденія Герольдіи при Петрѣ.

Развитіе геральдическаго вкуса, распространявшагося у насъ въ то время главнымъ образомъ чрезъ Польшу, отразилось между прочимъ и въ дошедшихъ до насъ *знаменахъ* и *прапорахъ* временъ царя Алексѣя Михайловича. Таково, наприм., такъ наз. *гербовное знамя* 1666 — 1678 г., на которомъ, вокругъ Московскаго герба, изображены въ клеймахъ областные гербы (*Оруж. Пал.* № 4071). Нѣсколько знаменъ *стрѣлецкихъ* и *иноземскихъ* полковъ того времени представляютъ также несомнѣнный геральдическій интересъ, почему мы воспроизводимъ ихъ здѣсь по подлинникамъ, сохраняющимся въ Оружейной Палатѣ [1]).

На двухъ *стрѣлецкихъ* знаменахъ № 4141 (*таб. И* ф. 3) мы видимъ въ кругломъ клеймѣ правильное геральдическое изображеніе возстающаго *коронованнаго грифа* съ мечемъ въ правой лапѣ; на другихъ двухъ *драгунскихъ* знаменахъ XVII-го вѣка (№ 4171 *Оруж. Пал.*) изображены также, согласно описи: „*звѣрь гривъ, повыше звѣря—по кресту лазоревому*“. (*таб. И* ф. 1).

---

[1]) Знамена эти издаются здѣсь впервые, послѣ произведенной нами реставраціи оригиналовъ, чрезъ нашивку ихъ на тюль.

На *солдатскомъ* знамени (№ 4144 *Оруж. Пал.*) конца XVII вѣка мы видимъ изображеніе *птицы—грифа* (съ рогами) въ *кругѣ*; въ углу вшитъ 6-ти конечный крестъ, на поляхъ 8 звѣздъ. (*таб. К* ф. 2).

Далѣе укажемъ два знамени XVII в., *Сибирскихъ стрѣльцовъ* (№ 4173—74 *Оруж. Пал.*), на которыхъ изображены посреди, въ совершенно геральдическомъ стилѣ, излюбленныя у насъ въ то время эмблемы *льва* и *единорога*, стоящихъ и обращенныхъ лицомъ другъ къ другу: на каймахъ этихъ знаменъ, сдѣланныхъ изъ холста, вшиты изображенія: *солнца*, *креста изъ лилій* и *осьмилистника*, или *розы*, (*таб. К* ф. 5) [1]).

На *солдатскомъ* знамени конца XVII в. (№ 4147) вшито изображеніе *Китоврася*, пускающаго стрѣлу (*таб. К* ф. 6); на другомъ (№ 4145 *таб. К* ф. 1) выходящая изъ облака *рука*, *закованная въ латы*, *съ мечемъ*. Обѣ эти эмблемы встрѣчаются въ польской геральдикѣ, гдѣ первая носитъ названіе герба *Kitawrus*, а вторая — *меньшей Погони* (*Pogoń mniejsza*, или *Sdarbozec*) [2]).

На сотенныхъ знаменахъ *Астраханскихъ стрѣльцовъ*, конца XVII в. (№ 4108—4114 *Оруж. Пал.*) мы видимъ изображеніе *Астраханскаго* герба (изъ *Царскаго титулярника*): въ лазоревомъ полѣ сабля бѣлая подъ короною Астраханскою, черенъ сабли и корона золотые.

Укажемъ, наконецъ, знамена полковъ *иноземскаго строя* (№ 4121—25), временъ царя Михаила Ѳедоровича, изъ желтой шелковой камки, съ вшитыми въ нихъ совершенно геральдическими *андреевскими*, такъ наз. *пнистыми крестами* (*schräges Astkreuz*). Здѣсь мы встрѣчаемъ важное для насъ указаніе на то, что геральдическія эмблемы въ нашихъ войскахъ XVII в. полу-

---

[1]) Знамена эти, безо всякаго основанія, въ *Описи Оруж. Палаты* отнесены къ XVI в., и значатся будто-бы принадлежавшими Ермаку и его сподвижникамъ.

[2]) Въ польской геральдикѣ есть *пять видовъ* герба такъ наз. *Погони*, изъ которыхъ три изображаютъ съ различными варіантами *всадника съ мечемъ*, а двѣ остальные — *руку съ мечемъ*. Обѣ эмблемы эти употреблялись въ гербахъ фамилій литовскаго происхожденія (первый видъ *Погони*—княжескими фамиліями, происходившими отъ Гедимина). Послѣднею особенно изобилуютъ наши русскіе гербы, часто безо всякаго отношенія къ происхожденію изъ Польши и Литвы.

чали распространеніе также и чрезъ служившихъ у насъ тогда иноземцевъ, выходцевъ изъ западной Европы. Упомянемъ здѣсь также нагрудные знаки съ *львиными личинами*, украшавшіе въ тѣ времена грудь нашихъ *пушкарей*, каковые, несомнѣнно, западнаго происхожденія и имѣютъ также геральдическій типъ [1]).

Съ XVII-го вѣка появляется у насъ обычай употребленія царскими послами при дипломатическихъ встрѣчахъ съ иноземными послами, какъ напр. при посольскихъ съѣздахъ, особыхъ *прапоровъ*, или, по западному, банніеръ. Прапоры эти, вѣроятно, введены были у насъ тогда по примѣру подобныхъ же, существовавшихъ въ сосѣдней Польшѣ. Они украшались различными эмблемами, въ томъ числѣ иногда гербами той или другой области, въ соотвѣтствіи съ почетными титулами *намѣстниковъ* таковыхъ, которые давались государевымъ посламъ. Такіе посольскіе прапоры носятъ нѣкоторый геральдическій отпечатокъ, но въ то же время подтверждаютъ и тотъ фактъ, что личныхъ гербовъ у насъ въ то время еще не было, даже у самыхъ сановитыхъ лицъ; если же они и выбирали какую-нибудь геральдическую эмблему, то она имѣла лишь случайный характеръ и не являлась наслѣдственною, т. е. гербомъ въ дѣйствительномъ его значеніи. Въ Оружейной Палатѣ сохраняются два такихъ прапора—боярина *Василія Семеновича Волынскаго*, большой и малый: они служили, вѣроятно, подобнымъ знакомъ достоинства при посольскихъ переговорахъ его съ Польшею. Извѣстно, что въ 1671 г. онъ посланъ былъ на Андрусовскій съѣздъ; въ слѣдующемъ году отправился полномочнымъ посломъ въ Мигловичи для рѣшенія пограничнаго спора между Литвою и Запорожскими казаками; наконецъ, онъ же ѣздилъ посломъ и въ Варшаву. На большомъ шелковомъ прапорѣ, или знамени Волынскаго, червленаго цвѣта, (№ 4201) изображенъ царь Константинъ, поклоняющійся св. кресту, съ надписью: „*Симъ побѣдиши враги*“, а внизу

---

[1]) Въ росписи оружія 1664 г. сказано: „отпущено изъ Оружейной Палаты въ Пушкарской приказъ пушкарямъ 34 пары *круговъ желѣзныхъ*; въ томъ числѣ пара желѣзныхъ круговъ, *львовы головы, да въ роту пушки*, на желѣзныхъ кругахъ писаны орлы одноглавые, въ правой лапѣ пушка, въ лѣвой—трость. (*Арх. Оруж. Пал.* роспись 172 г. лл. 1—4, 8, 16).

знамени, по польски: „*Snamie Basily Siemonewitz Wolynskiego*“ По полю и откосамъ его разсыпаны золотыя звѣзды. Малый прапоръ того-же Волынскаго былъ уже нами описанъ выше (стр. 194, прим. 2) и воспроизведенъ на *таб. И* ф. 2.

Подобный же характеръ *посольскихъ* имѣютъ относящіеся также къ XVII вѣку прапоры (№№ 4199, 4200 *Оруж. Пал.*), изъ нихъ послѣдній — съ *Владимірскимъ гербомъ*; на откосахъ ихъ изображены львы и драконы. (*Таб. К* ф. 8. *Таб. И* ф. 4). Наконецъ, на прапорѣ № 4195 изображенъ Архангелъ Михаилъ на огненномъ конѣ, (около него буквы *З. А. Н. В. С.*, обозначающіе, вѣроятно, кому принадлежало это знамя, или прапоръ); на сохранившемся откосѣ его—геральдическій *левъ*. (*Таб. К* ф. 3).

Всѣхъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, насколько геральдическія эмблемы, проникавшія съ Запада, сдѣлались у насъ обычными въ XVII вѣкѣ. Это создало ту геральдическую почву, на которой въ исходѣ этого вѣка могли появиться у насъ, наконецъ, и родовые гербы.

XXII.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что наша русская геральдика слагалась подъ вліяніемъ Запада и главнымъ образомъ Польши; но также, какъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, она получила и у насъ свои особенности, заимствованныя изъ мѣстныхъ культурно-историческихъ условій.

Хотя понятіе о гербѣ перешло къ намъ изъ Польши и Литвы, но идея, лежавшая въ основѣ польской геральдической системы, не могла найти у насъ полнаго примѣненія уже и потому, что наша русская геральдика имѣла и свои чисто русскіе источники, а именно древніе знаки, или *знамена*, служившія для означенія родовыхъ владѣній и перешедшія затѣмъ въ печати и, наконецъ, и въ гербы княжескихъ родовъ.

Элементы первобытной геральдики, въ видѣ особыхъ знаковъ для узнаванія другъ друга въ бою, а также для обозначенія разныхъ видовъ собственности, существовали издавна и у насъ,

какъ и у другихъ народовъ Востока и Запада. Такъ наприм. въ Новгородской лѣтописи подъ 1016 г. приводятся слова Ярослава къ дружинѣ: *„знаменайтеся*, повивайте себѣ убрусы голову» (*Новг. I лът. 1016 г.*) Безъ сомнѣнія, существовали и другіе отличительные боевые знаки, какъ напр. *червленые щиты* русскихъ воиновъ, упоминаемые въ «*Словѣ о полку Игоревѣ*», и т. под. Въ другой лѣтописи упоминается о томъ, что: «ловища вел. княгини Ольги суть по всей земли *знамянья*, и мѣсты и повосты. (*Пов. времен. лѣтъ* 947 г.). Издавна принято было на Руси обозначать межевыя грани земельныхъ владѣній особыми знаками, (какъ напр. топоръ, лукъ, вилы, борода, косы, мотовило и т. под.), каковыми изобилуютъ наши древнія писцовыя книги. Знаки подобнаго рода встрѣчаются у насъ и на монетахъ. Извѣстны напр. такіе родовые знаки на монетахъ Владиміра Святаго и его сыновей, Святополка и Ярослава [1]). Древній княжескій бытъ не далеко уходилъ тогда отъ быта простонародья тѣхъ временъ. Какъ князь, такъ и смердъ имѣли одинаковаго рода собственность, заключавшуюся въ скотѣ, скирдахъ, хлѣбѣ, бортяхъ пчелъ и т. под. На эти предметы являлась надобность *класть знакъ*, указывающій на ихъ принадлежность; отсюда и произошли созданные самою жизнью *знамена*, *рѣзы* и *пятна*, примѣнявшіеся на всей собственности князей и распространявшіеся и на чеканившуюся ими монету.

Наконецъ, и у насъ, на Руси существовали съ древнѣйшихъ временъ шлемы, щиты, кольчуги и другія принадлежности боеваго вооруженія. Однако изо всѣхъ этихъ, перечисленныхъ нами элементовъ, въ силу особыхъ условій нашей культуры, не выработалось геральдическихъ формъ въ видѣ наслѣдственныхъ гербовъ, какъ мы это видѣли на Западѣ. Боевыми символами являлись у насъ исключительно *священныя изображенія*, помѣщавшіяся

---

[1]) Этотъ *родовой знакъ* на монетахъ Владиміра Святаго имѣетъ форму *трезубца, съ крестомъ надъ среднею его чертой;* знакъ этотъ на монетахъ его сыновей представляетъ незначительныя *измѣненія*, которымъ изслѣдователи приписывали значеніе такъ наз. геральдическихъ *brisures*. См. статью *А. В. Орѣшникова: „Новые матеріалы по вопросу о загадочныхъ фигурахъ на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ“. Археолог. Изв. 1894. № 10.*

на военныхъ знаменахъ, а иногда и на шлемахъ военачальниковъ, (каково напр. изображеніе *св. архистратига Михаила* на шлемѣ великаго князя Ярослава Всеволодовича, или же изображеніе такъ наз. *Деисуса* (*моленія*) и святыхъ на княжеской боевой шапкѣ византійскаго типа, XIII вѣка). Такимъ образомъ на боевомъ оружіи нашихъ князей свѣтскія эмблемы, въ силу религіозныхъ взглядовъ, признавались неумѣстными; таковыя допускались иногда на княжескихъ печатяхъ, хотя и на этихъ послѣднихъ все же преобладали священныя изображенія [1]).

Какъ мы уже замѣтили выше (стр. 89), въ нашей русской геральдикѣ печати предшествовали гербамъ и поэтому изученіе чисто русскихъ источниковъ нѣкоторыхъ нашихъ гербовъ болѣе древняго происхожденія находится въ тѣснѣйшей связи съ русскою *сфрагистикой*. Слѣдя за исторіею нашихъ печатей, государственной и частныхъ лицъ, мы постепенно приближаемся къ *гербу*, т. е. печати съ признакомъ наслѣдственности, каковой появляется у насъ для частныхъ лицъ не ранѣе эпохи Петра Великаго. Исторія *русскаго государственнаго герба* тѣсно связана съ исторіей печатей Московскихъ государей, служившихъ первоначальнымъ его проявленіемъ.

Употребленіе печатей на Руси вообще восходитъ до отдаленныхъ временъ договоровъ древнихъ Руссовъ съ Греками. Упомянутый нами обычай ставить знаки собственности на великокняжескихъ монетахъ перешелъ и въ болѣе позднюю (XIV—XV в.) эпоху; но только *родовой знакъ* замѣнился изображеніемъ *перстенной княжеской печати*, которая вырѣзывалась на монетномъ штампѣ, вокругъ коего прибавлялась надпись: «печать князя, или великаго князя» и отчеканивалась на монетѣ. Печати, употреблявшіяся удѣльными и великими князьями древней Руси, изображали чаще всего ликъ Спасителя, Богоматери съ Младенцемъ,

---

[1]) Причинъ такой исключительности слѣдуетъ искать отчасти въ самомъ характерѣ нашего древнерусскаго искусства, имѣвшаго исключительно *религіозный*, церковный характеръ, въ противоположность западному. Такъ напр. на Западѣ средневѣковая архитектура изобилуетъ изображеніями животныхъ и разныхъ чудовищъ, въ видѣ наружныхъ прилѣповъ на храмахъ и др. зданіяхъ; у насъ же такія изображенія *запрещаются*, не только въ церквахъ, но и на воротахъ домовъ. См. *Ѳ. И. Буслаева Сочиненія*, т. I, стр. 28, изд. 1908 г.

или же особенно почитаемаго святаго, обыкновенно соименнаго князю, владѣтелю печати. Но вообще всѣ дошедшія до насъ печати русскихъ князей татарскаго періода носятъ весьма разнообразный и случайный характеръ, что объясняется отсутствіемъ въ тѣ времена понятія о наслѣдственной эмблемѣ или гербѣ. Въ XIV—XV вв. печати не имѣли еще того значенія, которое онѣ стали получать позже, начиная съ Іоанна III, при которомъ понятіе о государственности, а въ связи съ нимъ и наглядное представленіе о ней въ формѣ герба, получило большее развитіе.

Каждый князь, властвуя въ своемъ удѣлѣ, имѣлъ необходимость въ печати, которою онъ утверждалъ, какъ свои договоры съ Москвою и иными городами, такъ и акты своихъ подданныхъ. Если печати эти, первоначально произвольныя, часто видоизмѣнялись, если нельзя положительно сказать, что всѣ онѣ перешли въ гербы, тѣмъ не менѣе было явленіемъ совершенно естественнымъ, что удѣльные князья, утративъ свою самостоятельность и занявъ въ рядахъ Московскихъ служилыхъ людей самое почетное мѣсто, по обычаю, существовавшему издавна, сохраняли въ печатяхъ своихъ изображенія, которыя были первоначально эмблемами ихъ владѣнія тѣмъ или другимъ княжествомъ и получали затѣмъ наслѣдственный характеръ герба. Такимъ образомъ печати предшествовали у насъ фамильнымъ княжескимъ гербамъ, появившимся гораздо позднѣе.

Самостоятельныя области, *Новгородская* и *Псковская* также имѣли свои собственныя печати, еще до присоединенія ихъ къ Москвѣ [1]). Впослѣдствіи каждая присоединенная къ Московскому

[1]) Первоначально печать *Великаго Новгорода* имѣла изображеніе *„вѣчевыхъ ступеней, съ положенными на нихъ посохомъ архіепископа“* и надписью: *„господина Великаго Новгорода“*. Впослѣдствіи къ этому основному изображенію были прибавлены: *медвѣдь* и *собака*, на печати Грознаго, съ надписью: *„печать намѣстника Вел. Новгорода“* (*Таб. Ж* ф. 6) и, наконецъ, въ XVII вѣкѣ—*два медвѣдя* и внизу *2 рыбы* (на царскомъ покровцѣ и тарелкѣ царя Алексѣя Михайловича ф. 3. 7.) Любопытно, что въ *Гамбургѣ*, въ числѣ другихъ гербовъ городовъ *Ганзейскаго союза*, сохранился древній гербъ *Вел. Новгорода* съ изображеніемъ *головной фигуры великаго князя, въ Мономаховой шапкѣ*. Гербъ этотъ, конечно, иноземнаго происхожденія и у насъ, повидимому, примѣненія не получилъ. Гербъ *Псковскій*: *бѣгущій вправо барсъ*—изображенъ также на печати Грознаго (ф. 6) и на тарелкѣ ц. Алексѣя Михайловича (ф. 10). По мнѣнію *Лакіера*, эмблема Псковскаго герба *Ганзейскаго происхожденія*.

государству область получала свою особую, *путную* печать, (для актовъ, исходившихъ отъ государева имени, изъ разныхъ *путей* центральнаго управленія). Отсюда понятно, что и такія завоеванія, какъ Смоленскъ, царство Казанское и царство Астраханское, по примѣру Новгорода и Пскова, получали немедленно же свои особыя печати. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательна сохранившаяся до настоящаго времени большая печать *Ливонской земли,* на актѣ 1564 года [1]). Печать эта прекрасно выполнена и замѣчательнаго рисунка. Двуглавый русскій орелъ, съ Московскимъ всадникомъ на груди, попираетъ ногами два геральдическихъ щита, на одномъ изъ которыхъ—Литовская *погонь*, а на другомъ—мечъ, крестъ на крестъ съ ключемъ. Изъ офиціальнаго лѣтописнаго объясненія мы узнаемъ и причину помѣщенія этихъ гербовъ. «Того лѣта (1564), говоритъ лѣтопись, повелѣ царь и вел. князь сдѣлати печать въ свою вотчину, Вифляндскую землю, въ градъ Юріевъ, а на печати клеймо – орелъ двоеглавый, а у орла, у правые ноги *гербы*, печать магистра Ливонскаго, а у лѣвые ноги гербы, печать Юріевскаго бискупа» [1]).

Государственная печать, или *гербъ Московскаго государства* установилась, какъ извѣстно, при Іоаннѣ III, послѣ брака его съ греческою царевной Софіей Ѳоминичной Палеологъ, изъ послѣдняго императорскаго рода Византіи. Печать эта двухсторонняя: на одной сторонѣ ея изображенъ скачущій вправо крылатый всадникъ, который поражаетъ копьемъ змѣя; на другой сторонѣ— изображеніе двуглаваго орла съ опущенными распластанными крыльями и съ короной на каждой головѣ. Изъ этой первоначальной государственной печати, чрезъ частичныя видоизмѣненія и дополненія ея, постепенно слагался Россійскій государственный гербъ въ его нынѣшнемъ видѣ. При отсутствіи у насъ до конца XVII в. гербовъ у частныхъ лицъ можно разсматривать нашъ государственный гербъ со входившими въ его составъ областными печатями, или гербами, какъ полное отраженіе нашей русской государственной геральдики въ эту первоначальную ея эпоху.

---

[1]) *Русск. Историч. Библіотека* т. III. стр. 230. Снимки древн. русск. печат. М. 1882. *Таб. 67.* См. *Н. Лихачева. Дѣло о пріѣздѣ въ Москву Антонія Поссевина.* Спб. 1893. стр. 129.

Важнѣйшимъ видоизмѣненіемъ двухсторонней печати Іоанна III было соединеніе въ одно обѣихъ составныхъ частей ея, т. е. всадника стали изображать на щиткѣ, на груди орла, что и дало печати характеръ законченнаго герба. Впервые печать и золотыя монеты съ такимъ соединеніемъ встрѣчаются въ царствованіе Іоанна IV Грознаго. Затѣмъ мы видимъ печати съ такимъ же соединеннымъ изображеніемъ орла со всадникомъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, обоихъ Лжедмитріевъ и царя Михаила Ѳедоровича.

Изъ частныхъ дополненій герба Іоанна III-го важнѣйшее состояло въ томъ, что вокругъ двуглаваго орла стали изображать гербы главныхъ областей, присоединенныхъ къ Московскому государству. Первый примѣръ герба съ такимъ дополненіемъ сохранился на печати царя Іоанна IV Грознаго, которая находится при грамотѣ перваго Лжедмитрія къ его тестю, Юрію Мнишекъ. На этой печати, вокругъ двуглаваго орла съ всадникомъ на груди, изображены печати, или гербы областей: Казанской, Псковской, Тверской, Пермской, Болгарской, Черниговской, Нижегородской, Вятской, Югорской, Смоленской, Астраханской и Новгородской (*Таб. Ж* ф. 6) [1]). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ большой государственной печати гербы отдѣльныхъ областей замѣнены болѣе общими эмблемами, именно: на правой сторонѣ изображены три городка и надъ ними буквы *В. М.* и *Б.*, т. е. *Великая*, *Малая* и *Бѣлая* Россія; а на лѣвой сторонѣ отъ орла другіе три городка съ буквами *В. З.* и *С.*, т. е. *Восточная*, *Западная* и *Сѣверная* страны. Подъ орломъ помѣщенъ эмблематическій знакъ «*отчича и дѣдича*», (два прапора, между которыми помѣщены *въ столбъ* 4 равноконечныхъ крестика), охраняемый съ каждой стороны 5-ю вооруженными воинами. Надъ орломъ—три короны, которыя, по офиціальному объясненію того времени, обоз-

[1]) Надъ орломъ уже на государственной печати Іоанна Грознаго появляется посрединѣ *корона*, которая однако становится *постояннымъ аттрибутомъ* двуглаваго орла лишь со времени царя Михаила Ѳедоровича. Въ окружной царской грамотѣ 1625 г. *о сдѣланіи новой государственной печати* (изд. въ ч. III. № 70. *Собр. Госуд. Грамоты и договоровъ*), говорится: „а что у нашей прежней печати были *промежъ главъ орловыхъ слова*, и нынѣ у новыя нашея печати *словъ нѣтъ*, *а надъ главами у орла—коруна*“. Так. обр. съ этихъ поръ орелъ получаетъ 3 короны.

начали *«три великихъ славныхъ царства: Казанское, Астраханское и Сибирское»* [1]).

Упомянемъ о другомъ варіантѣ государственнаго герба, сдѣланномъ при Іоаннѣ IV Грозномъ: онъ состоялъ въ присоединеніи къ двуглавому орлу *„единорога“*, особенно на двухсторонніхъ печатяхъ [2]). При этомъ на одной сторонѣ печати изображался орелъ со всадникомъ на груди, а на другой сторонѣ—орелъ съ фигурою единорога, (вмѣсто всадника). Такая усложненная форма герба встрѣчается и въ царствованіе Бориса Годунова и царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. Мы уже упоминали о томъ, что единорогъ является эмблемою на частной печати Іоанна Грознаго. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, при геральдизаціи государственнаго герба, рѣшительное предпочтеніе дано было изображенію всадника, и съ этихъ поръ эмблема единорога исчезаетъ отсюда окончательно.

Та же форма и тѣ-же изображенія, какія находились на большой печати царя Алексѣя Михайловича, сохранились также на государственныхъ печатяхъ Ѳеодора Алексѣевича и первыхъ годовъ царствованія Петра. Гораздо полнѣе аттрибуты въ государственномъ гербѣ, приложенномъ къ дневнику иностранца *Корба*, бывшаго въ Россіи въ концѣ XVII вѣка: здѣсь мы видимъ на груди орла—Московскій гербъ; на правомъ крылѣ его—знамена: Кіевское, Новгородское и Астраханское, а на лѣвомъ—Владимірское, Казанское и Сибирское. Вокругъ всего герба, на особыхъ щиткахъ—26 другихъ гербовъ областей и городовъ, упоминаемыхъ въ титулѣ Русскаго Царя, ему принадлежащихъ, равно и тѣхъ областей, на которыя Россія имѣла притязаніе. (*Таб.* 3).

По мѣрѣ увеличенія предѣловъ Россіи должны были измѣняться и гербы, окружающіе двуглаваго орла: гербы городовъ, прежнихъ столицъ княжествъ, уступили мѣсто гербамъ отдѣльныхъ царствъ и государствъ, присоединенныхъ къ Россіи. Въ

---

[1]) См. статьи наказа, даннаго переводчику Посольскаго приказа Василію *Боушу* въ 1667 г. изд. въ ч. IV. № 57. *Собр. Госуд. Грам. и договоровъ*. Три короны, вѣнчающія двуглаваго орла, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ стали по формѣ ближе подходить къ шапкѣ Мономаха.

[2]) См. *Таб. Ж* ф. 1.

настоящее время на правомъ крылѣ орла, въ государственномъ гербѣ помѣщаются гербы царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, а на лѣвомъ — царствъ: Польскаго, Таврическаго и великаго княжества Финляндскаго. Въ большой же государственной печати, кромѣ того, вокругъ щита — гербы всѣхъ прочихъ губерній и областей.

Три царскія короны, вѣнчающія двуглаваго орла, при Петрѣ I измѣнены были, съ принятіемъ имъ императорскаго титула, въ императорскія.

Кромѣ государственной печати, весьма важный матеріалъ по изученію вопроса о возникновеніи областныхъ и городскихъ гербовъ представляютъ: «*Снимки съ древнихъ русскихъ печатей, изданные Коммиссіей печатанія Госуд. грамотъ и договоровъ при Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ*», а также помѣщенные въ «*Сборникѣ съ древнихъ печатей Моск. Арх. М. Юстиціи*», изд. *Ивановымъ*. Въ приложеніи приводимъ интересную въ этомъ же отношеніи архивную *роспись* 1656 г. *печатей Сибирскихъ городовъ*, съ описаніемъ ихъ гербовъ, времени царя Алексѣя Михайловича. [1])

Замѣчателенъ также для государственной геральдики XVII-го вѣка сохраняющійся въ Оружейной Палатѣ царскій *сайдачный покровецъ* (№ 6356). Въ серединѣ его вышитъ волоченымъ золотомъ и жемчугомъ двуглавый орелъ съ Московскимъ гербомъ на щиткѣ; вокругъ покровца, на красной атласной коймѣ, въ щитахъ, обнизанныхъ жемчугомъ, вышиты гербы: Казанскій, Астраханскій, Сибирскій, Новгородскій, Псковской, Тверской, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, Нижегородскій, Рязанскій и Ростовскій [2]).

Наконецъ, заслуживаетъ вниманія сохраняющаяся тамъ-же *тарелка царя Алексѣя Михайловича* (*Древн. Государ. Росс. Отд. V. № 42*); на ней также изображены финифтью: въ сре-

---

[1]) Документъ этотъ любезно сообщенъ намъ *А. В. Орлиниковымъ*.

[2]) На *Таб. Ж* мы даемъ взятыя съ этого *покровца* изображенія гербовъ: ф. 7—*Новгородскаго*, ф. 8—*Сибирскаго* ф. 9—*Тверскаго* и ф. 10—*Псковскаго*. *Лакіеръ* ошибочно считаетъ этотъ покровецъ принадлежащимъ къ трону царя Михаила Ѳедоровича. Въ описи 1687 г. онъ значится, какъ покровецъ *сайдачный, большаго наряда* и, слѣдовательно, никакого отношенія къ означенному царскому трону не имѣетъ.

динѣ—государственный гербъ, а по краямъ, въ орнаментѣ—16 гербовъ, каждый въ особомъ щитѣ. Гербы главныхъ княжествъ, (въ томъ числѣ Смоленскаго), изображены здѣсь въ большихъ щитахъ, подъ особыми коронами (*Таб. Ж* ф. 2), а гербы второстепенныхъ—въ малыхъ щитахъ. Здѣсь видна уже попытка изобразить гербы *въ краскахъ*, чего прежде не было, (см. также *Таб. Ж* ф. 3. 4. 5).

Изъ всего сказаннаго становится яснымъ, что историческимъ началомъ русской геральдики слѣдуетъ признать *постепенное развитіе государственнаго герба* и геральдизацію вошедшихъ въ его составъ областныхъ печатей, которыя отчасти вошли затѣмъ и въ княжескіе гербы.

Орелъ въ русскомъ государственномъ гербѣ съ конца XV вѣка есть двуглавый, черный; измѣнялось лишь положеніе крыльевъ его. На печати Іоанна III мы видимъ его съ опущенными крыльями. Такая форма ихъ оставалась безъ измѣненія до конца XVI вѣка; затѣмъ орелъ съ распущенными крыльями появляется на нѣкоторыхъ печатяхъ Лжедмитрія, но въ гербѣ временъ царя Михаила Ѳеодоровича они опять спущены. Наконецъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда окончательно сложился нашъ государственный гербъ, орелъ сталъ изображаться съ распростертыми крыльями. Въ концѣ XVII вѣка геральдическій типъ двуглаваго орла является уже вполнѣ выработаннымъ; таковымъ мы встрѣчаемъ его напр. на *стрѣлецкомъ знамени конца XVII в.* (№ 4143), хранящемся въ Оружейной палатѣ: здѣсь орелъ весьма приближается по своему типу къ нынѣшнему, и въ рисункѣ и окраскѣ его замѣтенъ уже геральдическій отпечатокъ; (такъ напр. *вооруженія* орла имѣютъ особый цвѣтъ). Орелъ изображенъ здѣсь безъ сердцеваго щитка. (*Таб. К* ф. 7). Изъ другихъ дополненій государственнаго герба укажемъ еще на то, что съ вел. князя Василія Іоанновича главы орла стали изображаться съ открытыми клювами и съ выдающимися изъ послѣднихъ языками и что со временъ царя Михаила Ѳеодоровича въ лапахъ орла стали изображать иногда *скипетръ* и *державу*; (это, впрочемъ, не считалось существеннымъ даже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ).

Что же касается *всадника* въ Московскомъ гербѣ, помѣщаемомъ на груди орла, то въ изображеніи таковаго долгое время существовала неустойчивость: всадникъ, колющій змія, изображался въ различныхъ одѣяніяхъ, обращеннымъ чаще влѣво (геральдически), но иногда и вправо. Притомъ и самое значеніе его бывало еще тогда различное: такъ напр. онъ часто олицетворялъ самого великаго князя, или его наслѣдника [1]). Царь Алексѣй Михайловичъ, выписавъ изъ Австріи императорскаго герольдмейстера Лаврентія Хурелевича, поручилъ ему точнѣе формулировать русскій государственный гербъ. Въ 1667 г., для скрѣпленія мирнаго Андрусовскаго договора съ Польшею, сдѣлана была новая большая царская печать и вмѣстѣ съ тѣмъ издано узаконеніе, разъясняющее значеніе изображеннаго на ней государственнаго герба, которое мы уже приводили выше.

Такимъ образомъ мы видимъ, что государственная печать Московскихъ царей слагалась путемъ чисто историческимъ и *развилась въ гербъ* подъ западнымъ вліяніемъ.

Ознакомившись съ исторіей нашего государственнаго герба, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о развитіи у насъ понятія о *частномъ гербѣ*. Здѣсь мы также встрѣчаемъ первоначальную *сфрагистическую* эпоху, предшествовавшую *геральдической*. До насъ дошелъ длинный рядъ печатей намѣстниковъ, воеводъ, судей, писцовъ, губныхъ старостъ, городскихъ прикащиковъ и т. д., свидѣтельствующихъ объ употребленіи на офиціальныхъ актахъ по должности *личныхъ печатей* самыхъ разнообразныхъ изображеній. Въ этомъ числѣ мы встрѣчаемъ печати нѣсколькихъ Большихъ Дворецкихъ, т. е. начальниковъ Большаго Дворца, каковы напр. печати *боярина Никиты Романо-*

---

[1]) До самаго конца XVII вѣка изображеніе всадника въ гербѣ никогда не признавалось у насъ за изображеніе *св. Георгія*, но извѣстно было подъ простымъ названіемъ „*ѣздца*“ (ѣздока). *Лакіеръ* считаетъ вѣроятнымъ заимствованіе изображенія этого скачущаго всадника въ первоначальной его формѣ, т. е. съ занесенною въ рукѣ саблею, изъ Литовскаго герба „*Погони*“, съ которымъ онъ имѣетъ весьма много общаго. Этому заимствованію могъ способствовать бракъ в. к. Василія Дмитріевича на литовской княжнѣ Софіи Витовтовнѣ. См. *Русская Геральдика*, стр. 117—118. *Загоскинъ. Исторія права Московскаго государства*, стр. 201—202.

вича Юрьева (*Сборн. снимковъ древн. печат. Иванова* № 100. 1565 г.), князя *Ѳ. И. Хворостинина* (*ibid.* № 116—1576 г.), боярина *Григорія Вас. Годунова* (№№ 132, 143—1586—94 гг.), перешедшая по наслѣдству къ его брату, Степану Вас. *Годунову* (1605 г.)

Особое значеніе имѣли печати царскихъ пословъ при посольскихъ съѣздахъ съ иноземцами. Нѣкоторые документы при этомъ печатались частными печатями русскихъ дипломатовъ, высланныхъ на съѣздъ; печати эти, за полною произвольностью изображеній на нихъ, предварительно показывались государю. Такія печати мы видимъ напр. на договорной записи, заключенной со Шведами въ 1585 г. на посольскомъ съѣздѣ на р. Наровѣ; ихъ три, по числу пословъ. На печати князя Ѳедора Дмитріевича *Шестунова-Ярославскаго* изображенъ конный стрѣлецъ, съ подробною подписью вокругъ; на другой печати, думнаго дворянина Игнатія *Татищева* — изображеніе Самсона, раздирающаго пасть льва; наконецъ, на третьей, дьяка Петра *Тіукова*—ангелъ, ведущій за собою на цѣпи льва. (См. *Снимки древн. русск. печатей*, *изд. Комм. печ. грам. и договоровъ* №№ 87. 88. 86).

Замѣтимъ, что еще съ конца XVI-го вѣка представители нѣкоторыхъ княжескихъ нашихъ фамилій, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Польши, начинаютъ пользоваться печатями съ эмблемами геральдическаго типа. Какъ извѣстно, князь Андрей Михайловичъ *Курбскій-Ярославскій*, бѣжавшій отъ Іоанна Грознаго въ Литву, геральдизировалъ свою печать, которая утверждена была за его родомъ польскимъ королемъ: это такъ наз. гербъ *Левъ*, въ которомъ этотъ послѣдній изображенъ возстающимъ и обращеннымъ вправо, въ червленомъ полѣ [1]). Позднѣйшее объясненіе этого герба, данное въ XVII в. *Околискимъ*, едва ли можетъ считаться достовѣрнымъ, ибо, какъ мы видѣли, гербы литовскихъ и русскихъ княжескихъ фамилій вел. княжества литовскаго обыкновенно не давались вновь, а лишь утверждались за ними королями польскими. Но помимо этого примѣра, который

[1]) См. *Herbarz Rycerstwa Litéwskiego* — Kojalowicza, изд. *Пекосинскимъ*, стр. 144.

можетъ быть признанъ исключительнымъ, мы имѣемъ еще и другіе. Такъ напр., намъ извѣстно, что въ 1611 году князь Ѳедоръ Ивановичъ *Мстиславскій* пользовался печатью, рѣзанной для него, вѣроятно, какимъ-нибудь иностранцемъ, *по всѣмъ правиламъ геральдики*. Мы видимъ здѣсь въ гербовомъ щитѣ *короннованнаго льва*, а надъ щитомъ буквы: *F. D. G. D. M.*, обозначающія, по объясненію *Н. П. Лихачева*, что Мстиславскій былъ „*Dei gratia dux*“. Печать эта приложена къ отвѣтной грамотѣ, писанной отъ управлявшихъ государствомъ бояръ къ польскому королю Сигизмунду, въ январѣ 1611 г.[1]). Другая извѣстная намъ печать геральдическаго типа принадлежитъ знаменитому князю Дмитрію Михайловичу *Пожарскому-Стародубскому* и относится къ 1612 г. На ней мы видимъ геральдическій щитъ, въ видѣ картуша, съ изображеніемъ одноглаваго орла съ поднятыми крыльями, обращеннаго влѣво и клюющаго мертвую голову (*Снимки древн. русск. печатей*, изд. 1882 г. № 90). Такая печать имѣетъ совершенно случайный характеръ, не соотвѣтствуя знамени *Стародубскаго* княжества, изображавшему *старый дубъ*: эту послѣднюю эмблему мы встрѣчаемъ въ другой, позднѣйшей печати, князя Михаила Григорьевича *Ромодановскаго Стародубскаго*, 1689 г. (дубъ, подъ нимъ медвѣдь, влѣво идущій)[2]). Но подобныхъ, извѣстныхъ примѣровъ мы могли бы привести еще нѣсколько. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что выборъ эмблемъ на русскихъ печатяхъ XV—XVII вв. поражаетъ своимъ разнообразіемъ и часто полною неожиданностью; эмблемы эти имѣютъ въ большинствѣ своемъ случайный характеръ. Это объясняется тѣмъ, что печати Московской Руси не были гербами и не претендовали даже на такое значеніе.

„Въ то время, говоритъ нашъ ученый изслѣдователь

---

[1]) Напечат. въ *Собр. Госуд. грам. и договоровъ* ч. II. № 222. Любопытна также гербовая печать, приложенная къ свидѣтельству самозванца *Тимошки Акиндинова*, выдававшаго себя за сына царя Василія *Шуйскаго*, князя Ивана. Къ свидѣтельству этому, данному имъ въ Венеціи въ 1648 г., приложена печать съ изображеніемъ фантастическаго герба, заключающаго эмблемы: *пѣвца*, льва, креста, стрѣлы, звѣзды, лука и подсвѣчника. *Тамъ же* ч. III, *№ 132*.

[2]) *Ibid.* № 100.

Н. П. Лихачевъ [1]), какъ западная европейская сфрагистика *тѣсно сроднилась съ геральдикой* и выработала цѣлую систему правилъ о типахъ, формѣ, величинѣ печатей, русская сфрагистика не поддается систематизаціи. Мало того, въ этой сфрагистикѣ мы видимъ полное отсутствіе того консерватизма, того пристрастія къ старымъ формамъ, въ которыхъ такъ часто, (и нерѣдко произвольно), упрекаютъ до-Петровскую Русь. Московское правительство и его чиновники быстро забыли византійскія преданія, замѣтныя въ древнѣйшихъ печатяхъ. Въ частныхъ печатяхъ мы видимъ невозбранное привнесеніе всякихъ новшествъ. Старыя геммы и разные домашней работы птицы и звѣри свободно замѣнились гербовыми щитами съ произвольно взятыми эмблемами. Никакого сходства съ позднѣйшими гербами мы не замѣчаемъ: *дворянская геральдика искусственно сочинена была въ исходѣ XVII вѣка*, и знаменитѣйшіе дѣятели Московской Руси пользовались разнообразными печатями, не помышляя о родовыхъ гербахъ. Мало того, такіе роды, какъ напр. *князья Глинскіе*, какъ бы утрачиваютъ у насъ память о своемъ гербѣ".

Подобный отрицательный взглядъ на сфрагистическія основы русской геральдики находитъ себѣ вѣскую опору въ свидѣтельствѣ извѣстнаго *Котошихина*, въ его сочиненіи *о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича*. Свидѣтельство это для насъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что авторъ, бывъ за границею, уже имѣлъ точное и вѣрное понятіе о гербахъ и прямо различаетъ ихъ отъ печатей. „А кому царь, пишетъ онъ, похочетъ вновь дати боярство и окольничество и думное дворянство изъ стольниковъ и изъ дворянъ, или дворянина изъ дворовыхъ всякихъ чиновъ, или изъ военныхъ людей, и такимъ даетъ честь и службу, по своему разсмотрѣнію, кто въ какой чинъ и честь годенъ. А грамотъ и гербовъ на дворянство ихъ и на боярство никому не даетъ, *потому что гербовъ никакому человѣку изложити не могутъ*, да не токмо кому боярину, или иному человѣку не даются гербы, но и самъ царь гербомъ своимъ Московскимъ печатается на грамотахъ въ христіанскія государства не истиннымъ

[1]) *Дѣло о пріѣздѣ въ Москву А. Поссевина*, стр. 139 и слѣд.

своимъ прямымъ, а печатается своимъ истиннымъ гербомъ къ Крымскому хану и Калмыкамъ; также и у старыхъ родовъ князей и бояръ и у новыхъ, *истинныхъ своихъ печатей нѣтъ*, да не токмо у князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей Московскаго государства *гербовъ не бываетъ*; а когда лучится кому къ какимъ письмамъ, или посломъ къ посольскимъ дѣламъ, прикладывать печати, и они прикладываютъ, *какая у кого печать прилучилась, а не породная*". (Гл. II, ст. 12).

Нельзя впрочемъ вполнѣ согласиться съ вышеприведеннымъ взглядомъ *Лихачева*, что вся наша дворянская геральдика въ исходѣ XVII вѣка была *искусственно сочинена*. Послѣ того, какъ писалъ Котошихинъ, въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича распространеніе польскихъ обычаевъ у насъ замѣтно усилилось подъ вліяніемъ южно-русской книжности, а можетъ быть также и вслѣдствіе брака царя съ Агаѳіей Грушецкой, происходившей изъ польскаго шляхетства. Къ этому именно времени относится первое появленіе у насъ гербовъ, которые по большей части *заимствовались* тогда изъ *польскихъ* источниковъ, какъ напр. изъ „*Гербовника шляхетскаго, Польскаго и Литовскаго народа*", *Окольскаго,* изданнаго въ Краковѣ въ 1641 г. на латинскомъ языкѣ и появившагося тогда въ Посольскомъ приказѣ *для справокъ*. Подобное *заимствованіе польскихъ гербовъ*, какъ мы видѣли, было весьма распространено и въ Литвѣ, и южной Руси, и поэтому подражаніе таковому у насъ являлось весьма естественнымъ и ему недоставало только санкціи со стороны высшей власти. Въ это же время и наши родовитыя княжескія фамиліи, происходившія отъ удѣльныхъ князей, Рюриковичей, а также отъ Гедимина, стали употреблять на своихъ печатяхъ гербы, образовавшіеся изъ древнихъ княжескихъ *знаменъ*. Намъ извѣстно нѣсколько подобныхъ, вполнѣ геральдическихъ печатей частныхъ лицъ XVII вѣка, которыя заключаютъ эмблемы, дѣйствительно перешедшія затѣмъ въ наслѣдственные гербы тѣхъ же фамилій. Таковы напр. печати: князя Василія Васильевича *Голицына* 1684 г. (*погонь*, обращ. влѣво, въ польской стилизаціи); князя Аврама Никитича *Пріимкова-Ростовскаго* 1687—92 г. (въ щитѣ, увѣнч. княжескою шапкою, бѣгущій вправо *олень*); Алексѣя Пе-

тровича *Салтыкова* 1684 г. (въ щитѣ — *одноглавый орелъ*); Прокопія Богдановича *Возницына* 1688 г. (въ гербовомъ щитѣ, съ шлемомъ и намётомъ — *шествующій волъ*; послѣдній повторяется также и въ нашлемникѣ), и др.[1]). Мы встрѣчаемъ также въ это время гербы на нѣкоторыхъ цѣнныхъ предметахъ утвари, какъ напр. гербъ князей *Волконскихъ*, (съ датою 1696 г.) на серебряныхъ братинѣ и блюдѣ[2]) и т. под.

Учреждая герольдію, (по мысли барона *Гейзена*), Петръ Великій въ своемъ указѣ упоминаетъ о гербахъ, какъ о чемъ-то уже существующемъ у насъ. „Въ архивахъ нашихъ, говоритъ *Лакіеръ*, хранятся цѣлыя производства, возникшія тотчасъ послѣ уничтоженія мѣстничества и сожженія разрядовъ, при представленіи *выпзжими родами* доказательствъ о благородномъ происхожденіи, дававшемъ имъ право на внесеніе въ родословную книгу. Такимъ образомъ въ послѣдней четверти XVII вѣка учрежденіе гербовъ было уже въ ходу, дѣленія герба и лучшія геральдическія сочиненія были извѣстны и когда издавался указъ, чтобы *каждый благородный имплъ гербъ*, цѣль законодателя была, на оборотъ, ограничить излишнее число гербовъ и противозаконное употребленіе ихъ тѣми, которые не имѣли на это отличіе права. А въ 1722 г. Петръ Великій прямо говоритъ, что возводить въ дворянство и жаловать гербомъ и печатью можетъ одинъ только Государь. Тогда же установлена была имъ должность герольдмейстера. Есть положительные факты, которые подтверждаютъ мысль, прямо впрочемъ вытекающую изъ словъ указа, что Петръ Великій засталъ уже у насъ гербы“[3]).

Въ нашей геральдикѣ позднѣйшаго періода дворянскіе гербы дѣйствительно стали уже *сочиняться*, болѣе или менѣе удачно. Почтенная и талантливая попытка *Лакіера* установить при ихъ систематизаціи твердыя начала, основанныя *на происхожденіи* русскихъ дворянскихъ фамилій, не можетъ быть признана вполнѣ

---

[1]) См. *Снимки древнихъ русск. печатей*, изд. 1882 г. №№ 93, 98, 97, 99 и другіе.

[2]) См. *Художеств. Сокровища Россіи* 1905 г. вып. I, стр. 19.

[3]) Для изученія нашей геральдики *Петровскаго періода* имѣетъ важное значеніе рукописный *Гербовникъ Князева*, сохраняющійся въ библіотекѣ Казанскаго Университета.

удачною и примѣнимою. Если первоначально извѣстныя правила при выборѣ гербовыхъ эмблемъ и соблюдались, то впослѣдствіи таковыя были совершенно забыты, и гербы у насъ стали сочиняться совершенно произвольно и безо всякаго соблюденія геральдическаго стиля, представляя лишь продуктъ такъ наз. *канцелярской* геральдики. Къ таковой должны быть отнесены также въ большинствѣ случаевъ и сочиненные въ началѣ XVII столѣтія графомъ *Санти* (1727 г.) гербы городовъ, (за исключеніемъ лишь *древнихъ* городскихъ гербовъ, происшедшихъ отъ печатей). Задачею нашей русской геральдики въ будущемъ, по нашему мнѣнію, является по мѣрѣ возможности исправить допущенное безвкусіе и выработать въ нашихъ городскихъ и дворянскихъ гербахъ, при помощи художественной археологіи, болѣе свойственные ей типы фигуръ, согласуя ихъ, конечно, съ общепринятыми геральдическими правилами.

При составленіи же *новыхъ* гербовъ казалось бы возможнымъ и допустимымъ примѣнять у насъ въ таковыхъ иногда нѣкоторыя русскія эмблемы, (напр. *птицу—сирина*, *гамаюна*, *барса*, *китовраса*, различныя фигуры, заимствованныя изъ древнерусскаго военнаго и гражданскаго быта, и т. под.; наконецъ, нѣкоторыя священныя изображенія, столь употребительныя у насъ въ старину, въ древней стилизаціи). Это дало бы русской геральдикѣ свой оригинальный и притомъ болѣе объоснованный, *національный* отпечатокъ. Подобные типы фигуръ могли бы заимствоваться нашею геральдикой изъ русскихъ художественныхъ памятниковъ XVI и XVII-го столѣтій, т. е. изъ той эпохи, когда у насъ впервые стали вырабатываться геральдическія эмблемы. Другую характеристичную особенность нашей геральдики могло бы представить болѣе частое введеніе въ нее, въ видѣ гербовыхъ фигуръ, различныхъ *родовыхъ знаковъ* и *тамгъ* для признаваемыхъ въ дворянскомъ достоинствѣ фамилій *монгольскаго* происхожденія, а также *кавказскихъ* и другихъ инородческихъ родовъ, какъ мы видимъ это напр. въ гербѣ киргизскихъ князей *Чингисовъ* [1]).

---

[1]) Даемъ описаніе этого герба, Высочайше утвержденнаго въ 1873 году: щитъ раздѣленъ на три части перпендикуляромъ. Въ первой части *(главѣ)*, въ

Въ заключеніе нашихъ лекцій не излишнимъ будетъ привести взглядъ одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ геральдистовъ, *Сакена* на задачи современной геральдики.

Гербы, вполнѣ удовлетворяющіе основнымъ правиламъ геральдики, говоритъ онъ, встрѣчаются въ настоящее время весьма рѣдко; въ большинствѣ же ихъ замѣчается отсутствіе вкуса эпохи *Рококо* и недостатокъ стиля послѣдующаго времени. Если же геральдика должна соотвѣтствовать своимъ существеннымъ задачамъ и особенностямъ, то ей слѣдуетъ возвратиться къ основнымъ положеніямъ и законамъ и на этихъ историческихъ ея основахъ вырабатывать геральдическое искусство въ духѣ лучшей эпохи его процвѣтанія.

Для достиженія этого слѣдуетъ, чтобы научное изученіе гербовъ —*гербовѣдѣніе* и *геральдическое искусство* въ точнѣйшемъ его смыслѣ—шли рука объ руку. Первое должно разрабатывать законы и положенія, раздѣлять существенное въ гербахъ отъ произвольныхъ придатковъ и выяснять такимъ образомъ истинное значеніе и смыслъ геральдики. Съ этою цѣлью гербовѣдѣніе излагаетъ исторію развитія геральдическаго искусства и указываетъ на значеніе фигуръ и ихъ отношеніе къ жизни. Такимъ образомъ наука даетъ художнику матеріалъ въ руки; ему же предоставляется задача усвоить идею и истинный стиль изображенія и, вдохновившись ею, создать вполнѣ геральдическій и правильный рисунокъ герба.

черномъ полѣ—лукъ и стрѣлы, какъ оружіе, обычное у Киргизовъ; во второй (правой нижней) въ лазоревомъ полѣ—серебряный знакъ (⨯) *тамга Чингизъ-хана*, указывающая происхожденіе княжескаго рода отъ этого завоевателя; а въ третьей части (лѣвой нижней) въ красномъ полѣ—*тамга Букеева рода* (ⲙ) золотая. Щитодержатели—воины въ восточномъ вооруженіи.

Приложеніе.

1656 г. Роспись печатямъ Сибирскихъ городовъ съ описаніемъ ихъ гербовъ.

Роспись Государевымъ Царевымъ и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, печатемъ, какова въ которомъ городѣ или остроги и что на которой печати вырѣзано.

На Тобольской, два соболя, межъ ими стрѣла, а около печати вырѣзано: „печать царства Сибирского города Тоболска“.

На Верхотурской, соболь подъ деревомъ, а около вырѣзано: „печать земли Сибирскіе города Верхотурья“.

На Березовской, соболь же да стрѣла, а около вырѣзано: „печать земли Сибирскіе Березова города“.

На Обдорской, что на Собскомъ устьѣ, лисица держитъ стрѣлу, а около вырѣзано: „печать Государева, Сибирскіе земли Собского устья“.

На Мангазейской, олень, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Мангазѣйскаго города“.

На Тарской, лисица, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Тарского города“.

На Тюменской, лисица да бобръ, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Тюменского города“.

На Тюринской, россомаха, а около вырѣзано. „печать Государева, земли Сибирскіе Туринского острогу“.

На Пелымской, лось, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Пелымского города“.

На Сургутцкой, двѣ лисицы, а межъ ими соболь, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Сургуцкого города“.

Въ Томскомъ разрядѣ.

На Томской, коруна, а около вырѣзано: „печать Государева, Томского города“.

На Енисѣйской, два соболя, межъ ими стрѣла, а подъ ними лукъ внизъ тетивою, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Енисѣйскаго острогу“.

На Кетцкой, рысь, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Кетцкого острогу“.

На Нарымской, бѣлка да горностай, межъ ими стрѣла, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Нарымского острогу“.

На Красноярской, инрогъ, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Красноярского острогу“.

На Кузнецкой, волкъ, а около вырѣзано: „печать Государева, земли Сибирскіе Кузнецкого острогу“.

На великой рѣкѣ Ленѣ печать, орелъ поймалъ соболя, а около вырѣзано: „печать Государева Новые Сибирскіе земли, что на великой рѣкѣ Ленѣ“.

На Ленской таможенной, барсъ изымалъ соболя, а около вырѣзано: „печать Сибирского Государьства великія рѣки Лены, таможенная“.

Дополненіе.

(Описаніе фигуръ 1 и 3 на таб. I).

1. *Австрійскій герольдъ* временъ императоровъ Фердинанда II (1578—1637) и Леопольда I (1658—1705). Костюмъ его составляетъ длинная черная одежда съ широкими рукавами, усаженная спереди, сверху до низу, пуговицами, съ петлицами. Сверхъ нея епанча, доходящая до колѣнъ, тоже шелковая, сшитая изъ двухъ половинъ: *правая* (геральдически) изъ краснаго шелка съ поперечнымъ поясомъ изъ серебряной парчи (*гербъ Австріи*), а *лѣвая*—синяя съ золотыми одноглавыми орлами, расположенными по два (*гербъ Лотарингіи*). Шляпа треугольная, съ бѣлыми и красными перьями; на ногахъ—башмаки съ пряжками и въ правой рукѣ герольда серебряный скипетръ, увѣнчанный золотымъ орломъ на шарѣ.

3. *Герольдъ герцогства Гельдернъ* (въ Голландіи). Костюмъ его голубой, на немъ обращенный вправо золотой левъ, съ красною короною на головѣ; такіе же львы и на рукавахъ костюма.

(*Bernd. Wappenwissenschaft* II. p. 17).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
10	7 сверху	незапапамятныхъ	незапамятныхъ
15	6 „	геральдическіе	геральдическія
20	12 „	боевыя	боевые
29	8 снизу	чудныя	чудные
63	9 сверху	Карломъ I	Карломъ V
64	16 снизу	превилегіи	привилегіи
113	4 „	*Berud*	*Bernd*
123	8 „	*esmolds*	*esmaldas*
132	10 снизу	*Зимбахера*	*Зибмахера*
142	1 „	геральдики;	геральдики,
163	5 сверху	именно	именно
164	10 снизу	красныя	красные
„	11 „	голубыя	голубые
166	1 „ (*примѣчаніе*)	Таб. Д.	Таб. Д.фиг. 119—121.
181	19 сверху	герба..ъ	гербахъ
196	1 „	См. Табл.	См. Таб. *К.* ф 6.
199	6 „	озображаемы	изображаемы
229	1 снизу	отовл изгенною	изготовленною
241	17 сверху	Виртемберга	Вюртемберга
242	17 „	существовавшего	существовавшаго

Библиотека ООН
Дирекция Наук